

Константин Скрипкин

ЖИВИ

Введение

4

Глава 1

4

Глава 2

5

Часть 1

9

Глава 1

9

Глава 2

12

Всякая всячина

16

Глава 3

31

Чартер

33

Глава 4

59

Динозаврище

61

Глава 5

84

Насильно отправленный

84

Глава 6

98

Про любовь

100

Глава 7

104

На Родине

105

Глава 8

146

Дела наши грешные

148

Глава 9

156
Слабости человеческие

157
Глава 10

179
Глава 11

179
Васькина любовь

187
Глава 11

230

Введение

Глава 1

Сосуды, через которые сердечная мышца снабжается кровью, называют коронарными артериями. Они нужны только для самого сердца - это тоненькие, извилистые, чуть покрытые желтоватым жирком, красные трубочки, немного похожие на дождевых червяков, выползающих из сердечных внутренностей вверху и снова заползающих туда в нижней части. Когда один из таких сосудов закупоривается, или хотя бы теряет свою проводимость на три четверти, то с сердцем происходит то же самое, что происходит с рукой или с ногой, которую мы отлежали - оно постепенно затекает, немеет, перестает слушаться. В случае с рукой мы меняем позу, начинаем разминать затекшую часть тела, осторожно шевелим ею, морщась от бесчисленных внутренних укольников.

Сердце затекает точно так же, как рука или нога. При резком падении кровотока в коронарных артериях, сердечная мышца немеет, понемногу сбивается с ритма, удары делаются слабее, потом еще слабее... все меньше клеток сердечной мышцы могут полноценно работать. Приходит сильная загрудинная боль, которая не снимается таблеткой нитроглицерина, она подступает волнами, минутами отпуская, как бы откатываясь назад, давая вздохнуть. Некоторым людям, кажется, что эта боль связана не с сердцем, а с дыханием, например, и они вообще не думают об инфаркте. А инфаркт уже вот он – самый настоящий инфаркт, он в разгаре, так как клетки сердечной мышцы продолжают умирать. Стараясь во что бы то ни стало выполнять свою работу, сердце пытается компенсировать падающую силу ударов, частотой сокращений, минутами, оно начинает чаще сжиматься, или лучше сказать, трепещет, как умирающая птица. Эти отчаянные усилия ни к чему не приводят, кровь все слабее разгоняется по организму, падает давление, появляется слабость, темнеет в глазах, холодный пот выступает на лбу. Если сорок процентов сердечных тканей перестают выполнять свою работу, наступает кардиогенный шок. В ту же минуту сильнейшая боль, во много раз превышающая предыдущую, валит человека с ног, возвращаясь всё усиливающимися волнами, она за несколько секунд вышвыривает его из сознания.

Некоторые люди не чувствуют свою боль так сильно, иногда - просто жжение, сдавливание в груди, вместе с перебоями в сердце появляется ломота в зубах, пульсирующее ощущение переполненности в голове, темнеет в глазах, состояние минута к минуте усиливается вместо того, чтобы закончиться само собой, и неизбежный страх смерти постепенно захватывает всё человеческое существо. Тревога и страх появляются еще и оттого, что организм, пытаясь заставить сердце работать, выбрасывает в кровь максимальное количество адреналина. Начинают дрожать мышцы, появляется тошнота, иногда

рвота, моча перестает удерживаться в мочевом пузыре и выливается наружу, но на это часто уже не обращают внимания.

Какое то время, подчиняясь последним усилиям немеющего сердца, кровь продолжает двигаться по венам и артериям, мозг еще живет, и человек, оставаясь в сознании, с ужасом осознает, что начинает задыхаться. Он жадно, с максимальной амплитудой раздувает меха грудной клетки, пот градом катится со лба, глаза с расширившимися зрачками ухватывают случайные куски окружающего мира, взгляд метается по пространству все менее и менее осмысленно, человек очень старается не умереть, он весь концентрируется в одном этом желании, все другое, даже возможность позвать кого-то на помощь, перестает существовать. Но... титанические, сверхъестественные усилия по захватыванию воздуха дают телу все меньше и меньше кислорода – кровь уже почти не циркулирует. Еще несколько минут и в груди что-то начинает булькать, так, как будто внутрь попала вода. Приступы тяжелейшего кашля, обрушиваются на задыхающегося, он видит кровавую пену – это, подчиняясь правилам отека, межклеточная жидкость проникает в легкие изнутри, заполняя их все больше и больше. Каждая клетка мозга отчаянно сигнализирует о нехватке кислорода, но его не прибавляется. Еще через несколько минут человек, испытавший весь ужас беспомощности перед лицом своего собственного умирания, выключается. Он уплывает в мир галлюцинаций, а процесс наступления смерти идет дальше уже без сознания. Кто-то чувствует себя под водой с камнем на шее, кто-то видит картины из прошлого. Умирание продолжается, и какое то время еще проходит до наступления агонии. Иногда, когда по физиологическим признакам человек почти уже умер, когда все процессы в организме замедлились до предела и до полной остановки жизни осталось всего пол шажочка, когда по всем приборам человек находится в глубочайшей коме и состояние его продолжает ухудшаться, он на одну две минуты приходит в себя и даже говорит, что ему стало лучше, что, слава Богу, приступ прошел. А бывает наоборот - если умирающий не чувствовал своей боли до этого, то в те самые последние минуты, перед наступлением конца она возвращается к нему во всей реальной безжалостности.

Можно подумать, что прежде чем умереть, человек всегда чувствует свою настоящую боль.

Глава 2

Всю жизнь я собирал вещицы из предыдущих эпох, зачастую отстоящих от нашей на многие сотни и тысячи лет. Я всегда покупал то, что меня интересовало, вместо того чтоб потратить деньги на нечто полезное или выгодное для моей семьи. Укрывшись от всех, я бережно, не торопясь, расставлял по полкам свои драгоценности, трогал их руками, гладил, почти

ласкал! Я часами любовался моими сокровищами, не замечая, как проходит время, мысленно разговаривал с ними, и это не было монологом. Да!... Да! Они отвечали мне! Я не хочу сказать, что слышал потусторонние голоса. Никто кроме меня самого не мог отвечать на вопросы, мною же задаваемые, но я не сам себе отвечал, а отвечал, как бы отождествляясь с предметом.

Легко было войти в образ золотой рукояти скифского меча - это была одна из любимейших моих вещей, почтеннейшего возраста в две с половиной тысячи лет! Ее бронзовое, мощное когда-то лезвие почти истлело, а сама она сохранилась лишь благодаря высокому качеству благородного металла, из которого была сделана греками для одного из скифских правителей. Эта рукоять повидала всякого на своем веку: она были предметом глубочайшего, почти религиозного восхищения, и одновременно источником страха перед неотвратимой смертью. Сколько безвинных душ покинуло свои тела по ее прихоти? А скольких злодеев она остановила, не дав им совершить их злодеяния? Ее решения никем и никогда не оспаривались, но пришло время, и она во всем блеске своего великолепия последовала в многовековое заточение вслед за своим хозяином. Лежа во тьме его усыпальницы, окруженная червями, пауками и всей той дрянью, которая не может не обитать в человеческой могиле, она могла и, наверное, должна была многое понять в устройстве мира людей, обдумывая и переосмысливая загадочную суть своего земного существования. Становясь на несколько минут этим предметом, наделяя его способностью помнить и размышлять, я иногда натыкался на совершенно новые, неожиданные и оригинальные для себя мысли, как будто дух древней вещи действительно вкладывал слова в мою голову.

Из-за привязанности к моим безмолвным друзьям и собеседникам я заслужил у близких репутацию не вполне нормального человека. Моей жене, детям и прочим родственникам было совершенно непонятно, почему вместо яхты, на которой мы могли бы отдыхать всей семьей, я купил мутное бронзовое зеркало и какую-то старую лохань, пусть даже сделанную из золота. Как мне было объяснить им, что много лет назад одна из самых прекрасных и влиятельных женщин своего времени держала эти предметы в спальне - в недоступном ни для кого чертоге, где ее женское сердце, сжатое правилами, приличиями и условностями царского двора, металось между любовью и страхом, возжелением и политикой! Моя душа замирала от нежнейшего обожания, и я испытывал фетишистское наслаждение, представляя, какие секреты могла поверять дочь великого правителя этому начищенному тогда до блеска бронзовому диску. Что могло видеть лежащее передо мною зеркало в те утренние и вечерние часы, когда безмолвные рабыни омывали ее тело от обычной человеческой грязи, набирая воду из той самой золотой чаши, которая сейчас в виде измятой лохани покоится в витрине моего домашнего музея? Этим вещцам было что рассказать! Или я сам все придумывал, как считают многие? Не стану спорить. Я готов уступить любому мнению.

Возможно, я искал свои драгоценные древности с такой бесконечной надеждой и с такой маниакальной настойчивостью из-за того, что самую главную ценность в моей настоящей, современной и земной жизни я не

рассмотрел, упустил сквозь пальцы, и ветер раздул ее, как мелкий песок, так что я даже и не заметил, когда это произошло.

Так я провел жизнь в попытках хоть чем-то компенсировать свою потерю, найти так и не обретенное счастье, в безнадежном поиске сам не знаю чего. Говорят, что я измучил и восстановил против себя собственную семью; наверное, это так - со стороны виднее, что происходит между близкими родственниками. Я очень старался не стать занудой или пугалом для сына и дочери, понимая, что им достался не самый лучший отец, не мне судить, как это получилось.

Где-то я слышал или читал, что для хорошего воспитания детей, для того, чтобы они в своей жизни имели возможность стать счастливыми, их мать должна быть счастлива со своим мужем – их отцом. Наверное, это правильно. Но что делать, если счастье матери и счастье отца так далеко друг от друга, что их невозможно совместить ни при каких обстоятельствах? Я за свою жизнь так и не нашел ответа на этот вопрос.

Причиной моей смерти стал сахарный диабет. Это заболевание имеет интереснейший механизм развития, наполненный, кроме всего прочего удивительной символикой. Я не чувствовал абсолютно ничего тревожащего до последнего момента, хотя на протяжении трех последних лет количество инсулина, вырабатывавшегося моей поджелудочной железой сокращалось, а рецепторы клеток, определенных для снабжения человека глюкозой, все больше и больше теряли свою пропускную способность из-за накапливавшегося во мне жира. Обычного человеческого жира, состоящего из банальных липидных кислот! Я как мог боролся с лишним весом, но борьба была неравной, и аппетит все равно побеждал. Когда живешь один, зная, что ты никому не нужен, как не побаловать себя чем-нибудь вкусеньким? Я даже нравился самому себе – такой осанистый и внушительный человечище! Всё объяснялось весьма несложно, мой аппетит, оказывается и возникал только потому, что клетка не получала жизненно важного для нее питательного вещества – глюкозы, просто не будучи в состоянии извлечь ее из крови, где все нужные компоненты находились в достаточном количестве, а сахар даже в чрезвычайном избытке. Моя нервная система голодала и требовала еды все больше и больше, при том, что организм был переполнен питательными веществами, но жир не давая захватить их из крови и направить в голодающие клетки, продолжал откладываться везде, где только мог.

Не правда ли похоже на отношения между людьми? По крайней мере, у меня всегда было именно так - моя жена и дети утверждали, что я безжалостно отказывался от их нежных чувств и участия в моей жизни, а мне казалось, что они ничего этого мне не давали и никогда не пытались давать, исключая, наверное, то время, когда дети были совсем маленькими. Тогда любовь разливалась от них во все стороны весело, бескорыстно и искренне, и еще можно было понежиться в ее лучах. Когда они стали взрослыми, я почему-то перестал это чувствовать. Что произошло с нами на самом деле? Я ли не умел или не хотел взять, то что дети и жена всю жизнь заботливо сохраняли для меня, или они только делали вид, что готовы поделиться своей нежностью, и каждый раз, протягивая к ней руки и не находя ничего, я растерянно оказывался с

пустотой в сердце? Теперь трудно ответить на этот вопрос, но по аналогии с болезнью от которой я умер, можно предположить, что присутствовало и то и другое - они хотели поделиться со мной своими нежными чувствами, и я крайне нуждался в них, но чего-то не хватало для того, чтобы состоялся этот животворящий процесс, и наша жизнь насытилась, наконец, любовью и радостью. Что-то не пускало нас друг к другу, препятствовало взаимной расположенности, бесстрашной открытости наших сердец, при которой только и можно наполнить друг-друга тем великолепным состоянием души, что и называется счастье.

Люди из-за дефицита глюкозы в клетках становятся вялыми, бездеятельными и не в полной мере оценивают тяжесть своего состояния – так говорят врачи. А избыточный, неизрасходованный сахар в крови медленно, но неотвратно делает свое дело – он связывается с белком и оседает на стенках кровеносных сосудов, появляются взбухания стенок, повышающие и без того прыгающее артериальное давление, глюкоза откладывается в стекловидном теле – падает острота зрения, всевозможные бактерии, в том числе и губительные для человека, прекрасно живут и размножаются в среде с повышенным содержанием сахара, как следствие - плохо заживают любые ранки, везде, где только можно возникают воспаления, почему-то теряется чувствительность ног, и можно получить ожог, если посидеть у камина, протянув ноги к огню, и потом не очень то заботиться о лечении, поскольку язвы от ожога практически не беспокоят. Кончается все в разных случаях по-разному: может развиваться отек мозга или отек легких, случиться инфаркт, инсульт, при таком течении болезни человек может умереть от любой внезапной инфекции. Чаще всего многие малоприятные вещи наслаиваются одна на другую, одно другим провоцируется и осложняется.

Я замечал, что время от времени у меня чуть немеет верхняя губа, иногда даже казалось, что правая половина лица теряет чувствительность. Я садился и старательно массируя эти места – постепенно онемение проходило, казалось, я научился с этим справляться. В свои семьдесят пять я был юношески самонадеян, поскольку, сам того не подозревая, имел дело с симптомами нарушения мозгового кровообращения, которые частенько идут с сахарным диабетом рука об руку. Это было уже начало самого настоящего и зримого конца – кровь поступала в мой мозг с перебоями, где-то рвались капилляры, и образовывались крошечные, пока еще не называемые инсультами гематомки, а я по-прежнему ни о чем и не догадывался. Каждую секунду любой из моих изуродованных склерозом сосудов мог, и даже должен был разорваться. Вопрос был только в том, где это произойдет быстрее – в сердце, или в голове.

Произошло в сердце.

Моего отца не стало 29 мая 2043 года. Последнее четыре года он, сохраняя свою репутацию странного, взбалмошного и непредсказуемого человека, изволил жить один в глухой, полузаброшенной деревушке, где жителей было всего человек двадцать, продукты привозил гуманитарный автофургончик, а единственный работающий телефон появился с его приездом. Хотя этот телефон вряд ли можно было назвать полноценным средством связи, так как папа вовсе не считал нужным брать трубку, если ему звонили. Похоже, он просто поставил громкость звонка на нулевую отметку и демонстративно не замечал попыток потревожить его покой. Сам он звонил только маме, и то в случае крайней необходимости. Мы были уверены, что его общение ограничивалось тремя огромными собаками, которые жили у него в доме, спали где им вздумается, и, даже беззастенчиво питались из оставленных на столе отцовских тарелок. Мама очень боялась, что он так и умрет там один и будет лежать в своем холодном деревенском доме мертвый, а собаки будут бегать по его телу, а может даже сожрут сам его труп. Несколько раз мама упрашивала Ленку, мою младшую сестру, съездить в деревню к отцу и уговорить его вернуться домой, или хотя бы условиться с кем-то из соседей, чтобы за ним присматривали, и чуть что заподозрят - немедленно звонили нам. Отец игнорировал все мольбы женской части нашей семьи, и каждый раз безжалостно отказывался ехать, не соблазняясь даже знакомством с внуками. Надеясь пробудить к жизни папины теплые чувства, Ленка как-то привезла ему крошечного нефритового крокодильчика – подарок от ее старшей дочери, которая еще помнила своего дедушку, часто о нем спрашивала и передавала приветы. Но этот трогательный детский подарок так и остался без внимания. Ребенку, конечно, сказали, что дедушке очень понравился крокодильчик, что он передавал приветы и поцелуи, а на самом деле ничего такого не было. Вместо этого мой отец заявил своей дочери, что все мировоззренческие выводы он успел сделать, наблюдая за своими детьми, и пусть внуками, равно как и правнуками интересуются их собственные родители. Крокодильчика он велел поставить на камин, даже не посмотрев на него.

Соседи отца, люди, как Ленке показалось, основательно пьющие, обещали беспрекословно выполнять все поручения, но ни одному из них она не решилась оставить средство коммуникации из опасения, что любое техническое устройство, попавшее в руки к этим простым и бесхитростным людям, будет немедленно пропито. Ленку ужаснуло то, что речь отцовских соседей была совершенно редуцирована. Эти люди - наши современники, живущие в середине двадцать первого века, практически утратили навыки членораздельного выражения своих мыслей. Они только бессмысленно

улыбались, дружелюбно мычали на разные лады и часто-часто кивали головой, норовя при этом подобострастно схватить ее за руку.

Сложность миссии моей почтительной к родителям и не злопамятной младшей сестры заключалась не только в том, чтоб найти агента среди местного населения. Само расположение отцовского дома делало задачу наблюдения за ним трудноосуществимой. По всей видимости, он хотел, чтобы его жилище напоминало пристанище затворившегося от мира философа, и построил его на небольшом островке, живописно открывающемся за одним из поворотов широкой и спокойной речки Прони. Островок был совсем маленьким, буквально тридцать шагов в диаметре. По распоряжению отца остров подняли на несколько метров над водой, забетонировали берега, облагородили их диким камнем, сделав неприступными, по крайней мере, для обычных прогулочных лодочек и катеров. На левый берег Прони, где, собственно говоря, и находилась деревня, отец перекинул фундаментальный арочный мост, выполненный в духе средневековых фантазий и украшенный декоративными башенками. Мост запирался массивными металлическими воротами, на ночь туда выпускались собаки. Конструкция моста, кстати, позволяла проезд по нему папиного автомобиля.

Домик, как обычно, не был образцом скромности – каменный, двухэтажный, с каминным залом и мансардой. При этом, необходимо заметить, что весь ансамбль весьма гармонично вписывался в местный ландшафт. Только мост казался громоздким.

Для всех нас было загадкой, чем можно заниматься, живя в окружении трех полудиких псов и не поддерживая никаких связей с цивилизацией. Мама предполагала, что он сам себя заточил в наказание за несправедную и бесцельно прожитую жизнь. Я не вполне разделял это мнение – вовсе не было в характере моего родителя было за что-то себя наказывать. Вот сделать вид, продемонстрировать нечто, дабы все подумали о нем с уважением и решили, что он стал у нас просветленным, праведным и наимудрейшим старцем-отшельником - это в его стиле! Я бы не удивился, если бы он заранее договорился с церковными иерархами, чтобы его при жизни канонизировали. Но, к счастью, об этом мы никакой информации не получали.

Умер отец в семьдесят пять лет, не старым еще человеком, можно сказать, по случайности. Дело в том, что при последних медицинских обследованиях, которым он до своей добровольной ссылки регулярно подвергался в дорогих московских клиниках, ему среди прочих малоопасных диагнозов, поставили весьма обычную в его возрасте стенокардию. После этого отец стал тревожиться за свое сердце. Сахарного диабета у него почему-то не нашли, а может он проявился уже в деревне... Так или иначе, он принял приступ сахарного диабета за сердечный и сам себе сделал инъекцию, содержащую глюкозу. Совершенно непонятно, почему он колол себе глюкозу, располагая современными сердечными препаратами, и имея возможность, в конце концов, сделать один звонок по телефону и через короткое время быть в клинике. Мама говорила, что он побаивался лекарств, действие которых не понимал, а глюкозу считал безвредным поддерживающим средством, и время от времени себе ее покалывал, утверждая, что чувствует

себя после инъекции намного лучше. Его расчет мог оказаться совершенно верным, если бы не сахарный диабет. Думаю, инъекция вызвала диабетическую кому и через несколько часов отца не стало. Мы узнали об этом от совершенно незнакомой нам женщины, которая позвонила маме, когда отец был еще жив. Мама немедленно подняла всех на ноги - через двадцать минут вертолет экстренной медицинской помощи уже приземлился возле папиного убежища.

Одна из лучших реанимационных бригад города работала сто восемнадцать минут, но вернуть его к жизни не удалось. Потом врач рассказал мне, что бывали случаи, когда он вытаскивал с того света клиентов даже посложнее моего родителя, но здесь не получилось. И не потому, что чего-то не хватало из оборудования, препаратов или он делал что-то не так. Врач считал, что человека почти всегда удается спасти, если он сам помогает реаниматорам и хочет жить, а если нет – сделать уже ничего не возможно. Я не совсем понял, что он имел в виду, и как может помогать и чего-то хотеть находящийся в коме человек. Доктор ответил, что он не может этого объяснить, но всегда чувствует помощь или сопротивление своего пациента, даже если тот находится в глубоком забытии.

Мы с мамой и Ленкой подъехали, пока бригада еще работала. Они что-то делали в отцовской спальне, откуда доносились звуки вскрываемых пластиковых пакетов. Слышно было, как пустые ампулы падали в тазик, «на всякий случай» стоявший под отцовской кроватью, раздавались резкие, односложные распоряжения, кто-то снова и снова громко и размерено считал до пяти. Этот голос, считавший до пяти, давал всем нам надежду, мы понимали, что врачи продолжают бороться...

Мама решила поставить чай, и мы все вместе пошли на отцовскую кухню, не предполагая присутствия в доме кого-нибудь кроме нас, но там у раскрытого окна, выходящего на реку, тихонько стояла незнакомая мне женщина, которая, судя по ее одежде, едва заметному аромату духов и маникюру на тонких ухоженных пальцах явно не была местной жительницей. Точнее, она могла жить здесь только в одном доме – в отцовском. Женщина стояла у окна, не зажигая света, и неподвижно смотрела на реку, по которой поднявшийся к вечеру ветерок гнал маленькие, но настоящие волны, разбиравшиеся о бетонное основание отцовского дома, бывшее когда-то крошечным островом, а возможно, и просто отмелью на реке. Я хотел зажечь свет, мама остановила меня, покачав пальцем, совсем как в детстве. Затем она подошла к женщине у окна, положила ей руку на плечо, та медленно обернулась...

По виду она была не старше сорока пяти лет. Мне показалось, что они с моей сестрой даже чем-то внешне похожи. Хотя все спортивные, следящие за собой и за веяниями моды, женщины чем-то похожи. Незнакомка, не говоря ни слова, смотрела на маму. В ее огромных, наполненных слезами и отчаяньем глазах была мольба, она умоляла мою мать, как будто та могла что-то сделать, и нужно было лишь одно ее желание... Около минуты они молча смотрели друг на друга, потом мама отвела взгляд, а незнакомая женщина медленно опустилась на стул и, отвернувшись к окну, тихо заплакала. Ее плечи вздрагивали, она медленно качала головой из стороны

в сторону, как будто не соглашаясь с чем то ... Мама тихонько положила руки ей на плечи, и молча стояла у нее за спиной. Не понимая, что нужно делать, я повернулся к Ленке, та тоже тихо плакала, глядя в пол и ежесекундно вытирая нос уже отсыревшим бумажным платочком. Я вышел из кухни, сел в каминном зале и стал слушать счет: «Один, два, три, четыре, пять», секундная пауза и снова: «Один, два три четыре, пять»... Не знаю, сколько прошло времени, до момента, когда я очнулся оттого, что считать перестали...

Через несколько минут все в доме переменялось фактом уже свершившейся смерти. Моя мать, нетвердыми шагами первая вошла в спальню, остановилась на секунду, и не говоря ни слова, медленно осела на пол, а потом завалилась набок и распласталась на полу возле кровати отца. Она разрыдалась, нет... она завывала, и я не решился войти вслед за ней, не в состоянии представить, что так ужасно может кричать моя всегда безупречная мама! Именно тогда доктор отдал мне нефритового крокодильчика. Отец зачем то взял его, очевидно, еще перед приступом, и сжимал в кулаке пока врачи пытались вытащить его с того света. Когда папа умер, его рука разжалась, и крокодильчик упал. Я молча положил в карман эту детскую игрушку, мне было немного неловко, потому, что ни одной слезинки так и не появилось тогда на моих глазах.

Глава 2

Всю жизнь отцу было не до меня. И не только я был для него малозаметным жизненным обстоятельством, но и моя родная сестра – его дочь, и конечно, наша мама. Все мы были глубоко безразличны этому человеку. Живя, или не живя с нами в одном доме, он никогда не присутствовал в моей жизни как отец. Его юность и мое рождение прились на революционные девяностые годы прошлого века, а начало нашего столетия - время о котором я уже хоть что-то помню, он встретил, будучи уже, по меркам тех времен, более или менее состоявшимся человеком. По крайней мере, сам он так считал.

У нас был дом за городом и неплохой достаток. Хотя маму, сколько я себя помню, отец постоянно ограничивал в средствах и зло выговаривал ей всякий раз, когда в конце месяца не хватало денег на ведение домашнего хозяйства. Иногда, расщедрившись, он бросал маме некую сумму, которую приказывал потратить на ее гардероб. Это выглядело очень унижительно, как будто мама была совсем замарашкой, и отцу приходилось

субсидировать ее покупки чтобы она не позорила своим видом его великолепное величие. Мама вежливо благодарила и тратила эти деньги на нас с сестренкой. Себе она редко что-либо покупала, всегда стесняясь этого.

Моя милая, добрая мама. Если бы не она, жизнь в нашем доме была бы совершеннейшим кошмаром. Отец частенько сетовал, что он - такой мягкий, добрый и неконфликтный человек, позволяет всем домашним пользоваться его безотказностью, а мама мало того, что никогда не работала и жизни толком не знает, она еще бестолковая и неповоротливая, положиться на нее нельзя – все всегда она забывает и проваливает все поручения, а если не проваливает, то делает все втрое медленнее, и лучше уж никак не делать, чем делать так бесталанно. Этот беспрерывный нудеж и его кислая физиономия – одно из самых устойчивых впечатлений моего детства, но было кое-что и посерьезнее. Иногда, подкопив ярости, он начинал безобразно орать, а иногда, не орать, а шипеть, стискивая зубы и перекашивая лицо безобразной, фонтанирующей ненавистью. Это было действительно страшно, тем более, что возникало это его состояние практически без всякого повода. В таком припадке он мог схватить меня за руку и больно дернуть или начать со всей силы колотить по стене кулаком. Папа, обычно сдержанный в выражениях, ругался площадными словами, изо рта у него летели брызги, зубы скрипели, казалось, он готов был убить... Меня он доводил этими припадками до слез, и когда я, здоровый уже двенадцатилетний парень, начинал судорожно всхлипывать, он, поорав еще немного по инерции, удовлетворенно подводил итог, заявляя, что это я сам, оказывается, своим безобразным поведением и разрушительным отношением к собственной жизни, заставляю его так некрасиво себя вести.

Мне приходилось всегда соглашаться с любимыми его словами, я только говорил, втягивая слезы и судорожно дыша: «Да, папочка... да папочка...». Бывало, что и маме тоже доставалось. Мы этого обычно не видели – отец считал, что детей не нужно травмировать семейными сценами. Но нельзя было не замечать маминых несчастных, заплаканных глаз, не чувствовать ее бесконечной боли и одиночества. Ей было очень-очень тяжело. Не только от того, что все происходившее в нашей семье часто было невыносимо, а еще и потому, что она любила его. Наверное, она знала о нем что-то такое, чего не знали мы – дети, или помнила его таким человеком, которого не возможно было разлюбить, даже если то, что она любила, давно умерло, и превратилось в ходячий труп, исторгающий зловоние. Она всю жизнь надеялась, что тот, кого она любила, оживет, вернется, и у нас в семье снова станет хорошо. Даже когда он бросил ее, она никого себе не нашла. Впрочем, возможно, отец все сделал так, чтоб это стало для мамы невозможным. Например, дал ей понять, что если она снова выйдет замуж, то она, или мы – ее дети, останемся без его денег. Мама всегда делала то, что он ей говорил. Она послушно привозила нас к отцу на выходные, а сама уезжала обратно домой, чтоб не видеть, как очередная отцовская пассия, делая вид, что хорошо с нами ладит, изображала загородную идиллию с шумными играми и воздушными шариками.

В тридцатых годах, он уже стал сдавать, и, так и не найдя себе достойной спутницы жизни, вернулся к маме, точнее, позволил ей переехать к нему. Мама все простила и вернулась, тихонько заняв свое прежнее место скромной и незаметной жены Великого человека. Отец ведь сам себя считал Великим человеком. Но я его великим никогда не считал, хотя у него и вышло несколько книжек, и на него даже ссылались как на специалиста в области истории искусствоведения. Если ты всю жизнь от скуки почитываешь книжечки, и любишь, имея такую возможность, покупать дорогие антикварные безделушки, волей-неволей, станешь под конец жизни искусствоведом. Но как он любил с умным видом посидеть за письменным столом, что-то печатая на компьютере, или, нацепив на нос очки, почитать, развалившись на диване в библиотеке! В такие моменты все в доме должны были вести себя очень тихо, чтоб не спугнуть его гениальные мысли. Еще он любил гостей. Но не просто гостей, а тех, которые нахваливали его безграничные таланты. Он садился с ними возле камина и декламировал, излагая свои бесконечные теории о происхождении мира и смысле жизни. Если бы он действительно хоть что-то в этом понимал! Долго, его однообразных и запутанных рассуждений никто не выдерживал, и категория «папины друзья» была весьма неустойчивой. Пожалуй, только дядя Паша, которого отец почему-то завораживал своими монологами, мог выносить эту ахинею бесконечно, и даже пересказывал ее впоследствии другим, рискуя вместе с отцом, приобрести репутацию фантазера и поверхностного болтунишки. Дальше этих разговоров дело у моего отца не шло. Он нигде не работал, бизнесом своим практически не занимался, сидел дома целыми днями, и только вечерами иногда выезжал на своей безукоризненно чистой машине «на встречи» - это он так маме говорил.

В шестом году, я, окончив школу, уехал в колледж, будучи уже совершеннолетним. Родители развелись через три года после моего отъезда, как раз когда Ленке стукнуло шестнадцать лет, и она, благополучно последовав моему примеру, покинула родину для обучения за границей. Впоследствии, приезжая в Москву, я, конечно, навещал отца, тем более, что он выделил нам с Ленкой по некоторой сумме – «на обзаведение». Но дольше нескольких дней, я никогда у него не жил. В доме отца, у меня не было своей комнаты (мою переделали под антикварный музейчик). Если мне нужно было остановиться в Москве более чем на неделю, я предпочитал жить в отеле. Его дом не был уже моим домом и, слава Богу.

В Россию мы с Мартой и детьми переехали окончательно уже в двадцатых годах, общались больше с мамой, к отцу приезжали только в день его рождения. Этот, с позволения сказать, праздник всегда был кошмаром для всех. Каждый год за сутки до этой даты у отца окончательно портилось настроение, а зачастую, еще случалось что-нибудь со здоровьем или происходила какая-нибудь другая неприятность. Сам он ненавидел это число, и все мы с ужасом ждали его приближения. Отец терпеть не мог хвалебных поздравлений, считая их лицемерным враньем, но бесился если хвалебных поздравлений не было. В этот день он обязательно был недоволен столом, который всегда готовила мама, когда гости уезжали, он, рассматривая

подарки, обязательно издевался над их, с его точки зрения, убогостью. Сам он традиционно пытался удивить гостей широтой размаха - пригласить оркестр, официантов, заказать дискотеку или артистов подороже. Один раз у нас даже представляли стриптиз к ужасу бабушки и дедушки, которых в тот день тоже пригласили. Ему, наверное, было приятно ощущать, какой он роскошный и широкий, а все его гости – они же его друзья – люди мелочные, завистливые и неискренние.

Моя жена всегда пораньше просилась домой с этих «семейных праздничков», хотя с ней-то он был изысканно предупредителен, вежлив, если не сказать нежен! Как же! Его невестка, девушка из приличной голландской семьи - высокая, красивая, светловолосая а, главное, умная и независимая. Он, кстати, всегда любил крупных блондинок. Когда они с мамой развелись, они у него просто не переводились - одна здоровее другой, все грудастые и голубоглазые, снабженные огромными ресницами, длинными ногами и томными взглядами. Мама называла их «животные». Так и говорила: «У папы новое животное, отменный экземпляр, и где он только их находит»? Некоторые, кстати, были Ленкиного возраста, а иные – и помоложе! Такой у меня был папочка, совершенно неутомимый в плане баб. А мама все это выдерживала, из последних сил скрывая, как ей тяжело. У нее даже подруг никогда не было – отец отвадил всех, чтобы мама безраздельно принадлежала только ему. В таких делах он был субъектом более чем изобретательным.

Всю свою жизнь я вольно или невольно мечтал о победе над своим отцом, жаждал решительного сражения. Было очень страшно, и все равно я горячо желал этой битвы, а она так и не состоялась. Я лишь многократно представлял себе, как выскажу ему прямо в лицо все, что о нем думаю, а он сначала будет молча стоять, захватывая губами воздух, потом начнет оседать прямо на землю, хватаясь за сердце, а я повернусь к нему спиной, выйду из комнаты, хлопнув дверью, и только с суровым сарказмом крикну матери что-нибудь вроде: «Ваш гений там плохо себя почувствовал...» или «Помогите папе, ему плохо...».

Не получилось у меня. Сначала вроде духу не хватало, потом было уже не до того, а теперь вот... папа умер, неожиданно для всех нас. Самому мне уже за пятьдесят, мои собственные дети – взрослые люди. Я стал потихоньку разбирать отцовские архивы и наткнулся на его рукописи, которые не были нигде опубликованы, и о которых я даже ничего не слышал. Это что-то вроде рассказов или заметок. Не все тексты, к сожалению, закончены. Это зарисовки о времени его молодости, о конце прошлого века и самом начале нынешнего. Я хотел было просмотреть их мельком и отложить в сторону, но, начав, не смог оторваться, и вовсе не из-за художественного качества, вчитавшись, я почувствовал какое-то странное возбуждение. В главном герое всех этих его записок я без труда узнал самого автора, конечно приглашенного и причесанного. Многие из прочитанного было вовсе мне неизвестно, кое-что вызывало в памяти слабый отклик.

Теперь мне почему-то захотелось, чтобы записки моего отца увидели свет - пусть даже сейчас, по прошествии без малого полувека. Я готов взять на себя смелость расставить их в определенном порядке и слегка

прокомментировать каждую историю, добавив после авторского текста то, что я слышал от мамы, знал сам, и то, что узнал в результате моих исследований, а кое-где даже и домыслил.

Книгу я посвящаю своей маме – Марине Львовне, которая всю свою жизнь питала и нас и отца своей любовью, не получая ничего взамен, оставаясь сама без жизненных сил, и все равно отдавая все, что у нее было. Я посвящаю свою книгу маме, исправляя ошибку моего отца, который ей как раз не посвятил ни строчки. Мы любим тебя, мамочка!

Всякая всячина

Худой человек в длинном, сером, чуть развеваемом снизу одеянии летел мимо меня в полуметре над землей. Находясь метрах в тридцати, он перемещался, чуть наклонившись вперед, достаточно медленно, чтобы его рассмотреть, но гораздо быстрее, чем люди, идущие обычным образом по земле ногами. Мне стало жутковато. Уже начало смеркаться, я был один, и хотя, согласно инструкции, при наблюдении каких либо подозрительных объектов, часовой должен поднимать тревогу, я стоял и тупо смотрел на этого летящего человека, или не человека... Не могу сказать, что ужас меня парализовал, или я покрылся холодным потом, или волосы у меня встали дыбом – ничего такого не было, но перетрухнул я основательно – чего греха таить. Фигура начала медленно приближаться, я на всякий случай снял с плеча автомат... и тут привидение превратилось в прапорщика Мацибуру, лихо катившего в своей длиннющей шинели на неизвестно откуда взявшемся в нашей части велосипеде, колеса которого в сумерках совершенно сливались с окружающим пейзажем. У меня на сердце полегчало, но стало тревожно за прапорщика, поскольку если уж я – уравновешенный и умудренный опытом старослужащий, принял его за летающего вурдалака, то кто-нибудь из молодых бойцов мог бы в подобных обстоятельствах и на курок нажать. Вообще-то на полевой выход (так мы называли учения) патронов нам не выдавали. Но с последних стрельб все, даже молодые бойцы, натырили себе патрончиков, надеясь подстрелить на учениях какого-нибудь зазевавшегося фазана или чего другого из богатейшей фауны нашего Забайкальского края, с целью потом ЭТО безжалостно сожрать.

Мацибура, и не подозревавший, насколько зловеще он выглядел с расстояния в тридцать метров, поехал дальше, а я остался на своем посту.

Стоять часовым у запасного входа в штабной бункер – занятие скучное, но спокойное и необременительное. Все офицеры и генералы попадают в бункер с главного входа, и там часовому приходится непрерывно вытягиваться во фрунт, или делать вид, что вытягивается во фрунт, чтобы не напрашиваться на лишние неприятности. А у запасного выхода можно спокойно сесть на деревянный ящичек, который заботливые бойцы заготовили для любимого дедушки, и без помех созерцать окрестности, пока легкие сумерки позволяют вести наблюдение. Унылые лысые сопки не

составляют пейзажа хоть сколько то живописного, но выбирать не приходится. Где-то вдалеке копошатся связисты, выстраивая на растяжках свои огромные антенны. Под чутким руководством старшины повар Свириденко готовит ужин, свободные от вахты молодые бойцы обустроивают наше полевое расположение, жадно принюхиваясь к запахам полевой кухни, писари раскладывают на столах в бункере огромные карты, чтобы завтра утром командование нашей тридцать шестой армии имело возможность проводить очередные полевые учения, для меня, надеюсь, последние. На дворе апрель месяц, а в мае, ну, в крайнем случае, в июне мне домой – в Москву.

Эти учения – не большие. По крайней мере, нас – роту охраны и обеспечения штаба армии никем не усиливают. А помнится, как-то раз нам придали в усиление два взвода Даурской десантно-штурмовой бригады. Десантники были грязнющие, худющие, с суровыми лицами и не очень разговорчивые, но все колошматили об свои головы пустые бутылки из-под минеральной воды. Делали это они без всякого здравого повода, то есть совершенно не рассчитывая ни на какие дивиденды. Я лично наблюдал из укромного места внеурочного отдыха буквально следующее: идет себе боец-десантник один к расположению части, видит - валяется пустая бутылка. Он ее поднимает правой рукой, левой надвигает берет на самый нос, и буднично так, вроде даже без особого усилия – хряп, бутылку разбивает о свою голову. Не на спор! Не ради хоть какой-то соревновательности – просто так, для удовольствия!

Сразу после ужина, я, с целью культурного политического знакомства, подтянулся поближе к этим голубым беретам, выделив из их числа авторитетных старослужащих. Мое сердце сжалось от тоски, когда они с суровым достоинством расстреляли у меня больше половины пачки сигарет, но зато после такой жертвы я счел себя вправе осторожно завести разговор об особенностях прохождения ими службы и воспитания молодых бойцов. Сам я тогда относился к солдатам, отслужившим год с небольшим – то есть был уже не молодой, но еще и не дедушка. Разговор не очень-то клеился, а уйти, не докурив, было как-то глупо, и черт меня дернул завести разговор про эти их бутылки и тактично спросить, как это они их так ловко бьют об головы. Заканчивая по глупости начатый вопрос, я уже приблизительно знал, каким будет ответ, и с тоской представлял себе развитие безобидной попытки потрепать языком с новыми людьми. Естественно, мне сквозь зубы заметили, что каждый, кто не засс...т, может это сделать совершенно легко и безболезненно. После такого поворота беседы у меня было три пути: первый - тихонечко уйти, потеряв свою честь и достоинство – путь совершенно не возможный, второй - сказать, что они, мол, идиоты ненормальные и головы у них только для того, чтоб об них бутылки бить, а я мол – свою голову такой бесполезной травме подвергать не собираюсь – за такое хамство была высоковата вероятность подвергнуть голову другой травме, чего тоже не хотелось. Оставался последний третий вариант - встать и со всего размаха разбить бутылку об башку, будто мне это нипочем.

Хорошо, что времени на размышления тогда не было. Некогда было представлять, как плачевно может кончиться эта затея, чтобы

затем постепенно убедить самого себя в ее полной бесперспективности. Вместо этого пришлось подняться, взять бутылочку, припасенную кем-то для полезных целей под лавкой, на которой мы сидели, и, коротко осведомившись эдаким расслабленным тоном: «Как там вы это делаете...?», замазать самому себе этой бутылкой по лбу, а точнее, по тому месту, где начинают на башке расти волосы. Это, как мне подсказали новые знакомые, самая крепкая поверхность на голове и если точно попасть, боли вообще не почувствуешь. Но бить надо резко и со всей силы. Я попал не очень точно. Удар пришелся чуть правее, изображение окружающего мира сначала поплыло куда-то в сторону, но секунды через две аккуратненько вернулось на место. Осторожно встряхнув головой, чтобы убедиться в ее рабочем состоянии, я потрогал моментально вздувшуюся огромную шишку. Бутылка была разбита вдребезги – мои новые знакомые дружелюбно похлопали меня по плечу и сказали что-то типа того, что и среди краснопогонников могут быть достойные люди. Мне уже не хотелось эти провокационные темы развивать, но я опять присел с ними на лавочку. Не то, чтобы мне хотелось дальше с ними трепаться, но я опасался, что не смогу ровно идти, поскольку голова все же немного кружилась. Когда это прошло, я отклонялся и утопал, ничем не выдав своего не блестящего состояния.

Ошибкой моей было то, что, не утерпев, я пошел рассказывать о своей победе приятелю-повару, который в тот момент кашеварил под присмотром старшины, бдительно считавшего израсходованные банки сгущенки, тушенки и прочих продуктов. Рассказу моему они в целом поверили, меня похвалили, но... попросили повторить номер в их присутствии, что я попытался сделать, но, на этот раз, неудачно. Моя рука категорически отказалась второй раз бить бутылкой по уже травмированной голове – удар получился слабее, чем надо – было очень больно, но бутылка осталась целой. Повар со старшиной беззлобно посмеялись, я побрел к себе в расположение, размышляя, как было бы хорошо, если бы у меня все же хватило выдержки никому не рассказывать, и десантники сами уважительно и не нарочито довели бы информацию о моем подвиге до всего нашего подразделения, которое могло бы тогда оценить не только мое мужество, но и мою скромность. Увы мне, увы!

Да, учения на этот раз были весьма скромные. К нам не прилетали вертолеты, не было никаких проверяющих – тихие домашние учения штаба армии. Хорошо, когда нет парализующей все мыслительные способности нервозности, никто не бежит с одуревшими выпученными глазами, офицеры не орут, а обращаются к знакомым солдатам по именам, и я могу вот так сидеть, думать о демобилизации и вспоминать уже подходящую к концу службу.

Ощущения, что служба подходит к концу, честно говоря, нет. Вообще та самая гражданская жизнь, откуда иногда приходят письма, и которую мы видим по телевизору, представляется какой-то не вполне настоящей, не реальной. Типа ее вовсе и нет на самом деле. Интересное такое ощущение – знаешь, что есть другая жизнь, а не веришь. Я когда в командировке был в Улан-Уде, то немного вроде почувствовал, что есть этот другой мир – гражданский, а сейчас, всего-то через пару месяцев – и

командировка уже сама кажется не очень-то реальной, хотя прекрасно помню, что она была.

Цель нашей командировки в Улан-Уде была простая, но ответственная - получение какого-то прибора в штабе округа. Я был в подчинении майора предпенсионного возраста, который мне всю дорогу жаловался, что уволят его из Вооруженных сил только подполковником, а полковничья папаха ему уже никак не светит, ни при каких обстоятельствах. Я, конечно, ему сочувствовал на словах изо всех сил. Мы с ним так сокрушались по поводу несправедливости начальства, что я старичка прилично к себе расположил. Можно сказать, вызвал с его стороны большое доверие. А майору охота была в Иркутск к семье мотануть, раз уж рядом оказался, что он и сделал, захватив прибор, а меня, как сознательного и многоопытного бойца, оставил в Улан-Уде дожидаться обратного поезда, притом, что билет до нашего города Борзя Читинской области был у меня только на завтрашний вечер. Для легализации вольного положения, майор выписал мне увольнительную на два с половиной дня. Неприятная тонкость была в том, что такие увольнительные запрещено выписывать – положено не больше, чем на сутки каждую, а у моего майора, видите ли, бланков с собой не было, хотя ведь знал он, что едет в командировку с солдатом срочной службы, мог бы и позаботиться. Конечно, какой на хрен из него полковник? Я бы его так майором и дембельнул! За разгильдяйство и безответственность! Судите сами, у меня первый раз за целый год подневольной жизни появилась возможность вдохнуть вольного воздуха, я даже денег скопил из того, что мать мне присылала - целых сто рублей! Это, на минуточку, одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год был на дворе – те старые рубли еще кое-чего стоили. И при этом я должен все равно, как будто в самоволке, прятаться от патрулей и, отравляя себе отдых, думать о перспективе провести остаток командировки в комендатуре. Да, майор, конечно, умный – сил нет, смотри, говорит, не попадись, а то очень меня подведешь. Только мне о нем и думать, подведу я его, говнюка старого, или нет.

Проводил я своего майора, на поезд посадил. Был бы платочек - платочком бы помахал. А время уже часов девять вечера. Я в этом городе Улан-Уде первый раз в жизни, кругом ходят буряты мордастые, все в меховых шапках, хотя на улице уже тепло – весна, максимум минус пять градусов, а скорее уже и плюс. Да и небуряты тоже в шапках, такие рожи протокольные – вокзал все-таки. Я, недолго думая, сел в такси и говорю водителю: «Вези меня в ваше самое значное улан-удинское место». А он мне: «Тебя в самое значное не пустят в форме». Вот так! Дискриминация военнослужащих в полный рост! Я ему: «Тогда вези в менее значное - в которое пустят». Поехали мы в видео-салон. Подвальное помещение, комната – метров тридцать, в углу телевизор среднего размера и стульев штук двадцать стоит для зрителей.

К моему большому сожалению, несмотря на поздний час, фильм был не эротический, а посвященный ужасам. А у меня привычка в то время еще оставалась с начального периода службы – как только где усядусь в тепле, да еще если свет выключен – сразу засыпаю! Это притом, что недостатка во сне давно уже не было – несколько месяцев. Ну, в общем, проспал я почти

весь фильм, проснулся уже ближе к концу, как раз на экране сексуальная сцена начиналась – женщина снимала с себя одежду. Но видно было не очень хорошо, и быстро так она все с себя сбросила, а дальше начала с себя кожу стаскивать, мясо... и в результате остался один танцующий скелет. Такой был в этом фильме странный элемент эротики, прямо скажем – на любителя. А потом все – свет включили, и публика двинула к выходу, а среди зрителей две девушки симпатичные такие – русские. Мне терять нечего – я к ним. Девчонки, говорю, может нам познакомиться и куда-нибудь сходить совместно, я, мол, из Москвы, вообще-то, здесь у вас в командировке...и все в таком духе несую, а сам иду с ними на выход из этого подвальчика. А они ко мне так - не то не сё, переглядываются, хихикают, определенного ничего не говорят. Я с ними болтаю, а сам башкой кручу во всех направлениях, думаю, может другая какая еще подходящая для меня женщина имеется в зале. А народ растекается по домам – не успеваешь никого отследить. Выходим с ними на улицу – там прямо перед входом комендатурская машина - раскрашенная такая, с прожектором на крыше. И на меня сразу свой прожектор как наведут... ну, думаю, все, теперь вместо девочек, будут тебе мальчики..., в камере предварительного заключения. Девки тоже немного оторопели от такого освещения, замерли вместе со мной. Такой у нас, наверное, вид был дурацкий.... А из уазика через громкоговоритель раздаётся голос патрульного офицера: «Служивый, шапку переверни!». Я хватя за шапку, а она у меня кокардой назад - второпях перепутал. Ну и все, мы двигаемся к автобусной остановке, меня вроде не задерживают..., я в сторону уазика головой быстренько кивнул, спасибо мол, что не арестовали, но, стараюсь сам в их сторону не очень-то смотреть. Тут автобус рейсовый подходит - снова повезло, и девки говорят: «Ну, что с тобой делать – полезай с нами...». Я и запрыгнул в этот автобус – секунды не прошло. Подвезло мне, дураку... Назавтра мне моя новая знакомая пояснила, чем мотивировалось такое их решительное поведение. Просто одна из подруг решила во что бы то ни стало расстаться с терзавшей её девственностью, а вторая ей предложила без лишних заморочек найти кавалера в видео-зале, который я к счастью и посетил. Они меня еще в начале сеанса заметили, оценили, что чистенький, аккуратный солдатик, крупенький такой. Решили, что солдат – это даже хорошо с той точки зрения, что риск инфекций меньше. Но в последний момент подруга-девственница испугалась, и вторая решила – не пропадать же добру. А я не мог понять чего это мы делали. Сначала к одной домой поехали. Заходим в квартиру – там все спят, на цыпочках прокрадываемся к ней в комнату, а другая, вроде собирается уходить. Ну, типа, нас проводила – и все. Девушка садиться на кровать, и сидит, смущенно на меня посматривая, тут открывается дверь и подруга, которая должна была уйти, мне говорит: «Ну, долго тебя ждать, ты едешь или нет?» Я, конечно, в недоумении, но мое дело – солдатское, ехать, так ехать. Я и раздеться-то не успел. Поехали к другой, с первой тепло попрощались, она даже и виду не подала, что что-то не так.

Приехали в маленький деревянный домик вроде барака, зашли вместе, как ни в чем не бывало, она мне выпить поднесла, рассказала, что муж у нее – машинист на поезде, и в настоящий момент в рейсе, но все равно, нужно быть аккуратнее, поскольку соседи очень бдительные. А дальше, как

говориться, мирком да за свадебку... Ничего не скажешь, удалось мне в ту ночь восстановить в своей памяти, как женщина выглядит. Но, подробности прежних мужских достижений смаковать – дело не благодарное, тем более, солдату вообще лучше на этом не заикливаться. Не дома ведь - в казарме живешь.

Хотя, по этой части у нас еще не все так безнадежно – мы в городе служим. А есть такие подразделения – Укрепленные районы, УР-ы сокращенно, там вообще одни сопки кругом и танки военного еще выпуска, Т-34, в землю намертво закопанные в сторону братского Китая. И остается там бойцам срочной службы только друг на друга плотоядно поглядывать.

Много у меня всякого было за время срочной службы – и хорошего, и плохого, но кое-чему полезному, мне пришлось таки научиться. В учебке, где начиналась моя воинская служба и приобреталась военная специальность - разведчик, был девиз: «Что увидел, что и спиз...л». Все пропадало в той воинской части – не успеешь оглянуться. Даже шинели тырили с вешалок, не говоря уж о том, что погоны с шинелей, петлицы срезали, это - вместо здравствуйте. Мы в ночь перед строевым смотром часовых выставляли возле шинельной – все по очереди караулили. А такого слова: «У меня украли», там не было, если чего пропало: «Ты сам прое...л» – соответственно, сам виноват. Наверное, по соображениям наших командиров это все должно было у бойцов вырабатывать бдительность и проворство.

Я, кстати, по части чего где упереть - был одним из лучших во взводе. Меня в учебке звали Коробь – с ударением на первом слоге. Наверное, потому, что у меня фамилия Корабленко. Ну и однажды поставлена мне была на ночь задача от лица заместителя командира взвода старшего сержанта Овчарова – укомплектовать к утру пожарный щит. Для этого необходимо было украсть где-то лом и ведро, а, кроме того, добыть красной и черной краски, чтобы все это покрасить. Этот наш дедушка – Овчаров, такой был сволочью – вспомнить страшно. Москвич, земляк мне. Жирный был такой, губастый – нас вообще за людей не считал. Воспитывал он нас по Макаренко, активно применяя принцип коллективной ответственности. Если кто-то один провинился с его точки зрения, мы все одевал противогазы и дружным строем бежали в сторону сопки Любви, которая еще называлась у нас Ебун-гора (не хотелось выражаться, но из песни слова не выкинешь). И по этой самой сопочке вверх в противогазиках нарезали мы из последних сил, часто вместо ужина. Тех кто падал – остальные тащили, а даже и на небольшой дистанции падало до половины личного состава, поскольку это был период адаптации к новым - армейским условиям и все мы как то внезапно для себя за месяц-полтора стали заморенные и доходные как кучка инвалидов. Сейчас вспоминаю – удивительно, но так со всеми бывает, пока не привыкнет организм. Меня когда в учебку отбирали, я двенадцать раз подтянулся на перекладине и тридцать раз сделал подъем переворотом, а по истечении первых двух месяцев службы висел на турнике как сосиска, не будучи в состоянии сделать вообще ничего, даже висеть не мог больше нескольких секунд – срывались руки. Так что были мы все еле живые, но по команде собирались, затравленно оглядываясь, чтоб лишнего пинка не получить и семенили в сторону сопки любви. Овчаров с нами бежал – без противогаза, конечно, в кроссовочках, и, тех, которые, отставали или

сачковать пытались, подгонял – кого пинком, а кого и ремнем с бляхой. Он у нас такой был идиот, что его на прошлом призыве чуть в дисбат не отправили – как раз ременной бляхой пробил молодому бойцу голову. Даже суд был, но решили не сажать, как образцового сержанта, а просто лишить отпуска. Так что лучше было мне щит укомплектовать без накладок и залетов – для всего взвода лучше.

Краску я проще всего добыл – выменял ее на рыбу. У нас тогда в столовой рыбу давали – жареную. Ее когда вареную дают – никто не ест, а жареную все любят, но ходить на ужин дедушкам лениво, и если им рыбки притащишь побольше, то можно чем-то полезным разжиться. Выпросил я в столовой огромную тарелку рыбы – наврал, что меня послал кто-то из уважаемых столовским нарядом людей, и потащил эту рыбу к литовцам знакомым, они были по технической части - имели свободный доступ в механическую мастерскую, там наверняка можно было краской разжиться. Если, конечно, повезет. И мне повезло, хотя и тут не обошлось без тонкостей. Литовца главного звали Саулис, но он ненавидел, когда к нему на русский манер обращались, а любил, чтобы говорили с его родным литовский акцентом, растягивая последний слог и почти не произнося последнее С, получалось Сауле-ее. Я быстро научился эту абракадабру произносить, и он меня среди прочих бойцов милостиво выделял и даже иногда говорил нашему замком.взвода: «У тебя, Овчар (это сержанты нашего Овчарова так звали между собой за злость), все такие тормоза в этом призыве, чего ты с ними делаешь? Разве что Коробь, хоть чуть-чуть расторопный». Овчар уважал оценку литовца – мой авторитет капельку подрастал. И вот припер я им в мастерскую эту рыбу – самому жрать охота, как блокаднику, но не до этого, стучу условным стуком – открывают. Чего надо, мол, солдат? Я говорю, вот рыбки вам принес, сегодня хорошо поджарили, и без паузы про свое...дайте, говорю красочки черной и красной по полстаканчика – одна на вас надежда. Они как начали жрать, чуть по земле не катаются. Но рыбу взяли, и краски дали - даже больше, чем нужно было – у них этой краски – по целой бочке стоит в углу. Чего им не дать хорошему человеку казенного имущества? Ну, все вроде и, слава Богу, мне бы идти себе восвояси, а рыбки жаренной охота – сил нету. Я и говорю им, так вкрадчиво: А нельзя ли вас попросить мою тарелочку освободить, поскольку, я ее должен вернуть в столовую. Под свое честное слово взял, мол всего на полчаса. Ну, им не удобно чего-то там переключивать, рассортировывать, они решили тут же эту рыбу и сожрать, тем более, что уже собирались ужинать. А меня куда девать? Некуда - маячу я у них, как прыщ на видном месте. Выход один – сажать меня за стол. Отлично я в тот день поужинал! Кроме моей рыбы у них еще своего было – и колбаса, и огурчики, и картошечка вареная. Но я, вел себя сдержанно, ложку постоянно сверхъестественным усилием воли тормозил, кушал почтительно и скромно, чтобы не опозориться. Даже чай с печеньем пить не стал, нужно было и честь знать.

Прибежал в роту, краску сдал под охрану дневальным, наш взвод как раз в наряд по роте заступил, и бегом назад, время не ждет – краска-то есть, а красить ею еще нечего. Надо лом и ведро добывать! Лом я быстро нашел – пробежался вокруг всего нашего военного городка – гляжу, связисты чего-то ковыряют в асфальте инструментами, как нельзя лучше для меня подходящими.

Все поголовно - моего призыва, то есть самого первого. Еле руками шевелят – отупелые все какие-то, худющие, грязнущие. Ну, я к ним подхожу, бойцы, говорю, дайте ломик на пару минут, мне рядышком нужно ковырнуть кое-чего. Они рты пораззявили - их, похоже, предупреждали, что разведчикам в плане имущества верить нельзя, но лом дали, а мне больше и нечего с ними беседовать, я три шага спокойных сделал, а потом как дал газа – и бегом с этим ломом удрал. Не знаю, как уж они потом со своими сержантами объяснялись – забота не моя. С ведром оказалось гораздо сложнее. Ведро – вещь в хозяйстве очень полезная, и в советской армии об этом знали все. С целью предотвращения массовых хищений ведер, им варварски дырявили днища, с таким же, наверное, остервенением, с каким наши деды дырявили немецкие танки. Я на своем опыте тогда испытал, как сложно найти не дырявое ведро. До самой ночи проколбасился, сунулся всюду, где еще было можно (некоторые сектора по известным причинам лучше было уже не посещать) – но ведра так и не раздобыл. Пришлось идти на неприличный поступок – упереть ведро с такого же пожарного щита в штабе моего родного разведывательного батальона. Это в целом было не так здорово, как у чужих, но допустимо. Я спокойно лег вздремнуть, попросив наряд разбудить меня в три часа, когда, закончив уборку, из штаба уходили дневальные, и оставался только один дежурный офицер за пультом. Потом я прокрался к штабу, посидел возле него тихонечко в травке минут пятнадцать, как тушканчик – послушал, убедился, что все, вроде, тихо, и тогда уже, подобно змейке, осуществил проникновение в штабной предбанник, где и находился идеально укомплектованный пожарный щит. Офицерский пульт располагался посередине коридора, а я возился в тамбуре – да еще с торца здания. Аккуратненько отцепив полиэтилен, ровно настолько, сколько было нужно, я прямо-таки хирургически извлек вожделенное ведро, не позволив ничему кругом издать ни звука. Выскользнув за дверь, я примчался в наше расположение и завалился спать, отдав ведро наряду, с указанием, чтобы они сами все покрасили и развесили. Я свою работу сделал!

Но у своего брата солдата тырить – любой дурак сможет, а вот совершить нечто подобное в отношении гражданского населения – это уже другой уровень, скажу я вам. Но и здесь жизнь меня заставила меня кое-чему научиться. Однажды, будучи в наряде по директрисе (это танковое стрельбище и полигон, находящиеся всегда в отдалении от самой воинской части), я участвовал в натуральном воровстве домашней птицы из частного крестьянского хозяйства. Это, кстати, очень тонкое дело. Прежде всего, надо знать, что лучший объект для такого рода операции - семейства, которые накануне крепко выпили. Жители редких деревень, окружавших нашу военную часть, выпивали, как только им представлялась такая возможность – то есть как только им в руки попадал алкоголь. Достаточно было получить такого рода разведанные, и успех почти гарантирован. Домашняя птица – утки и куры - ночью располагаются в таких низеньких сарайчиках по высоте - в половину человеческого роста, где они мирно спят, привычно засунув голову каждая себе под крыло. Если во дворе нет собаки (это выясняется, конечно, накануне днем), ударная группа из двух человек с мешком бесшумно форсирует забор и тихонечко, согнувшись в три погибели, проникает в этот птичий сарайчик,

преодолевая страх, запах куриного помета и желание чихнуть от постоянно лезущей в нос всякой птичьей дряни. При этом третий боец, выполняя функцию прикрытия, должен остаться вне территории частного владения и вести наблюдение за домом с целью отвлечь на себя внимание хозяина в случае опасности и одновременно подать сигнал к отходу основной группе. Основная группа состоит из двух человек, поскольку один держит мешок, а другой – самый опытный, выполняет филигранную работу по перемещению домашней птицы с насеста в недра мешка. Дело в том, что домашняя птица, попав в темный мешок, не издает звуков, а просто замирает, наверное, она считает, что уже отмучилась и находится на том свете, я не знаю – но всегда птица в мешке ведет себя тихо - это медицинский факт. Вопрос в том, как ее снять с насеста и сунуть в мешок, чтобы не проснулись все остальные. Напоминаю, это нужно сделать так, чтобы птица вообще не издала никаких звуков. Следующий шаг логического исследования: какими органами домашняя птица может издать звук? Городские жители при формулировке этого вопроса начинают глупо улыбаться, наверное, имея в виду птичьи клоаки, но птицы этим местом звуков не издают, по крайней мере, звуков, способных разбудить соседей-птиц и хозяев. Есть только два звукоопасных органа – крылья и клюв, и оба эти органа необходимо одновременно и молниеносно обездвигить. При этом птице нельзя скручивать голову – она должна жить еще несколько дней, пока до нее не дойдет очередь на съедение. Нужно просто-напросто аккуратно схватить птичку одновременно за клюв и за крылья, и тихонечко, не потревожив соседей, очередь которых еще не пришла, сунуть ее глубоко в мешок. Прodelать эту операцию с уткой реально, с курицей – практически нет. Почему? Да потому, что у курицы очень маленький клюв – за него не ухватишься! К сожалению, птицы дрыхнут на своем насесте вперемешку – утки, куры, еще какие-то другие, но брать нужно только уток, пока это возможно. Как доходишь до курицы – лучше не жадничать, и начинать завершающую часть операции – смываться. Некоторые особо рискованные солдаты хватают и куриц, слегка перекручивая им горло, но если удалось уже сунуть в мешок хотя бы трех-четыре уток, я с курицами связываться не советую.

Сижу, вспоминаю – шустрим я, все таки, был бойцом! Изобретательным. Из нынешних молодых такой проворностью, пожалуй, никто не отличается. Какие-то все они заторможенные. Не та у них служба уже, что у нас была! Задачи им ставятся совершенно примитивные - типа найти сигаретку, или в гражданскую булочную сбегать за хлебом, в редчайшем случае – на шухере постоять, и то есть опасение, что он на этом шухере заснет. Ну, да ничего – научатся, если повезет. Я с молодыми бойцами вообще стараюсь вести себя по-человечески. Не зря меня два последних призыва назначали в карантин сержантом, как наиболее образованного и культурного человека в подразделении. Интересно так, приезжает пополнение – еще в гражданской одежде, карманы полные сигарет, денег и всякой всячины, смотрят исподлобья, кучкуются, друг с другом перешептываются, на меня позыркивают не очень дружелюбно. Это они ждут, что сейчас начнутся издевательства и готовятся мне давать отпор. Они пока еще люди гражданские – у каждого своя индивидуальность, свой гражданский характер, на них еще как сядешь, так и

слезешь. Тем более, что попадаются такие крупные экземпляры, просто диву даешься – где таких выращивают. И все в мускулатуре, какие-то самбисты – каратисты. Иные просто ждут, когда в их отношении осуществят наконец попытку неуставных отношений с тем, чтобы немедленно на нее отреагировать избиением старослужащего, рискнувшего посягнуть на их гражданские свободы. И вот из такого материала мне нужно за каких-то месяц-полтора создать врубастых, грамотных бойцов, чтобы на меня обид не было среди сослуживцев, которым с этим молодым пополнением придется выстраивать отношения в процессе службы. Я молодых сначала не трогаю. Пока они в гражданке – вообще делаю вид, что не замечаю даже очевидного хамства в их поведении. Идут себе как стадо, без разрешения закуривают, садятся, ко мне норовят «на ты» обратиться, я все это терплю сдержанно, но, конечно, соблюдая дистанцию, никакого панибратства не допускаю, даже от предлагаемых сигарет отказываюсь. Они еще не знают, что через три дня будут меня сигаретами снабжать, как отлаженный конвейер, и не в виде одолжения, а в виде своей прямой и священной солдатской обязанности. На их глупые вопросы отвечаю уклончиво и односложно – пусть потомятся в неведении. Мой воспитательный процесс еще впереди.

Первым актом приобщения к солдатской жизни для молодого бойца является посещение бани, рядом с которой располагается склад вещевого довольствия. Юноши по быстренькому моются, тихонько договариваясь между собой, чтобы кто-то один караулил их вещи. Поскольку кроме меня при них в бане никого больше нет, видимо, они предполагают, что я начну тырить у них из карманов мамины конфетки и личные сбережения. Правда, друг другу они тоже не очень-то доверяют, и с эдакой подростковой наивностью, озираясь, тихонечко запихивают в свои скомканные носочки и трусики ценные вещи. Святая простота! Наука по настоящему прятать, а также находить спрятанное, им еще не доступна в принципе! Помывшись, они пытаются облачиться в обмундирование, которое, как им кажется, выдано без учета размеров и ростов. Обнаружив, что форма сидит как-то странно, и выглядят они скорее жалко, чем героически, некоторые пытаются искать справедливости у меня, на что я резонно замечаю, что здесь армия, и нянек тут не бывает - нужно было сразу смотреть, какой размер получаете. На самом деле, большинство из них зря трепыхается – размеры они получили правильные – у сержанта на складе глаз-ватерпас, просто, чтобы армейская форма сидела, к ней нужно приложить труд и терпение. Единственное, что я у каждого проверяю, так это сапоги. У одного или двух нахожу их великоватыми – они, вероятно, прибавили себе размерчик, в надежде, что носить придется с шерстяным носком, как дома на гулянии, но в армии носков по уставу не положено, и, если сапоги велики, то ноги в них сбиваются гораздо быстрее. Провожу на эту тему воспитательную беседу, заодно показываю, как наматывать портянки. После переодевания гражданского самосознания у пополнения убавляется, они уже начинают ощущать себя тем, кто они есть на самом деле – ничего не понимающими в армейской службе, жалкими дрожащими созданиями. Они принимают смотреть на меня во все глаза, ловят каждое слово, не переспрашивают по десять раз о всякой ерунде, в общем, начинают вести себя

немного поприличнее. Напоминаю им, чтобы не растеряли погоны, петлицы и фурнитуру, и уже в составе чего-то похожего на строй отвожу их в расположение нашего карантина.

В первую ночь обязательно приходится пресекать попытки разного рода старослужащих проникнуть в карантин и «застраивать» молодых. Я терпеливо объясняю желающим мне помочь, что сам прекрасно справлюсь с воспитанием, и через полтора месяца они получают в свое распоряжение воспитанных бойцов, но при этом прошу не мешать сложному образовательному процессу. Разговор обычно происходит в предбаннике, и многие из подшивающихся и наглаживающихся молодых бойцов могут слышать отдельные фразы, которые пугают их и переполняют уважением ко мне, как к защитившему их от чего-то ужасного. Я, действительно, не собираюсь пускать никого в свой огород, поскольку интересуется непрошенных гостей не процесс становления молодого солдата, а, в первую очередь, содержимое его карманов и его гражданская одежда, которую юноша наивно собирается отправить домой в виде ценной посылки. Все эти материальные ценности уже принадлежат мне, хотя молодые еще об этом и не подозревают. Старослужащие об этом знают хорошо, поэтому и не нахальничают. Уходя, они вежливо просят меня подобрать им что-нибудь из гражданки, я обещаю поспособствовать, давая понять коллегам, что бесплатные одолжения в нашем мире давно не предусмотрены.

В течение следующей недели с моим подразделением происходят революционные метаморфозы. Их жизнь приобретает армейские очертания – они не высыпаются, устают, пытаются привыкнуть к новому для них режиму питания и к новым жизненным установкам. Одних это вгоняет в состояние тупого оцепенения, другие не поддаются усталости и пытаются чем-то позитивным выделиться на общем фоне – таких я стараюсь морально поддерживать и поручать им задания, связанные не столько с физическим утомлением, сколько с расторопностью и сообразительностью. Хуже всего тем, кто начинает себя жалеть - хромает из-за микроскопической потертости на пальчике так, будто оторвана ступня, по каждому поводу живописует на лице эдакое жалостливо-плаксивое выражение, перестает мыться и заботиться об обмундировании, аргументируя это тем, что всегда хочет спать, начинает таскать в карманах куски хлеба и постоянно тупит, надеясь, что признанному дураку не будут давать лишних поручений. Таких приходится бодрить дополнительными физическими нагрузками и всеобщим презрением. Жалко их, но, если реагировать по-другому, эта зараза может пойти дальше, и все подразделение будет вместо выполнения команды жалостливо закатывать глаза и объяснять, что там у них болит, где колет, сколько они спали и так далее. Одного-двух таких ребят приходится приносить в жертву, на их примере демонстрируя пагубность этой жалкой модели поведения, недостойной молодого бойца. В редких случаях они потом выправляются и дослуживают нормально, но чаще попадают в госпиталь, и, возвращаясь в часть, продолжают ныть, тормозить и косить от работы. Ничего не поделаешь - потери. Если у таких бойцов прослеживается хоть какая-то воля к победе, я стараюсь их поддержать – мне вообще не приятно смотреть, как человек опускается. Если таковой не наблюдается – мое дело сторона.

Постепенно молодые бойцы начинают понимать, что жить по уставу – занятие тяжелое и бесперспективное. У них мало-помалу формируются правильные установки - кто чего обязан делать, и как к кому относиться. Шустрые постигают это быстрее других, постепенно доходит и до непонятливых. Сознание вчерашних независимых людей превращается в сознание солдат-первогодок. Они уже понимают, что глупо отправлять вою гражданскую одежду домой, когда она так нужна дедушкам для самоволок. До них, наконец, доходит, что неприлично и безнравственно курить сигареты с фильтром, тратить деньги на пирожки в солдатском магазине, когда дедушкам нужно собраться на дембель, а это такие расходы! Они начинают понимать, что если я дал кому-нибудь пинка или скажем под дых, это не оскорбление и не повод для озлобленности или для драки, упаси Бог, а просто дружелюбное отеческое поучение! И нет ничего зазорного в том, чтобы метнуться дедушке за сигареткой, а наоборот хамство - заставлять его в такой ситуации ждать. Для гражданского человека все это, наверное, дикость, но я глубоко уверен, что в нашей армейской идеологии имеется большой логический смысл, и ее можно отнести к некоему ответвлению конфуцианства. Молодые бойцы – они как неразумные дети, а я им – как родной отец. Не больше, не меньше. Коль скоро их собственные отцы не смогли ничего лучшего придумать, кроме как детей засылать в ряды Советской армии, пусть на меня не обижаются - исходя из сложившихся обстоятельств, ничего лучшего предложить не могу.

Если бы каждый из молодых цеплялся за остатки прежней жизни, за свои домашние воспоминания, то существование здесь было бы совершенно невыносимым. Они должны осознать, что реальность – здесь, а там, на гражданке, что-то в туманной дали и не совсем взаправдашнее, иначе сердце просто разорвется на части, и адаптации к новым условиям не наступит никогда. Чем кардинальней и быстрее они поменяют свою картину мира, тем им легче будет начать с чистого листа впитывать законы новой жизни, чтобы найти здесь свое место, которое было бы достойным человека.

Конечно, среди старослужащих попадаются негодяи, которые любят просто поглумиться, просто опустить человека, заставить его признать свою ничтожность и презренность, а потом уже пользоваться этим деградировавшим существом в зависимости от своих извращенных потребностей. Я здесь не имею в виду всякого рода сексуальные притязания. Слава Богу, я с подобными вещами напрямую не сталкивался, а вот как в рот молодому бойцу пепел стряхивали, а потом ему бычок потушили об запястье – это я видел. Ему горящую сигарету в левую руку вкручивают не торопясь, а он сам ее держит правой, ногами топает от боли, приседает, лицо все перекошенное, но молчит – потому что время уже после отбоя, неприлично чужой сон нарушать. Это ефрейтор Халиков наказывал своего подчиненного за какую-то «большую» провинность по службе. Вмешиваться я тогда не стал - не мой вопрос. Но дружбы я никогда с такими подонками, как этот ефрейтор не водил, и дел с ними никаких не имел. Кстати говоря, зачастую они сами, когда были новобранцами, подвергались особо изощренным издевательствам – вот и отыгрывались потом на молодежи. А еще, бывает, заставят двух бедолаг-

первогодок драться между собой. Жуткое зрелище! Бойцы от ужаса входят в раж, колошматят друг друга по мордам, кровища кругом разлетается...

Все всегда и везде от человека зависит, любой закон, любой порядок можно перевернуть и раком поставить и будет к тому много желающих - нужно просто этому сопротивляться по мере возможности. Честно сказать, у меня, в соответствии с моей внутренней позицией, такой твердости не всегда доставало. Сейчас стыдно мне за некоторые вещи, которые происходили в моем присутствии, но были и приятные моменты, когда удавалось человека поддержать в казалось бы безвыходной ситуации.

Как то раз в нашей роте объявился педикулез, то есть вши. Вши были бельевые, их личинки можно было разглядеть с изнанки кальсон на швах. Неприятная, могу вам сказать штука. Все тело чешется и горит огнем как Хиросима и Нагасаки. Я то сразу смекнул, чего делать – белье утюгом прошпарил, сам весь намылился хозяйственным мылом, подождал минут десять, смылся тщательно – все прошло. Но это, наверное, потому, что у меня тело не волосатое, а у кого больше волос, например, на ногах, то мылом этих вшей не возьмешь, нужна специальная серная мазь, но она в санчасти, а туда придется прийти и признаться, что у тебя вши. Для многих молодых бойцов, которые и так о себе не высокого мнения, и прямо сказать, моются реже, чем каждый день, такой шаг был совсем невозможным. Им, наверное, казалось, что признаться в подобном преступлении - значит потерять последнее уважение к себе со стороны сослуживцев. Хотя позиция глупая – вши, в конце концов, не от грязи заводятся – это заболевание типа инфекции, как я считаю. А ходить и чесаться – тоже не выход. Во-первых, имеется вероятность распространения заболевания, а во-вторых, расчесанное до крови тело в забайкальском климате не заживает, а становится язвой, потом подгнивает, подгнивает, и может очень даже тебя изуродовать. У меня были такие язвы – две штуки от потертостей на ногах. Я их бритвой вырезал, засыпал стрептоцидом, повязку менял каждый день, все равно они прогнили почти на сантиметр вглубь моей ноги – жуткое дело! И вот одного такого завшивевшего бойца рассекретили случайно его старослужащие товарищи. Обнаружили у него сначала характерные расчесы, а потом и личинок вшей в белье. И, конечно, давай его мордовать, как он такой сякой посмел дедушек подвергнуть опасности заражения ужасной болезнью, и все ему припомнили, что раньше за ним числилось, пару раз по роже смазали и все такое. Он стоит, бедняга без штанов, кальсоны свои держит в руках, лицо виноватое, голову в плечи втянул, крутит башкой своей березовой, не знает откуда еще прилетит ему гостинец. И, конечно, громче всех надрывается ефрейтор Халиков, я подхожу и слышу, как он орет на парня: «Ну, ты же чмо! Согласись, ты же чмо! Мы тебя теперь и звать так будем – чмо»!!! Я иду мимо, а Халиков этот дает такой сопроводительный текст, обращаясь к своему солдатику, который месяца три как из карантина: «Вот сейчас мы у Коробя спросим, у вашего любимого сержанта карантинного, чмо ты или нет?» А ефрейтор этот - он на полгода меньше меня отслужил, но наглый был до безобразия. Наверное, потому, что он был очень хороший спортсмен – боксер. Он даже на последних междивизионных соревнованиях какое-то место занял. Я поворачиваюсь и спокойно так уточняю у Халикова: «Ты хочешь, чтобы я свое

мнение сказал? Я тебе скажу. Я этого бойца знаю, он у меня в карантине был на хорошем счету - помидоры с колхозного поля таскал, мог картошечки в один момент нажарить, не тупил. Я его обучил кое-каким правильным понятиям, кого нужно уважать по службе. У тебя, Халиков к его воспитанию претензий нет?»

Ефрейтор молчит, видимо, размышляет, стоит со мной драку затевать по этому поводу или нет. Пока он думает, я продолжаю: «Так вот он у меня был одним из самых толковых, а у вас за три месяца превратился в забитого и доходного! Но все равно, я тебе сейчас скажу, ефрейтор, что он не чмо! Потому, что, дай ты мне его на неделю обратно, он у меня летать начнет как прежде. Понятна моя позиция?»

А Халикова, надо сказать, в роте вообще недолюбливали. Был у него грешок - любил перед офицерами в хорошем свете повернуться, ну, вроде как, выслужиться с повышенным рвением – за что и стал ефрейтором. И лычку эту свою ефрейторскую с удовольствием на погоны напялил, что тоже не очень приличным считается. Мог я тогда, конечно, пострадать от его боксерских кулаков, и, что еще хуже, это означало бы, что на меня – дедушку, котелкам можно руку поднимать, а это гораздо трагичнее, чем просто получить по физиономии. Но тогда обошлось, не решился он, по счастью. А молодой этот стоит, глазами хлопает... Халиков, хитрый, гад, тут же и говорит: «Ну, ладно, раз Коробь за тебя такую речь произнес, может ты и вправду талант, а мы тебя не разглядели, иди пока в санчасть, выводи своих животных, потом посмотрим, что с тобой делать...». Вроде как он тоже не живодер, а справедливый начальник. Парень бегом убежал, на меня даже глянуть побоялся, но после этого человек двадцать молодых решились пойти в санчасть, взяли мазь, и педикулез в нашей роте прошел, слава Богу.

Мне, честно говоря, педикулез в тот момент был особенно нежелателен, поскольку я как раз имел роман с одной из сотрудниц штабного машинописного бюро – Людочкой. В борьбе за эту миниатюрную девушку я, по некоторым сведениям, конкурировал с самим нашим ротным – капитаном Осмоловым.

По роду службы мне тогда пришлось освоить штабную рекогносцировку, поскольку я через день ходил в наряды по штабу - помощником дежурного. Разнообразные мелкие поручения нет-нет, да приводили меня в машинописное бюро, где работали всего две женщины. Одна из которых – Елена Петровна, была женой нач.веща, а вторая, просто вольнонаемная девушка из местных. Они были не очень загружены работой и Елена Петровна, будучи дамой с фантазиями, почему-то постоянно нас с этой Людочкой сватала. Конечно, в виде шуточек и намеков, но каждый раз эти пассажи были на одну и ту же тему: Чего это я - такой красивый и стройный (в ее понимании) сержантик (тем более москвич), не поухаживал бы за такой очаровательной и образованной девушкой. Я, твердо зная свое предпоследнее место в штабной иерархии, довольно долго воспринимал эти намеки как шутки в чистом виде, делал эдакую лучезарно-глупую улыбку скромного и неискушенного в делах сердечных солдата, в душе недоумевая, чего эта тетка не может найти других тем для разговоров, пока я занимаюсь перестановкой их мебели, или пришел отнести-принести документики для распечатывания. А

Елена Петровна не унималась. Она наливала мне чаю и просто требовала, чтобы я как-нибудь на выходной приехал к Людочке в гости, взяв увольнительную. Это при том, что сама мадмуазель сидела рядом и никуда меня не приглашала, а только неопределенно хихикала. В итоге, как Елена Петровна хотела, так и получилось. Люда вроде как нехотя и под давлением старшей подруги дала мне свой адрес, и я приехал к ней в одно из воскресений, купив цветочков и маленький торт, на что ушла вся моя денежная заначка, оставленная было на сигареты.

Больше мне и делать ничего не пришлось, все было практически само собой. Помню, как Людка веселилась, обнаружив на мне отсутствие трусов. Хотя чего тут смеяться, трусов в армии не положено, только подштанники, это знает каждый ребенок. У меня, правда, как у старослужащего, вместо солдатских кальсон были мягонькие тренировочные штанишки, которые я самостоятельно стирал, не реже одного раза в неделю. Кстати говоря, никогда я не припахивал молодых к стирке своей одежды. Всегда сам своей стиркой занимался.

С тех пор я к Людочке пару раз в месяц обязательно приезжал, получив увольнительную, и мы чудненько проводили с ней время, не вылезая из недр ее разложенного диванчика. Так что навещать девушку, имея подозрение на педикулез, совсем не хотелось, и я был очень рад, когда это бедствие нас, наконец, миновало.

Как начнешь вспоминать, столько всего поучительного лезет в голову, что даже мысли путаются. Ну, да кому это все надо? Людям только кажется, что их собственная судьба может кого-то заинтересовать. У нас вот в роту с месяц назад прибыли ребята, выведенные из Афганистана. Все из госпиталей, один без двух пальцев на левой руке – они у него болят, как погода меняется, другой контуженный – вообще жуткое дело, как на небе чуть-чуть облачка появляются, у человека голова - просто раскалывается на части да так, что он на кровати валяется рожей в матрас, башку подушкой накрывает и зубами скрипит. Их бы домой уже отпустить, нет, отправили дослуживать к нам в Забайкальский военный округ. И всем наплевать на них. Так, для вида поспрашивали о том, о сем поверхностно, политинформацию им посвятили - и все. Как там ребята воевали, чего они чувствовали, когда на этих своих фугасах подрывались? Мне, например, очень все это было интересно, но неловко как-то одному выспрашивать, в душу им лезть. А им здесь вообще все дико, они там совсем по-другому служили! Ходили в кроссовках, с офицерами – запросто. А у нас - штаб, люди есть разные. Некоторые на формальности внимания не обращают, а другие: «Товарищ солдат, вы не отдали честь, да не так прошли мимо офицера...» Ребят, это, конечно, сильно бесило первое время. Я в учебке тоже писал заявление с просьбой меня в этот Афганистан направить служить – Выполнять Интернациональный долг. Все писали, под диктовку замполита. И не заставляли нас вроде, так просто неудобно было отрываться от коллектива. Слава Богу, я оказался Родине нужнее здесь, в Борзе. А то поехал бы как миленький. Вернулся бы? Это вопрос без ответа.

Скоро меняться, часов шесть здесь кукую, пока там молодежь лагерь обустривает. Надеюсь, мне уже подготовлено комфортное

место для заслуженного ночного отдыха, ну, и ужин, конечно. Надо не забыть сказать, чтобы ящик мой не потеряли, а то на ногах караул выстаивать – можно в землю врасти по пояс. А мне же скоро домой – себя нужно беречь и готовить к нереальной и загадочной, почти ненастоящей гражданской жизни. Есть ли она на самом деле?

Глава 3

У меня есть основания сомневаться, что армейская служба моего отца, а особенно ее начальный период складывались столь оптимистично. Думается, что здесь изложено скорее то, как бы ему хотелось видеть этот период. Я читал отцовские письма из армии, мама бережно сохранила эти ветхие свидетельства его внутренней жизни, написанные на жалких страничках из дешевых блокнотиков и помещенные в серые конверты ценой одна копейка за две штуки. Марок тогда на солдатские письма не наклеивали – почта пересылала их бесплатно. Эти письма писал совсем не ловкий и шустрый проныра, совсем не ухарь боец-молодец – гроза и мечта всех девок в округе. Правда, там нет явного нытья и вызывающих жалость подробностей, но чувствуется, что человеку очень тяжело. Заметно, что он из деликатности не хочет огорчать и расстраивать своих близких, а временами приходит мысль, что автор письма намеренно выпячивает свою деликатность, оконтуривая ею смиренно переносимые страдания. Общее впечатление остается грустным – почти в каждом письме папа со всей возможной тактичностью, но все же настойчиво, просит прислать ему посылку или бандероль, это он маму нашу просит, которая тогда работала пионервожатой и сама зарабатывала рублей восемьдесят в месяц, что было не на много больше солдатского денежного довольствия!

Мама рассказывала мне, что папу взяли в армию из института, хотя обычно студентам давали бронь, но именно в те несколько лет, когда должен был состояться отцовский призыв, ввели какой-то государственный эксперимент и все брони отменили. Папа наш был худеньким, домашним мальчиком, совершенно не приспособленным к разным «тяготам и лишениям», тем более, что, удачно поступив в институт, в армию идти он совершенно не планировал. Мама предполагала, что у моего дедушки – отцовского отца, была тогда возможность освободить сына от армейской службы, все-таки дедушка был замдиректора крупного академического института, тогда еще не академик, но уже член-корреспондент Академии наук СССР, и помимо работы в институте, он еще и в Академии занимал какую-то административную должность. Мама, конечно, не говорила, что она совершенно уверена и знает наверняка, но ей казалось, что дедушка просто из-

за своих принципов и представлений о социальной справедливости не стал предпринимать соответствующих шагов, что, без всяких сомнений, достойно уважения. Еще мама вспоминала, как они вместе с папиной мамой – моей бабушкой провожали отца на Угрешской улице, где располагался какой-то пересыльный военкомат. Они дежурили там, что-то ему передавали, он к ним перелезал через забор, а во время последнего прощания перед самой отправкой, он впервые поцеловал маму в губы при бабушке, обозначив ее положение не просто как знакомой девушки, а как любимой женщины и невесты. Отец, который был тогда моложе самого младшего из моих сыновей, по маминым воспоминаниям нисколько не унывал, ему даже хотелось улететь в армию от родителей.

Итак, папа мой уходил в армию без уныния, но там ему пришлось испытать много неожиданного и неприятного. Мама мне рассказывала то, что сама узнала от моей бабушки – папиной мамы, которая несколько раз ездила к отцу. Над ним действительно бесстыдно издевался один из сослуживцев – некий Овчаров. Мама говорила, что наш папа был так им запуган, что безропотно отдавал все, что получал из дома. Этот безжалостный человек отобрал у него не только все вещи и съестное, но даже слайды с папиной присяги, которые бабушка снимала, приехав к сыну за девять тысяч километров. Кроме всего прочего отец был вынужден почти ежедневно делать этому Овчарову массаж и даже выдавливать у него прыщи на спине, что было не только унижительно, но еще и сокращало папино и без того непродолжительное время сна, день за днем изматывая его физически. Когда бабушка увидела своего сына на присяге, она не подала виду, но была в ужасе от его худобы, граничившей с дистрофией, от его потухших глаз, от того, как по-звериному он набрасывался на любую еду, и при этом, сам того не замечая, время от времени... попукивал, как это бывает у очень пожилых людей. Папины ноги были стерты во многих местах, потертости давно превратились в гниющие язвы, и он прихрамывал. Как только взгляд папы наткался на кого-то из сослуживцев, лицо его непременно принимало жалостливое, испуганное выражение, и это было ужасно.

Так что, скорее всего, не был мой отец шустрым и пронырливым, и ему, домашнему московскому пареньку, очень тяжело давалось начало военной службы в суровом забайкальском краю.

Еще мама рассказывала, что когда отец отслужил год, его должны были отправить в отпуск, но этого не произошло из-за попойки, во время которой мой папа и еще несколько старослужащих так издевались над ним в чем не повинными молодыми солдатами, что на шум прибежал дежурный офицер, и вместо отпуска папа поехал на гауптвахту. Истории про папины амурные похождения тоже вызывают большое сомнение, они очень расходятся с тем, что другие авторы писали о нравах в Вооруженных силах того времени. Возможно, папа сочинял этот текст уже в тридцатых-сороковых годах, отчасти позабыв, или специально не желая вспоминать, как все было на самом деле в его время. А утки, кстати говоря, из-за своих перепончатых лапок вообще спят только на ровной поверхности и ни на каких

жердочках спать не могут, так что и этот эпизод - скорее всего папина фантазия.

Чартер

Аэропорт и кое-что о жизни.

1993 год, Россия, Москва. На грязном тротуаре, кое-где расцвеченном брошенными обертками, окурками и плевками, возле скромного международного сектора старенького аэропорта, долговязый юноша с выгибающимися назад коленками бодренько отмечал пассажиров в каком-то списке.

Вездесущее весеннее солнышко совершенно одинаково светило и на не вполне опрятных торговцев шашлыками, и на ленивых милиционеров, и на самих пассажиров с глазами, вытаращенными от ужаса при одной мысли, что они могут куда-нибудь не успеть и что-нибудь не услышать. Пассажиров, готовых от этого самого ужаса вцепиться в горло любому прохожему, подвернувшемуся под их горячую, потную и оттянутую сумками руку. А прохожий и сам такой же пассажир, с которым в более спокойной обстановке можно мило поболтать или даже подружиться, ходить потом друг к другу в гости и, смеясь, захлеб вспоминая за рюмочкой, какой кошмар был в этом ужасном московском аэропорту, куда занесла их нелегкая. Как хорошо, сидя на уютной дачной веранде, делиться с внимательным, тонко чувствующим собеседником своими воспоминаниями и размышлениями о жизни, об этой Москве треклятущей, где никому до людей нет дела, где вообще непонятно куда бежать, за что платить, и хоть бы одна сволочь чемнибудь, помогла растерявшимся приезжим! Нет, там свою помощь не предложит никто, и не дождешься ты там обычного человеческого участия, даже если сам к прохожим обратишься за помощью. Вообще могут не ответить, а просто так, мимо пройти! Как будто нет тебя, ты – пустое место, не достойное внимания! Известное дело, москвичи – люди бессердечные и по-хамски воспитанные. Это каждый знает в России матушке. Ничего не поделаешь – столичные штучки! Врезать бы такому наотмашь, да связываться неохота.

Дружелюбное совместное чаепитие, остается фантазией, а на самом деле те самые хорошие люди носятся с остекленевшими глазами, потея или замерзая стоят в очередях, ненавидят друг друга и скрежещут зубами, злобно плюясь, желают каждому встречному всяческих страданий и несчастий. Сами того не подозревая, они распространяют вокруг себя атмосферу страха, тревоги и подавленности, которая неизбежно проявляется у любого случайно в ней оказавшегося в виде беспричинной, поднимающейся откуда-то изнутри злости.

Если внимательно присмотреться, в аэропорту тоже есть настоящая, живая жизнь. Иногда, в паузах между эстрадными песнями, там можно услышать даже птичье щебетание. Живут, оказывается птички среди этого Содома и Гоморры! Зачем они вообще здесь щебечут, если человек даже голоса своего не может услышать - приходится кричать друг другу на ухо или жестами объясняться, а они поют, как ни в чем не бывало! Щебечут, сидя на уцелевших тополях и ясенях, на больших зеленых деревьях, которые всем без разбору дают тенек и прохладу. И нет дела этим возвышающимся над аэропортовской площадью великанам, что наперсточники, например, сегодня хорошо поработали, время уже к обеду – пора бы им и водочки вмазать.... А у кого-то сумка пропала, кто-то на самолет опоздал, а вон там молодая семья распадается, не выдержав окружающего кошмара, а вон пацан трехлетний орет, перекрикивая всю площадь, пока мать тащит его за руку от ларьков с яркими иностранными игрушками, потом оборачивается, наклоняется к своему мальчику и кричит на него, дико выпучив глаза, с лицом, искаженным живой, настоящей ненавистью к собственному родному сыну – ее радости и кровиночке.

Большие деревья знают, что все это проходит, все заканчивается. Придет дождик и бесплатно смоет в сточные канавы бумажки, окурки и плевики. Все, в конце концов, улетят, отдохнут у себя дома и снова станут добрыми, порядочными людьми. Молодая семья постарается забыть как страшный сон то, что здесь случилось, и мамашка ребеночка лишний раз приласкает, когда в себя придет. Может, даже и сумка найдется, а если и нет, то ничего страшного - не последнее же!

В Москве. Надежды и радостное предвкушение
Новое знакомство с хорошими людьми.

- Тимофеева Любовь Петровна!
- Здесь.
- Тимофеев Степан Аркадьевич!

- Здесь.
- Савельев Василий!
- Отсутствует!
- Шутка, шутка Здесь Я. И сразу отметь Степанова, мы через минут пятнадцать вернемся. Паспорта у нас. Да...Да...Да... Пошли Степа...
- Багрицкая Тамара Валентиновна!
- Здесь... здесь... Багрицкая.
- Давайте сами кто есть, подходите, пожалуйста, отметиться...
- Да, спасибо...
- Девушка, как ваша фамилия?... Спасибо...
- Еще раз, как ваша фамилия?... Спасибо.
- Вы?...
- Сможете сами найти себя в списке...?
- Ага... Отлично.

В соответствии с моим списком, тридцать шесть пассажиров собираются вылететь charterным рейсом по маршруту Москва – Иркутск – Тянь-Цзинь (Китай), и еще трое должны присоединиться в Иркутске. Это шоп-тур, или челночный рейс, или просто чартер.

Меня зовут Василий Корабленко. Имею в жизненном активе высшее образование, трехлетнего сына и жену - Марину, беременную нашим вторым ребенком. Эта как-то самопроизвольно получившаяся беременность является обстоятельством одновременно и радостным, и тревожащим. Радостным, потому, что дети вообще обстоятельство положительное, а тревожащим, поскольку живем мы очень уж скудно, в маленькой комнатке, где и одному нашему ребенку не развернуться, а куда поместится второй - даже представить трудно. Я уже почти год после окончания МГУ работаю стажером-исследователем в одном из академических институтов, но на основной работе бываю не очень часто, гораздо чаще я бываю на рынке в Лужниках, где ежедневно торгую сирийской жевательной резинкой.

На этом рейсе я - групповод. Еще не знаю, хорошо это или плохо. За границу лечу в первый раз. Имею взятый из дома запас продуктов на неделю. Настроение лучезарное. Как бы оно ни сложилось, все равно, за границу – это круто!

Мой папа, профессор, доктор наук, был в своей жизни за пределами нашей Родины около пяти или семи раз. Хотя, надо отдать ему должное – он не рвался в заграникомандировки, считая унижительным выпрашивать их у начальства. Каждый отъезд моего отца для меня был наполнен надеждами на нечто невероятное, что можно получить только «там», причем при каких то почти сверхъестественных обстоятельствах. Каждое его возвращение вызывало взрыв разнообразнейших предчувствий и переживаний. Когда он приезжал домой, открывал в большой комнате свой чемодан и собирался раздавать подарки, мое сердце было готово выпрыгнуть из груди и носиться по комнате. А когда я, наконец то, получал что-то в красивой пластмассовой или бумажной упаковке - это было как волшебный подарок от феи. Я даже брал папины подарки с собой в кровать и спал,

засунув их под подушку, притом, что мне было уже лет двенадцать, а то и четырнадцать. Даже как-то неудобно об этом вспоминать, выходит, я был такой алчный и жадный ребенок, которого интересовали только всякие красивые штучки, а не сам приехавший из командировки отец. А теперь вот я, в свои неполные двадцать пять лет, испытывая сложную смесь бурной радости и некоторого тревожащего недоумения, сам лечу куда-то ТУДА.

Меня на эту «халявную» работу устроила сестра жены. Хотя, слово «устроила» еще из того старого, советского времени, когда можно было именно «устроить» на работу даже вопреки здравой необходимости. Сейчас бесполезных субъектов ни в одном мало-мальски приличном заведении держать уже никто не будет. Просто в туристической компании, где она работала, образовался дефицит молодых людей, имеющих загранпаспорт, и она порекомендовала меня, как родственника, за которого может поручиться. Заграничного паспорта и у меня на тот момент не было, но у родителей был знакомый человек, можно сказать – друг семьи, который прямо в МИДе мог посодействовать. Было непросто добиться этого содействия, поскольку обращаться к кому-то с просьбами у нас в семье считалось неприличным, и даже унижительным. Мне с большим трудом удалось убедить маму в необходимости пойти на такой крайний шаг, при этом пришлось пообещать, что если у меня получится на этой работе закрепиться, то я буду летать один-два раза в месяц, а на рынке работать брошу, и больше времени буду отдавать основной работе в институте. Маме как-то удалось убедить отца, к которому я и подойти с таким кощунственным предложением никогда в жизни не решился бы. Отец помог, но не сказал мне на эту тему ни слова, хотя мы и встречались с ним несколько раз, пока я оформлялся. Естественно, он всё знал и, более того, делал по маминой просьбе соответствующие звонки, но, в наших разговорах этот вопрос был самым страшным табу. Эта важнейшая в тот момент семейная проблема никогда не упоминалась в разговорах, подобно тому, как некоторые дикие племена никогда не произносят вслух имена злых духов, угрожающих всему племени смертью. Вероятно, для отца было легче сделать вид, будто ничего не происходит, чем хоть как-то одобрить тот факт, что его сын намеревался идти по кривой дорожке рыночного торгашества.

Так или иначе, я получил паспорт через две недели и тут же был приглашен на собеседование, которое заключалось в пристальном рассматривании моего новенького документа и нескольких малозначимых уточнениях. Потом мне задали щекотливый вопрос: возможно ли еще делать такие паспорта по моему каналу и сколько это стоит, на что, я, изо всех сил напуская туману, уклончиво ответил, что нужно с кем-то поговорить, а получится или нет сделать еще, я пока сказать не могу. При этом я старался не подавать виду, что на самом деле и заикнуться больше не смогу перед своими родителями о каких-то там одолжениях и сделках с совестью. Я твердо знал, что поступок, на который они пошли ради меня, был чуть ли не самым большим за всю их жизнь компромиссом с представлениями о порядочности, и ни о каких «продолжениях сотрудничества» не могло быть и речи, ни при каких обстоятельствах. Тем не менее, после моих путаных

объяснений и туманных обещаний, молодая женщина, проводившая со мной собеседование, взглянула на меня с долей уважения и начала рассказывать о том, что именно мне предстояло делать на новой работе и что я должен был за это получить. Условия выглядели очень соблазнительно – судите сами: бесплатный пролет и недельное проживание в отеле (правда, без питания), пятьдесят долларов - зарплата (за неделю!) и бесплатные 120 килограммов груза. Этот последний пункт я не очень понимал. Чего делать с этими килограммами?

Вообще, воспитанный в академической семье, я с легким пренебрежением и опасением относился к сфере торговли, в частности, к тем знакомым знакомых, которые «таскались» в Польшу с какими-то часами, утюгами, фотоаппаратами а потом что-то кому-то предлагали, продавали.... Я, как учила меня мама, был «выше этого». А уж жуткие рассказы о том, как люди «попадали на деньги» в результате челночного бизнеса и как потом свои долги отработывали, сформировали у меня устойчивую антипатию к этой области.

Несмотря ни на что, у меня был секретный план - попробовать при благоприятных обстоятельствах продать свои килограммы. Возможность заработать за неделю кроме самой поездки ЗА ГРАНИЦУ и пятидесяти долларов (суммы, которая равнялась приблизительно половине тогдашней месячной зарплаты моих родителей) еще долларов около ста казалась мне совершенно нереальной и фантастической. А поскольку, помимо всех этих соображений, я твердо знал, что без труда не вытащишь и рыбку из пруда, и бесплатный сыр бывает только в мышеловке, то с некоторой тоской ждал какого-либо ужасного подвоха или безобразия.

Впрочем, в отношении безобразий было еще чувство предвкушения. Я в целом к безобразиям был морально готов и с интересом поглядывал по сторонам, выискивая глазами симпатичных попутчиц, пытаюсь понять, кто из них без мужика, и размышляя, с чего бы начать знакомство. Вести себя при этом я старался совершенно порядочным образом, не допуская, как мне казалось, по отношению к вверенным мне женщинам никаких двусмысленных поползновений.

Такие вот сложные чувства комкались тогда в моей душе из кусков и осколков прежних понятий. Они пока были разрозненными и почти не связанными ощущениями, им только предстояло увязаться друг с другом и со всем, что ждало меня впереди. Старые конструкции уже не составляли стройной, логически выверенной формы, а новые только намеревались выстраиваться.

Помимо всего прочего, в сложной гамме моих ощущений присутствовал дополнительный тревожный дискомфорт. Его источники были у меня в трусах и в обеих кроссовках. Дело в том, что все деньги для оплаты рейса (заправки, стоянки, всевозможные аэропортовые услуги) вез я. Сумма была чуть больше тридцати тысяч долларов, которые равномерно распределялись у меня между обоими носками и специальным карманом в трусах, который мне пришила мама в ночь перед отлетом. Вызывая легкое недоумение бдительной публики, я то и дело пощупывал это

деньгохранилище. Делал я это через брючный карман и, как мне казалось, совершенно незаметно, но со стороны все выглядело так, будто я ежеминутно проверяю, на месте ли мое мужское достоинство. Сперва мои странные действия несколько настораживали окружающих, но постепенно все привыкли и простили мне эту маленькую слабость, подумав, вероятно, что человека совершенно без отклонений теперь уже и не найти, и пусть лучше я чего-то там трогаю в штанах, чем я был бы злобным, замкнутым и недружелюбным. Или еще чего-нибудь в этом роде подумали мои туристы, прежде чем престать обращать внимание на такое мое странное действие. Толстые пачки в носках, завернутые в скользкие целлофановые пакеты, немного мешали ходьбе. Ноги в слегка великоватых кроссовках беспрерывно съезжали набок, пытаюсь обрести устойчивую почву, а скользкий пакетик оттеснить к краю, скомкать и вжать в угол. Но пакетик был толстенький и не очень то поддавался, поэтому моя пятка оказывалась то справа от него, то слева. Несколько раз я даже слегка спотыкался на ровном месте от такого внезапного перемещения центра тяжести.

Первое впечатление от знакомства с группой неожиданно оказалось приятным. В соответствии с пессимистично-двусмысленными инструкциями, полученными в офисе перед отлетом, и моими личными предположениями, я ожидал попасть во враждебную, хамскую среду, состоящую из хулиганов, алкоголиков и базарных «хабалок». Вместо этого ко мне стали подходить и послушно отмечаться в списке совершенно нормальные, даже симпатичные, иногда мило застенчивые, иногда непринужденно-раскованные женщины, задававшие обычные вопросы всех отъезжающих, и терпеливо выслушивавшие мои не очень компетентные ответы. За ними потянулись дружелюбные, хотя и немного настороженные, но совсем не похожие на головорезов мужчины, которые, помимо всего прочего, сразу добродушно начали приглашать меня в свою большую, шумную и веселую компанию.

От времени назначенного сбора до реальной посадки в самолет, прошло более шести часов, при этом ни малейшего роптания не наблюдалось. Люди были привычные и не скандалили. На первый раз мне с группой повезло. Всё больше моих пассажиров с каждым оборотом стрелки часов выглядели прилично «под шафе», настроение у всех было приподнятое и радостное. Вон, двое парней сидят себе, тихонечко выпивают, иногда поглядывая в мою сторону, нормальные, воспитанные люди, никому не мешают, песен не поют, культурно разговаривают.

- Где же они, Степа, таких лохов находят для этой работы? Ну, вообще же левый пацан какой-то.

- Родственничек чей-нибудь, наверное. У него же написано на физиономии, что он чей-то сынок...

- Летит на халяву, сука...

- За наши считай, денежки...

- А глазками по телкам-то позыркивает, сволочь такая...

- А он не только позыркивает, он еще оттарабанит парочку самых подходящих телочек, которые нам с тобой не дадут, а на него соблазнятся, типа он начальство и в таком духе...

- Да... Но, у нас с тобой Степан, есть перед этим молокососом большое преимущество, мы с тобой никому ничем не обязаны, если гуляем, то на свои, и все у нас в порядке, мы ни перед кем спину не сгибаем и никому не отчитываемся, а он будет всю свою жизнь кому-нибудь жопу лизать, чтоб его на работу взяли да продвинули по служебной лестнице. Мы, что заработаем, все наше, и ответим в случае чего сами за себя. У него, заметь, и сейчас такое на роже заискивающее выражение. Ему бы еще очки...

- Я бы тогда его по этим очечкам приложил бы, как батя учил, не по-детски...

- А бабы, Степан, все наши будут. Им только башли светани, и тут же они перед нами табуном будут гарцевать и в глаза томно заглядывать.

- Это точно, у всех у них, паскуд, натура одинаковая. Моя вон...

- К нам идет чего-то...

- Василий, не хотите с нами водочки?...

- Нет? Напрасно, от чистого сердца приглашаем вас к нашему импровизированному столу, ну да ладно, ясно... работа есть работа...

- Одеколончиком, похоже, прыскается, говно такое...

- Да и хер с ним, давай, Степан, за нас с тобой, чтоб мы в жизни остались нормальными мужиками и не спаскудились, как этот вот юноша!

- Будем здоровы!

В кулуарах самолета

Наконец, меня провели на борт воздушного судна, чтобы я заплатил командиру премиальные, указанные в перечне расходов. Я впервые находился в пустом самолете, где командир здоровался со мной за руку, как со своим, а стюардессы без всякой просьбы приносили нам на подносе минералку. При этом, пока мы с командиром «занимались делами», другие

члены экипажа деликатненько вышли погулять. Второй пилот показался мне немного сердитым, но было полно других впечатлений, от которых я не мог не ощутить себя весьма значительной персоной. Бросив сумку на три самых комфортных передних места, я вернулся к своей группе, проходившей в тот момент пограничный и таможенный контроль, а экипаж остался на воздушном судне, готовиться к вылету.

- Забавный мальчишка. Типа моего Вовки, наверное, только институт заканчивает. Этот, правда, вроде как пристроенный к работе, а моему куда устраиваться, большой вопрос...

- Как его зовут-то, командир?

- Сейчас гляну... Корабленко Василий Владимирович.

- Дал бы я по жопе этому Василию Владимировичу хорошей хворостиной, чтоб маленько его в чуйство привести, а потом уже с ним разговаривал!

- Чего это ты так на молодежь осерчал, товарищ второй пилот?

- Да противно, командир, борт наш в летающий бардак превращать за их паршивые премиальные. И девчонок наших жалко. Эти же орлы через полчаса пьяные в салон завалятся, начнут водку жрать, хамить, требовать, чтобы им песен завели, деньги свои провонявшие пихать и к нам в кабину ломиться: «На тебе дядя сто баксов, дай порулить самолетом». Тошно от всего этого.

- А что делать, дорогой мой товарищ второй пилот? Ребята из внутренних отрядов вообще бамбук курят. Видно, время поменялось. Наше с тобой ушло, их пришло...

- Ну что ты говоришь, командир?! Чье время ушло? Чье пришло? Да как это вообще может быть? Мы с тобой по двадцать лет без малого отлетали, сколько образцов новой техники освоили, только мы их самолеты перегруженные можем сажать и с полосы не выкатываться. Мы с тобой профессионалы! А они недоучки и поганцы малолетние. Им еще учиться каждому года по три, по четыре, таким Василиям Владимировичам, чтоб хоть по-русски грамотно слова выговаривать. А он здесь приходит, засранец, нам премиальные раздавать.... Капиталисты, етить твою...

- Ну, не кипятись ты... А вот скажи, что бы ты для своего сына предпочел, чтобы он без денег мыкался или вот так, как этот пацан, например, группы сопровождал?

- Ты, командир, не хуже меня знаешь, где мой сын сейчас свой долг Родине отдает за таких вот, как эта тонконогая макаронина с баксами. Он сам свой выбор сделал в соответствии с моим воспитанием и нашими семейными традициями...

- А я тебе скажу, без всякого сожаления отменил бы я все семейные традиции и всё воспитание для своего Вовки, лишь бы у него в жизни все сложилось нормально. Не хочу, знаешь, чтобы он героически преодолевал что-нибудь, как мы с тобой, и с чем-нибудь боролся, а в конце концов еще героически отдал бы за это что-то свою молодую жизнь! Не хочу, чтобы ему приходилось свою гордость в чай вместо сахара замешивать.

Пусть бы просто пожил парень по-человечески, женился бы, детишек нарожал мне, внучков...

- И жопы чтоб вылизывал таким как этот господин с баксами и его начальники.

- Этого бы не хотелось, да мы и не знаем с тобой, как у них все происходит, может, и не хуже чем у нас?

- Ладно, командир, я здесь спорить не буду, но платформы у нас с тобой разные.

- Да и наплевать на эти платформы.

- И то верно... категорически согласен.

Пару раз по ходу регистрации возникали мелкие формальные вопросы, и туристы, указывая в мою сторону, говорили: «Вон наш старший, спросите у него...»

Господи! Я!!! Старший!!! Да я всегда был самым младшим!!! Самым младшим в своей семье, среди родителей и старших братьев. Самым младшим среди школьных и институтских приятелей, если не по возрасту, то по статусу внутри компании. А здесь я – старший для почти сорока полноценных взрослых людей, да притом еще и не последнего достатка и социального положения. По крайней мере, в материальном плане, мне до них как до Луны.

Это очень приятно, когда тебя считают «старшим» и при этом дружелюбно относятся ко всем твоим промахам. Особенно если вспомнить, как за несколько часов до этого ты со своим интеллигентским апломбом опасался унижительной роли обслуживающего персонала при ограниченных, агрессивных и грубых людях.

По мере того как хвост группы сокращался и подходила моя очередь, я ощущал нарастающее беспокойство. А вдруг меня обыщут, и начнется скандал! Инструкция на этот счет была простая: сказать, что деньги мои личные. Но хотя я согласно кивнул тогда в офисе, в настоящий момент у меня совсем не было твердой уверенности, что я так сделаю, ведь тогда надо будет объяснять, откуда они собственно, у меня взялись. Ни я, ни мои родители, никто из моей семьи таких денег никогда в руках не держал, и объяснить их происхождение мне было совершенно невозможно. Но все мои страхи, к счастью, развеялись, как только я подошел к стойке инспектора - тот, шлепнув печать на моей декларации, подал мне ладошку для рукопожатия и задал только один вопрос: «Твои все?» Я облегченно и радостно закивал, понимая, что на этой таможне обыскивать групповодов не принято.

В самолете после посадки всех пассажиров еще остались места, поэтому мы расселись вольготно. Наиболее неугомонные (а таких было большинство), опрокинув спинки передних кресел и рассевшись вокруг

них, как вокруг столов, продолжали начатую в аэропорту выпивку. Многие переоделись в спортивные костюмы и тапочки. Кто-то дремал, расположившись на целом ряду кресел и укрывшись тремя-четырьмя пледами. Некоторых «особо выпимших» пассажиров, заботливые стюардессы препроваживали спать в пустом заднем салоне, который предназначался для багажа туристов на обратной дороге.

Обстановка, в общем, была совсем не такой пристойной как на обычном, тем более, международном рейсе. Наш самолет чем-то напомнил мне студенческое общежитие. Люди устали от многочасового сидения и стояния в аэропорту, впереди у них была неделя какой-то особенной, еще не знакомой мне, но уже притягательной, жизни. Экипаж, отчасти понимая эти обстоятельства, отчасти, под влиянием премиальных, совершенно не возражал против домашней обстановки. Стюардессы, правда, произнесли на двух языках обязательные инструкции про «застегнуть ремни и привести спинки кресел в вертикальное положение», но вместо борьбы с их невыполнением, дружелюбно начали раздавать выпивавшим пластиковые стаканчики для напитков и аэрофлотовские чайные чашечки с блюдцами вместо пепельниц.

Меня все наперебой звали присоединяться. Я благоразумно отказывался некоторое время, ссылаясь на необходимость разобрать сопроводительные бумаги.

Через часик, не желая прослыть снобом и польщенный настойчивым вниманием людей старших и гораздо более опытных, я, конечно, уже выпивал то в одной, то в другой компании.

Моя давнишняя проблема – запомнить, как кого зовут. Вдвойне неудобно, поскольку как зовут меня, все уже выучили.

Но все же, постепенно некоторые пассажиры обрели «устойчивость» в моей голове. Уже есть к кому обратиться по имени, уже разговоры стали почти товарищескими, уже почти ушла неуверенность, на месте которой постепенно начало вырастать радостно-азартное ощущение, что все тьфу, тьфу, тьфу... похоже получается. Я начал чувствовать безопасность, подконтрольность и предсказуемость происходившего. Пришло ощущение, что я здесь принят, свой, и притом мое место довольно высокопоставленное.

В двух шагах от меня, уже опрокинув не один десяток маленьких стаканчиков, расположился огромного размера парень, которого знали почти все. Его звали – Саша Цукану. Он из Молдавии. С первой минуты сбора в аэропорту вокруг него образовался хохочущий клубок. Кажется, что он может шутить по поводу всего на свете. Глядя на его дружелюбную ухмылочку, каждый ощущал себя причастным к чему-то озорному и веселому. Женщины, снисходительно прощали ему самые сальные и скабрзные шуточки, поскольку даже они выходили у Саши Цукану мило, необидно и смешно. Постепенно я заметил, что Сашина живая и веселая улыбка начала стекленеть и увел его в задний салон поспать. Он не сопротивлялся и послушно пошел со мной по проходу, попутно отпуская

шуточки, смысл которых был уже не вполне понятен, поскольку язык, едва его слушался.

Невдалеке спали, нежно обнявшись и укрывшись пледом двое, напоминавшие молодоженов. Если бы я не знал по спискам, что у них разные фамилии и не видел, как в аэропорту каждого провожал законный супруг или супруга, я бы просто за них порадовался. Теперь я радуюсь за них вдвойне, и конечно выполняя их «законную» просьбу, расселю вместе, в одном номере. У людей есть возможность побыть друг с другом недельку, не убегая воровским способом из семьи на несколько часов, не выкручиваясь и не придумывая глупых отговорок. Совмещая, если можно так выразиться, приятное с полезным. Кстати, по отрывкам разговоров, я понял, что их «вторые половины» хорошо знают друг друга, поскольку ведут совместный бизнес по реализации в Москве того самого «колониального товара» за которым мои «молодожены» полетели. И всем хорошо.

Еще в самолете была неумолимая компания. Их человек шесть-семь. Все летают и знают друг-друга давно, все у них отработано, все идет по накатанной. Они не переживали, как новички о том, где что закупить, как упаковать, почем взять. Их китайские партнеры уже знали о дате их прибытия и ждали с готовым товаром. Вопрос что и почем покупать они для себя решили больше года назад, ассортимент был им знаком, точно свои пять пальцев. Как большие профессионалы, они могли позволить себе не напрягаться.

Новички всегда мечтают втиснуться в такой коллективчик, поскольку рассчитывают на приобретение бесценного опыта, на знакомство с китайскими производителями. В «нашей» компании в качестве новичков были две милые девушки (не считая меня). Они храбро пили водку наравне с гостеприимными ребятами-«старичками», и, похоже, готовы были к любым (в разумных пределах) испытаниям.

Еще две милovidные девушки, с которыми меня познакомил Саша Цукану – Катя и Настя, тихонько дремали, укрывшись пледами. С самого начала они почти не участвовали в общем веселье, но не по причине стеснительности, а видимо, потеряв уже интерес к самолетным попойкам. Некоторое время они наблюдали за происходившим с легким оттенком скептического интереса, как умудренный жизнью человек смотрит на резвящуюся молодежь, а вскоре уснули, не обращая внимания на окружающий праздник жизни.

Мой огромный интерес с самого начала вызывали две очень интеллигентные, ухоженные женщины, похожие на образованных и совсем не бедных жен (или сильно выросших дочек) советской элиты. Им было чуть больше сорока, у обеих, судя по разговорам, дети подростки. По поводу мужей ничего не понятно - приехали в аэропорт сами, без провожатых. Но хотя обе были хорошо одеты и явно следили за собой, одна уже не сильно привлекала внимание – казалась эдакой «тетенькой без сексуального подтекста», чего не скажешь о второй, которая сразу будоражила фантазию. О таких говорят: эффектная женщина - высокая, элегантная, женственно грациозная, с красивыми ухоженными руками, унизанными стильными

колечками и идеальным маникюром. На правильном, интеллигентном лице глаза и губы, составляющие завораживающее, почти гипнотическое действие на мужчин. Она казалась все понимающей, и совсем не строгой, а... ласковой, что ли. Это очень располагало и притягивало, я сразу заметил, что не только меня. Вели они себя совершенно не чопорно, а абсолютно просто и открыто, но как-то так, что все ухажеры понемногу от них отстали, переориентировавшись на девчонок-хохотушек.

Что-то мне подсказывало, что обе эти женщины - еврейки. Моя мама сразу бы определила, а я только предполагал. В принципе, похоже - густые черные волосы, глаза карие, и что-то еще, не пойму что... А мне что? Хоть еврейки, хоть хохлушки! Лишь бы человек хороший был. Издалека я наблюдал за тем, как они беседовали и грациозно пили кофе.

- Ирина Борисовна, вы бы хотели провести несколько дней в нежных объятиях такого вот трогательно-худенького юноши? Он обожал бы вас, восторженно боготворил, нежно целовал бы ваши пальчики и неутомимо любил каждую ночь?

- Я бы, Наташенька, не отказалась, конечно, но смотрит то он больше в твою сторону, да и твой интерес к этому мальчику, судя по твоим глазкам, уже вполне определился, моя дорогая.

- Ты же знаешь, Ирочка, что это невозможно. К сожалению, придется отложить наш роман на неопределенный срок... Но как мне его хочется, и глазки у него такие... многообещающие. Так бы и впилась в него, просто разорвала бы на кусочки без всякого стеснения и без пощады... выпила бы все, что у него есть для меня...

- Ну что ж, не забудь ему пару раз загадочно улыбнуться, чтобы он раньше времени не убежал в чужой огород. Хотя это почти неизбежно...

- Я буду страдать...

- Надеюсь, не очень сильно, моя дорогая.

Иркутск, его не перепрыгнешь.

Через восемь часов после взлета наш самолет должен был приземлиться для дозаправки в аэропорту города Иркутска. Можно было бы долететь и напрямую, но как мне объяснили пилоты, заправка керосином в Китае в несколько раз дороже, чем то же количество топлива в городе на Ангаре. Выгоднее оплатить одну лишнюю взлет-посадку, тем более, по тем же невысоким российским расценкам. Одно только плохо. Этого дешевого керосина в Иркутске никогда не бывает, и даже регулярные рейсы стоят по несколько суток с пустыми баками. У нашего туристического агентства в

Иркутске свои представители, знающие нужных людей в аэропортовых службах, и должны добиться, чтобы нам – чартеру, которому вообще ничего не положено, дали керосин в первую очередь. Надежда вся на них, поскольку просидеть в Иркутском зале ожидания хотя бы сутки, при оплаченной в Китае гостинице, не хочется никому. Перед посадкой почти все просыпаются, бросают есть-пить, приводят себя в порядок, рассаживаются. Кое-кто даже принимается читать газеты.

Сели ранним утром. На запрос командира о заправке, службы аэропорта привычно ответили, что керосина нет, и посоветовали улетать на своем топливе, поскольку с их точки зрения, ждать нечего. Причины отсутствия топлива назывались совершенно фантастическими, вроде того, что в результате жуткой аварии перестала работать единственная труба, и топлива физически не поступит очень долго. Послушать их, городу грозит скорый энергетический кризис, который приведет к остановке жизни вообще!

Я слушал все эти ужасы, видел обилие людей, не первый день сидящих в зале ожидания, и был уверен, что мы не улетим отсюда никогда. Меня охватывала тоска и безнадежность. Я чувствовал огромную вину, стыд и ответственность перед моими пассажирами, которые терпеливо и с надеждой дожидались меня в самолете. Я не мог представить, как вернусь «к себе» на самолет и что им скажу? Что я ничего не знаю, и, возможно, мы останемся здесь навсегда? Но как не хотелось бы!

В этот момент я смог осознать, что смутное ощущение потери, отсутствия чего-то важного, которое заставляло меня уже по пятому разу тревожно перебирать свои документы и ежеминутно щупать свой заветный карман на трусах, вызвано ни чем иным, как отсутствием обещанных мне представителей, которые и должны были все чудесным способом решить и организовать. Эта спасительная мысль дала надежду, а заодно и направление деятельности.

Я начал расспрашивать сотрудников аэропорта. Про наших представителей никто не знал, тем более, что я был уже в «заграничной» зоне, там где могут находиться только пассажиры, уже прошедшие паспортный и таможенный контроль, и в моем паспорте уже стоял штамп о вылете из нашей страны через контрольно-пропускной пункт аэропорта Домодедово. Я набрался наглости (еще двенадцать часов назад я бы, наверное, не сделал этого даже под страхом расстрела) и, подойдя к ближайшему пограничному инспектору, заговорщицким голосом объяснил в двух словах ситуацию и попросил дать мне выйти в город на полчаса. Он внимательно выслушал мои слова и сделал длинную паузу.... Внезапно постигнув ее смысл, я тихонечко, в виде рукопожатия передал ему двадцать долларов, сам деревенея от такого кощунственного поступка, совершенно недостойного сына без пяти минут академика! Засунув мою (из личных средств) двадцатку в карман своих штанов, пограничник, не меняя выражения лица, сделал мне знак глазами и негромко сказал, что его смена кончается через два с половиной часа. Я незаконно пересек государственную границу Российской Федерации и понесся в аэропорт.

Купив жетончиков в ларьке возле аппетитно пожиравших деньги игровых автоматов, метнулся к висевшему на стене телефону и начал названивать по номерам, которые мне дали в Москве «на всякий случай». По двум номерам никто не отвечал, на третьем ответил женский, точнее старушечий голос. Когда я сбивчиво растолковал в чем дело, бабулечка-вахтерша дружелюбно объяснила мне, что я дозвонился в аэропортовскую гостиницу, и этих ребят она знает, но где они сейчас, сказать не может. Телефоны, по которым я безуспешно названивал сначала, это их телефоны в номерах, но то, что они не отвечают, совсем не значит, что их дома нет. Бабуля мудро посоветовала прийти и настойчиво постучать к ним в дверь, поскольку к телефону они могут не подходит, затем дала номера их комнат и объяснила, как дойти до гостиницы.

Спасибо этой доброй женщине! Я до сих пор испытываю к ней чувство глубокой признательности. Ведь возможно отчасти ей я обязан всем, что сейчас имею теперь в жизни. Она помогла мне в моей первой нештатной ситуации! Спасибо еще раз!

Примчавшись в гостиницу, благо она была в пяти минутах ходьбы от аэропорта, я, нашел нужные номера и начал ломиться в заветные, расположенные друг рядом с другом двери рискуя их выломать, и как заклинание, шептал одними губами: «Только бы они были дома»!

Они оказались дома! Просто спали! Сначала открылась дверь справа и оттуда высунулась заспанная, испуганная белобрысая мордашка, как мне показалось, почти ребенка. Я назвал себя, в двух словах рассказал, в чем дело, зачем-то передавая историю про трубу и энергетический кризис. По ходу моего повествования паренек приосанился, и, в конце концов, перебил меня недовольным: «Ну и чего было так в дверь колошматить»?! Мне было начальственным голосом приказано ждать здесь. Я стал ждать. Представители, по иерархии предприятия, где я начинал свою карьеру, были рангом выше групповодов. А рангом ниже групповодов (то есть меня) не было никого. Посему, мне нужно было быть предельно тактичным. Парень быстро оделся, вышел в коридор и оказался молодым человеком лет девятнадцати-двадцати, совсем маленького роста, абсолютным альбиносом с бледно-голубыми глазами. Запах алкоголя, распространившийся из его комнаты в коридор, будоражил в моей голове проблему детского алкоголизма.

Мы пошли с ним на другой этаж, как я понял, к ГЛАВНОМУ представителю. Пришли в такой же номер, только этажом выше. Главный представитель – худой парень с не очень приятным лицом, где под крючковатым носом презрительно изгибались тонкие губки, валялся одетый на полуразобранной кровати и смотрел телевизор. Кстати, он тоже был блондином, и, хотя больше ничем на своего «младшего» коллегу внешне не походил, мысль о том, что они или родственники, или члены какой-то тайной, возможно злодейской организации, долго меня не покидала. Мой провожатый неожиданно басистым, даже суровым голосом, совсем коротко, буквально в двух словах изложил цель моего визита, как мне показалось, упустив самое главное (про трубу и энергетический кризис). Главный

представитель, едва удостоив меня мимолетным, но красноречиво хамским взглядом, молча кивнул своему коллеге, после чего мы оба вышли в коридор. Он, судя по скрипу панцирной сетки, тем временем начал «вставание с кровати». В этот момент я подумал, что у него имеются какие-то скрытые личные обиды на Московскую метрополию, что, кстати, в последствии и подтвердилось: В мою следующую поездку он уже работал на той же должности в свежееорганизованной фирме наших конкурентов.

Заполняя неловкую паузу, я всего лишь решил задать вопрос про их не отвечающие телефоны. Юный альбинос зыркнул на меня светло-голубыми глазками, и пояснил, что у него телефон вчера «случайно поломался», а «главный» как назло решил переехать в другой номер, и новый телефон сообщить в Москву еще не успел.

Я стоял и думал, что, наверное, в нашей жизни все организовалось не совсем правильно, если такие неприятные люди выходят в разряд незаменимых. И мне, преследовавшему благородные интересы спасения новых товарищей, уже захотелось пожелать этим блондинчикам всяческих неудач в деле заправки «моего» самолета. Я конечно, непрерывно отгонял от себя эти еретические мысли и поминутно плевал через левое плечо, что бы не сглазить. Со стороны это, наверное, выглядело странно: Стоит эдакий сильно возбужденный и не очень бритый юноша со слегка диковатым взором и через каждые тридцать-сорок секунд чуть поворачивая голову к левому плечу, немного приоткрывает левый же уголок рта, после чего дозированно и ритмично троекратно выдыхает через нее воздух со странным характерным звуком, немного похожим на имитацию детьми стрельбы, когда они тихонечко играют в войну.

Блондинчик начал на меня посматривать с опаской, разговор прекратился, мы стояли молча. Я раскачивался на своих выгнутых коленках вперед и назад и продолжал «поплевывать», а он все чаще, и все беспокойнее поднимал на меня настороженно непонимающие глазки, оконтуренные сверху фрагментарными беленькими ресничками и едва заметными беленькими бровками. Иногда он даже морщил при этом лобик. Напряжение все нарастало, и я не знаю, чем бы кончилось наше невербальное противостояние, если бы через десять минут не открылась дверь, и главный представитель не двинулся бы по коридору в сторону выхода, практически не замечая нас. Мы молча и без вопросов последовали за ним на расстоянии метра-полтора. Я недоумевал, но решил помалкивать, чтобы не спросить чего лишнего.

Нас заправили через час. Откуда-то подъехали один за другим несколько стареньких заправщиков, и двое рабочих в коалиции с нашими техниками, начали заполнять резервуары керосином. Пассажиров по моей просьбе даже не стали выводить в зал ожидания на время заправки, что является страшным нарушением инструкции по авиационной безопасности (как я узнал позднее). К этому моменту я был уже на самолете, где чувствовал себя превосходно. Все благодарно и уважительно смотрели на меня, и сам я чувствовал себя героем, не больше, не меньше. Надо сказать, что обычное время «транзитного» пребывания чартера в иркутском

аэропорту на бывало меньше двенадцати-четырнадцати часов, мы же через четыре часа после приземления уже выруливали на взлетную полосу с полными баками.

Вот он – братский Китай.
Ты мне нравишься, Китай, а как я тебе?

От Иркутска до Тянь-Цзиня лету всего часов пять, не больше. Уже почти никто не выпивал, все были взбудоражены в предвкушении окончания перелета и начала работы.

Мы пошли на посадку - за окошком были видны ниточки дорог с перемещающимися точками автотранспорта. Потом стали видны дома, пешеходы, велосипедисты – и все, между прочим, иностранное.

Сели мы с легким дребезжанием, незакрепленные дверки хлопали, что-то громко падало на пол, пассажиры сидели смирно и дисциплинированно. Когда все шасси коснулись земли, группа облегченно и радостно зааплодировала командиру. Мы вырулили на стоянку, стюардессы открыли дверь, и в салон ворвался горячий и сухой – иностранный воздух. Я принялся и почувствовал что-то особенное. В этот момент к нам на велосипеде подъехал китаец в синей форме, остановился возле самолета и стал спокойно ждать. Потом подошли еще трое, и, наконец, подъехал трап, по которому нам поднялся представитель карантинной службы. Я встал, максимально вежливо улыбаясь, он мне кивнул, прошел через весь салон, бегло оглядывая вновь прибывших в Поднебесную, спросил по-русски, все ли здоровы, и нет ли на борту животных? Все категорически затрясли головами. Мол, все в полном порядке. Я знал, что должен был заплатить ему небольшую официальную пошлину. Деньги я благоразумно отсчитал заранее в туалете, чтобы не показывать толстую пачку, и он, получив их, задал мне вопрос в одно слово: «Фапьяр!?!». Я не знал что такое «фапьяр», но на всякий случай кивнул головой, и он выписал мне квитанцию на бланке с иероглифами и поставил на нем печать с большой пятиконечной звездой.

«Фапьяр» - это и есть квитанция. По ним я буду отчитываться в Москве. Фапьяры в Китае дают все, даже таксисты. Их нужно собирать, поскольку без документа в Москве деньги могут не возместить, а с документом – в два счета (если ты не вылез за пределы своих «прочих» расходов).

Дальше к нам поднялись пограничники. Им я передал свой наиболее ценный документ – групповую визу. Они ее внимательно изучили, поставили какие-то штампы, строго посмотрели на меня, уточнили количество людей и ушли. Подошел аэропортовский автобус и нас пригласили выходить. Внизу уже суетилось множество людей в униформе. Одни сливали туалеты, другие подсоединяли какие-то кабеля, третьи, вооруженные ведрами и швабрами, ждали нашего ухода, чтобы приступить к уборке салона.

Нас привезли в красивый, просторный, современный аэропорт. Я такие аэропорты видел только в кино. Здесь было даже лучше, чем в нашем Шереметьево-2, гораздо свободнее и чище. Группа начала проходить паспортный и таможенный контроль, я стоял со своей сумкой через плечо в конце и наблюдал за общей ситуацией. Через несколько минут подошла улыбчивая девушка-китаянка и сказала по-русски, что она – представитель китайской принимающей стороны и автобус для перевозки группы в гостиницу уже ждет. Все происходило очень быстро, организованно и аккуратно, совсем не похоже на наше бестолковое российское шатание из угла в угол. Через несколько минут появился низенький, плотный парень, который прошел мимо паспортного контроля, гордо предъявив какой-то пропуск. Он подошел почти ко мне и, окидывая взглядом пространство, недовольно обратился ко всей группе: «Где ваш групповод!?» Я, в полуметре от него, сдержанно и негромко ответил, что я здесь и в этот же момент понял, что это и есть тот самый легендарный китайский представитель по фамилии Крючок. Чувство радости и облегчения родилось в моем сердце оттого, что, наконец, я встретил коллегу, русского, который знает китайский язык, местные правила и сейчас скажет, что мне делать дальше с пакетами в ботинках и в трусах. Я даже не обиделся на его высокомерный тон и вызывающий вид. Похоже, это было принято в нашем агентстве среди персонала.

Крючок с полминуты смотрел на меня снизу вверх. Думаю, он многое бы отдал, чтоб смотреть наоборот, но увы... Потом даже без «здрассте» сквозь зубы, он задал мне один вопрос: «Рейс оплатил?» Я честно ответил, что нет, и не знаю, как оплачивать, потому, что я первый раз. Тогда старший товарищ сделал мне приглашающий знак головой и, бурча что-то про безобразную работу московского офиса и про то, что не его дело учить групповодов, повел меня через несколько лестниц и коридоров в какую-то комнату. Там Крючок подвел меня к конторке, где, обменявшись с китаянкой в очках, парой фраз по-китайски, сказал мне: «Плати». Китаянка, улыбаясь, выжидательно смотрела на меня, показывая счет на сумму около двенадцати тысяч долларов. Уточнив, что это за взлет-посадку и стоянку, я, преодолевая неудобство, снял кроссовок, и достал один из целлофановых пакетиков. На меня невозмутимо смотрели полтора десятка китайцев и наш представитель. Изобразив на лице немного виноватую улыбку, я отсчитал деньги. Получив всю сумму, китайская женщина просмотрела каждую купюру, на многих даже рисуя каким-то специальным карандашом, - как я догадался, для проверки на подлинность. Несколько купюр при этом она

попросила заменить. Процедура оплаты заняла почти час, потом мы пошли в следующий офис и заплатили за питание, потом за что-то еще, и еще. Хорошо, что по дороге оказался туалет, и я смог достать деньги из последнего потайного места. Хотя, похоже, даже если бы я залез вместо кроссовка к себе в трусы, это не вызвало бы у сдержанных китайских товарищей никакой особой реакции.

В месте последней оплаты Крючок меня покинул, сославшись на неотложные дела.

- Але, Москва, переведите меня на чартерный отдел и побыстрее, пожалуйста, я из Пекина звоню... Моя фамилия Крючок, пора бы выучить.

- Але, кто это? Маша? Привет Маша, ты узнала меня... ну хорошо. Слушай, кто у вас занимается набором групповодов?

- Да все мы всем занимаемся, кто кого приведет. Сейчас же проблема с этими новыми паспортами...

- Маша, я не знаю, с чем там у вас проблемы, но присылать таких дебилов как сегодня, больше не надо. Хорошо?

- Ну, хорошо..., а кто к вам прилетел такой ужасный?

- Вы уж там сами разберитесь кто он и как его зовут, длинный такой, худой с блуждающей идиотской улыбкой на физиономии. Я не смогу нормально рейсы обслуживать, если групповоды будут при начальнике аэропорта деньги из трусов доставать и сразу после приземления, бросив группу, возьмут моду ломиться на рынок. Между прочим, группа до сих пор сидит в автобусе, а его нет. Где он, я не знаю. Это просто вам для информации. К тому же у него ни английского, ни китайского. Ну все, остальное нормально, по вылету рейса еще отзвоню. Пока.

Оплатив последний счет и спрятав очередной фальшпаспорт, я с ужасом понял, что не знаю куда идти. Китайцы, к которым я пробовал обращаться по-английски, улыбались, но не понимали ничего. Не поддаваясь панике, я стал блуждать по коридорам, и на счастье, минут через двадцать выбрался обратно к тем же самым конторкам паспортного и таможенного контроля, где оставил свою группу уже почти три часа назад. Меня терпеливо ждала девочка-гид, вся группа сидела в автобусе. Несмотря на мою явную причастность к администрации, пограничники бдительно отыскали мою фамилию в списке, по буквам сверили ее с тем, что было написано в паспорте и, широко улыбнувшись китайской переводчице, поставили на нашу групповую визу последний большой штамп с несколькими звездами и множеством иероглифов. Я уже ничего не соображал, и даже забыл забрать у пограничников необходимый для обратного вылета группы визовый список. Спасибо переводчице, она вернулась специально за моим экземпляром.

Когда я снова появился возле своих туристов, группа уже совершенно измучилась сидеть на жаре в автобусе, многие сердито на меня посматривали, и были совершенно правы. Вообще-то представители сами должны были платить за рейс, просто забирая деньги у групповода, и не заставляя туристов ждать по три часа. Но в моем случае Крючок почему-то решил наказать меня, а заодно и всех туристов, прогнав по этому «большому кругу». В Москву при этом поступило сообщение, что группа просидела в аэропорту Тяньцзиня три часа по вине групповода (то есть меня), который сразу по приезде «ломанулся» на рынок, и его три часа не могли там выловить. Получив такую бессовестно лживую информацию, высшее руководство уже приняло решение по возвращении в Москву уволить меня без начисления зарплаты, но я об этом пока ничего не знал, и со счастливым чувством выполненного долга ехал из Тянь-Цзиня в Пекин. Как только мы выбрались из города, по обеим сторонам нашего роскошного хайвея, исчезли красивые, современные постройки, и показались поля, перемежавшиеся с хижинами и бродившими возле них людьми в лохмотьях. Один раз, когда мы стояли на светофоре, я несколько минут смотрел, как оборванный китайский мальчик вел за собой корову. Веревка, за которую он ее тащил, была продета корове через пустую, черную глазницу и в дырку над тем местом, где у человека расположена бровь. У меня эта картина вызывала ужас, но для окружающих мальчика и корову китайцев ситуация была в порядке вещей.

Всего дорога из Тянь-Цзиня в Пекин занимает около трех часов. Это, если ехать по хайвею. Когда же по хайвею ехать нельзя (например, если накануне был снегопад, и там сплошные пробки), приходится тратить часов шесть-восемь на петляние по узеньким окольным дорожкам, где многих тошнит от обилия поворотов. В тот первый раз, мы благополучно ехали по скоростной дороге и в назначенный срок, были в гостинице.

Я вместе с переводчицей китайкой быстренько разместил всех по номерам, отметил у себя в списке, кто где живет, а мне при этом достался отдельный номер с огромной кроватью, поскольку я оказался последний и не парный.

Номер мне показался шикарным, я видел подобную роскошь впервые в жизни, но впечатлений к этому моменту накопилось столько, что удивляться и восхищаться сил уже не было. Я просто сбросил свою синюю спортивную сумку, наполовину заполненную провизией, скинул уже «прикипевшие» к ногам кроссовки, сознательно купленные в Москве на размер больше, чтобы можно было зимой носить с шерстяным носком, выпал из пузырившихся на коленках джинсиков, и, проведя пять минут под капиталистическим душем, забрался в огромную, застеленную крахмальными простынями и изобилующую подушками кровать.

Засыпая, я ни думал ни о чем. Было только ощущение громадного прорыва в новый и замечательный мир, где кругом столько всего потрясающего, где совсем не страшно, и где мне многое по плечу.

Работа есть работа. Но и заграница есть заграница.

На следующий день я получил от Крючка ключ и замок от склада, возле которого находилось мое рабочее место. Это был большой сорокафутовый контейнер, располагавшийся в техническом дворе отеля и предназначенный для хранения багажа моих туристов. Багаж представлял собой огромные баулы, очень плотно набитые различной мануфактурой и сверху обмотанные сплошным слоем рыжего скотча. Моя задача была - ежевечерне находиться возле этого контейнера и принимать мешки на хранение, взвешивая их на китайских весах с гирьками. Ворочая эти мешки, я каждый раз с удивлением обнаруживал, что мои руки покрываются черным налетом, наподобие сажи, смешанной с машинным маслом. Как я понял впоследствии, эта неприятная субстанция оседала на мешках из атмосферы китайских складов и рынков. Этим дышали все жители китайской столицы, этим дышали и мы. Чтобы не исказить историческую реальность нужно добавить, что здания, люди и машины в Пекине не покрыты никаким черным налетом, и, кажется, никто не умирает, задыхаясь, на улицах. Наоборот, все достаточно опрятно и ухожено.

Из-за работы все групповоды были исключены из вечерних развлечений, когда все встречались на ужине, завязывали знакомства, в том числе и романтические. Я поздно приходил со склада и трескал в номере то, что привез из Москвы. Зато днем мое время было совершенно свободно, и я с упоением таскался по китайским рынкам с какой-нибудь компанией. Кстати, это занятие оказалось весьма увлекательным, тем более, что мои неуверенные предложения по поводу экскурсий на Великую Китайскую Стену или куда-нибудь еще никто не поддержал. Я так и не посетил ни разу ни одно китайское историческое место или музей, хотя рейсов, после этого первого у меня было, наверное, не меньше двадцати. Это было не принято и казалось банальным пережитком старого советского времени, когда всех туристов скопом загоняли в автобусы и почти насильно катали по достопримечательностям, давая потом часик-другой свободного времени. Не могу сказать, что я очень хотел в эти музеи и страдал от отсутствия возможности туда поехать. Нет! Я быстро впитал новые ценности, и мне не хотелось ни в один музей! Мне нравилось шататься по рынкам, прицениваться к товару, останавливаться в маленьких ресторанчиках, чтобы перекусить, выпить кружечку пива с привычными для нас вареными креветками или совершенно неожиданным для русского человека блюдом – куриными яйцами синего цвета с почти прозрачным белком. По китайски – СунХуаДань. Эти яйца подаются с нежнейшим сыром и, если перебороть предубеждение и выкинуть из головы, что они специальным

образом доводятся до чуть протухшего состояния – лучше закуски к пиву я не пробовал.

Мне показали самый популярный в то время среди русских ресторанчик-забегаловку. Русские называли его – «У Лены». Вообще, наши соотечественники-челноки в Китае дают всем выделяющимся из общей массы китайцам новые имена. Родные китайские наименования запомнить сложновато, да и выговорить не у всех получается. Таким образом и появляется из Джан Хуася – Вася, а из Лю Ина – Лена. Ресторанчик «У Лены» имел своей главной достопримечательностью саму Лену. Эта китайская девушка в кратчайшие сроки выучила русский язык и, кроме того, помнила всех своих клиентов по именам и по гастрономическим пристрастиям, даже если видела их всего один – два раза. Сам проверял – это правда! Такая феноменальная память была у человека. А как приятно – приходишь в ресторан во второй раз, а тебе уже: «Здравствуй, Вася! Ты будешь, как и на прошлой неделе, салат из помидоров с огурцами, креветки и Дзяудзы?» (это такие жаренные пельмени). Конечно, ты отвечаешь: «Да».

А когда, проходя мимо, Лена серьезно отметила, что я стал гораздо лучше управлялся с палочками - симпатия к ней, объединившись с симпатией ко всему Китаю, наполнила душу счастьем и щенячий радостью. Кстати, есть быстро в Китае не принято, если ты, конечно, не рабочий поденщик. Совсем по-другому чувствуется вкус, когда, ни куда не торопясь, зацепляешь еду палочками и отправляешь в рот по маленькому кусочку, вместо того, чтобы умять все ложкой и навернуть вперемешку, почувствовав в конце пресыщение и неумную тяжесть в животе.

Я, пользуясь случаем, прибарахлил, купив себе, жене, родственникам и детям разных тряпок и обуви. Мне даже пришлось приобрести еще одну большую сумку, чтобы все это добро складывать. Глупо было терять возможность существенно обновить свой гардероб – и сделать это в пять раз дешевле, чем в Москве. Тем более, я уже договорился с Цукану о продаже ему своих килограммов по немыслимой цене – аж по три с половиной доллара за каждый. Таким образом, у меня в распоряжении оказалось еще четыреста двадцать долларов! Я понимал, что это не совсем законная с точки зрения моих работодателей операция, но дух наживы и предприимчивости уже одержал во мне верх над интеллигентской нерешительностью. Тем более, мы с Сашей договорились о полнейшей конфиденциальности. Честно говоря, когда Цукану привез свои баулы на склад, и я их взвесил, ему не хватило ни своих, ни моих лимитов, и я по дружбе скинул ему с веса каждого мешка еще по два-три кило – как будто ошибся при взвешивании. Это составило еще килограммов пятьдесят. Деньги за эти, уже вчистую сворованные килограммы, я брать с него отказывался изо всех сил, он почти насильно всунул мне их уже в аэропорту.

Для компенсации ущерба турагентству, я на следующий день, коварно добавил по одному-два килограмма на мешок другим моим подопечным. Мне до сих пор стыдно за это. Но, наверное, если бы тогда я принял другое, более порядочное решение, моя жизнь пошла бы иначе. Я заочно прошу прощения у всех безвинно пострадавших. Простите, если сможете! Иначе никак не получалось. Пришлось мне на своем примере подтвердить

бессмертное и не имеющее исключений утверждение Остапа Бендера о том, что все сколько ни будь крупные состояния нажиты бесчестным путем. Хотя мое состояние в итоге получилось не очень то и крупным, но путь к нему начался именно так – с мелкого обжуливания доверившихся мне туристов и принявшей меня на работу организации.

А ведь воспоминание о теплом и добром отношении, которое без всякого притворства проявила ко мне эта первая группа, до сих пор согревает душу. После той моей поездки, в турагентство поступило множество положительных отзывов и выражений благодарности за мою замечательную работу и вежливое обхождение. Множество туристов заявили, что летать впредь собираются только со мной. Как мне передали удивленные барышни из продающего сектора, особенно меня хвалили те две загадочные женщины, которых я оценил для себя в самолете как «жен или дочек Советской элиты». Обычно эти женщины (а их звали Наталья Васильева и Ира Штейман) были очень придирчивы ко всему, что случалось на рейсе, часто жаловались и требовали компенсаций. Этой их склонности позднее также нашлось объяснение. Просто у Иры муж был юрист, преуспевавший и в прежнее, советское время, когда он работал директором юридической консультации, и в нынешнее, когда стал адвокатом. Клиентки эти были весьма сложными для компании, они ведь посещали Китай не с целью насущного заработка - у них с деньгами и так все было в порядке, а летали они только ради независимости от мужей. Но права свои женщины знали прекрасно, от них доставалось всем! А меня они вдруг похвалили. Сказали, что наконец-то стали набирать в групповоды приличных и образованных молодых людей. Вот так! А я и не подходил к ним ни разу за всю поездку! Даже, по-моему, не всегда с ними здоровался и, наравне со всеми, немножко обжулил на взвешивании. Еще раз прошу прощения! Мне очень стыдно! Но я очень, очень всем вам благодарен!

Где-то, конечно неловко, но
не настолько, чтобы убиваться и рыдать

Случай, произошедший на обратной дороге, мне неловко описывать и можно было бы совершенно выкинуть его, но оставлю ради исторической справедливости. Происшествие это случилось между Иркутском и Москвой в самолете, где я, накрывшись пледом, пользуясь полной темнотой и тем, что все спали, еще раз воспользовался, своим служебным положением в корыстных и не очень то благородных целях.

Все началось в Иркутске, когда мы уже летели домой. Там снова не было топлива, но нас опять быстренько заправили и поставили в очередь на вылет. У меня за вычетом иркутских и оставшихся в Китае на вторую неделю числилось всего двадцать восемь человек. Это на семьдесят два места в

переднем салоне! Возникало даже чувство неловкости перед гражданами, сидящими в аэропорту. Им, ведь, наверное, нужно лететь в Москву не просто так - у каждого свое дело или свое горе. Но их рейсы все откладывают, и вариантов нет, только терпеливо ждать!

Мы уже готовились взлетать, когда ко мне подошел тот самый пограничник, который меня «выпускал» по дороге туда. Он сказал, что его зовут Валера, мы постояли, поболтали несколько минут. Я слегка даже опешил от такого проявления внимания к своей персоне со стороны представителя властных структур, но все встало на свои места, когда он после некоторой паузы обратился ко мне с просьбой. Ему было очень неловко. Он долго выдавливал из себя разные несвязные обрывки фраз и междометия, которые некуда было пристроить, но постепенно смысл стал ясен. Валера сказал, что к ним уже несколько раз обращалась девушка, которой очень нужно вылететь в Москву, а билетов нет, и на посадку сейчас не реально, поскольку каждый рейс и так задерживается на сутки или больше, а некоторые вообще отменяют... кругом бардак, а она так просила, даже плакала. Что там у нее случилось, не говорит, но видно по ней, что нужно человеку! Возьми, говорит, Васька. Ты хоть и москвич, а москвичи, как известно, все люди бездушные и безжалостные, но может, вырuchiшь девчонку? У тебя же полупустой самолет!

Я его спрашиваю, а что я в Москве скажу, откуда я ее взял? Меня же с работы уволят за провоз такого «зайца». Звонить в Москву уже некогда, нам вылет поставили через пятнадцать минут, и стоим мы с ним уже у трапа. Мне к тому моменту работу эту терять совсем не хотелось. Я за неделю впервые в жизни «нажил» больше пятисот долларов! Мыслимо ли рисковать таким заработком? Но не хотелось и отказывать. Человек за другого попросил бескорыстно! И я решил ее взять на свой страх и риск. Авось не будут скрупулезно сверять бухгалтерию. Веди, говорю, свою протезе, доставим в Москву со всеми удобствами! Он говорит: «Спасибо Вася, если что, обращайся, поможем», - и понесся в вокзал за пассажиркой. А я стою и думаю про себя, мол ты мне лучше бы двадцатку вернул, которую прошлый раз в свой бездонный карман засунул, вместо того, чтобы помочь обещать покровительственным голосом. Тоже мне – дружок-пирожок! Тут и он несется, сумку тащит и мадмуазелька за ним еле поспекает, семенит ножками и на ходу уже издалека мне виновато улыбается. А сама вроде ничего – симпатичная. Ну, по десятибальной шкале – эдак на шесть - семь твердых баллов. А я сам боюсь до смерти, что сейчас экипаж начнет возмущаться или вообще ее выгонят... Захожу с ней в салон, и так вроде между прочим стюардессе говорю, что еще один человек с нами полетит. А сам прохожу мимо, не задерживаясь, но спиной напряженно, как выстрела, жду вопроса, а на каком основании, мол, она полетит, где она в списках, почему я тут команду?! В качестве последнего аргумента у меня были двести долларов, те, что Цукану мне всунул в аэропорту за свой перевес. Но все прошло совершенно гладко. Наверное, у экипажа я ассоциировался с заказчиком рейса. Вопросов не задал никто! Старшая стюардесса, просто сказала мне на ушко деликатненько, что лишнего питания мы уже заказать не успеем, но, мол, за десять долларов наличными они из личных резервов устроят ужин по высшему разряду. Я, конечно, заплатил.

А девочка сидела на краешке кресла, глупо всем улыбалась и крутила головой, глаза у нее были обалдевшие. Реакция нормальная. У любого будут обалдевшие глаза, если просидишь день-два в аэропорту, а потом тебя проведут тайными тропами на самолет, где каждый желающий лежит на целом ряду, а по проходу прогуливаются люди в тапочках, как у себя дома.

Я увидел это смущение и решил ее как-то успокоить, сказал: расслабься мол..., все нормально... хочешь выпить? Я, в принципе, пить ни с кем не собирался. Мне в Москву нужно было трезвеньким прибыть, да и водку марочную я купил в Дьюти Фри, честно говоря, в подарок отцу. А она как-то вся сосредоточилась, напряглась и решительно сказала: «Хорошо, давайте, выпьем!» Тут нарисовался Цукану – ему как медом намазано, если новая девчонка появилась, да еще и выпить предлагают. Делать нечего, я полез в сумку, мысленно извинился перед папой, откупорил, разлил в пластиковые стаканчики. А самолет уже тем временем набрал высоту, и полетел к столице нашей Родины. Мы сидели и выпивали, Цукану, в своей обычной манере, нагло приставал к девушке. Леночка, так ее звали, смотрела на него с ужасом и прижималась ко мне, а иногда еще умоляюще на меня поглядывала. Я, честно говоря, удивился. На Саню ведь обычно никто не обижается, все наоборот ржут над его каламбурчиками и добродушно журят за матерщину. А она его воспринимала совсем без юмора – после каждого рискованного словесного пируэта глаза у нее широко округлялись, и она пальчиками вцеплялась мне в кисть. Через пару часиков такой односторонней связи Саша заскучал и обиженно пошел спать. К этому моменту в в салоне погасили свет, все спали, тускло горело дежурное освещение. Мы сидим вдвоем, рядышком, еще выпили, моя бутылочка уже приближалась к концу, когда я грешным делом того... попытался ее немного как бы приласкать..., и она вроде бы была не против. Сначала мы целовались, потом я немножко пошарил у нее под кофточкой, и у меня после недельного воздержания начались естественные здоровые процессы, которые, оказывается, происходят даже на большой высоте! Такой она мне показалась распрекрасной... А главное, я подумал, что мне ужасно повезло, - я встретил при таких романтических обстоятельствах девушку, которая сразу ко мне расположилась. Я почувствовал себя героем девичьих грез и просто распирался от удовольствия. Сидели мы с ней в обнимку, я еще всякую ахиною ей нашептывал на ухо, она чувственно вздыхала, а что дальше делать, я, в общем то, не знал, поскольку в самолете у меня никогда подобных происшествий не случалось, и никто из знакомых со мной на эту тему опытом не делился. Она, почувствовала, наверное, что ситуация забуксовала. Действительно ведь – и спать ложиться глупо, а что дальше делать – совершенно непонятно! Прошло минут тридцать, она встала: «Я сейчас вернусь», и пошла в сторону дамской комнаты. Я почему-то сразу преисполнился к ней благодарностью и уважением. Приятно, когда женщина в таких вещах сама дает недвусмысленный сигнал. Ну, думаю - сейчас состоится! Сам достал влажную аэрофлотовскую салфеточку, тихонько ею свое хозяйство освежил, насколько это было возможно, хоть и начало щипать, но все же почувствовал себя увереннее.

Минут через десять она появилась, неся свои брюки в руках, уже переодетая в какую-то длинную-длинную майку. Я к тому времени уже набрал штук шесть пледов и застелил ими ряд кресел на некотором удалении от ближайших туристов. Ближе к окну свернул еще несколько – получилось что-то вроде подушечки, и еще два оставил, чтобы сверху укрыться. Тесновато, конечно, даже и для одного человека тесновато, а нам предстояло на этом ложе гнздиться вдвоем. Она ко мне подошла, вроде как в нерешительности так передо мной остановилась, и я почти машинально ее обнял и руку засунул ей под майку, а она, оказывается, уже без трусов! У меня просто планка рухнула, и все мои мыслительные способности исчезли, как будто их и не было. Я потянул ее на постельную конструкцию, сам одновременно с этим стаскиваю с себя штаны, а как примоститься – большая проблема.

Мы уж ерзали, ерзали, спасибо мать природа нам быстренько все подсказала – легли друг к другу лицом – на боку, подо мной одна ее полусогнутая нога, вторая надо мной... еще несколько секунд на прицеливание, и я проник куда надо своим молодцом. Определенная стесненность и, как следствие, небольшое неудобство все же сохранялись – ведь существенная часть моего тела вообще находилась на весу, но я, не обращая на эти мелочи внимания, старался изо всех сил. Мне хотелось доставить Леночке особенное, неземное блаженство, и не было предела моему усердию. Спустя несколько минут она начала издавать звуки. Это были эдакие постанывания, притом довольно громкие и все усиливавшиеся. Про себя я отметил, что гул, который стоит в самолете во время всего полета, очень нам на руку, иначе, наверное, проснулись бы все. Она стонала все громче, стискивала зубы и мотала головой, я просто зашелся от удовольствия и, наконец, проявив чудеса эквилибристики и балансирования, закончил свой процесс ей на живот. И в этот момент, когда я лежал опустошенный и не хотел шевелиться, а только пытался благодарно тыкаться ей носом куда-нибудь в ожидании ответной нежности, она простонала: «Пожалуйста, пожалуйста, привстань, о... моя нога, ой, так больно ногу, я больше не могу так лежать!» И я услышал те самые стоны, которые вовсе уже не имели сексуальной окраски, в них была только боль бедной страдающей женщины, которая стеснялась сказать, что ей неудобно, и я своей костлявой задницей совершенно отлежал ей ногу. Я спрыгнул с нее в одно мгновение, начал суетливо, не попадая в штанины и теряя трусы, одеваться, и тем временем до меня постепенно начала доходить реальная картина. Она просто все это время терпела! Терпела из-за того, что я согласился взять ее в Москву. Отрабатывала свой перелет, от безвыходности уступила домогательству пьяного и безжалостного человека в руках которого оказалась волей судьбы. А я – негодай, воспользовавшийся чужой бедой. Мне стало не по себе. В самолете был полумрак, и я не видел ее глаз и выражения лица, и она не могла хорошо видеть меня, но мы оба чувствовали одно и то же – неловкость и стыд. Она аккуратно убрала в свою сумочку салфетку, которой вытерла живот и сидела, потирая затекшую ногу и закусив губу. Ей все еще было больно. Через несколько минут, сделав над собой усилие, я взял ее руку, поцеловал в ладошку и сказал: «Извини, Лен...» Она внимательно посмотрела на меня, но ничего не ответила.

Я уложил ее спать на своем командирском месте, а сам перебазировался на одно из свободных «сидячих». Уже через несколько часов в салоне вновь зажгли свет, и командир бодро сообщил нам, что пора просыпаться - мы приступаем к снижению и через сорок минут совершим посадку. Когда я вернулся на свое место, Леночка сосредоточенно смотрела в окно, была безупречно одета и прибрана. Пледы были аккуратно сложены рядом, все было чисто – ни крошки, ни бумажки. Даже пол в проходе она каким-то образом привела в девственно-чистое состояние.

Я не пытался обменяться с ней телефонами. Мне почему-то было неловко спрашивать, и даже подходить к ней с разговорами. На душе было гадко, но некогда было переживать, рейс еще не закончился.

Цукану с утра мне заговорщицки подмигнул, глазами показывая в ее сторону, я покивал ему головой, а он без слов похлопал меня по плечу в знак одобрения. Хотя по большому счету – какое тут одобрение. Стыд и позор!

Конец начала, начало конца, начало начала?

В Москве все прошло без накладок. Туристов никто и не думал считать, границу мы прошли в Иркутске, выпускали всех без всякой проверки. Леночка через несколько минут после окончания нашего рейса уже незаметно растворилась в пестрой толпе пассажиров.

Мы с Сашей Цукану обменялись телефонами и договорились, что постараемся в следующий раз снова полететь вместе.

Благодаря отзывам туристов меня не уволили, как планировали сделать из-за той досадной задержки в аэропорту Тянь-Цзиня. Мне позволили объясниться, что я и сделал, доказав свою полную невиновность.

Впоследствии я летал в Китай еще раз тридцать, в качестве одного из лучших групповодов открывал новые направления – Индию и Таиланд, сам работал представителем, рос вместе со своей компанией, лукавил, хитрил и рисковал, продвигаясь по служебной лестнице. Я вырослел, многое менялось в моем восприятии мира, и я неизбежно уходил все дальше и дальше от того неунывающего парня коленками назад, носившего великоватые кроссовки и, вечно пузырившиеся брючки, от той части себя самого, которой я, по большому счету, обязан всем, что есть хорошего в моей жизни!

Я ничего не помню из того времени, которое описано в предыдущем рассказе. Мне тогда действительно было три года. Наверное, я очень любил своих папу и маму. Иногда, рассматривая старые фотографии или просматривая видеозаписи того времени, я вижу моих очень молодых родителей, увлеченно бегающих со мной маленьким, сидящим на санках, или жизнерадостно стоящих на фоне какого-нибудь яркого экзотического пейзажа, а крошечная Ленка в коляске или на руках у родителей внимательно наблюдает за происходящим с таким серьезным видом, как будто она знает что-то всем нам недоступное и, возможно, очень грустное. Довольно часто вместе с родителями в кадре попадает молодая дядя Паша – единственный и самый верный друг нашей семьи.

Как-то, когда мне было лет семь, мы приехали на дачу к бабушке и дедушке, где я наткнулся на несколько огромных сумок с игрушечными машинками, солдатиками, домиками, пистолетиками и прочим мальчишечьим богатством. Выяснилось, что это папа привозил мне из Китая, когда я был еще совсем маленьким. Я хорошо помню, как целый день расставлял все это добро по комнате, вытряхивая из сумок все новые и новые залежи игрушек. Среди этой пластмассовой роскоши валялись пустые пузырьки от шампуня и жидкого мыла с красивыми эмблемами китайских отелей. Я откручивал крышечки и нюхал каждый пузырек, наливал в них воду, готовил в них какие-то зелья – то ли в аптеку я играл, то ли в волшебников.

Потом, когда мне уже было лет десять, отец привез новенький духовой пистолет и, коротко спросив моего разрешения, начал увлеченно расстреливать эти крошечные домики и машинки. Он предлагал и мне «популярить», но я никогда не разделял его страсти к стрельбе и к оружию, мне было жалко моих домиков. Я давно в них не играл и, возможно, вообще не собирался больше к ним прикасаться, но когда-то это были мои любимые игрушки, каждая из которых оставила след в моем сердце. Я сдерживался сколько мог, но слезы все равно появились, папа оглянулся на меня, опустил пистолет и, сначала с удивлением, а потом раздраженно спросил, чего я реву? Потом уточнил, придав лицу безразлично-презрительное выражение: «Тебе что, жалко для меня всего этого мусора?» Его вид совершенно не располагал к откровенности. Что бы мне ни пришло в голову ему сказать, я все равно оказался бы не прав. Тогда я просто замотал головой и убежал. Отец, наверное, подумал, что у меня начался подростковый кризис, и не стал допытываться о причинах моего состояния. В тот день вечером, когда я уже лег спать, он подошел к моей кровати, взял меня за руку и минуту, не отрываясь, смотрел, а потом спросил: «Все нормально?» Я тихо ответил: «Конечно, папочка...». Он кивнул головой и тихонько ушел, а я остался один.

Ему, наверное, нелегко было в этих заграничных командировках, но с другой стороны, нас с мамой он оставлял в Москве одних – мы жили очень скромно, в той самой десятиметровой комнатке, которую он так живописал. Я, конечно, ничего этого уже не помню, но по отрывочным

маминым воспоминаниям догадываюсь, что, наш блестящий и всеми любимый папочка не очень заботился в то время о своей семье. Хотя, как же – он присылал мне коробками пластмассовые машинки и солдатиков, наверное, как символ самого себя – храброго и неустрашимого, но я почти никогда в них не играл – я был еще маленьким для таких игрушек.

Отец хотел, чтобы я вырос сильным, уверенным в себе и энергичным человеком. Он вдалбливал в меня свои жизненные принципы, особенно усердствуя из-за того, что времени на мое воспитание у него было совсем немного. Он действовал вполне в соответствии с тогдашними нормами бытовой педагогики, и ему просто в голову не приходило, что все, привнесенное с насилием, вызывает неизбежное и устойчивое сопротивление и усваивается с обратным знаком. Он яростно запихивал в меня свой во многом полезный, здоровый и правильный опыт, который я категорически отвергал, не поддаваясь насилию, чем сначала приводил отца в бешенство, а затем в мрачное состояние глухого безразличия ко мне. Сам он хотел быть в моих детских глазах примером несгибаемого, скалоподобного исполина.

Это ли нужно ребенку от родителя? Отец, вероятно, надеялся таким образом воспитать во мне многочисленные добродетели и силу характера.

Мама говорила, что сцену с девушкой в самолете он придумал, но мне кажется, что здесь папочкин почерк вполне прослеживается. Это его любимое занятие – совершить что-нибудь омерзительно гадкое, а потом сладко мучаться уколами совести и фальшиво проливать крокодиловы слезы, оплакивая такое трагическое стечение обстоятельств и свою человеческую слабость.

Мама всегда защищала отца, и я никогда не мог понять, почему она все события переворачивает в его пользу. Она объясняла все его гадости безвыходными обстоятельствами, а сомнительные достоинства превозносила до небес. Она могла навсегда рассориться с человеком, скептически относившимся к папиным достоинствам. А что дал ей мой отец? Каково было ей, молодой женщине, одной с двумя детьми, когда муж чаще находился в командировках, чем дома? Хотя, что я могу знать – это же отношения моих родителей, и я не имею ни малейшего намерения примерять к себе эту сложную и в то же время банальную, и очень характерную для того времени ситуацию.

Динозавр – Страшный, Ужасный, Чудовищный ящер
(от греч. Deinos – страшный и Saugus – ящер).

Динозаврище

«Колониальное» житье-бытье
Русский человек нигде не пропадет.

Есть особая прелесть работать за несколько тысяч километров от начальства. Такое восхитительное ощущение личной свободы! Никакого принуждения, что хочешь, то и делаешь. И жизнь в радость, и работа движется весело. Когда я служил в армии, помню - какую эйфорию испытывал, если удавалось пройтись через лес несколько километров с танковой директрисы до расположения части не строем, а просто так, своим ходом. Вроде расстояние то же самое, и покрывал я его даже быстрее, чем вместе со своим подразделением, но так я здорово отдыхал, шагая по этой дороге, получал такое наслаждение от тишины, свежего воздуха, от самой тропинки, бегущей то через овражек, то через лесок, то в горочку.... Один раз я даже бегом припустил от удовольствия, а потом бухнулся в траву на обочине и валялся несколько минут, рассматривая небо. Всего то мне и нужно было, наверное, эти несколько минут без команды на траве поваляться, а как их не хватало, как тосковало по ним сердце...

Здесь я тоже вроде сам себе предоставлен, целыми днями можно на кровати валяться, да как-то не охота. Наоборот, носишься как борзой пес. Недавно я почувствовал - моей правой ноге стало непривычно свежо, посмотрел, а подошва ботинок, купленных всего пару месяцев назад, оказалась протертой до дыр. И подошва, кстати, была что надо, собранная из нескольких слоев толстой кожи, прошитая суровыми нитками – а вот, протерлась начисто за каких-то два-три месяца! Это сколько же я в них оттопал? Километров пятнадцать в день – как минимум!

При этом я не работаю скороходом во дворце какого-нибудь раджи! Отнюдь! К началу этой истории, я уже три месяца находился на должности иностранного представителя нашего туристического агентства. Главным и единственным объектом нашего бизнеса были «челноки» и их груз, запакованный в баулы из грубой мешковины. Кстати, по упаковке всегда можно определить, откуда товар. В Эмиратах – это серые пластмассовые мешки, в Китае – плотно обернутые скотчем «рисовые» сумки, а на нашем направлении – обычные джутовые мешки, зашитые толстыми нитками и разрисованные фломастерами.

В стране, где мне довелось нести свою службу, был субтропический климат, но несмотря на это, она поставляла теплые мохеровые свитера для

половины России – матушки, а кроме того была известна своими недорогими кожаными куртками, некоторыми полезными лекарствами и многими другими «колониальными товарами». Однажды эта страна чуть не стала источником легочной чумы – реликтового, но зловещего заболевания, три случая которого привели к установлению длительного карантина на границах Индии со всем внешним миром.

Именно в Индии я и был представителем. Должность называлась - «Генеральный представитель», так было написано по-русски и по-английски на моих визитках, так я значился в ведомости на зарплату, но кроме меня, других - не генеральных представителей пока не было. Я вполне справлялся один, в душе злорадствуя по поводу маститых и респектабельных представителей крупных компаний, вроде Аэрофлота или торгпредства Российской Федерации, которые, несмотря на свои длиннющие послужные списки, офисы, машины, секретарей и помощников довольствовались заработками в десять раз меньшими, чем мой! И это потому, что у них работы не было, а у нас её было полно! Они рассуждали о сложных материях и ловко сочиняли совершенно правдоподобные бумаги о полной невозможности вести бизнес в тяжелых условиях нового времени, а мы быстро прощупывали ситуацию, находили решение! Принцип работы был простой – нет ничего невозможного, нет ничего запрещенного. Бери и делай! И мы делали! Как делали?! Наши самолеты брали на борт в полтора раза больше груза и заправляли на двадцать процентов меньше топлива. Иногда ради того, чтоб втиснуть груз, мы, страшно сказать, забивали баулами даже оба туалета! Время беспосадочного перелета до Москвы – семь часов! И ничего, группа долетала и была довольна, что весь груз пришел с ними, ничего не потеряно! Как уж пассажиры и экипаж обходились без уборных – я не знаю. Туристы через нас летали одни и те же - появлялись снова каждые две-три недели, продав предыдущий товар. Большинство из них были людьми опытными, все уже знавшими и через многое прошедшими. Они не капризничали по всяким пустякам типа неработающего кондиционера, неубранного номера или слегка протухшего салата на ужине. За редким исключением все понимали, что с этими мелочами поделаться ничего не возможно, и по настоящему важными для всех были вопросы, касавшиеся в первую очередь их бизнеса, а во вторую - их личной независимости. За этих священных коров я всегда боролся как лев, и в большинстве случаев побеждал! Побеждал администрацию отеля, запрещавшую перепаковывать баулы в номерах, побеждал многочисленное начальство аэропорта, отказывавшее в погрузчиках, автобусах, тягачах..., во всем на свете, побеждал сотрудников посольства, не готовых за день выдать справку об утере паспорта – мои туристы улетали и *без паспорта!* Приходилось бороться даже с местной полицией, выступая на стороне своих туристов, вне зависимости от того, являлись они потерпевшей стороной или подозреваемой.... И всегда мне было радостно от осознания, что я могу это сделать и делаю! Я вытаскиваю любые безнадежные ситуации! Для меня любой вопрос – не вопрос!

Тогда, в девяностых годах, существовал стереотип, который, по моему глубокому убеждению, сами челноки сознательно поддерживали - что шоп-туристы - люди суетные и неопрятные, что они и серьезный бизнес –

понятия несовместимые, и что корячатся они со своими проклятущими мешками от бедности и безысходности. Конечно, были у нас и такие, что каждый раз всего на несколько тысяч закупались и их же оборачивали, так и летали годами, выгадывая копейки, но многие, если не сказать большинство, имели уже обороты в сотни тысяч долларов и были людьми совсем не бедными, даже по высоким мировым критериям. А летали они точно так же, как и все – на чартерах, хотя могли бы давно уже позволить себе перемещаться по всему миру в первом классе самой престижной западной компании, и селились точно в тех же гостиницах, что и все – прямо скажем, не в самых лучших, и номера занимали обычные, одевались, точно так же как и все – в сто тысяч раз высмеянные челночные жилетки, все покрытые карманами, в скромненькие маечки и джинсы с кроссовками. Они сами выбирали товар, на рынках, ездили по фабрикам, не гнушались испачкать ручки, если нужно было покопаться в запылившихся куртках, приготовленных для отправки, могли указать китайскому скотчевщику на промахи в работе и заставить его все переделывать, знали весь процесс до последнего нюанса.

Тонкость была в том, что процесс очень сложно алгоритмизировался - каждый раз возникало огромное количество дополнительных обстоятельств, на которых можно было как заработать, так и потерять очень многое. Естественно, что при такой работе, сколько бы ни было у этих людей денег, они обходились без золотых часов, браслетов и бриллиантов, квартир и загородных вилл не покупали, в лучшем случае делали ремонт в своих стареньких жилищах, и даже ездили на подержанных и мятых советских автомобильчиках. Это может показаться парадоксальным, но на самом деле было очень логично и даже единственно возможно в то время. Во-первых, люди еще не почувствовали, что можно жить как-то по-особенному. Все вышли из обычной Советской жизни и далеко не сразу отказались от привычных скромных представлений о благополучии и комфорте. К тому же деньги всем нужны были в обороте, поскольку этот оборот приносил тогда очень много, и глупо было в какое-то паршивое кольцо, машину или квартиру вмораживать те средства, которые через месяц или полгода можно было вдвое увеличить. Еще, мне казалось, что привычка прибедняться осталась еще с Советских времен, и весьма пригодилась в девяностых, когда лучше было оставаться незаметным для всяких преступных элементов.

Увидят эти преступные элементы бесформенную тетку, бог знает во что одетую, корячащуюся со своими мешками ... ну и потребуют с нее пару сотен долларов, или даже пятьсот, например..., она их им и заплатит, причитая, что жить ей теперь будет не на что, а на самом деле эта тетка уже миллионами ворочает и могла бы себе таких мордovorотов целую ораву нанять, но пока не хочет, потому что привыкла быть человеком неприметным, да и дешевле сунуть пару сотен, чем собственную шайку кормить.

Я очень любил и уважал своих туристов, очень гордился тем, что они воспринимали меня, как человека, подходящего для серьезного разговора и серьезного дела.

Иногда и из России- матушки приезжали владельцы туристических компаний, аналогичных нашей, или те, которые с нашими заключили договора

Казалось бы я для них был просто работник , нанятый теми влиятельными , равными им самим лицами, с которыми они договорились о сотрудничестве, но и они всегда обращались со мной почтительно, потому, что от того, что им в Москве подписали, зависело только полдела, а еще полдела, от того как я здесь на месте все исполню.

И так получилось, что имея зарплату по тем временам не такую уж и великую, я, благодаря своей работе, водил знакомства с весьма эффективными и удачливыми людьми, оперировавшими немалыми средствами, и никто не гнушался моей компанией, я был допущен на равных в тот круг общения, в котором было много интересного и для бизнеса и просто для понимания новых обстоятельств нашей изменчивой жизни. Я всегда это понимал и окружавших меня людей старался не подвести, а чем мог – порадовать.

Случай с «Динозавром» был из другой категории. Хоть я и спас тогда человека от абсолютно реальной перспективы провести несколько лет в индийской тюрьме, никакой радости или тем более гордости по этому поводу я не испытывал. А досада и растерянность возникают при воспоминании об этой истории даже сейчас, по прошествии без малого двадцати лет.

Вот такой тревожный пассажир

Кроме людей интересных, содержательных и ярких, мне по долгу службы приходилось встречаться с самыми разными клиентами. Среди них были горластые матерщинники и горькие пьяницы, жадины, считающие каждую копейку или, наоборот, ухари, чьи попытки немедленно просадить все деньги приходилось тактично сдерживать. Был один астматик, который, хорошо выпив, потерял свое лекарство (фунфырик , как он выражался) и чуть не дал дуба у меня в номере, пока я ночью чудом не вызвонил квалифицированную медицинскую помощь. Часто прилетали компании эдаких «по-понятиям» туристов, но все они были свойскими парнями, и только делали вид, что хулиганили. Со всеми удавалось найти общий язык. Никто и никогда не вызывал у меня такой антипатии и такого ужаса, как Динозавр. Я возненавидел его, как только увидел в аэропорту. Сразу было понятно, что с этим пассажиром будут проблемы. Он был здоровенный, с очень худым лицом, на котором как два крупных полустершихся шипа выделялись обтянутые пупырчатой кожей скулы, и под громадными, далеко выдающимися вперед надбровными дугами располагались маленькие бесцветные глазки, презрительно позыркивавшие по сторонам. Еще были тоненькие, сжатые губы и очень узкий, какой-то клиновидный подбородок с небольшим, но заметным шрамом на правой стороне. Его лапищи были громадные, а пальцы покрыты черными волосищами. Весь он был похож на огромного, безжалостного гада - имя Динозавр, моментально прикрепило к нему в моей голове.

Пока группа проходила паспортный контроль, было видно, что многие туристы опасливо и сердито поглядывали в сторону этого головореза. Я был не одинок в своих тревожных оценках! От него ждали неприятностей все.

На рейсе оказалось много знакомых, среди них - мой большой друг, никогда не унывающий человек, партнер еще по китайским рейсам Саша Цукану. Саша вслед за мной переориентировал свой бизнес с Китая на Индию и прилетал не реже, чем два раза в месяц, так что наше сотрудничество продолжалось. Только теперь, кроме пассажирских самолетов я отправлял и грузовые ИЛ-76, но точно по такой же схеме, что и раньше. Саша привозил свои товары, которые я загружал на самолет, «ошибаясь при взвешивании» где-то на две трети стоимости перевозки, и уже привычно клал себе в карман по несколько тысяч за каждый визит приятеля. Размеры отправлявшегося Саней карго стали существенно больше, на каждый грузовик приходилось по три-четыре тонны его мешков с кожаными куртками. Цукану мог бы загрузить и больше, но я побаивался заполнять «облегченными» мешками больше десяти-пятнадцати процентов самолета и старался дробить его груз на небольшие партии. Наша дружба, основанная на таких экономических взаимоотношениях, крепла от раза к разу. Связанные общей секретной и небезопасной деятельностью, тем более такой взаимовыгодной, мы друг в друге души не чаяли - постоянно вместе обедали, ездили на экскурсии, даже девушек чаще всего находили подружек. Это у нас с Сашей была такая игра. Мы так ловко научились дурить девчонкам головы, что стали просто неотразимым тандемом. Роли были заранее распределены, недостатка в творческом подъеме и вдохновении не было никогда. Приемники и взаимодействие были прекрасно отработаны. Поражаемость объекта была близка к стопроцентной.

Когда отношения прекращались, а обычно они не длились больше одной поездки, мы весело вспоминали все интимные подробности, которыми всегда делились друг с другом.

Итак, мы трепались с Саней, а Динозаврище тем временем стоял в стороне от всех один, жевал какую-то дрянь, откусывая от бесформенного, завернутого в бумажку кусочка, и время от времени харкал на пол в зале прилета. Я не решился сделать ему замечание, просто старался не смотреть в его сторону.

Динозавр, оказывается, рассказал случайным попутчикам кое-что из своей биографии, о чем вездесущий Цукану немедленно узнал. Выяснилось, что долгое время эта горилла работала в Польше, как он выражался - «на трассе», то есть занимался грабежом и вымогательством на дороге из Европы в Россию. Но шайку, в составе которой он «окучивал» водителей-дальнобойщиков, каким-то образом ликвидировали - то ли разогнали, то ли вытеснили с рынка. Он оказался не удел, вот и решил от безделья слетать в Индию, присмотреться, чем можно на этих, новых для него дорогах поживиться. Он уже спрашивал нескольких женщин из группы, не нужна ли им крыша? Нет ли каких проблем? Предлагал свои услуги в улаживании споров и разногласий! И, по некоторым признакам, даже договорился с какими-то тетками. Вот так. Мне сразу подумалось, что у туристов, как ни крути, основные конфликты и разногласия с нами - турагенством, то есть, в первую очередь со мной. Становилось зябко от мысли,

что кто-то из моих любимых челноков, из людей с которыми столько водки выпито, с кем у меня всегда были только хорошие отношения, обратится по поводу меня к этому бабуину. Дело было даже не в том, что я боялся (хотя страх, конечно, присутствовал), больше выбивало из колеи ощущение потери доверия, дружелюбных отношений с группой, с моими туристами. Раз кто-то с ним вел такие переговоры, значит, все наши приятельские отношения, и взаимная непридирчивость – фикция. Это было самое неприятное. Я начал представлять себе ужасные ситуации, как ему жалуются на меня по поводам и без поводов, а он приходит, требует материальных компенсаций, угрожает.... Себя я, конечно же, воображал эдаким героем, гордо и уверенно отвергающим все его идиотские претензии, заявляющим ему, что здесь, в Дели, я таким бизнесом заниматься не позволю, что здесь – главный Я!

Ситуации, возникавшие в моей голове были одна фантастичнее другой: я представил себе, например, как у кого-нибудь расстроится желудок после ужина в столовой, и человек, день-два провалявшись в номере, не успеет закупиться товаром, а потом этот орангутанг попрется ко мне требовать компенсацию за упущенную выгоду, или, например, как он начнет вымогать деньги с моих туристов при помощи разных угроз и шантажа, как они обратятся за помощью ко мне, и как я буду с ним сражаться и так далее.... Так я сидел и предавался то горестным, то геройским размышлениям. Делать было нечего, новая группа уехала в гостиницу, старая еще не приехала, экипаж отдыхал, заниматься погрузкой и регистрацией было еще рано.

Работа как работа - страна
симпатичная, люди приветливые.
Только нет-нет да найдется один подлец и
так все испоганит, что хоть в петлю лезь.

На моей работе некогда было расслаиваться. Обычно прилет-отлет групп – это почти двое суток без сна в состоянии беспрерывной беготни. В Индии, совершенно недостаточно заключить договор с соответствующими аэропортовскими службами и вовремя им проплатить. Даже просто дать дополнительных денег исполнителю, тоже необходимое условие, но увы... не окончательное. Нужно постоянно всех будить, торопить и напоминать. Для этой цели необходимо иметь в помощниках индуса, который всех знает в аэропорту (с иностранцем вообще никто разговаривать не будет). Отправлять такого человека куда-нибудь одного – пустое занятие, он будет ходить очень долго, сядет пить чай, может даже прилечь поспать. Везде нужно быть с ним, и, слабо понимая хинди, – язык, на котором они общаются, стоять рядом, и с глубокомысленным видом, вовремя поддакивать, формируя свой имидж знающего, серьезного и уважаемого человека. При этом ты думаешь, что индус у тебя в помощниках, а он справедливо считает как раз наоборот и иногда тактично демонстрирует, что твои потуги ускорить процесс его немного раздражают.

Вообще, индусы - симпатичные ребята, по мне, так гораздо лучше китайцев. Китайцы очень авторитарны и высокомерны, если от них что-то зависит. Если китаец чиновник, и может тебе чего-то не дать – он всегда поглумится в свое удовольствие. Даже если он просто руководит выдачей тележек в аэропорту, у него их все равно нужно «правильно» попросить. Зато если ситуация обратная, и китайцу что-то нужно от тебя - он будет лучезарнейше улыбаться, говорить комплименты и изо всех сил тобой восхищаться. Он никогда не будет прямо спорить. По-моему, Карнеги часть своих книжек содрал у китайцев: как быть неискренним, как врать, лицемерить и заискивать..., и все в таком духе. Индусы же – пофигисты! Они не очень алчные, в основном дружелюбные и неконфликтные. Наши девчонки после какой-то вечеринки фотографировались с индийским полицейским – это было просто шоу! Они мерили его фуражку и хватали его ружье, ставили его в самые разные позы и сами вместе с ним занимали такие позиции, что ему было уже не до охраны объекта. Мы с Цукану, надрывая животики, ухохатывались над этим процессом, благоразумно сидя в такси. А он – ничего, только улыбался приветливо! Когда индус - чиновник видит нарушение закона, он просто дружелюбно говорит тебе: «Проблемм, сэр!». А потом сдержанно, но искренне благодарит за ту смехотворную сумму, благодаря которой проблема решается.

А как простые индийские граждане ведут себя на дороге! Едут все кто куда, вообще не глядя по сторонам. Правила там не знают, по-моему, и сами дорожные полицейские. Сплошь и рядом кто-то поворачивает из крайнего левого ряда на право (у них ведь там левостороннее движение), при этом немного стучаются несколько машин, падают три-четыре рикши, рассыпаются по земле какие-то фрукты-овощи, и ничего - все смеются, улыбаются, помогают друг другу собрать раскатившиеся плоды, едут дальше. Никакого скандала, никакого мордобоя, никаких имущественных претензий. Миротлюбивые люди!

У индийских мужчин есть еще одна забавная национальная особенность, которая с непривычки шокирует русских женщин и девушек. Они очень непосредственны, и если что-то зачешется в штанах, то большинство мужчин, не прерывая разговора и не меняя выражения лица, протянет свою руку к месту, чуть пониже ширинки и основательно пожомкает там пальцами, устраняя неприятные ощущения, и перераспределяя соответствующие части тела в максимально комфортном для них положении. При этом он может виновато улыбнуться собеседнице, или собеседнику, как мы улыбаемся, если, например, не вовремя чихнем. Вот так. Надо сказать, что это не относится к индусам, получившим хорошее европейское образование, как мои друзья Нигам и Арвинд, но разного рода чиновникам средней руки, или индийским рыночным бизнесменам, людям совсем не бедным, этот забавный порок присущ всем до единого.

Да, расслаживаться на моей работе было некогда. В течение суток, отведенных на обслуживание рейса, у меня был всего часик времени, когда все дела по прилету уже сделаны, а дела по вылету еще не начались. В это время можно было, к примеру, пообедать.

А потом: Для начала – оплатить взлет-посадку. После договориться о предоставлении стойки регистрации, получить бирки на ручную кладь,

пропустить на территорию аэропорта грузовики с баулами, найти транспортер, а лучше два транспортера, ухватить лучшую бригаду грузчиков и дать их бригадиру сто баксов, чтобы загружали плотненько, творчески, а не накидывали мешки как попало. До этого еще нужно было договориться с индийскими таможенниками, а это - отдельная песня! Так и носишься по аэропорту, на ходу подбадривая уже очумевших от ожидания пассажиров своего чартерного рейса, краем глаза глядя, чтобы они не упились и не набезобразничали.

В таких заботах прошла ночь, начало светать. Ближе к утру, когда самые сложные переговоры с техниками и экипажем о загрузке и заправке были уже позади, когда все баулы были втиснуты в самолет (каждый раз когда их подвозили на длинной веренице тележек, я не верил, что все это можно запихнуть в элегантный ИЛ-62, и каждый раз запихивал), оставались два последних испытания – достать автобус для туристов и тягач, точнее, наверное, сказать толкач, который выталкивает самолет со стоянки, пока он сам еще ехать не может. И вот, наконец, самолет начал двигаться со стоянки, и я ничего уже не соображавший, но счастливый, провожал его взглядом! Работа сделана. Осталось отзвонить диспетчерам, а потом можно помыться и спать. Спать сколько хочешь! То есть, пока не разбудят.

Я забыл уже думать про Динозавра, когда подъезжал к гостинице по пустынным утренним улицам Дели, мимо спавших вповалку на газонах бездомных индийских граждан, мимо нагло дремавших прямо на перекрестках коров, мимо бдительно несших службу усатых солдат в тюрбанах. Но как только я, выйдя из такси, еле живой ввалился в дверь гостиницы, мне пришлось про него вспомнить.

Я жил в этом отеле давно, весь персонал знал меня в лицо, почти со всеми мы здоровались. Дежурный менеджер Ашок при моем появлении встал из-за своей конторки и вышел мне навстречу. У индусов полная гамма чувств всегда читается на лице. Скрывать эмоции у них то ли не получается, то ли они такие открытые ребята, что не считают нужным это делать. На обычно беззаботно-радостном лице Ашока выражалась высшая степень встревоженности. Он путано рассказал, как этой ночью один «русский господин» устроил драку в дискотеке, как вызывали полицию, но к моменту ее приезда этот господин уже ушел, а другой русский, оставшийся с разбитым лицом, отказался от помощи полицейских. Весь персонал отеля очень испуган, все боятся, что они будут драться еще, а это выглядит ужасно! Господин, устроивший драку, очень странный, он был почти трезвым, и повод для драки был ничтожный. О происшествии уже доложили господину Нигаму – директору всех ресторанов, баров и дискотек отеля. Ему звонили ночью, потому, что в дискотеке поломали несколько столов и так толкнули одного из официантов, что тот не смог больше работать из-за болей в спине. «Теперь господин Нигам хочет видеть вас, господин Василий», - прибавил он сочувственно.

У меня не было сомнений, что это был за русский господин. Вместо сна, которого требовала каждая клеточка моего организма, я должен был теперь, преодолевая оцепенение мозга, улаживать ночной конфуз. Собственно говоря, нужно было просто компенсировать отелю ущерб и посидеть, выпить-поговорить с Нигамом, пообещав ему, что больше такого не

повторится. Дальше предстояло решить, кто будет возмещать мне расходы. Необходимо было получить деньги с подравшихся, то есть идти к Динозавру и предъявлять ему претензию на триста-четыреста долларов. Даже думать об этом сейчас не хотелось. Сил хватило только на звонок Нигаму. Я пообещал, что все компенсирую, все улажу и попросил перенести встречу на вечер. Food @ beverage director, будучи, в сущности, добрым дядькой, согласился.

Момент, когда можно было рухнуть в постель, наконец наступил. Обычно это было приятное ощущение заслуженного отдыха и предвкушение относительно свободных ближайших дней, но сегодня все было по-другому.

Если справедливо, что все события в жизни подразделяются на испытания и искушения, то впереди меня явно ждало испытание.

Положив подушку на голову, я настойчиво игнорировал телефонные звонки, но не обращать внимания на стук в дверь уже было нельзя. Я медленно слез с постели, обернулся полотенцем и пошел открывать. На пороге стоял Нигам и громадный индийский полисмен с усами и в тюрбане. Полицейским я в первый момент просто залюбовался – он как будто сошел с рекламы индийского чая, и был воплощением местного колорита. Такой внушительный полисмен явно не стал бы посещать наш отель из-за паршивой драки на дискотеке. Похоже, пока я спал, произошло еще что-то. Извинившись за свой внешний вид, я предложил им войти, но они отказались и сообщили мне, что в гостинице совершено уголовное преступление, преступник – один из моих туристов и они официально заявляют, что этот случай будет иметь законное продолжение в виде заключения в индийскую тюрьму господина Трогловского. Это была фамилия Динозавра. На вопрос, что произошло, мне отвечать не стали.

Заключению в индийскую тюрьму, надо вам сказать, никто из моих туристов доселе не подвергался, но слухи об этом учреждении бродили весьма пугающие. Индусы миролюбивые люди. Это действительно так, но ко многим вещам у них эдакое, я бы сказал, архаичное, средневековое отношение. Например, перекрестки Дели заполняют нищие. Вроде бы в этом нет ничего необычного, но в Индии нищих уродуют с детства! Просто с колыбели! Как в романах Гюго! Они такое творят с конечностями этих бедолаг, такие раны им растравливают, что просто оторопь берет. Начинаешь думать, будто жизнь здесь не стоит вообще ничего! Или, например, по слухам, у них в полиции официально разрешено применять пытки. Одна наша туристка рассказывала, как заявила на таксиста, укравшего у нее кошелек. Она составила по-английски подробную бумагу с описанием ситуации, и указанием номера машины, таксиста тут же арестовали, и ей сказали придти на следующий день. Когда она явилась в участок, огорченный полицейский офицер сообщил ей, что таксист не признается в содеянном. Офицер пояснил, что с подозреваемым

«работали» разными приспособлениями и продемонстрировал всякие жуткие пыточные приборы, от вида которых тетка лишилась дара речи. Офицер, приняв ее реакцию за проявление недовольства мягкостью дознания, поспешил заверить, что у них в арсенале еще много разных устройств, и что, в конце концов, все признаются. Это чтобы она не беспокоилась! А она думала, что ей уезжать через три дня, и бедного таксиста, похоже, тогда запытают до смерти! Добрая русская женщина пожалела водителя такси, и сообщила стражам порядка о своей досадной ошибке: нашла, мол, кошелек и не имеет никаких претензий. Полицейские дружелюбно отпустили недопытанного таксиста восвояси. Но, что особенно замечательно, индус в тот же день приехал к ней в отель, нашел ее, благодарил, и клялся, что он не брал денег! Больше часа он, используя весь свой английский, но в основном опираясь на жестикуляцию, объяснял, что на самом деле произошло, и она, наконец, поняла, что парень действительно ни при чем! Он просто заметил, как на одном из перекрестков к машине, в которой они ехали, с одной стороны подошел попрошайка, а с другой еще один молниеносной тенью метнулся к сумке. Но он не был уверен точно, что из сумки что-то украли, и, когда женщина вышла в магазинчик, перегнулся со своего переднего сиденья к ней на заднее, проверить, на месте ли ценные вещи. Святая простота! Тут вернулась наша мадам, видит – индус возле ее сумки, глядь, а кошелек-то нет. Слава Богу, это был ее специальный кошелек с мелкими деньгами. Крупные суммы и документы она носила в надежном напузнике. Вот так! История кажется неправдоподобной, но я почти уверен, что так оно и было. И если бы тетка не забрала свое заявление, то судьба безвинного чернявого парня была бы - не дай бог никому! Пытают спокойно, с чистой совестью пытаются! И не понимаешь, как это совмещается с их миролюбием и добродушием. Так что у моего Динозавра могли возникнуть совсем не детские проблемы.

Несмотря на все неприятности, я, грешным делом, вздумал позавтракать, хотя время было уже обеденное. Ополоснувшись под душем и обретя, таким образом, некоторую долю свежести сознания, я напялил свои любимые индийские шаровары, длинную белую рубаху с расстегивающимся воротом и, как заправский махараджа, выдвинулся в сторону ресторана.

За завтраком ко мне подсел Нигам. Полисмен уже уехал, Нигам выглядел озабоченно, ко мне старался проявлять подчеркнутое дружелюбие. Ему явно было неловко. Я отметил про себя, что Нигам – воспитанный и порядочный человек, я создал ему проблемы, а ему неудобно мне об этом говорить! Он сделал едва уловимый жест, повинувшись которому официант мгновенно принес ему и мне ром с кока-колой, а затем сочувственно сказал, что мой Трогловский прячется в чьем-то номере и боится выходить оттого, что штафф отеля решил его побить, отомстив, за своего товарища. Я не понял. С надеждой глядя на Нигама, я попросил все же рассказать мне, что произошло кроме ночного мордобоя на дискотеке. Я так надеялся, что весь этот переполох из-за трех сломанных столов и ушибленной спины официанта! Нигам испытующе посмотрел на меня. Вот сейчас он скажет язвительно: «А что, тебе мало хулиганства на дискотеке!? Между прочим, туда ходят не только русские

туристы...» Но вместо этого я услышал: «Ты что, ничего не знаешь?» И надежды рухнули в пропасть.

Нигаму было неудобно рассказывать, возможно, он боялся обидеть мои патриотические чувства какой-либо эмоциональной реакцией, в общем, он просто вынул из внутреннего кармана и прочел мне копию полицейского протокола. Протокол гласил, что господин Трогловский Петр Аркадьевич, 1966 года рождения, русский, находящийся в Республике Индия по групповой туристической визе и проживающий в Отеле «Самрат», такого то числа, 1993 года совершил незаконное лишение человека свободы, а именно насильственно удерживал служащего отеля Джайдипа Мирхандани в помещении комнаты №203 отеля «Самрат». Незаконное удержание сопровождалось применением насилия, опасного для жизни и здоровья, в частности Джайдипу Мирхандани были причинены следующие повреждения: перелом трех ребер справа, обширные гематомы лица и шеи, сотрясение головного мозга, что согласно заключению медицинской экспертизы, нанесло тяжкий вред его здоровью.

Кроме того, Трогловский Петр Аркадьевич совершил вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества, с применением насилия. Вымогательство сопровождалось удушением, нанесением ударов по лицу, в область грудной клетки, по голове. Еще было много текста, я не все детали понимал по-английски, но в конце точно было о том, что уголовное дело следует принять к производству и приступить к его рассмотрению.

Несмотря на весь трагизм ситуации, главное мое чувство тогда – удивление. Я не смог сдержаться и начал выпрашивать у Нигама:

- А кто этот твой Джайдип Мирхандани? Он что, подпольный миллионер?
- Да никакой он не миллионер! Обычный официант из рум-сервиса!
- А чего же у него тогда вымогать?
- Сам не понимаю! Этот Трогловский требовал у него пятьсот долларов! А какие пятьсот долларов, когда у него зарплата - двадцать долларов в месяц! Он в жизни пятисот долларов в руках не держал!
- Странно...
- Василий, я должен тебе сказать, что полицейские дежурят в отеле. Они не знают, в каком номере он прячется, но как только он выйдет, его арестуют. И при этом он может серьезно пострадать, Василий. Наша полиция не всегда гуманно относится к преступникам. Для него было бы лучше, чтобы он сам пришел и все рассказал.
- Нигам, клянусь тебе, я не имею ни малейшего представления о том, где он находится! Да и, по совести сказать, мне его ничуть не жалко. Для меня вообще было бы лучше, если бы этого паразита отправили в тюрьму! Другим было бы неповадно!...

Всем своим видом я выражал негодование, но Нигам, похоже, не очень то мне верил, и еще раз посоветовал передать Динозавру, чтобы тот не прятался, а сам явился с повинной. Я ответил, что постараюсь сделать все, что в моих силах, он отдал мне копию протокола, сказав, что у него есть еще, а это – специально для меня.

Вежливо поблагодарив Нигама, я положил бумажку в карман и пошел к себе в номер.

Если совесть мешает работе – постарайся ее отключить.

Две внушительные тетки караулили меня у двери. Обе чинно стояли, опираясь своими огромными задницами о стенку коридора и соединив толстенные короткие ручки замком на животах. Их краснощекие курносые физиономии выражали негодование – ноздри были раздуты, пухлые губы по возможности поджаты. И у одной и у другой большие пальцы рук с удивительной синхронностью совершали быстрые круговые движения. Увидев меня, они даже не попытались улыбнуться, хотя бы для приличия.

«Судя по всему, вы ко мне», - сказал я, подходя к двери своего номера. Мне хотелось произнести эту фразу как можно любезнее, но не слащаво, а вышло развязно-вальжно, даже по-хамски. «Да, Василий, нам нужно с вами поговорить, если у вас есть сейчас время», - с достоинством отозвалась ближняя, уставив свой взгляд куда-то мне в подбородок.

При этом вторая энергично закивала головой, решительно повернув ее в мою сторону. Честно говоря, мне не нравится, когда люди вот так смотрят тебе вроде бы в лицо, но при этом не в глаза. Тем более, последняя часть фразы – по поводу моего свободного времени, произнесенная эдаким язвительным тоном, уже содержала в себе хорошую дозу упрека: мол, пока вы там своими делами занимаетесь, мы здесь подвергаемся издевательствам!

Женщины вошли ко мне в номер и сели на краешки предложенных им кресел. Похоже, их калибр не совпадал с размером кресел и, сев поглубже, они могли бы запросто там застрять. У меня в голове сразу всплыла картина, как они втискиваются в эти кресла, а потом по какой-то причине вскакивают, и так с креслами и бегают по коридорам.

Пока я мысленно примерял элементы своей мебели к выдающимся теткинским формам, они исполняли прелюдию на тему: какие они хорошие и ценные клиентки, как они давно и часто летают, как хорошо знакомы с моим руководством и как положительно им меня описывали в Москве. Чуть позже дамы перешли к тому, как они шокированы тем ужасным происшествием, которому просто не могут подобрать названия. При этом, что именно случилось, не говорили, а только намекали, что ЭТО нечто совершенно невообразимое. Мне, честно говоря, хотелось скорее от них отвязаться и заниматься Динозавром, но я не решался прерывать их вдохновенные излияния. Есть такое правило: чем больше человек тебе выскажет, тем меньше он потом начальству нажалуется. Так что оставалось только сидеть и кивать в такт их нехитрым

логическим построениям, пытаюсь проявить искренность и понимание, что я и делал изо всех сил в течение минут пятнадцати. Они начали повторять все по второму разу, а потом и по третьему. Мне пришло в голову, что либо они меня считают полным дебилом, не способным усвоить элементарных вещей, что маловероятно, либо у них случилось нечто действительно нехорошее, о чем они не решаются сказать. По ходу их бесконечной преамбулы в моей голове возникали различные предположения по сути вопроса. Я уже начал думать, что дамы подверглись некоему неприличному домогательству со стороны служащих отеля и не решаются ЭТО произнести. Надо сказать, такое бывает. Ничего насильственного обычно не происходит, но некоторые индусы, занимающиеся уборкой номеров, нет-нет да уступают своему невинному желанию подглядеть под дверь, используя зеркальце, или якобы случайно входят в номер, когда дамы неодеты, а учитывая жаркий климат и плохую работу кондиционеров, дамы бывали неодеты почти всегда, только в большей или меньшей степени. Так что возможностей созерцать прелести белокожих женщин у любителей этого занятия бывает предостаточно. Из моих туристок на подобные факты мало кто обижался, максимум, под настроение могли шандарахнуть непрошеного гостя полотенцем и выгнать с применением матерных ругательств, но кто-то мог и обидеться... Мне и самому было неудобно – обе тетki явно годились мне в матери. Так мы ходили круг за кругом, но я никак не мог понять, в чем же дело. Впрочем, ожидаемый мной положительный эффект постепенно начал проявляться, после того, как я согласился со всеми их аргументами женщины стали существенно спокойнее. Тогда я попытался помочь им, давая наводящие подсказки вроде: «Если то что произошло, оскорбило вас, как женщину, вы можете не стесняться и довериться мне, никто здесь не имеет права ни на какие вольности, и мы призовем к ответу каждого, чье поведение могло оскорбить ваше достоинство», на что они уклончиво отвечали, что, конечно, их женская честь оскорблена очень сильно, но не только она, и снова заводили песню про их влияние в определенных кругах, а также про их значимость и ценность для нашего туристического агентства, которое иногда они называли авиакомпанией.

Наверное, я ждал бы и дольше, но сегодня была не та ситуация. Я собрался с духом и объяснил дамам, что готов их слушать бесконечно в любой другой день, но именно сегодня и именно сейчас произошло чрезвычайное происшествие, требующее моего немедленного участия. Они сделали круглые глаза и сказали, что как раз по поводу этого чрезвычайного происшествия они и пришли. Тут я вообще потерялся в происходящем и недоуменно вытаращился на них, переводя взгляд с одной на другую.

То, что они рассказали в следующие пять минут, все расставило по своим местам и в очередной раз заставило меня подумать о том, что первое впечатление всегда бывает самым правильным, а когда заставляешь себя вежливо сдерживаться и выслушивать часами всякую ахинею, то просто теряешь время и нервы. Оказалось, это и были те самые тетki, с которыми Динозавр договорился в самолете об оказании им своих «услуг». Они обещали ему заплатить двести долларов, а он должен был решать в их пользу все

возникающие вопросы. Дальше, как они утверждали, у них украли из номера пятьсот долларов. По их мнению, никто, кроме официанта это сделать не мог. Бедных ребят из рум-сервиса вечно обвиняют во всех пропажах, хотя, чего греха таить, бывает, они и тырят всякие мелочи, но сомнительно, чтобы индус спер аж пятьсот долларов! Тем более вытащил их из кошелька, который они спрятали в своей сумке. Если бы деньги валялись на столе, то уборщик мог тихонько цапнуть двадцаточку, рассчитывая, что не хватятся или не обратят внимания, но даже так поступил бы не каждый, потому что индусы – люди по-настоящему религиозные и совестливые. Да и работа в гостинице для них довольно престижна и обычно дает возможность существования всей их семье. Но в целом воровать, конечно, воруют, так что ценные вещи лучше в номере не оставлять. По поводу индийских жуликов вообще ходит множество историй, от банальных, до самых фантастических. Самое банальное, это, когда вы идете по улице и видите мальчика – чистильщика обуви и одновременно попрошайку, вы как добрый дядя (или тетя) даете ему монетку или конфетку, а он вместо благодарности густо мажет вам ботинок натуральной какашкой, которую держал наготове в своей маленькой ручке. Вы офигеваете, а он поднимает на вас свои большие карие глазки, улыбается во весь свой белозубый рот и предлагает почистить ботинок, например, за доллар или за два, в зависимости от вашего облика, с некоторых берут и по десять, но таких сладких уже мало ездит. Можете отказаться, будете ходить в ботинке, измазанном индийским дерьмом, или сами его соскребать. Обычно все безропотно платят. Так что люди со стажем, заведя такого мальчика, от греха подальше обходят его стороной.

А вот из фантастических - я слышал от Сани Цукану историю про слона. В Дели вообще-то слонов по улицам ходит мало, я бы сказал, почти вообще не ходят там слоны по улицам, но в некоторых других городах, по слухам, слонов хоть отбавляй. И вот, тренируют такого слона тырить кошельки из сумок. У него, говорят, такой чувствительный хобот, что вытащить из сумки кошелек ничего не стоит. И еще у этого животного большое преимущество - он очень быстро перемещается в густом людском потоке, аккуратно ставя ноги на свободное от людей пространство. И вот – рынок, идет среди толпы слон, на нем сидит погонщик, намечает тетку или мужика, и раз... кошелек из сумки цапает. Человек понять ничего не может - на слона думают в последнюю очередь, сначала всех окружающих случайных прохожих индусов пытаются захватить и обвинить в хищении кошелька, им даже иногда подсказывают прохожие, мол это слон спер, но пострадавший не верит, говорит, что не такой он лох, чтобы поверить в эту ахинею, а слон тем временем утопывает себе, и был таков. А если турист прямо видит хобот у себя в сумке, то только ржет – думает слоник решил поиграть, или яблочко какое его привлекло. А слон умный, если его засекают, то он кошелек не трогает, а так, вроде делает вид, что просто ошибся сумкой.

Ну, а мои тетки начали свое изложение с того, что кругом форменное безобразие, деньги воруют из номеров, а человека, который за них заступился из душевного благородства, еще и арестовать хотят, и что он в их номере скрывается, а они ни поспать ни переодеться из-за этого не могут. И вообще, мол надо это срочно решать, вызывать сотрудников посольства,

устраивать международный скандал, и аккуратно так, но меня еще и обвиняют, мол я допускаю такое беззаконие, проявляю бездействие, они вынуждены меня искать, хотя это и так моя работа. Что интересно, теткам бедного индуса совсем было не жалко. Как они его, а заодно и всю Индию поносили! Индусы у них были и грязные, и вонючие, и ленивые патологически, и воры, и чтобы они делали, если бы мы у них их паршивые свитера не покупали, и вообще они не люди, а животные, не способные ни к каким человеческим переживаниям. Вроде взрослые женщины, а так возбудились, что рожи стали потными, они уже почти орала, яростно размахивая своими коротенькими ручками и убеждая друг друга в своей священной правоте.

А во мне прямо живая ярость поднималась, медленно, но неотвратимо. Я вспоминал с какими трудами добивался расселения моих групп в этом удобном и недорогом государственном отеле, где у индусов происходят разные официальные конференции и заседания, сколько обхаживал разных индийских начальников, подарки делал, как клялся и обещал, что мои туристы приезжают только для того, чтобы заниматься товаром, что никаких безобразий от них никогда не будет, что все они люди занятые и серьезные... и я чувствовал, что если мне придется дальше терпеть излишества этих бабищ, то можно запросто заработать нервное заболевание средней тяжести. Так хотелось молча достать полицейский протокол, зачитать им основные пункты, и с глубоким вздохом сообщить, что по индийским законам – они соучастницы преступления и их будут судить, а потом отправят прямиком в тюрьму... Но вместо этого приходилось делать прямо противоположное. Я на работе, своих туристов мне предписано защищать всегда, независимо от моего желания или нежелания. Посему все, что я мог себе позволить - это вежливо остановить их трепотню, и сказать, что все понимаю, разделяю их справедливый гнев, но ситуация сложилась непростая и действовать нужно хитро и расчетливо, поскольку скандалом мы можем только все усугубить и себе же сделать хуже. Они как по команде замолкли, обе приняли одинаковые позы, сложив свои пухлые ручки на коленях и немного подавшись вперед, затем начали синхронно кивать в такт смысловым паузам моего монолога, и на их лицах появилось удовлетворение от происшедшего. Я говорил им, чтобы они не волновались и не переживали, ситуация, мол разрешаемая. Все будет хорошо, и вы правильно сделали, что пришли ко мне.

После этого я отправил их в номер, сказав, чтобы они там сидели тихонько и, прошу передать Динозавру, чтобы он не высывался. Тетки ушли, а я позвонил Нигаму в кабинет. Он долго не подходил к телефону, как будто чувствовал, что я хотел ему сказать, но я все равно настойчиво звонил. Это ведь моя работа – решать проблемы.

Мой друг – Нигам.

Нигам до работы в этом отеле был офицером - служил в секретном и специальном подразделении, охранявшем ни много ни мало - президента Республики Индия. Это было не просто специальное подразделение, а особое какое-то придворно-элитное, туда брали только самых образованных и подготовленных молодых людей из хороших семей, хотя при этом они были не паркетными солдатами, а самыми настоящими коммандос. Как Нигам рассказывал, они все были просто фанатиками своей службы, и у них в этом подразделении собрались самые крутые мужики со всей Индии. Еще у него был друг – Арвинд, тоже оттуда. Мы с ними часто вместе проводили время, и я еще включил в нашу компанию Сашку Цукану. Нигам и его друзья были рослые, здоровые ребята, не очень то и черные, больше похожие на итальянцев, чем на индусов. Образованные, интересные, воспитанные люди. Северяне, да еще, если семья уже три-четыре века при деньгах – совсем другие, чем чернорабочие из Бомбея. Просто как небо и земля. Даже внешне - одни высокие, крупные, немного смуглые, другие малюсенькие, плюгавенькие и черные-черные, прости Господи за такую дискриминацию черных, но это всё чистая правда.

Когда Раджива Ганди подорвала бомбой террористка-смертница, была не их смена, иначе все они погибли бы вместе со своим президентом. Нигам и Арвинд уцелели, но их уволили с работы и вообще из органов. Полностью расформировали подразделение – вроде как они не справились со своими обязанностями... Я думал так только у нас, в России бывает, а вот - оказывается, в Индии тоже. Чуть что случится – не причастных награждают, а невиновных наказывают. Арвинд после увольнения начал заниматься бизнесом – у него богатая семья, родственники дали денег, и он открыл швейную фабрику, где индийские девушки изготавливали платья. Именно не шили, а изготавливали, потому, что платья эти вручную расшивались специальными блестками, притом не кое-где, а сплошняком – получалось очень красиво, что-то вроде чешуи, но трудоемкость – сумасшедшая. У него эти платья покупали американцы и платили очень прилично – в пределах тысячи-полутора долларов за штуку. Я когда Сашку Цукану с Арвиндом познакомил, его возили на фабрику, все показывали, потом угощали обедом.

Арвинд с Сашкой в нашей компании были бизнесмены, А у Нигама денег не было, он, когда поперли из органов, напрягся из последних сил, подключил все свои прежние связи и вот – устроился в систему государственных отелей на неплохую должность. Те, кто его брали на эту работу, тоже рисковали – он же был опальный офицер, член личной охраны бывшего президента. Так что у Нигама положение было не самое устойчивое, и лишние залеты ему были вовсе не нужны. Я его, конечно, сильно подвел с Динозавром. Он ничего мне не говорил, но было видно, что переживал. Мы же с ним были не только приятели, и именно благодаря нему я смог свои группы в этот отель устроить, причем с большим трудом. Высокие индийские начальники категорически отказывались запустить русских челноков в свою придворную гостиницу, боялись, что все запакосят. Надо сказать, правильно боялись. А гостиница была отличная. Расценки государственные, от центра близко – место очень выгодное. У нас на каждом туристе получалась экономия долларов по

двести за неделю, по сравнению с расселением в частных отелях, а в каждой группе туристов – человек по шестьдесят – семьдесят. Считайте сами. Нигаму мы, конечно, немножко приплачивали, а он дальше сам разбирался со своим руководством. Но скандалы все могли порушить и в нашем бизнесе, и у Нигама в карьере, тем более, что он был человек довольно прямой, а отчасти даже и резкий. Одним словом, порядочный был человек. Я всегда с таким теплом вспоминаю о нем! Нас связывали не только деньги, мы действительно были товарищами! Они меня возили по всяким интересным местам, приглашали на свадьбы друзей и родственников. А я, зато Арвинда познакомил с русской девушкой. Он ее заметил давно, но стеснялся подойти. Она была из Новосибирска, звали Катей – неплохая, кстати девчонка. Как он за ней ухаживал! Без всякого цинизма, без пошлостей, и глупого ржания - благородно оказывал ей всяческие знаки внимания. Арвинд даже собирался на ней жениться, но мама ему присмотрела богатую невесту в Америке, там был целый семейный скандал по этому поводу..., но это совершенно отдельная история. А сейчас мне нужно было звонить моему другу Нигаму и бессовестно давить, заставляя его заминать это неприятное дело.

Нигам упрямо не подходил к телефону, и я поплелся к нему в кабинет. Мой друг сидел за столом, перед ним стояла бутылка его любимого рома – Старый Монах. Сегодня он, похоже, не стал его разводить пепси-колой и пил в чистом виде... Он налил и мне в стакан на два пальца, мы молча чокнулись и выпили.

Было видно, что настроение Нигама еще ухудшилось, его голос звучал глухо, как из бочки, и говорил он очень тихо, почти шепотом: «Я только что виделся с этим парнем из рум-сервиса..., с Джайдипом Мирхандани..., он едва может разговаривать. Паренек рассказывает, что просто шел по коридору мимо того огромного русского и даже вежливо поздоровался с ним, как этого требует инструкция. Но русский ничего ему не ответил, а вместо этого схватил за шиворот и затащил в номер, где перетянул ему рот полотенцем, а потом взял одной рукой за горло, приподнял от пола и швырнул головой об стенку над кроватью. Тут, похоже, и произошло сотрясение мозга. Парень говорит, что было очень плохо, полотенце и так не давало дышать, но русский еще и душил его... Постепенно пережимал горло, пока у Джайдипа не темнело в глазах и сознание не уходило, потом отпускал и бил по щекам, чтобы парень пришел в себя. И при этом русский улыбался... Ему было хорошо! Джайдип говорит, что на лице русского выражалась почти нежность, когда тот видел, как он задыхается, как его глаза вылезают из орбит и тело начинает дергаться в конвульсиях. Только через тридцать минут твой Трогловский сказал Джайдипу о деньгах, до этого он просто мучил его и кайфовал от этого. Парень уже попрощался с жизнью, он был уверен, что живым его этот садист не отпустит, но кто-то позвонил по телефону, и после разговора русский выругался, плюнул на пол и свалил Джайдипа страшным ударом по лицу, от которого парень потерял сознание и уже не помнит, как тот ломал ему ребра ногами.

Это больной человек, Василий. Я знал таких, когда служил в охране президента. Этих людей невозможно вылечить, с ними невозможно договориться, их нужно уничтожать. Он сдохнет в нашей тюрьме за три месяца

и даже не доживет до суда, я это тебе обещаю. Я знаю, что твоя работа состоит в том, чтобы договориться здесь со всеми и замять это дело. Ты сам знаешь, что это совпадает и с моими интересами, если говорить о карьере и заработках. Но мы же с тобой мужчины, кроме всего прочего... Ты еще молод, а мне уже тридцать пять, и знаешь, с каждым годом совесть все больше напоминает о себе».

Нигам еще плеснул в стаканы, вышел из-за стола, медленно подошел к гостевому дивану, где я сидел, и, согнув колени, присел передо мной на корточки. Он смотрел на меня снизу вверх почти минуту, я не выдержал, опустил взгляд, попытался поднять его с пола, он не дался, взял мою руку и начал просить, чтобы я не заставлял его отпустить этого негодяя. Он говорил, что этот парень, если мы его отпустим, обязательно убьет кого-нибудь в России, что его нужно остановить, что он может все сделать так, что я не буду ни в чем виноват, я могу защищать его сколько угодно, нанимать адвокатов, вообще формально быть на той стороне. Нигам говорил довольно долго, я просто слушал и молчал. Через некоторое время мне удалось поднять его, мы еще выпили, снова налили и вместе подошли к окну. Нигам молчал, стало ясно, что пришла моя очередь говорить. И я обманул моего друга Нигама, человека, который доверял мне свои тайны, у родителей которого я обедал по субботам. Я сказал, что мы - очень мафиозная организация (прости, Господи) и сами расправимся с этим Трогловским в Москве. Я пообещал Нигаму, что этот человек не проживет и одной недели, после того, как сойдет с трапа самолета. Я даже при нем позвонил в Москву своим диспетчерам, продиктовал данные на Динозавра и сказал, что этого человека нужно внести в список номер три. Не знаю, почему я тогда придумал список номер три, диспетчер, конечно, ничего не понял, но его дело было только записать информацию, что он сделал добросовестно.

Нигам поверил мне. Тогда по телевизору много говорилось про разгул преступности в России, про заказные убийства и бессилие властей. Он посмотрел на меня даже с некоторым уважением, и согласился, что так будет лучше. Как порядочный человек, он даже предложил свое участие в расходах на ликвидацию Динозавра, но я заверил его, что деньги на такого рода предприятия у нашей компании еще есть.

Мы еще раз чокнулись, и Нигам вызвал этого парня – Джайдипа Мирхандани. Тот пришел минут через десять и скромненько встал в дверях. Это был обычный черненький парень, худенький, ростом и комплекцией напоминающий наших двенадцатилетних мальчишек. Шея и вся левая половина лица у него были перевязаны. Нигам попросил его снять повязку специально для меня, и я увидел один огромный синяк, разорванный посередине, левый глаз открывался только на маленькую щелочку. Грудь Джайдипа была туго перебинтована, было видно, что каждый вдох причиняет ему боль, он дышал часто и поверхностно - глубоко вдохнуть не позволяли переломанные ребра. Нигам указал ему на стул, тот сел на краешек и замер. Для индусов начальник типа Нигама, тем более человек из какой-то там их высокой касты – почти как Бог. Было ясно - что Нигам сейчас скажет, то парень и сделает. И это было не только из-за того, что он начальник и все такое... Просто

весь персонал очень уважал Нигама. Наверное, знали, чем он раньше занимался, к тому же он всем давал жить, ни к кому не привязывался попусту, веселый был мужик, не спесивый и не злой.

Нигам сидя за столом, говорил с Джайдипом на хинди. Я не понимал о чем, но догадывался. Что в таких случаях можно говорить? Наверняка, он сказал, что мы уже знаем человека, который совершил это ужасное преступление, и все преисполнены негодования, но нельзя бросать тень на весь отель и поэтому надо решить дело по взаимной договоренности, что Трогловский очень раскаивается, готов принести свои извинения и материально компенсировать моральный ущерб. Через пять минут он повернулся ко мне и сказал, что Джайдип готов забрать заявление из полиции за небольшую материальную компенсацию. Я спросил, сколько было бы уместно предложить в такой ситуации, Нигам переадресовал вопрос Джайдипу, тот пожал плечами, посмотрел на Нигама и как-то жалобно улыбнулся, если это вообще можно было назвать улыбкой. Он не знал, сколько попросить. Я вкрадчиво предложил двести долларов, Нигам передал предложение парню, тот торопливо закивал. Дело было сделано, Нигам встал и еще раз произнес условия договоренности уже по-английски: Трогловский должен был через час явиться в кабинет к Нигаму с деньгами, а также принести свои извинения лично Джайдипу. Кроме того, он должен сегодня же переехать в другой отель, иначе Нигам не мог ручаться за его безопасность.

После мы отпустили парня, и Нигам кому-то позвонил. Похоже, это был разговор с тем усатым полицейским, который приходил утром. Они довольно долго разговаривали, Нигам даже несколько раз повышал голос, убеждая своего абонента. Не так легко было договориться с полицией, даже при условии, что потерпевший заберет свое заявление. Я уверен, что никто кроме Нигама этого вообще не смог бы это сделать. А Нигам сделал, получив мое заверение в том, что мы сами восстановим справедливость. Без всяких сомнений это стоило ему какой-то доли авторитета и какой-то доли его доброго имени. Когда разговор был окончен, Нигам повернулся ко мне и сказал, что ждет меня и Трогловского через час. Я двумя руками пожал его протянутую ладонь, поклонился, как принято в Индии, и молча вышел.

Справедливость торжествует, увы – не всегда.

Я потопал в номер к теткам, где прятался Динозавр. Не было никаких ощущений – ни злости, ни радости, просто шел машинально и все. После того, как я постучал, за дверью затаились, только через несколько минут одна из теток томным голосом спросила, кто там, и, убедившись, что это я, открыла дверь. Тоже мне конспираторы хреновы! Когда я вошел, Динозавр сидел нарочито развалившись в кресле, его поза, судя по всему, должна была продемонстрировать уверенность. Но уверенности не чувствовалось. Он явно переигрывал, к тому же ничего не мог сделать со своими глазами. Со стеклянными, замороженными глазами, сквозь которые отчетливо просвечивал

ужас. Хотя, конечно, я мог ошибаться. Возле Динозавра лежал телефонный справочник, открытый на странице с номерами Российского посольства в Дели.

Трогловский даже не попытался со мной поздороваться, а вместо этого, явно выпендриваясь перед своими клиентками, развязно сказал, что рад меня видеть хотя бы сейчас, (мол я должен был к нему еще вчера прибежать). Потом Динозаврище поинтересовался, собираюсь ли я что-то делать, чтобы решить возникшие проблемы, или ему придется действовать самостоятельно. Он сделал особое ударение на слове «самостоятельно», типа он такой Сильвестр Сталлоне и сейчас захватит всю гостиницу в заложники, а в моей помощи нуждается так... постольку-поскольку. Бабы при этом стояли, горделиво скрестив руки на груди.

Ненавижу эту плебейскую манеру начинать разговор с хамского наезда, с попытки обесценить помощь, которую тебе, дураку и негодяю, уже явно собираются оказать. Я снова представил, как читаю ему протокол, а потом заходит Нигам с усатым полицейским и надевают на этого ублюдка наручники. С минуту я молчал, представляя себе, как это было бы здорово. Я молчал, они молчали.... Первыми не выдержали тетки. Они чуть ли не одновременно начали тархтеть, спрашивая у меня, что удалось сделать и как выглядит ситуация на настоящий момент. Они прямо так и требовали от меня подробного доклада, звучали такие фразы как: «Мы хотим знать..., Вы уж, пожалуйста, Василий, нас проинформируйте...», - и все в таком духе. Тут я не выдержал и позволил себе чуть-чуть расслабиться. Улучив паузу в их словесном потоке, я сказал довольно тихо: «Выйдите отсюда обе». И добавил: «Пожалуйста». Бабы заткнулись и моментально испарились, чуть даже потолкавшись жопами в дверях. Я проводил их взглядом, а потом снова посмотрел на Трогловского. Его лицо переменилось, он как будто снял маску, смотрел на меня заискивающе и умоляюще, даже удивительно было, как эта рожа вообще может так выглядеть. Мне не пришлось его кошмарить, он вскочил со своего кресла и сам залепетал, что не хочет в тюрьму, что ему в тюрьме не выжить, у него, оказывается, язва желудка и почки больные, а он сдуру согласился на подстрекательства этих кошелок толстожопых, и вообще, у него есть деньги это дело замять... В конце он даже взял меня за руку, и произнес: «Помоги, братан...». Нашел себе братана, ублюдина. Я как мог сухо спросил, сколько у него имеется денег, он немного приободрился и начал говорить, что денег у него мало: «Ты уж, брателла, меня по миру не пускай, на чужой беде ведь не наживают, сам понимаешь...» Я сказал, что все понимаю, но придется дать двести баксов потерпевшему, заплатить за поломанные стулья и столы в дискотеке, а это еще двести пятьдесят, и плюс ко всему, переехать в другую гостиницу, естественно за свой счет, что обойдется ему за оставшихся четыре дня – в четыреста долларов. «Таким образом, тебе нужно восемьсот пятьдесят долларов», - попытался подытожить я.

Выслушав мои подсчеты, он заговорщицки подмигнул и шепотом предложил увеличить эту сумму втрое и выставить теткам. Он, де уверен, что если я скажу, теткам без звука заплатят, а мы с ним раздербаним оставшиеся две трети после того, как вопрос замнется. В этот момент я подумал, что его действительно нужно застрелить в Москве. Вообще говоря,

интересно, есть ли у моего руководства возможность такого рода вещи организовывать? Или, хотя бы, арестовать его за что-нибудь? Я у нас в агентстве про такое не слышал, как-то, к счастью, не приходилось сталкиваться, но мне очень хотелось в тот момент, чтобы такая возможность была, и в отношении этого человека ее реализовали. Ему же я сказал, что он может сам с тетками о чем угодно договариваться, мне ничего не нужно, но и участвовать в оболванивании этих женщин я не согласен, поскольку они наши клиенты. Фраза была длинная и запутанная, Динозавр явно потерял ее смысл еще посередине, и в конце я еще раз пояснил, что мне по фигу, сколько он с теток возьмет, но если меня спросят, сколько я получил и соответственно отдал, я это скрывать ни от кого не буду. «Кстати, я и денег этих даже в руки брать не намерен, ты сам все передашь в кабинете директора гостиницы (Это я Нигама немного увеличил в статусности для простоты), принесешь свои искренние извинения потерпевшему, и на всю подготовку у нас осталось двадцать минут», - добавил я в конце своего монолога. Он попросил позвать женщин, я выглянул за дверь – они стояли с вытянувшимися рожками – похоже, что подслушивали.

Когда они вошли, Динозавр уже принял свое прежнее состояние, то есть развалился в кресле с вызывающе-безразличным выражением на верхней части своего туловища. Тетки встали у двери. Он произнес им тоном, каким читают приговор, что нужно заплатить восемьсот пятьдесят долларов, чтобы проблема, которая касается и их, и его была решена. Говорил он минут пять, все об этом же, только разными словами. Честно говоря, я даже удивился его наступательному, непрекаемому, уголовному какому-то красноречию и тону такому..., не допускающему никакого сопротивления против им предлагаемой логики, как будто бы он снисходит, делая над собой усилие, как будто он жалким, надоедливый и бесправным просителям зачитывает свое окончательное и бесповоротное решение их судьбы. «Сделать уже ничего не возможно, так договорился наш уважаемый представитель», - это была его заключительная фраза, и в ней присутствовала хорошая доля язвительности – мол, ежели сумма не нравится, вопросы не к нему, а ко мне. Если бы тетки за дверью не подслушивали, они, наверное, без звука бы раскошелились. Но теперь они пытались сопротивляться. Одна из них даже решительно сказала, что у них нет денег вообще, они уже все потратили на товар. У них началась ругань. Я не собирался участвовать в этой сцене, просто сказал, что жду их у себя в номере через двадцать минут, чтобы либо идти и решать вопрос, либо как хотят... Тут они заорали все втроем, что я не могу их вот так оставить, тетки требовали, чтобы им разъяснили, отчего такая большая сумма, Трогловский пытался увести разговор от этой щекотливой для него темы, но я терпеливо разъяснил гражданочкам всю структуру расходной части. Они разорались еще больше, было произнесено, что они должны оплачивать еще и поломанные столы в дискотеке и отдельное проживание их дружка, мордворота. Когда разговор зашел про отдельное проживание, Трогловский тоже начал поражаться – отчего это ему переезжать, когда его номер оплачен вперед, и все в таком духе... Я не хотел ему говорить про намерение низшего персонала отеля его отколошматить, честно говоря, боялся, что он придет в ярость от такой угрозы: маленькие индусы собираются его, такого огромного, отлупцевать, но пришлось это

сделать прямо при тетках, которые в один голос заявили, что им все равно, что там кто думает, и кто кого хочет побить, они заплатят четыреста пятьдесят и ни копейки больше! А вот сам Динозавр совсем не озверел, как я боялся, а, наоборот, призадумался и насторожился.

Женщины, покопавшись где-то глубоко под своими рейтузами, достали и отслонявили денежки, Троглоцкий попросил еще двести, как они ему обещали – за услуги, они сказали, что больше у них нет, и дать они ему ничего не могут, притом сделали это довольно резко. Динозавр в ответ обиженно отвернул от них физиономию и злобно угукнул. Хоть одна польза все-таки была от всего произошедшего: похоже, все эти фокусы надолго отвядили теток от желания крышеваться. Троглоцкий взял деньги, причесался пятерней, и мы с ним двинулись к Нигаму в кабинет. Пока мы шли, он, выдержав небольшую паузу, и начав как бы издалека, принялся удивляться, за что это персоналу его бить, когда вопрос с пострадавшим уже решен – он явно искал у меня поддержки. Я злорадно посоветовал ему не ходить одному, тем более вечером и в темных коридорах, не заходить в раздевалку бассейна, когда там никого нет и вообще поменьше выходить из своего номера. Он с готовностью принял все эти ограничения, сказав, что ему вообще здесь ходить некуда, а бассейн этот ему и вовсе не нужен, и он бы даже на ужин не ходил, если бы его могли прямо в номер приносить. «Точнее, пусть оставят у двери, а я потом заберу», - пояснил Динозавр, а потом задумался и произнес: «Только бы не отравили...» Он, кстати, так и просидел все последующие дни в своем номере, на котором перманентно болталась табличка: «Не беспокоить». Жратву ему прямо в комнату таскали сердобольные тетки.

Как только мы вошли в кабинет к Нигаму, и Троглоцкий увидел Джайдипа, он прямо с порога бросился к нему со словами «Сэр, сэр, а м сори, мистейк, сэр, гуд френд...». При этом он хватал руку оторопевшего индуса, и пытался ее трясти своими ручищами. Во время этой сцены Нигам с каменным лицом отвернулся к окну, затем, постояв так минуту, прервал нежные излияния Динозавра широким жестом пригласив нас сесть к столу. У Нигама в кабинете был такой небольшой приставной стол для посетителей. Мы расселись. У Троглоцкого на лице продолжала блуждать идиотская улыбка, призванная, наверное, сделать его рожу дружелюбной и обаятельной, Джайдип сидел как мышка, боясь шевельнуться, Нигам молча смотрел в стол. Пауза затягивалась, я решился начать разговор и повторил по-английски прежние условия нашего договора, только добавил, что Троглоцкий еще заплатит двести пятьдесят долларов за столы в дискотеке. При этом Нигам удовлетворенно кивнул, сам он, похоже, совсем забыл об этой, уже казавшейся мелкой пакостью, истории. Я продолжил, и заставил Динозавра еще раз внятно попросить прощения, он сделал это по-русски, я перевел на английский, Нигам – на хинди. При этом Джайдип не знал, куда девать глаза, наверное, он ерзал бы на своем стуле от неудобства, если бы не боялся пошевелиться. Дело дошло до денег. Динозаврище вежливо положил на стол перед Нигамом двести пятьдесят теткинских долларов и должен был еще двести передать Джайдипу, но вместо этого он достал сто пятьдесят и начал, обращаясь к Джайдипу, скулить, что у него больше нет, и это последние деньги, и ему и так придется ничего не есть

несколько дней, и так далее и тому подобное. Как такую протокольную рожу можно сделать столь жалобной, для меня до сих пор остается загадкой. Он говорил очень быстро по-русски, вставляя в свои фразы редкие жутко перековерканные английские выражения, при этом каждое английское слово повторялось раз по десять, наверное, для того, чтобы Джайдип, который по-английски понимал приблизительно так же, как и Динозавр, причислил его, Трогловского, к значительным и образованным людям. Не успели мы с Нигамом вмешаться, как Джайдип понял, чего от него хотят и быстро-быстро закивал головой, что-то приговаривая на своем хинди. Нигам встал, отвернулся к окну и махнул рукой. Трогловский отдал деньги, которые Джайдип засунул в карман штанов, они быстренько сделали вид, что пожали друг-другу руки, и процедура была окончена. Кстати, прошел только час, а Джайдип, надо сказать, выглядел значительно бодрее – вот у них здоровье у индусов. Прямо таки какая-то способность к регенерации.

Мы вышли с Динозавром и двинулись в его номер. Я решил проводить этого подонка от греха подальше. По дороге мы встречали туристов из нашей группы, и все они, уже зная о происшествии, участливо осведомлялись у Трогловского, как дела, все ли нормально, не нужна ли помощь, и все в таком духе. Ни один ему в рожу не плюнул, ни один даже мимо не прошел. Ну, так ведь и я ему и в рожу не плюнул, и мимо не прошел. Так и все... А еще по дороге Динозавр похвастался мне, что всучил Джайдипу из ста пятидесяти долларов сто - фальшивой купюрой. «Такая левая бумажка была», - говорит: «Год ее не мог никуда пристроить, уже думал выкидывать, а вот – пригодилась! Жалко, полтинника левого не было..., этот индус-то, небось, и проверять не будет, сразу положит в кубышку..., да, Вась?»

Я не смог ничего сказать, только подумал, что через несколько лет Джайдип, или его мать, достанут эти самые сто долларов, чтобы потратить их либо на какое-нибудь торжество, либо, что скорее всего, на лекарства или доктора, и только тогда узнают, что и здесь русские их обвели вокруг пальца. Что они сделают? Улыбнутся друг другу, да будут тихонечко жить дальше, как получится, по возможности, не подличая, ничего от мира не требуя и не жалуясь. Ни на что особое в жизни не претендуя, все, и хорошее и плохое, принимая как predeterminedный свыше кармический крест. И, что самое важное – они будут при этом гораздо счастливее, чем я, например, или Динозаврище.

Папе всегда удавалось ладить с людьми, особенно смолоду, пока он еще не стал позволять себе откровенного хамства, или удачно ретушировал его за эдакой сермяжной простотой и подкупающе-искренней откровенностью. Казалось, что его действительно любили и уважали вполне достойные люди, были даже такие, которые с дружелюбной благосклонностью относились к его пьяным откровениям, например, к эротическим фантазиям по поводу жены собеседника, или грубым шуткам по национальному вопросу. Время показало, что настоящих друзей в жизни моего отца так и не состоялось, так что теперь можно с уверенностью относить его былую популярность к факторам скорее конъюнктурным или просто людям было отрадно наблюдать его как поучительный экземпляр человеческой инволюции.

Насильно отправленный

Я уютно расположился в аэропортовской забегаловке и дожевывал вегетарианский гамбургер с котлетой из рубленой морковки, когда примчался мой помощник Нарिश, и начал возбужденно рассказывать, что один из моих туристов невозмутимо сидит в зоне вылета и категорически отказывается проходить в автобус для транспортировки на самолет.

Не часто можно было увидеть Нариша, передвигавшегося с такой скоростью и использовавшего настолько сильную мимику и жестикуляцию – он был уже не юн и любил выглядеть почтенно, как и подобает уважаемому сикху с красивым тюрбаном на голове. В Индии вообще не очень-то любят бегать – другие у людей жизненные принципы. Никто там никуда не торопится, причем во всех смыслах. Даже если дело касается политики или карьеры происходит ровно то же самое. Например, по статистике там какой-то огромный процент женщин во властных структурах. Некоторые говорят – это, мол, проявление высокого уровня индийской демократии, но у меня лично мнение другое – просто их индийским мужикам все в жизни по барабану – не нужна им власть! Вот индийским женщинам, как наиболее ответственной части населения и приходится закрывать собой брешы, где бы они ни появились - в том числе и в государственном управлении. В аэропорту Индиры Ганди, например, начальником таможни была женщина. И женщина, надо сказать, боевая и принципиальная.

В Индии с таможней, в принципе, проблем никаких - вывози что хочешь, тебе слова никто не скажет, но только предъяви документ, что

индийские рупии ты получил официальным путем – то есть выменял в банке на свои доллары. Но в этом как раз и проблема - в банках никто деньги менять не хочет, потому, что на рынке курс лучше почти на десять процентов. Вопрос обычно решается компромиссно. Каждый турист официально меняет, например, по пятьсот долларов в банке, и получает соответствующую справку, а остальное – на рынке, по выгодному курсу. Все справки централизованно предъявляются таможенному инспектору – кажется, что они охватывают огромную сумму, и весь груз перемещается через таможенный кордон. У меня в этом плане и с таможей, и с туристами были четкие договоренности - проблем не возникало. Хотя, было мнение, что я перестраховывался, и некоторые оставались недовольны. Мне приводили в пример чартеры, где вообще ничего официально не меняли, надеясь на авось, или на хорошие отношения с инспектором. Индусы, действительно, не каждый раз проверяют эти банковские документы – они народ безразличный и не очень корыстный. У нас, в России, такую возможность повымогать денежку, чиновники в жизни не упустили бы. А у них бывает, и часто! Махнут рукой, улыбнутся – ладно, езжайте. Но даже минимальный риск просидеть в аэропорту лишние полсуток, пока дотошная таможенная смена, к примеру, не поменяется, меня не устраивал. Тем более, не так это и сложно - пятьсот долларов в банке поменять, а остальные четыре-пять тысяч – где угодно. Пусть каждый турист на этом полтинник потеряет, великое дело! О чем тут говорить? Нельзя же беспредельно нахальничать – нужно иметь хоть какое-то уважение к законам Республики Индия.

Мне всегда было обидно, когда мы приезжали на вылет, а аэропорт оказывался забит тюками какой-нибудь легкомысленной группы, задержанной индийскими таможенниками, поскольку они ничего вообще, ну ничегошеньки не предоставили. Ни одной справки из банка. И вот они сидят на своих мешках, их не обойдешь, не объедешь – всем мешают. Ведут переговоры, ну... куда индусам деваться – рано или поздно их выпускают, махнув рукой на безобразие, чтобы других сверх всякой меры не задерживать, весь аэропорт не ставить раком. Вот и в тот день какой-то табор сидел на мешках и ждал... Нарिश сказал, что дело у них плохо, сама госпожа начальница таможи лично приказала их не выпускать, пока не будет документов из банка. Они уже почти сутки пытаются взять ее измором, ходят ругаться в разные инстанции – что само по себе в Индии глупо, их самолет стоит, все ждут неизвестно чего. Группа эта из Ростова – такие колоритные южные люди.

Так что в тот день в аэропорту было военное положение и я совершенно не удивился, что Нарिश примчался бегом. Мы и так груз окольными путями завозили, туристов регистрировали через одну конторку в толчее. Ростовские орали, заседали прямо: «Почему этих оформляют, мы что – не люди!? Да они взятку дали!...». Горластые, блин. Какое их дело, чего мы кому дали? Работать надо уметь - отношения устанавливать, а не горло драть. Наши чуть с ними не сцепились, но вроде обошлось. Чиновники все нервные в аэропорту, давно у них такого бедлама не было. Я хорошо понимал, что второй раз достать автобус специально для этого последнего охламона – и в обычный-то день - дело не простое, а сегодня еще на порядок сложнее. И пока мы станем его уговаривать и искать автобус, группа будет умирать в раскаленном салоне

ИЛ-62, или нужно будет включать ВСУ – Вспомогательную Силовую Установку, а от нее кондиционер. И будет ВСУ несколько часов молотить, а она, между прочим, во время работы потребляет керосин, а его у нас заправлено по самому минимуму. Заново заправщик подгонять – это значит, всех туристов нужно обратно из самолета выводить, что в свою очередь потянет еще часов на шесть, учитывая общую расторопность служб аэропорта имени Индиры Ганди, тем более в такой неудачный день, когда у них случилась головная боль от другого русского чартера. Мой рейс и так долго регистрировался из-за бардака на вылете, его никак нельзя было еще больше задерживать. Тем более, в аэропорту, как нигде – время сразу пересчитывается на деньги. Нам за каждый час оплачивать стоянку, а там, и экипажу может подойти время отдыха, какое-нибудь разрешение на пролет закончится – в общем, нельзя было ничего сбивать в процедуре, она и так шла через силу и стоила всем нам огромного напряжения. Я помчался в зал прилета. Нарисуй мне тем временем, на ходу сообщал подробности. Оказывается, у этого кренделя груза было около двухсот килограмм и все, естественно, уже погружено на самолете вперемешку с остальным багажом. Я говорю: «Ну и что?», а он мне: «Ну, как же, если он лететь откажется, придется самолет разгружать и его баулы от других отсортировать...». Я на это Нарису только пальцем у виска покрутил, мол, о таких катаклизмах и думать не желаю, мы сейчас его, голубчика, в два счета препроводим на воздушное судно, и улетит он у нас как миленький в столицу нашей Родины – Москву.

Пока шли, я думал, как все парадоксально в мире получается. В аэропорту сорок человек беснуются, чтобы улететь из Индии, а у меня – наоборот, проблема из-за нежелания лететь домой, возникшего, к счастью, только у одного пассажира. Прибегаю – гляжу, сидит, спокойный такой, в тапочках на босу ногу, в джинсах грязнущих и в майке с растянутыми бретельками. Роба небритая, ноги под тапками чернушие – тоже мне, пассажир международного рейса. Ему, в принципе, действительно самое лучшее было – остаться в Дели и закончить свой недолгий наркоманский век среди беззлобных индийских коллег, проживающих годами в копеечных ночлежках. Наркотики в Индии – дешевле вегетарианской еды. Я сам не очень знаю конъюнктуру, но мне приходилось встречать в аэропорту или просто на улице таких туристов с рюкзаками за спиной, выглядевший приблизительно как мой клиент. Иногда они сидят прямо попами в лужах, бывает, спят вместе с индийскими гражданами на газончике... Я сначала думал, что это такие религиозные ребята, которые путешествуют пешком по Индии в поисках вечной истины, а потом мне объяснили, что нет, оказывается – это обычные наркоманы. А по паспортам многие из матушки-Европы, или из Америки! Цивилизованные люди... но в прошлом. Мой клиент явно был из тех. У меня все сомнения развеялись через двадцать секунд разговора, когда он свой светлый, но совершенно отсутствующий взгляд с трудом зафиксировал на мне, улыбнулся такой пустоглазой улыбочкой, и проникновенно произнес, немного растягивая слова: «Я, Вася, все-таки решил остаться. Никуда не полечу... Я, знаешь, американское гражданство принимаю, но жить буду в Индии...». Я спорить с ним не стал, это явно было занятие бесперспективное, - «Хорошо, говорю, - давай твой паспорт,

пойду оформлять документы на отказ от рейса». Это я решил проверить, какой он - подозрительный, или доверчивый? Подозрительный паспорт ни за что не отдаст. Мой оказался подозрительный. Даже более чем! Не только паспорт не отдал, но еще морду набыл, и сказал, что никакие хитрости его не заставят изменить решение, мол не на того напали и он видит меня насквозь. Вот так, случай, явно не простой. Ладно, говорю, сиди, сейчас попытаюсь к тебе привести прямо сюда индийских официальных представителей. Он говорит: «Валяй, Вася...но побыстрее». Мы отошли от него чуть в сторону, скрывшись из зоны прямой видимости, и я определил план действий: дал Нарису нереальную сумму - аж двести долларов и отправил за автобусом, чтобы тот стоял и нас ждал у служебного выхода, а сам побежал в офис Индиан Аэролайнс, там у меня работал знакомый индус – представительный такой, в форме все время ходил и в очках, но самое главное, мы с ним были приятели. Индусы – они же, как дети, им нравится, чтобы у них были в друзьях иностранцы. Это похоже, как у нас, тогда - еще в СССР, считалось престижным иметь в друзьях граждан иностранных государств, и эдак между делом сообщать коллегам: «Да вот, беру отгулы - друг приехал из Англии...» Так и я там - в Индии, был эдаким престижным иностранцем. Со мной многим нравилось водить дружбу, тем более для них моя вольготная жизнь среди туристов и туристок, иногда (по слухам) приобретала очертания одной нескончаемой оргии, и каждый мой индийский друг, рассчитывал, что рано или поздно его на такую оргию пригласят. Я эту концепцию не развеивал, и даже иногда многозначительно давал понять, что нечто подобное имеет место быть.

Маршрут моего движения, неизбежно лежал мимо буйной ростовской группы, поскольку они занимали со своими мешками добрую половину зала вылета. В мои планы входило тихонько и незаметно мимо них просочиться, но угораздило же меня встретить там знакомую симпатичную девушку, которая сама была из Ростова, но летала через Москву – так, кстати, многие умные люди делают. А тут решила сэкономить и попробовать слетать в Дели прямым ростовским чартером. Она тихонько сидела на своих мешках у стеночки прямо по ходу моего движения, наверное, мы и не узнали бы с ней друг-друга, но в тот момент, когда я сосредоточенно топал мимо, она подняла свой взгляд от пола и остановила его прямо на моей персоне. В ее глазах испуг и тревога молниеносно сменились надеждой и радостью, такой взгляд притормозил бы даже Т-34. Я сделал шаг в ее сторону, она вскочила с мешка и прижалась к моей белой рубашке. Мне не оставалось ничего другого, как ее обнять, хотя мы не были с ней близки ни в каких смыслах, просто она пару раз летала через нас, и я встречался с ней, как и с другими туристами иногда на общих ужинах. Ну, поболтали пару раз, здоровались в коридоре, и все! Я в отношении нее вообще не предпринимал никаких действий, честно говоря, еще и потому, что очень уж она понравилась моему другу – Саше Цукану. Он сказал, что будет ее медленно, не торопясь, «обрабатывать», дескать, чувствует в ней какую-то особую породу, и хочет, чтобы она в него влюбилась как кошка, забыв все на свете. У меня проблем с женским полом не было, и я, подавив в своей душе легкое сожаление, уступил. Но в данной ситуации от меня уже ничего не зависело, тем более, что Цукану был в Москве, а мы здесь. Честно говоря, мне

было приятно, что она не только меня вспомнила, но и проявила такую неожиданную эмоциональность. Мне и раньше казалось, что я ей... ну, типа нравлюсь что ли, только она вида старается не показывать. Сейчас, имея в голове как гвоздь свою неотложную проблему с наркоманом, и понимая, что у меня нет ни минуты, я все же отвел ее выпить кофе из автомата, а она взхлеб рассказала мне об этой кошмарной поездке, об этой кошмарной группе, о кошмарной гостинице, о том, что они уже больше суток сидят в аэропорту, а деньги почти у всех кончились, скоро не на что будет есть. Что все ругаются на индусов и друг на друга, все обещают кого-то зарезать и застрелить, она вообще никогда в таком ужасном кошмаре в жизни не бывала, и совершенно не знает, что делать. Самое обидное, что она-то по привычке поменяла свои пятьсот долларов в банке, и у нее есть справка, но на одну ее справку, понятное дело, таможня не реагирует, и она сидит здесь вместе со всеми уже вторые сутки и совсем было расстроилась, пока не встретила меня... Девушку звали Мариной, и выглядела она, действительно, неважно. Марина и так была худенькая, а сейчас казалось, что от нее вообще не осталось ровным счетом ничего. Обтянутые кожей ключицы, тоненькие ручки, покрытые серым аэропортовским налетом, заострившийся носик, где-то потерявшаяся грудь и огромные, наполненные ужасом глаза, откуда в любую секунду могли хлынуть слезы. Пока она все это рассказывала, пальчики её рук машинально вцепились мне в рубашку и держали, тихонько подергивая. Что я мог для нее сделать? Ничего. Но все равно, я постарался ее успокоить, сказав, что подумаю, как можно выйти из этой ситуации. Засунуть ее на мой самолет было невозможно - все мои туристы уже были зарегистрированы и находились на воздушном судне. Кроме одного. Но полетное задание было заполнено, все документы составлены и скреплены печатями всех служб. Формально все были уже на борту самолета. Теоретически можно было посадить одного пассажира и зайцем, но не сегодня. Сегодня не стоило даже и думать о такой операции. А вместо болтовни с барышнями нужно было скорее улетать, чтобы не попасть в какие-нибудь форс-мажорные неприятности, приближение которых я ощущал всей поверхностью своей многоопытной шкуры.

Я велел ей сидеть и ничего не бояться, пообещав, что скоро вернусь. Она вся засветилась надеждой на спасение, дисциплинированно села на свой мешочек у стены, сложила руки на коленях и приготовилась ждать.

Я примчался в Индиан Аэролайнс, отключившись на время от ростовских проблем, отозвал своего индусика в сторону и тихонько объяснил в двух словах ситуацию. Конечно, проблема имела не совсем законные очертания – человека нужно было насильно запихнуть в самолет. Он сначала немного шуганулся, конечно - не любят индийские чиновники нарушать закон, но я ему поклялся, что у пассажира просто бред на почве наркомании, и что этот парень сам будет нам признателен, когда выйдет из своего измененного сознания, за то, что мы его домой – в Москву отправили. Он, долго меня переспрашивал, но потом, наверное, решил, что понять этих русских все равно не возможно - легче сделать вид, что понял, и прямо задал вопрос – что мне от него-то нужно? Я ответил, что, как настоящего друга, прошу его сделать одну только вещь: мол, всего-то ничего: просто подойти к

этому саботажнику в зал вылета и строго предписать ему сесть в автобус для следования на воздушное судно с целью снятия с рейса его багажа. А там я его рассчитывал на самолете и оставить пусть даже с применением грубой физической силы. С границей проблем нет – виза у нас групповая, штамп о вылете ему, конечно, в такой ситуации в паспорт не поставят, ну и ничего, в Москве ребята на прилете с этим разберутся – мне главное рейс выпихнуть. Мой индийский коллега согласился на такое предложение только с двумя условиями: первое – он будет моему туристу строго говорить на хинди, просто, чтобы тот летел к себе в Москву, а поскольку тот, вероятно, на хинди ни бельмеса, я буду переводить все, что мне заблагорассудится, принимая, таким образом, на себя все вранье и нарушение закона, ну и второе – чтобы его избавили от необходимости видеть, как мы будем силой удерживать пассажира в самолете. На это я ему сказал, чтобы он просто не поднимался на борт – и ничего не увидит. На том и порешили. Я говорю: «Пойдем!», а он мне: «Сейчас чай допью, да и пойдем...». Я когда только в Индию приехал, думал, что это такая форма изощренного издевательства. Ну, действительно, какой на хрен чай – бежать надо бегом! Ан, нет! Это они вовсе не издеваются, а совсем наоборот, будут считать, что вы над ними издеваетесь, и вообще человек ненормальный, если будете в такой ситуации их торопить. Посему я сделал на лице улыбочку и присел рядом, считая его неторопливые индийские глотки и поглядывая, много ли еще чаю осталось в стоящем между нами пластмассовом стаканчике.

Когда чай у него закончился, мы неторопливо тронулись в путь, уже вдвоем, снова продефилировали мимо Маринки, она мне краешками губ тихонечко улыбнулась, наверное, думала, что я уже ее вопросом занимаюсь. Я тоже ей подмигнул, просто, чтобы хоть чем-то подбодрить девочку, и мы потопали дальше. Минут через десять мы уже предстали перед нашим пассажиром. Он, увидев индийского парня в форме, заставил себя подняться с кресла, я при этом обратил внимание, какая он здоровая дылда, и понял, что мне одному такого бугая в самолете не зафиксировать. Даже удивительно, я думал, наркоманы все худые, а здесь – совсем наоборот. Тут мне пришли в голову две мысли: первая - что он, возможно, только недавно наркоманит, и вторая, что мне явно потребуется помощь группы, дабы его привести в кондицию. Хотя, с этим проблем не предполагалось - я был уверен, что группа мне в помощи не откажет, поскольку ВСУ - а значит и кондиционер, я им включать не разрешил, и они там - в этой раскаленной консервной банке, наверное, уже озверели в конец. В том, что группа обладает информацией о причине задержки я не сомневался. Есть такой феномен в нашей работе – группа всегда знает все! Как? Почему? Никогда не понятно. Но факт есть факт.

Минут десять мы чинно беседовали, после чего мой наркоман потребовал буквально: от индийского господина личных гарантий, что его не будут пытаться силой или хитростью отправить в Москву. При том произнес он это по-английски, и мой индус понял, сделал небольшую паузу, на меня глянул..., но не сплеховал – кивнул ему молча и с достоинством. Этот английский язык моих туристов всегда вылезает в самый неподходящий момент. Когда им надо дополнительную простыню в номер заказать – тут, конечно, Васе надо звонить, невзирая на время суток – сами никак не могут по-

английски произнести слово «простыня», а как потребовать личных гарантий индийского господина – пожалуйста, выговаривают. К тому же, судя по всему, этим его ресурс английского языка и исчерпывался, но вот всегда так – применяют они английский точно тогда, когда по мне было бы лучше, чтоб они вообще немymi родились! Слава Богу – индус не подвел, хотя ситуация и выходила за пределы наших предварительных договоренностей. Теперь придется его приглашать куда-нибудь в ресторан или на экскурсию, если сами поедем с компанией. Ну вот, план начинал продвигаться – и мы потихоньку стали двигаться к автобусу. Тут еще тонкость – идти нужно не по обычному коридору – мимо пограничников, которые наверняка захотят в его паспорт свою колотушку о вылете поставить – им же не объяснишь наш тонкий замысел! Нужно идти через служебный выход. А как через служебный выход туриста выводить, который пропуска на летное поле отродясь не имеет? Я и сам-то этот пропуск с огромными трудами получал. Тем более весь аэропорт, обычно мирно дремлющий, в тот день был как улей растревоженный. Тут надежда моя была на Нариша – он знал всех охранников в аэропорту, они при нем иногда и на пропуск не смотрели. Я пока на всякий случай наркоману прицепил на майку свое удостоверение члена экипажа, хоть там была моя фотография, и вообще это удостоверение не являлось пропуском на летное поле – но хоть что-нибудь. Идем, наблюдаем фигуру Нариша. Тот уже стоит – ждет, рядом с ним автобус. Нас увидел, все сразу понял – подошел к охраннику, закурил с ним – начал что-то сонно курлыкать, мы тем временем спокойненько миновали пост и разместились в автобусе.

А ехать нам было не близко, поскольку чартерные рейсы всегда ставят на самые дальние стоянки, чтоб их не видела чистая публика, ну и, конечно, всякому начальству глаза не мозолить. Наша стоянка на этот раз была возле самой взлетно-посадочной полосы – метров двести по рулежке, а на прямую – метров пятьдесят, а может сто. Прямо рядом с нами стояла ростовская Ту-шка, и возле нее загорали два небритых техника. Ехали мы молча, сидя рядком на лавочке, у меня сердце колотилось от одной мысли о том, как я этого разожравшегося борова буду сейчас смирять. Во мне весу тогда было – семьдесят четыре килограмма при росте в сто девяносто два сантиметра! Глиста-глистой, как некоторые выражались. А что делать? Работа есть работа! Маринка никак не шла из головы, но для облегчения ее индивидуальной судьбы у меня ничего не получалось придумать. Единственный шанс – выпихивать весь их рейс, а еще неизвестно, возможно ли это вообще. Кто знает, сколько они там накосячили. Индусы, они ребята не злобные, но если почувствуют к себе хамское отношение, могут занять такую позицию, что их и не сдвинешь никакими уговорами. А потом меня свои еще обвинят, что я работаю на два фронта! Кстати, для таких провинциальных российских чартеров, очень характерно бывает высокомерное, прямо-таки барское отношение к индусам. Типа мы – белые люди приехали к этим черным полуобезьянам, и все такое.

Но на этом тревожные мысли в моей голове не стихли. Дальше я стал думать о том, куда я этого наркомана буду на самолете размещать. Вроде бы вопрос кажется странным – у каждого пассажира должно быть свое законное место, но в чартерных перевозках он всегда очень актуален, поскольку никаких

индивидуальных билетов у людей нет, а если бы они и были, все равно все садятся куда хотят. Хорошо, что чартеры обычно летают не совсем полные – тогда есть где сесть, и даже лечь, сумку есть куда поставить, но бывают у наших продающих отделов такие удачные недельки, когда у них покупают ровно семьдесят два билета. Для меня такие рейсы – хуже всего, поскольку в воздушном судне Ил- 62М в переднем салоне всего семьдесят два узеньких кресла, максимально придвинутых рядами друг к другу, а каждый пассажир чартера на обратном пути, помимо двухсот килограммов багажа, еще обременен парой хороших баульчиков в виде ручной клади, которые никак не влезают ни под кресла, ни в верхние багажники. Все норовят их поставить рядом с собой, рассчитывая, что хоть небольшой запас мест на самолете имеется. Поэтому картина посадки - всегда как штурм! Нужно еще учесть, что пассажиры ко времени рассаживания в самолете уже прилично выпимши! Тяжеловесы (любого пола) идут с сумками позади, а вперед высылают маленьких и быстрых, задача которых занять побольше мест и удержать их до подхода подкрепления. И только передние с комфортом располагаются, как появляется следующая волна пассажиров, желающая того же самого, по сути – «законно» разместиться каждый на двух-трех креслах. Что из такой ситуации получается, наверное, понятно. Если совсем коротко говорить, то на рейсах, где количество пассажиров более шестидесяти восьми – без мордобоя посадки не бывало. Я в момент дележа этих перевозочных емкостей из чувства самосохранения даже на борт не поднимался. И экипаж, кстати, тоже старается не высовываться без надобности. Стюардессы только следят, чтобы никто не посягал на их персональную территорию. Их персональная территория – это там , где кухня , и они ее храбро отстаивают от всех попыток самозахвата. Случаются совсем уж самоотверженные стюардессы старой закалки, которые деятельно и активно участвуют в рассаживании пассажиров, стараются помочь тем, кто послабее, но таких отчаянных женщин осталось уже совсем мало. Каждый раз все бывает приблизительно одинаково: группа вламывается в самолет, я стою внизу и жду минут десять-пятнадцать. Потом поднимаюсь – вижу, что все уже расселись и расставили вещи, только у некоторых на лице следы легких телесных повреждений.

Кстати, по моим наблюдениям, весь мордобой всегда происходит из-за горластых теток. Мужики даже в кризисных ситуациях стараются друг к другу относиться с уважением, хоть сколько-то! А баба как начнет орать своим фальцетом донельзя обидные, просто непереносимые вещи! Ну, ей кто-то резонно и заметит, чтобы она заткнулась. Тут начинается выяснение вопроса, кто чью женщину обидел. И сами женщины вместо того, чтобы тактично погасить конфликт, сгладить ситуацию, наоборот, провоцируют и разжигают так, что часто их же мужикам больше всего достается неприятностей. У меня на этот счет было предположение, что они так специально поступают. Например, она сама на мужа в обиде, но выяснять отношения не хочет по какой-то своей причине, и так все подстраивает, чтобы ему накостыляли по физиономии.

На том рейсе, куда держал путь наш желтенький автобус, находилось уже кроме моего подопечного не много не мало – шестьдесят девять

человек – он был семидесятый. И сидели они в жаре уже час или полтора. При этом, клиент, которого мы оптимистично планировали на роль пассажира, место себе искать совсем не собирался. Перспектива кого-то осчастливить его соседством предстояла, само собой, мне. Кому же еще! Но как всегда и бывает, всё, о чем я думал и чего опасался, через несколько минут померкло перед гораздо более неприятной перспективой.

Мы уже почти подъехали к самолету и... Дерни меня нечистый, какую-то фразу Нарису бросить по-английски, и мы с ним хихикнули еще! Вообще не про наркомана была фраза, а про бутерброд мой недоеденный с морковкой. А он отреагировал очень просто: глянул на нас, как загнанный зверь и, вскочив в одно мгновение с лавочки, прямо на ходу сиганул в открытую дверку автобуса. В аэропорту Индиры Ганди двери у автобусов никогда не закрываются из-за жары, и, конечно, как вся индийская техника, эти автобусы перемещаются чуть быстрее пешехода и чуть медленнее велосипедиста. По этим причинам наш кренделек преспокойненько соскочил с автобуса и шуранул, подлец, сам того не зная, прямо в сторону взлетно-посадочной полосы. А там самолеты разгоняются для взлета каждые три минуты. Я в этот момент, честно говоря, думал даже не о его дурацкой жизни. Я думал о том, что если его там сейчас задавят, то весь аэропорт встанет колом и не на один час, а все неустойки потом выставят нам, и это означает, что... ясно что! Ненормативную лексику это означает! Совсем не по детски и по полной программе. Мне тогда казалось легче самому вместе с ним под колесами какого-нибудь Боинга остаться, как герою-панфиловцу. И я сиганул за ним – секунды не прошло!

Пассажиры и экипаж нашего рейса, равно как пассажиры нескольких покидавших гостеприимную Индию авиалайнеров разных стран, наверное, получили большое удовольствие от наблюдения, развернувшейся в двадцати метрах от ВПП сцены, когда я догнал этого ничего уже не соображавшего человека. Я довольно быстро его настиг, развив, судя по всему, какую-то иррациональную скорость и, прыгнув к нему на спину, что было силы ухватился за увесистую тушу этого ненормального пассажира своими худенькими ручками. Из последних сил я повалился вместе с ним на асфальт и вспомнил сказку про Рики-Тики-Тави, в том месте, где огромная кобра пытается сбросить с загривка намертво вцепившегося в нее мангуста. Я себя чувствовал таким мангустом, потому что наркоман вырывался, как обезумевший, шарая меня по асфальту. Из его несвежего рта натурально летели хлопья омерзительной пены, весь он вонял чем-то застарелым и кислым, его спина, к которой было прижато мое лицо, была совершенно мокрая от пота, он даже несколько раз громко перданул от усилия. Но я на это внимания не обращал, а знал только одно – что не отпущу его ни за что и ни при каких обстоятельствах. Он в этом наивно сомневался, и, когда у меня включился звук, я услышал, как он орет, оказывается, обращаясь ко мне, что ему в Москву нельзя, что ему там смерть! Он продолжал биться и орал бессвязные фразы, среди которых слово «смерть» звучало постоянно, или мне так казалось. Так мы катались и самое трагичное, что я не видел никакой возможности дальнейшего развития ситуации, но и в таком виде она долго сохраняться не могла. Если говорить проще – затащить его на самолет у меня явно не было сил, а наше поведение в

партере рано или поздно должно было привлечь внимание соответствующих служб аэропорта, которые должны были подъехать, и начать во всем скрупулезно разбираться – и тогда рейс уже было ни за что не спасти. Никто никуда не улетит. На мое счастье не один я это понимал, и уже через две или три минуты я с облегчением увидел боковым зрением четверых здоровых мужиков из нашей группы, спешивших на помощь. Они подбежали к месту нашего поединка, один довольно грубо наступил на ногу прямо на физиономию, прижав его таким образом к земле, остальные тем временем синхронно взялись за его извивавшееся тело, подняли на счет три, и быстренько понесли к трапу самолета. Я немного погодя поднялся с асфальта и ощупал себя, ожидая обнаружить множество травм и увечий, возможно, оторванную руку или ногу но, к моему удивлению, ничего, кроме содранных локтей, при внешнем осмотре не проявилось. Зато моему приятелю из Индиан Аэролайнс, подошедшему уже вместе с туристами и старавшемуся держаться на заднем плане умудрились разбить очки, когда объект пронесли мимо него. Я потом купил ему новые в дорожном магазине, но, похоже, он все равно отнес эту неприятность на счет божественного наказания за совершенный им обман. А может, ему и лучше было без очков – он же не хотел ничего видеть!

Хорошо было бы еще посидеть, но нужно было осуществлять завершающий этап операции – размещение клиента на борту, и мне пришлось ковылять в сторону своего самолета, постепенно переходя на слабенькую трусцу. Взойдя на борт воздушного судна, я увидел картину, которая чуть не заставила меня заплакать от счастья и умиления. Мое сердце в который раз наполнилось нежностью, и я вновь сказал себе, что мои туристы – самые лучшие, самые добрые и понимающие туристы в мире. Наркоман, с еще чуть-чуть пенящимся ртом лежал на целом ряду, и не просто лежал, а лежал на коленях у женщины, которая гладила его по всхлипывающей, но уже успокаивающейся голове, и тихо говорила ему что-то убаюкивающее. Более того, на его косматой башке лежал целый мешок колотого льда, чтобы он охладился и пришел в себя. Надо сказать, что при этом он был предусмотрительно связан двумя брючными ремнями из толстой кожи, которые, как выяснилось, пожертвовали техники, вытащив их у себя из форменных штанов. Кто знает, что такое техники на рейсе, тот поймет мое удивление от этого акта их бескорыстной помощи.

И на счет пакета со льдом, который вся группа добровольно решила нашему бедолаге пожертвовать – тоже очень показательная деталь. Я этот лед каждый раз оплачиваю в строго ограниченном количестве на рейс – по пять килограммов, больше не позволяют рамки рентабельности, посчитанные кем-то умным в нашей бухгалтерии. А на индийской жаре пить местную слабопузырящую приторную водичку в теплом виде – скорее мучение, чем удовольствие. Лед – одно спасение, чтобы не одуреть от душегубки. Они его берегли пока сидели целый час в раскаленном самолете, расходовали, наверное, экономно и бережно, а потом – решили весь оставшийся сразу положить целиком на эту пузырящую морду, чтобы этой морде было хоть немного полегче.

Я прошел по салону, вроде все было нормально, и можно было посылать (точнее, вежливо попросить) Нарюша сходить за выталькивателем. Выталькиватель – такая машина, вроде тягача, которая сама выталькивает самолет со стоянки и разворачивает в нужном направлении. Ну, думаю, конец моим мучениям, тут ко мне подходит один из тех туристов, что тащили нашего кренделя в самолет, отзывает меня в сторонку и тихонько излагает мысль, что этот парень, возможно, заслан нашими конкурентами, чтобы взорвать в полете борт. По этой причине он рассчитывал, что багаж его (где предположительно может быть взрывное устройство) улетит, а он под наркомана закосит и останется. Мы, говорит, часто летаем, его видим в первый раз, и он все время пока тащили про смерть что-то лопотал, непонятно что, но типа, что все погибнем...

Я, честно говоря, даже не думал о такой возможности. Просто в голову не приходило, что все это действительно может быть инспирировано, да еще с учетом местных условий. Не знаю как сейчас, а тогда багаж своих туристов я подвозил к борту безо всяких проверок, иначе процедура регистрации вообще бы занимала несколько дней. Там было в аэропорту несколько маленьких «Хайманов», но наши мешки туда просто и не влезли бы, да и, вообще, по-моему, они давно не работали, а так для вида стояли. А этого возмутителя спокойствия, мне, по сути, было даже легче втихаря из аэропорта вывезти, чем засовывать в самолет. Я просто решил, что все должны улететь и по этой причине так настойчиво его спроваживал на родину. Но, если призадуматься, то все это было очень странно. С другой стороны, он же добровольно ехал снимать свой груз с самолета. На что он тогда рассчитывал? Что не найдем его мешки? Что потыкаемся и махнем рукой? Не совсем логично. Хотя, могло бы быть и такое. Повел я парня к командиру советоваться. Как то страшно стало, а вдруг и правда шандалахнет самолет? Столько сейчас отморозков в Москве – мало кому что в голову взбредет. Хорошо еще турист оказался тактичный, панику не стал поднимать. Заходим к командиру, а был им Маркарян Геннадий Акопович – очень хороший человек и прекрасный летчик. Он нас выслушал, и так спокойно говорит: «Да не придумывайте вы ребята ерунды! Полетели скорее, пока погода есть в Москве. Давай, Вася, отчаливай». И так он это убедительно сказал, что мой бдительный турист спокойненько занял свое место и приготовился к полету, не сея никакой паники своим предположением. Ну и я, делать нечего, прошел еще раз мимо своего спарринг-партнера. Тот уже совсем затих. Я, походя, подумал, если он на самом деле знает, что через пару часов после взлета будет взрыв на борту, и все равно пригрелся у женщины на коленках, успокоился, впал в какое-то детское состояние – лежит, только что губами не чмокает. Вот какая сила природой заложена в женские коленки!

С такими грустными мыслями я побежал в аэропорт, последнюю бумажку отвезти, а пилоты тем временем уже запрашивали взлет и все такое в соответствии со своей обычной процедурой. Я зашел, в служебный вход, где только полчаса назад стоял охранник, но сейчас там никого не было.... Первый раз я наблюдал, чтобы служебный вход оставался без охраны службы безопасности аэропорта. Это вообще уму не постижимо! Я поднялся наверх,

решив, как только мой борт благополучно улетит, чем-нибудь подбодрить Маринку, покормить ее хотя бы. А там, в зале вылета, какая-то революция, здоровенные мужики и бабы из ростовского чартера забрались на свои баулы, митингуют, орут, аэропортовские охранники их как могут удерживают, пытаюсь образовать вокруг этих орущих и машущих руками ростовчан живую цепь. Таможенники со своей стороны стоят сплошной стеной. Маринки вообще не видно. Я протиснулся поближе, прислушался к разговорам, и постепенно начал понимать, что произошло нечто чрезвычайное. Что именно, пока непонятно, но все очень возбуждено и агрессивно настроено, и наши и индусы. Я энергично вылез обратно из толпы, бегом-бегом снова в Индиан-Аэролайнс, чтобы мой самолет отправляли немедленно, пока не началось что-то ужасное. Они и сами рады, что я прибежал, все, говорят, даем в диспетчерскую разрешение – летите на все четыре стороны, только скорее, а то тут у нас такое... Я спрашиваю, а что случилось-то? Оказывается, ростовская делегация ходила на прием к начальнице аэропортовской таможни с категорическим требованием выпустить их на родину, как иностранных граждан и все такое. А она им сказала, что, мол, сами можете лететь, а вот груз ваш останется здесь, пока не будут соблюдены законы республики Индия. Они разъярились, начали орать, что все индусы жулики и воры, хотите, говорят, чтобы мы улетели, а вы наш товар себе разворовали! Да вы всех здесь за взятки выпускаете, да мы в российское посольство уже звонили, да это... да мы то! А тетка – индийская таможенница, она по слухам очень образованная женщина, в Англии университет закончила, юрист по международному праву, и семья у нее очень богатая. В том, что семья богатая, я не сомневался. В Индии будь ты из бедной семьи, в жизни до начальника таможни столичного аэропорта не дослужишься. И ей, конечно, было очень оскорбительно выслушивать все эти обвинения, которые ей услужливо переводили слово в слово ее индийские подчиненные, знакомые с русским языком. И еще, она, пока училась в своей Англии, судя по всему немного освободилась от обычной индийской сдержанности и попыталась дать одному из парламентариев пощечину, а он ее руку перехватил и толкнул еще ее, случайно или нарочно, но прямо в грудь. Тут я понял, что дело плохо. В Индии это очень нехорошая примета для женщины, когда ее кто-нибудь толкает в грудь. Я и не знаю точно, с чем это связано, то ли детей не будет, то ли умрет кто-нибудь у нее. Лучше бы он штаны снял и нагадил у нее в кабинете, но только бы в грудь ее не толкал!

Ну, этого «Гаврилу Принципа» свои утащили, а она, говорят, позвонила и вызвала индийский спецназ, которым кто-то из ее родственников тогда командовал, вызвала для прекращения беспорядков, заявив, что на нее – государственного чиновника Республики Индия, было совершено нападение. И вот спецназ должен прибыть с минуты на минуту. У меня от всего этого глаза вылезли на лоб. Если сейчас с минуты на минуту здесь начнется побоище, то аэропорт закроют на хрен. Мой самолет никуда не улетит, все мои усилия – впустую! Все один к одному. Видно в этот день судьба была аэропорту Индиры Ганди закрыться что бы там ни было! Я индусам говорю: «Ребята, запросите, Христа ради – мой самолет улетел, или нет?» Они по радиации спрашивают свои службы, те говорят - нет, только готовится выруливать. Я прямо Нарыша,

который там остался, готов был своими руками задушить. Меня аж трясло всего! Ну чего, думаю, он там вафлит, только тягач пригнать оставалось и все... Минуты, секунды решают ситуацию! Уже прошло четверть часа, как я все оформил, а он до сих пор не вырулил борт! Решил я бежать обратно на самолет, сам подключаться, делать чего-то... только не добежал. Как раз когда я пытался миновать зал вылета, в аэропорт ворвались огромные индийские мужики в форме спецназа с бамбуковыми палками, тонюсенькое оцепление из службы безопасности аэропорта расступилось, пропуская полицейских, и началось настоящее побоище. Я пытался вжаться в стену, но толпа ломанувшись, перемешалась, и меня затянуло внутрь всей этой каши. Через минуту в десяти метрах от меня людей уже зверски дубасили бамбуковыми дубинами, не разбирая мужчины-женщины, здоровые-больные. Больше сотни мужских и женских озверелых глоток одновременно начали орать, понять ничего уже было невозможно. Ростовские, глядя на такое дело, пустились драться с полицейскими. Через пять минут драка перешла в побоище, где люди били друг друга всем, чем попало, и даже тележками для багажа! Я стоял посередине всего этого, понимая, что через несколько секунд либо палкой, либо тележкой, но мне точно достанется и неизвестно, что лучше. В такой переделке я был первый раз и стоял как парализованный... пока не увидел Маринку. Она сидела в двух шагах от меня на корточках возле стены, втянув голову в плечи и обхватив ее своими тоненькими руками. Я сделал шаг в ее сторону, а потом как то инстинктивно прыгнул, повалил ее на пол, и, сграбастав руками, навалился сверху, а сам втянул голову в плечи, насколько мог. Она даже не сопротивлялась. Ее тело было совершенно податливым, каким-то даже ватно-податливым.... Подобравшись губами к ее уху, я попытался шепнуть туда, что я с ней, и все будет хорошо – она не реагировала. Ее губы шевелились но было не похоже, чтобы ее шепот относился ко мне. Скорее всего, она меня просто не слышала во всем окружавшем нас светопреставлении, я сам себя не слышал, в ушах стояли только истошные матерные вопли, частые-частые, как сыплется горох, звуки ударов, перемежавшихся гортанными криками, какой-то хруст, треск, и все больше и больше истошных, отчаянных воплей. Мне было страшно поднимать голову, представлялось, что кругом растет гора избитых, изувеченных и даже умирающих людей. Было по-животному страшно. Казалось, вот-вот доберутся до меня и тогда мне хана – пощады не будет. Я ощутил себя маленьким, слабым мальчиком - поднималось ощущение катастрофической беспомощности и ничтожности, хотелось спрятаться хоть куда-нибудь, стать тараканом и уползти в первую попавшуюся щелку! Я успел подумать в этот момент обо всем на свете, проклял эту страну и работу, вспомнил свою мамочку, и то, как хорошо мне было в Москве. У меня элементарно мог бы случиться истерический припадок – я чувствовал как во мне росло что-то неконтролируемое и не было сил с ЭТИМ справиться! Возможно, так бы и случилось, если бы мой взгляд иногда не падал на Маринку, для которой я – такой маленький и ничтожный, все же был защитой. Это давало силы, но все равно глаза сами собой зажмуривались и в голове стучали очень простые и не героические мысли. Пару раз на нас кто-то упал, по моей спине бегали люди, но мне в тот день было не привыкать. Я сгруппировался – и терпеливо лежал, побоище над нами

постепенно затихало. Через несколько минут кто-то грубым рывком дернул меня за шиворот. Я повернул лицо и увидел потного индийского полицейского. Поднявшись и одернув свою белую рубаху, я принялся показывать ему свой пропуск на летное поле и объяснять, что я штафф. Скорее всего, он бы меня не понял и отправил вместе со всеми задержанными в автобус, дав пару раз для острастки палкой по спине, но тут на мое счастье, откуда-то выскочил Нариш, и что-то быстро-быстро залепетал, обращаясь к этой горилле. Я, стоял, пытаюсь, насколько это было возможно, сохранять достоинство, Маринка тоже поднялась с пола, зашла мне за спину, обняла руками за живот и бессильно уткнулась лбом в мои лопатки. Пока Нариш объяснял полицейскому, кто я такой, подошли два таможенных инспектора, которые меня знали и тоже подтвердили, что я – сотрудник аэропорта. Полицейский наконец удовлетворился этими объяснениями, похлопал меня по плечу и ушел, что-то сказав напоследок не хинди. Бамбуковая палка у него в правой руке треснула в нескольких местах и была запачкана кровью. Мы начали выбираться из аэропорта, Нариш шел впереди, мы с Маринкой сзади, я вел ее, обняв за плечи, мимо полицейского автобуса, где сидели уже многие ее попутчики и попутчицы, мимо машин скорой помощи, куда бегом загружали на носилках раненых с обеих сторон, мимо внимательно провожавших нас взглядами полицейских, которым Нариш то и дело что-то говорил и показывал, когда они пытались обратиться к нам с вопросами. У Марины было отсутствующее выражение лица, блузка разорвана, локти поцарапаны, на щеках неподвижно застыли две слезинки, до середины промывшие себе путь в сером налете, покрывавшем всех нас с ног до головы, а дальше высохшие. Нариш нашел на стоянке машину, сел за руль, мы, наконец, плюхнулись на заднее сиденье, где Марина тут же откинулась на спину и закрыла глаза. Я не стал ее тормошить, тем более, что тут ко мне начало возвращаться соображение – я вспомнил про свой самолет. Схватив Нариша за плечо, я с замиранием сердца спросил про наш рейс. Он, радостно заулыбался, и сказал, что господин Василий мог бы и не беспокоиться, раз поручил отправку борта ему, Наришу. Самолет улетел ровно за минуту до того, как закрыли аэропорт. Я подумал, что в тот момент как раз по мне бегали ростовчане, дравшиеся с полицейскими. Выразительно кивнув Наришу головой в знак благодарности, я крепко пожал его руку. На что он отреагировал, заговорщицки мне подмигнув и скосив глаза на Маринку – типа и ты, Вася, тоже времени зря не терял.

Поглядев вслед за ним на свое приобретение, я заметил, что с ней нет никакой сумочки, а значит, нет паспорта, и прочих важных вещей. Чтобы удостовериться в правильности моих невеселых предположений, я осторожно взял девушку за руку и тихонько спросил: «Марин, а где твой паспорт?», будучи абсолютно уверенным в его отсутствии. Но я недооценил свою знакомую. Она открыла глаза, деятельно ощупала себя по джинсам спереди в области бедер, и снова вернулась в свое коматозное состояние, успев мне успокоительно кивнуть. Паспорт, оставшиеся деньги и самые важные документы были у нее в потайном кожаном кошельке, располагавшемся под штанами, Маринка была человеком опытным!

Дальше все было хорошо. Мы приехали ко мне в номер, помылись и завалились спать. Хотя мы спали в одной кровати - голые и под одной простыней, никаких взаимных посягательств в тот раз не было. Но вовсе не потому, что мы как-то робели или стеснялись, хотя это было бы уместно, учитывая непродолжительность знакомства, нет – просто мы очень устали и хотели спать. А непродолжительность знакомства с лихвой компенсировалась силой совместно пережитых ощущений, и я лично, засыпал с ней, как с абсолютно своей, родной и близкой женщиной. Все остальное в нашей совместной жизни случилось уже тогда, когда мы проснулись.

Хотя, если сохранять историческую достоверность, то, проснувшись, я первым делом позвонил в Москву – беспокоился все-таки за свой самолет. Но диспетчера моментально меня успокоили - сказав, что уже четыре часа, как сел мой борт, и пассажира без штампа в паспорте сняли и вывели благополучно. В общем - все в порядке. Вот, я дурак, придумывал себе всякие глупости. Хорошо хоть ума хватило самолет не перетряхивать! Бог даст, и дальше все будет нормально.

Глава 6

Папа очень любил рассказывать героические истории со своим непосредственным участием. Он при этом как бы высмеивал ситуацию и свою роль в ней, но все равно у окружающих складывалось впечатление о нем, как о безусловно мужественном человеке. Все в нашей семье хорошо помнят блокбастер про то, как ему выбили зубы на рынке в Лужниках, где он, тогда еще студент, торговал сирийской жевательной резинкой. Эту героическую эпопею знали все, кто бывал у нас, поскольку рассказывалась она по несколько раз в год, часто даже одним и тем же слушателям, которые из вежливости делали вид, что её не знают, или, на худой конец забыли детали и совсем не против послушать еще раз. Дядя Паша всегда сочувственно кивал головой, а Цукану ржал и наперебой начинал рассказывать про свои еще более занимательные похождения, при каждом удобном случае сально намекая, что самые интересные «их с отцом» истории, он рассказывать не будет из-за необходимости соблюдать приличия. Мама в таких ситуациях всегда вежливо и заинтересованно слушала отца, давая пример уважительного отношения к его потребности высказаться и защищая тишину за столом, выразительно поглядывая в сторону шептавшихся, или даже грозя им пальчиком.

Поразительно, как сам отец мог не помнить, что говорил об этом уже десятки раз и рассказывать эту и несколько аналогичных баек снова и снова. Суть истории состояла в том, что на рынке произошла массовая драка, в ходе которой папа пытался упереть у увлеченных побоищем торговцев из Азербайджана мешок с деньгами, но был раскрыт и лишился передних зубов.

Он говорил, что его ударили дубиной или доской так, что нос, подбородок, губы – были разбиты, а передние зубы – сломаны. При этом слушателям было положено ужасаться условиями работы отца и восхищаться его предприимчивостью, храбростью и ловкостью. Время было, конечно, – не дай Бог никому там очутиться. Мало того, что вместо спортивных состязаний – рынок, так еще какие-то массовые драки. И папа мой – такой бесстрашный – в них участвовал! Мне очень трудно было это себе представить! Нужно честно сказать, что мой отец никогда не был героической личностью. У меня вызывает большое удивление рассказ о том, как он храбро закрывал девушку своим телом от ударов бамбуковых палок. Либо эта история существенно приукрашена, либо я действительно мало знал своего отца. Здесь возможно и второе, поскольку эта девушка, которую так же как и мою мать, звали Мариной, не была одной из ординарных папиных любовниц и даже одной из его относительно немногочисленных длительных привязанностей. Она была в его жизни совершенно особенным человеком, счастьем которого отец безжалостно пожертвовал, как, возможно, и своим собственным счастьем. Об истории и скрытых обстоятельствах этих отношений не все известно даже мне, хотя я постарался собрать об этом наиболее полные сведения. Кое-что я бездоказательно домыслил, и отвел для этого в дальнейшем повествовании особое место. Возвращаясь к отцу, могу сказать, что у меня нет ярких примеров его малодушия, не считая некоторых мелочей, но и нет примеров, когда он проявлял в жизни бескомпромиссность и твердую принципиальность, рискуя потерять нечто важное. Он всегда старался договориться, учесть все интересы. Если и этого было мало, то он мог пожертвовать чем-то материальным, выдавая впоследствии эту потерю за приобретение. Бойцом мой папа, увы – не был, хотя очень хотел таким казаться и внешне даже походил на этот вожделенный образ. Он так и остался у меня в голове как громадный, несколько тучный мужчина с довольно увесистым, мрачноватым, иногда самодовольным взглядом, медленной речью и неторопливой походкой тяжелоатлета.

Но есть несколько его ранних фотографий, когда он был совсем другим – худенький молодой человек с немного дерзкими, возбужденно-горящими глазами и чуть-чуть виноватой полуулыбкой, чем-то похожей на Пашину. Не знаю, как это изображение совместить со снимками более зрелого возраста. У меня эти объекты вообще не совмещаются. Многие люди, которым я показывал фотографии разных периодов, просто не узнавали на них одного и того же человека. Даже, когда я все объяснял, многие не верили.

Про любовь

Бывает на душе такое радостное умиротворение, когда самая лучшая женщина на земле - с тобой, и любит одного тебя. В этом замечательном состоянии исчезает привычка поглядывать масляными глазками на прелести проходящих мимо красоток, ты даже можешь искренне позволить немного счастья незнакомой тебе интересной девушке с другим мужчиной - можешь честно порадоваться, что у людей все так же хорошо. В таком состоянии ты особенно часто становишься объектом женского кокетства, но реагируешь на него по-доброму, мол, я понимаю, как трудно простить беззаботное порхание двум трогательно влюбленным, когда самой (или самому) каждую минуту приходится испытывать хоть и притупившуюся, но вовсе не утоленную жажду тепла, нежности и понимания. Ты сдержан, тактичен, ты забываешь о двусмысленно-эпатирующей манере разговора и переходишь на обычный человеческий язык. Женщины постепенно материализуются перед тобой не только как сексуальные объекты, имеющие ценность постольку, поскольку есть надежда завести с ними легкую интрижку, а как люди, подобные тебе, которые могут быть интересны или скучны, воспитаны или грубы, чистоплотны или неряшливы. Мир становится шире, приобретает новые, более реальные очертания, происходящее вокруг становится более понятным и осязаемым.

Когда она уходила по утрам, я еще спал. У нее были дела на рынках, на фабриках, а я мог позволить себе выспаться. Каждую ночь мы ложились очень поздно, приезжая из дискотеки или клуба, засыпали, надо понимать еще позже часика на два. Я потом дрых до обеда, а она поднималась ни свет ни заря, и мчалась заниматься своим бизнесом. Любой человек от такого дефицита сна, давно стал бы ходячей сомнамбулой. Я могу не спать сутки, максимум двое. Но целую неделю довольствоваться тремя-четырьмя часиками, при этом вставать бодрячком, абсолютно не показывать усталости и привлекательно выглядеть... Каково это для женщины тридцати двух лет? Каждое утро она оставляла мне новую открытку со своим поцелуем. Я складывал их в стол, а иногда, когда ее не было, доставал и рассматривал. Было приятно любоваться ее поцелуями, запечатленными помадой на белой поверхности обычной почтовой открытки, которых полно в каждом номере отеля. К обеду она приезжала, и остаток времени мы были вместе. У нас совершенно не случалось проблем совместного существования - не возникало неловких пауз в разговорах, бытовых неудобств из-за тесноты моего гостиничного номера. Мы особо и не занимались разговорами, если честно. Я старался подгадать момент, когда она закончит мыться в душе, и уже ждал ее, раскрыв в руках огромное махровое полотенце. А потом осторожно прижимал

её к себе и нес на кровать. Там мы медленно целовались, или она просто лежала, закрыв глаза и без единого движения, а я начинал целовать ее лицо...

С тех самых пор я абсолютно уверен, что у женщин есть дополнительный ресурс жизненных сил – совершенно неисчерпаемый и открывающийся тогда, когда она любима, все происходит так, как ей хочется, и ЭТОГО сколько угодно.

Поднявшись с кровати, мы лениво шлепали обедать в наш гостиничный ресторанчик, или ехали куда-нибудь, а чаще вообще никуда не ходили, потому что у нас было, чем заняться до самого вечера. Ее звали Мариной, кстати, как мою жену, она была старше меня на пять лет, разведена, в Москве ее ждали мама и дочка, которым она звонила по два раза каждый день. Утром, чтобы не разбудить меня, она разговаривала с ними из ванной, а вечером, лежа постели, пока я, отвалившись на некоторое время, был не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой. Мне казалось, что я знал ее маму лично, а дочь просто успел полюбить и купил ей какой-то подарочек с просьбой передать персонально от меня. Наверное, мне не нужно было этого делать, так поступают люди, которые думают о будущем с этой женщиной, а я думал только о тех наших с ней неделях, когда она приезжала в Индию... по своим делам.

Я всегда встречал ее у трапа самолета, она старалась выскочить из его раскаленного жерла одной из первых, мы бесстыдно обнимались и целовались на глазах у всего рейса, она обязательно привозила мне всякой московской всячины, что-то быстро-быстро говорила, глядя на меня своими огромными черными глазами, излучавшими беззаботное счастье, бесконечную любовь и радость. Еще она гладила меня по лицу, то ли стирая пот, проступающий на индийской жаре, то ли просто ей хотелось меня потрогать. Когда я освобождался, мы вместе обедали, она рассказывала новости и уезжала на такси только тогда, когда мне было уже пора приступить к беготне по отправке очередного рейса.

В гостинице знали, что она живет у меня. Нигам, если ему случалось находиться в лобби одновременно с Мариной, вежливо целовал ей ручку, справлялся о ее здоровье и все такое. Он вел себя с ней подчеркнуто корректно и даже как-то церемониально. Похоже, Маринка немного нравилась моему приятелю Нигаму, он как-то даже устроил ей встречу с шампанским – целый час продежурив для этого в холле отеля. Меня в тот момент не было, но Маринка мне потом хвасталась и рассказывала что как только она подошла к конторке за ключами, откуда ни возьмись появляется Нигам в белом костюме, а чуть позади него – два официанта эффектно достают изо льда и открывают бутылку шампанского. Почти всегда в день ее приезда он больше обычного разгуливал по холлу отеля, служащие хаус-кипинг, подчиняясь его едва уловимому жесту, пулей взлетали ко мне в номер с ее багажом и улыбались во весь рот, стоя возле двери в ожидании чаевых. В номере ко времени ее прибытия, было уже убрано, следы всех наших с Сашкой проделок были тщательнейшим образом устранены, хотя Маринка все равно каждый раз что-то находила, то чью-то заколку: то косметический карандаш, то следы помады на посуде. Потом с грустной усмешкой умудренной жизнью женщины, которой это

все же неприятно, она демонстрировала мне свои находки, и говорила, что за все это я буду наказан, и очень жестоко... Это у нас была такая игра.

Надо сказать, что наглый Цукану совершенно не отличался таким же как Нигам тактом и уважительностью по отношению к моей женщине. Он постоянно требовал от меня, чтобы я ее ему уступил, как бы в шутку припоминая мое обещание. Шутки-шутками, а говорил он это довольно часто, в перерывах предлагая мне как он выражался «спарить» ее с кем-нибудь из его подружек, чтобы и он, Саша Цукану, тоже поучаствовал. Он терпеливо и изобретательно подбивал меня к тому, чтобы уговорить Маринку на так сказать «коллективное времяпровождение», даже придумал, что он тихонечко прокрадется, пока мы будем вместе, выждет момент и незаметно подменит меня. Цукану уверял, что ей будет приятно, и все женщины этого очень хотят, только стесняются попросить.

Однажды Саша даже пришел к нам в номер со своей девушкой Оксаной. Это была высокая, длинноногая барышня, с лицом вроде бы красивым, особенно издалека – по облику. В реальности, она была довольно холодна к чувственным наслаждениям, но тем не менее почти всегда готова к любым эротическим экспериментам. Мы все выпили, и Цукану тихонечко при нас начал свою Оксану раздевать, та деланно задышала, в общем, у них направление пошло определенное, и, по замыслу Сани, мы тоже должны были присоединиться. Маринка несколько секунд брезгливо смотрела, как слегка вспотевший Цукану залезает в трусы своей пассии, слюняво облизывая ее шею и плечи огромным багровым языком, потом повернулась ко мне и спросила участвовал ли я в подготовке этого представления? Я, как на духу замотал головой, на моем лице, вероятно, выразилась полнейшая искренность, поскольку я действительно ни о чем таком с Саней не договаривался. Тогда Маринка подошла к игравшему магнитофону и выключила музыку, Цукану при этом прервал свои манипуляции и как-то затравленно на нее оглянулся. Ну и комично же он выглядел в этот момент! Лежит полурасстегнутый Саня на своей барышне, одна рука у Оксаны в трусах еще шурует по инерции, на второй он приподнялся, штаны с задницы спущены – все измятые, носки, сбившиеся складками вниз и еще со слегка протершимися пятками, а зад у него оказался таким огромным с этого ракурса! В общем, герой любовник еще тот! А Маринка такая злая стоит над ним и презрительная. Она тогда предельно отчетливо, лаконично и выверенно впечатала Сашке, что ей вполне хватает отношений с любимым человеком (то есть со мной), и если ее мужчине (то есть мне) когда-нибудь понадобится присутствие в нашей постели кого-нибудь кроме нее (Маринки), она сама выберет, кто будет этот человек, но уж точно, это будет не Цукану. Саня, по-моему, первый раз в жизни смутился, даже покраснел, неловко слез со своей Оксанки, которая, переменив выражение лица со сладострастного на безразличное, начала меланхолично восстанавливать свой изрядно нарушенный гардероб. Через две минуты Цукану вместе со своей барышней ретировался, отчего мы с Маринкой почувствовали облегчение, но некоторое время все равно не могли друг к другу прикоснуться. Я вовсе не был ханжой, но отчетливо чувствовал омерзительную причастность к чему-то нечистому,

непромытому. Мне даже чудился гадостный запах от кровати, пришлось позвонить в рум-сервис, чтобы нам поменяли белье.

Я за этот случай очень Маринку зауважал, и вроде как посмотрел на себя со стороны. Как то сразу стало понятно, что все наши с Цукану безобразия, не идут ни в какое сравнение с обычными, но наполненными чувствами отношениями между двумя любящими друг-друга людьми. Тем более, когда друг-другу доверяешь, столько можно напридумывать вдвоем...

Сегодня наша неделя подходит к концу, она улетает и, как всегда, ничего не может сказать о том, когда прилетит опять. Ее бизнес очень трудно предсказывать. Товар может продаться быстро, а может не продаться вовсе. У нее уже было так пару раз – и она снова занимала деньги, и летела опять. У нее такие ситуации никогда не оканчивались трагедией. В конце концов, удачно продавался и старый товар, и новый. Она всегда была умной женщиной и принимала правильные, взвешенные решения. Даже мохеровые китайские капоры, которых у нее как-то осталось единовременно несколько тысяч штук, потихонечку продались в два следующих сезона. С этими капорами тогда влетела вся Москва, они были очень ходовым товаром несколько месяцев, и вдруг..., разом перестали продаваться. Именно тогда Марина и переквалифицировалась с Китая на Индию и исключительно на кожу, которую и закупала здесь один-два раза в месяц, килограммов по пятьсот-восемьсот за раз. То есть в обороте у нее было что-то около ста пятидесяти тысяч долларов. Считай – на квартиру уже заработала, но останавливаться на достигнутом, она не собиралась и даже мыслей таких не допускала. И молодец. Я в этом ее абсолютно поддерживал. Чем мог – помогал, груз ее, арестованный индийском полицией вместе с другими ростовскими мешками, как вещественное доказательство по тому малоприятному факту беспорядков в аэропорту, я тихонечко вытащил со склада конфискантов, благодаря хорошим отношениям с моими индийскими друзьями. Она была, конечно, рада – даже не верила сама, что так все удачно получилось. Денег мне предлагала! Я отказался, естественно, только расходную часть она оплатила – взятки там и официальные штрафы, но это копейки получились - меньше тысячи долларов. Она тогда, помню, такими глазами смотрела – я просто переполнялся гордостью. Да и сейчас приятно вспомнить, молодцом был – ничего не скажешь. А потом я еще договорился отправить ее в Москву почти бесплатно нашим самолетом, только за груз она заплатила по минимуму – и все! Хотелось ради нее сделать что-нибудь такое - особенное! И сейчас хочется, только не знаю, что...

К сожалению, от этого рассказа осталось только начало, и то больше похожее на наброски или черновики. То ли папа не дописал свое очередное произведение, то ли оно было уничтожено в силу каких-то обстоятельств, теперь об этом можно только гадать.

Наша семья всегда существовала для отца всего лишь как обязательный атрибут респектабельного человека, но совсем не являла собой его личной жизни, которая в полной мере проходила на стороне. Так было у него, так было и у множества его знакомых, так было у большинства людей того времени. Опустив все моральные соображения, я просто не могу понять, зачем нужно было уничтожать в своей собственной семье то, что является объектом безуспешного поиска во внешнем мире: любовь, чувственность, нежность, взаимное внимание и уважение.

В отцовском архиве чудом сохранились несколько фотографий того периода, где выглядящая еще совсем молодой Марина и больше похожий на долговязого подростка отец, вместе. Они делали эти снимки во время путешествия по индийским джунглям.

На старых фотографиях можно легко разобрать автомобиль, служивший им средством передвижения. Это был реликтовый, наверное, первой половины двадцатого века джип, совершенно неказистого вида, но они восседали на нем, излучая счастье и составляя совершеннейшую идиллию. Отец сидел за рулем, а Марина, расположившись сзади, обнимала его за шею, положив голову на его костистое плечо, чуть кокетливо выставив вперед подбородок, и наклонившись так чтобы их лица были совсем близко. Есть еще несколько снимков, где они загорают возле бассейна и обедают в огромном зале какого-то ресторана, сидя напротив друг друга за громадным почти трехметровым столом.

Отец рассказывал кое-что об этой экскурсии в Раждестан, на север Индии - в горы. Конечно, он не упоминал при этом Марины, говоря, что ездил с приятелями, но я хорошо помню его рассказы про джип, где было всего три передачи – первая, вторая и задняя, и у которого в конце поездки сломалась напололам задняя ось. Помню рассказы про роскошный отель, в котором раньше располагался английский охотничий клуб, и где потолки были шести метров в высоту. Отец еще шутил, что, находясь там в туалете, он чувствовал себя замурованным в баиню. Вот так неожиданно все эти его путевые воспоминания приобрели совершенно новый и неожиданный смысл, наполнились реальной жизнью, чьим-то недолговременным счастьем.

В девяносто пятом кто-то из доброжелателей рассказал маме о серьезной связи отца с некой женщиной "горздо старше его", и мы немедленно вылетели в Индию, оставив мою годовалую сестру Ленку на попечение нянечки. Пару недель папа был обременен нашим присутствием, а потом мы вместе вернулись в Москву. Отец тогда болел и я отчетливо помню свой страх за него. Я – четырехлетний мальчик, от которого всё всегда скрывали, очень боялся чего-то, возможно, того, что он умрет, или уйдет от нас.... Еще помню

дурацкую привычку индусов трогать меня за щеки в знак их расположения, которая приводила мою мать в бешенство, а меня погружала в истерику. Я очень боялся этих черных дядек и теток, зачем-то прикасавшихся к моему лицу и удивлялся, почему мой папа меня не защищает, а стоит и глупо улыбается, как будто он с ними заодно.

На Родине

В любой серьезной болезни
Нет ни малейшего удовольствия

Противно, когда хочешь, но никак не получается открыть глаза - чуть только пытаешься это сделать, подступает резь, глаза начинают слезиться так, что широко их открыть вообще невозможно. Ты щуришься и все время моргаешь как прохиндей. Через несколько минут резь становится совершенно невыносимой, и глаза опять закрываются – им нужен отдых. Еще угнетает, что не можешь оторвать голову от подушки, или, например, присесть на кровати. Эта процедура стала очень сложной и ее нужно делать медленно, потому, что с самых первых движений все вокруг начинает кружиться и подступает тошнота. Тошнить уже нечем, но сесть все равно получается только в несколько приемов – сначала просто отрываешь голову от подушки, ждешь, пока все кругом встанет на свои места, потом приподнимаешься на локтях, и снова, прикрыв глаза, ждешь, пока утихнет мельтешение окружающих предметов. Только после всего этого можно потихонечку спустить ноги с кровати, и привыкнув за несколько минут к новому положению, медленно встать. Если удалось преодолеть все предыдущие стадии, то можно держась руками за стенку, пойти на предательски подрагивающих ногах в туалет. При этом от высоченной температуры все тело, вылезшее в одних трусах из под толстого одеяла, колотит так, что натурально стучат зубы. Чтобы это не отвлекало, ты крепко сжимаешь челюсти и аккуратно продвигаешься, медленно переставляя босые ноги, стараясь не нарушать собственный центр тяжести. Только бы не упасть на кафель в туалете... Наконец, цель достигнута, ты делаешь свои дела, думая, что чем так жить, лучше сдохнуть, и немного отдохнув, пускаешься в обратный путь до кровати.

Последние недели в Индии
Возвращение в Москву

Все время работы в Индии, отправив в Москву очередной рейс, я чувствовал себя разбитым и измученным. Я очень уставал от непрерывной полуторасуточной беготни и нервозности - тупо ныла голова, ноги не ходили, иногда даже ощутимо подташнивало от недосыпа. Это состояние бывало каждый раз, когда прилетал и улетал самолет, потом я высыпался и оно проходило, напоминая о себе только всплывающей временами тупой головной болью, на которую я не обращал никакого внимания. Так месяц шел за месяцем, пока не наступил день, когда состояние чрезвычайной усталости не прошло даже после того, как я хорошенько выпался. Оно, наоборот, стало сильнее – поднялась температура, при малейшем усилии темнело в глазах, голова стала совсем тяжелой и ничего не соображающей, слабость была такая, что я еле сползал с кровати, и еще меня постоянно мутило, как это бывает после алкогольного отравления.

Я заболел. Болезнь называлась желтуха – гепатит А, так сказал индийский доктор, вызванный в гостиницу уже через несколько часов после моего тяжелого пробуждения. Я еле-еле доковылял до двери, чтобы ему открыть, обратно мы шли уже вместе, при том, что он крепко поддерживал меня под руку, а я весь покрывался холодной испариной от усилий и старался смотреть в пол, чтоб крутящаяся вокруг меня комната не перевернулась. Первое, что доктор сказал, посмотрев на меня: «Можешь не улыбаться, это поможет тебе сохранить силы». Подняв глаза к зеркалу, я действительно обнаружил у себя на лице некое подобие оскала умирающего пуделя. Доктор усадил меня на кровать и тут же достал из своего огромного и уже прилично-потрепанного белого чемодана, разные резинки, иголки и пробирочки, затем ловко взял у меня кровь на анализ, простучал весь мой живот и окрестности, зачем-то послушал трубочкой, что там внутри и, чуть расстроено покачав головой, незамедлительно выдал лекарство, которое нужно было принимать для быстрого выздоровления. Еще он прописал мне побольше питья и постельный режим. Это был обстоятельный, крахмально-чистенький и культурный индийский доктор с хорошими манерами, неистощимым оптимизмом и безукоризненным английским языком, на котором он умел говорить так, чтобы понимали даже русские. Все мои туристы, неизбежно подхватывавшие желудочные заболевания, лечились, в соответствии с моими рекомендациями, только у него, и, надо сказать, весьма успешно. В частности, дизентерию, он лечил с помощью трех таблеток, которые еле живой страдалец, обессиленный от изнурительного поноса и температуры, принимал по одной в день и уже после второй чувствовал себя в форме.

После завершения всех процедур, доктор сказал, что через пару дней я смогу плавать в бассейне, на что я выразил слабую надежду, что буду плавать в бассейне не в виде тупа, демонстрируя тем самым, что понимаю

его шутки, но мне в настоящий момент не до веселья. Конечно, я не смог подняться с кровати ни через два, ни через пять дней, состояние вообще не улучшалось. Хотя, нет худа без добра - к исходу второй недели, я понял, что бросил курить, поскольку мысль о сигарете вызывала в моем отравленном организме только очередной приступ рвотных позывов. По той же причине я практически бросил и есть, но эта привычка в дальнейшем у меня потихоньку восстановилась. Сашка, к счастью находившийся в первую неделю моей болезни в Индии, навещал каждый день, что-нибудь приносил, рассказывал мне новости, даже предлагал договориться с Оксанкой, чтобы она сделала мне минет, для восстановления пошатнувшегося здоровья. Я отверг его царское предложение без всяких для себя усилий, напомнив Сашке, что нахожусь в том состоянии, в котором самого меня можно теперь насиловать в самой извращенной форме и я не то что сопротивляться не смогу, а даже слова не произнесу в свою защиту по причине полнейшей обессиленности.

В реальности, эта уважительная причина не была единственной. Еще до болезни, мне в перерывах между Маринкиными приездами все меньше и меньше хотелось мимолетных отношений. Я стал замечать, что женщины совершенно не испытывают восторга от моей, или чьей бы то ни было жеребьей активности. Даже когда они стараются выглядеть раскрепощенными в интимной сфере, даже когда они делают вид, что ничего кроме постели и тусовок их не интересует, они все равно надеются на настоящую любовь, они везде ее себе придумывают, даже в отношениях совсем мимолетных или совсем неприличных. Они всегда выдумывают любовь внутри себя и ей только они отдают, а совершенно не похоти и даже не вожделению. Когда все проясняется, они каждый раз страдают и отказываются верить в очевидное, хотят еще играть, хотят еще придумывать себе любовь и очень сердятся, когда волей-неволей рушишь их красивые фантазии. Я внимательно наблюдал, внимательно слушал и находил все больше подтверждений этой своей мысли – по-настоящему они хотят только любви. Той самой – романтической, нежной и единственной в жизни. Но часто, отчаявшись найти ее в чистом виде, женщины пытаются выбирать ее крупинки везде, где только можно, подобно тому, как воробушки вытаскивают зернышки овса из лошадиных какашек.

Получалось, что мы с Сашкой просто на этой извечной женской особенности паразитируем, обманываем их, мучаем, и никакие мы не симпатяги, а обычные паразиты. Быть паразитом не хотелось, да к тому же работы последние два месяца было столько, что времени даже на сон почти не оставалось. Так потихоньку я от разгульной жизни и отошел. Я и Сане пытался эти свои мысли объяснять, но он никогда со мной не соглашался, а говорил все обратное, много раз уже мною слышанное. Так что друг Саня мне здесь был не собеседник, а собеседником неожиданно стала Маринка. Я с нею этими мыслями поделился, она моментально поняла о чем речь, полностью со мной согласилась, сказала, что я умный и что многие мужики так до конца жизни этого не понимают, а я вот такой молодой, а всё почувствовал правильно. Она тогда почему то еще всплакнула тихонечко, я так и не понял из-за чего.... А потом мы с ней даже мои рассуждения и продолжили, она меня спросила про

нас – про мужиков. В том смысле как у нас у самих эта область устроена. Я так и не смог ей толком ответить, стройной конструкции у меня не получалось, только отрывочные мысли всякие, но она и их внимательно выслушивала, переспрашивала, уточняла, так что даже и помогала мне размышлять. Мы тогда много об этом говорили. Когда Маринка уезжала, я сам много думал обо всем этом и кое что новое потихоньку мне открывалось. Как то раз я отчетливо представил себя в тот момент, когда Маринка находит у меня в номере очередную женскую заколку, а под кроватью от презервативов пакетики. И таким я себе показался в этой роли несимпатичным, таким инфантильно кокетливым, туповато-ухмыляющимся переростком... Так это меня по сердцу резануло! Я понял, что и мне самому не хочется быть пакостливым и непостоянным мальчишкой, который кокетливо и жеманно признается своей мамочке в очередной шалости, и конечно, получает от нее благосклонное прощение, ровно потому, что мамочка сама только вид делает, что порядочная... И Маринку захотелось избавить от этой мерзопакостной роли, в которой ей всегда было невыносимо находиться! Но что за этим должно было последовать? Как должен нормальный здоровый, взрослый мужчина строить отношения с любимой женщиной? Ясно как – жениться он должен не ней! А если уже женат, и двое детей? Вопрос...

Нерешаемый это был для меня вопрос. Без правильного ответа задачка и без надежды на правильный ответ. А чувствам то – им все равно, они логики не понимают и обстоятельства им безразличны. Хотелось, очень хотелось мужчиной себя почувствовать. Именно мужчиной, а не подростком только до женщин дорвавшимся, которому еще можно простить разбросанность и спутанность в связях. А для взрослого мужика, которому двадцать пять лет, такие фокусы – вовсе не мужественность, и нечем здесь хвастаться. Скорее это - инфантильности, застревание на том времени, когда от эйфорического ощущения, что можешь чего-то вообще, хочется всех без разбору, только бы убедиться в том, что действительно можешь. Эта тоже Маринкина мысль, но мне она показалась совершенно правильной.

Я уже готов был отказаться от всех интрижек и заигрываний, в первый же вечер постелью заканчивающихся и верно ждать свою женщину. Я уже удовольствие получал от того, что чувственное желание во мне подкапливалось, оно при этом становилось немного другим, более концентрированным и глубоким, если так можно сказать. Не знаю, к чему бы это привело, если бы в Индию не прилетели родственники – мать и супруга со старшим сыном. Оказалось, что узнав о моей болезни, Марина (имеется в виду законная супруга), сама выхлопотала себе, бабушке (моей матери) и ребенку бесплатный перелет, с тем, чтобы меня лечить или забрать в Москву. Это было логично и с точки зрения моего начальства. Рейсы я обслуживать не мог, туристами заниматься не мог. Мои обязанности переложили на одного из групповодов, а мне было предписано возвращаться в Москву. Русскому человеку всегда лучше лечиться на Родине, к тому же, зачем платить за номер в гостинице и суточные, если сотрудник работать продуктивно не в состоянии.

С Маринкой мы даже не увиделись напоследок, я групповоду доверенному тихонечко передал ее вещи, при том, что в последнюю

неделю, как раз, когда у меня жили все родственники, она была в Индии. Марина и моя жена летели сюда на одном самолете! А Цукану на этом же самолете улетал, поскольку всегда старался с Маринкой не совпадать неделями. Как мне рассказывала супруга, он вычислил их с мамой в группе туристов, подошел, представился, жена сказала, что о нем слышана, они очень мило поговорили, Саня много хорошего обо мне рассказывал. Молодец он - меня не оставил в беде, и жену как мог, поддержал, хоть подбодрил ее. А я последнюю неделю никуда, кроме туалета, с постели не вставал, жена с матерью попеременно были возле меня, Маринка не зашла ни разу. Мы с ней даже и не попрощались.

Была поздняя осень одна тысяча девятьсот девяносто пятого года. С невеселым чувством на душе летел я домой. Мало того, что моему организму было плохо, я еще постоянно думал о том, что мгновенно стал никому не нужен, что меня выжали как губку, а теперь выбросят. Мне казалось, что и Маринка меня бросила, ведь могла бы хоть объявиться, хоть как-нибудь дать о себе знать. Ко мне же заходили разные туристы - и мужчины и женщины, спрашивали о моем здоровье. Могла бы и она заглянуть инкогнито - хоть сказала бы «прощай» больному человеку, которого когда-то любила. Казалось, светлая полоса в моей жизни подходила к концу. Все очень логично и правильно - время феерической, наполненной яркими событиями жизни, время успехов и достижений всегда и безальтернативно сменяется темными неприятностями, неустроенностью и безденежьем. Почитая этот закон с самого детства, я давно ждал перемен к худшему. Слишком долго мне удавалось получать от жизни одни удовольствия - пора было и горюшка хлебнуть. Хотя происшедшее и соответствовало моим представлениям о справедливости, все равно было очень обидно. Что дальше делать? Желтуха проходит не раньше, чем через сорок дней - здесь уже всюду будет работать другой человек. Я остаюсь на бобах, тем более, кто-то из хороших знакомых по секрету рассказывал мне правило, согласно которому представителей всегда увольняют через годик работы, поскольку считают их неисправимыми жуликами. Просто одних ловят на воровстве, и выгоняют с позором и материальными претензиями, а других, которые похитрее, типа меня, и не попадают, просто увольняют при случае, как бы для профилактики.

В Индии, кстати говоря, после меня стали работать двое. Двое вполне толковых и шустрых ребят с хороших групповодским опытом. Один, присланный вначале, никак не справлялся.

Покидая Дели, я не попрощался ни с кем из моих индийских друзей. Наверное, где то в глубине души рассчитывал вернуться. А вернуться не пришлось. Ни разу больше я не был в Индии, хотя иногда очень хотелось полететь. До сих пор хочется снова туда, но только не туристом... Хочется снова оказаться в повседневной каше большого аэропорта так, как это было тогда - в девяносто четвертом, когда я был там своим, всё и всех знал, и для меня не было ничего невозможного. Почувствовать это вновь, вернувшись празднично шатающимся, нельзя - дело нужно какое-то, а у меня дела там нет - вот и не еду. Арвинд мне по первости звонил несколько раз, спрашивал как здоровье, когда вернусь, спрашивал, как Сашка, куда он пропал? Про Сашку я ничего не знал, а

про себя отвечал, что поправляюсь нормально, когда прилечу, пока не знаю, но постараюсь скорее.

В Москве я довольно быстро пошел на поправку. Опытная пожилая женщина-врач из поликлиники Академии Наук, отменила мне все индийские препараты и положила мое обессиленное и истощенное тело под капельницу с гемодезом, глюкозой и витаминами. Уже через пару недель я почувствовал себя лучше. Стояла прохладная сырая осень, и было таким удовольствием после изнуряющей индийской жары – одеть легкий свитерочек, красивую кожаную курточку, сесть в собственную машину – ВАЗ 2107 небесно-голубого цвета, и погонять по московским лужам с открытыми окнами, через которые прохладный ветер приятно обдувал лицо, и я вдыхал сколько мог этого прохладного сырого воздуха, наслаждался его свежестью, его запахами. Постепенно приходило восхитительное ощущение, что здесь мой дом, что именно в Москве моя родина и только здесь мне может быть по-настоящему хорошо.

Новое место работы
Я все же нужен кому-то!

Обычный для нашего турагентства рабочий день двигался к обеду. Девочки из отдела продаж бойко рассылали факсы и названивали в разные полезные для сбыта организации, бухгалтерия после второго предобеденного чаепития неторопливо вышла покурить, свободные водители стояли кучкой неподалеку и исподтишка пялились на это соблазнительное зрелище. Энергичные и высокооплачиваемые молодые люди из производственных подразделений давно были в разъездах, самого Генерального еще не было. Он, обычно, подъезжал часикам к двум. Иногда это обуславливалось ранними встречами вне офиса, иногда банальным желанием выспаться, на которое наш законный владелец имел полное право. Все в офисе знали, что он - настоящий хозяин своего дела, законченный трудоголик и раньше полуночи с работы не уезжает. В таком режиме Генеральный существовал уже несколько лет, с того самого момента, когда незадорого выкупил небольшое, ничего не приносящее туристическое агентство у своих патронов и сам стал его владельцем. Если выразаться точнее, выкупил он у них просто свою свободу, поскольку никаких ликвидных активов у этой микроскопической организации не было на тот момент и в помине. Сытенькие и довольные собой дяденьки, получившие со своего бывшего подчиненного некую сумму за то, что сами собирались вот-вот бросить, считали эту сделку для себя забавной, а его глупым честолюбивым мальчишкой, который вот-вот надорвет свою худенькую спинку под грузом непосильных проблем и прибежит проситься обратно - под их могучие волосатые крылья. Тогдашнее решение нашего будущего Генерального не было хоть сколько-то логичным с точки

зрения нормальных людей, каковыми его экс-руководители и являлись. Но именно тем Сережа (так наш Генеральный позволял называть себя сотрудникам) и отличался от «нормальных» людей, что из каждого нагромождения фактов мог выстроить совершенно оригинальную, с первого взгляда никому не понятную цепочку умозаключений и прийти к таким выводам, до которых всем «сытым дяденькам» с их незатейливым и ригидным мышлением было как до Китая раком. Все потом просто разводили руками: «Как нам самим это в голову не пришло?» Ну, и конечно, эти замечательные способности нужно помножить на четырнадцатичасовой рабочий день, в связи с которым любые другие интересы в его жизни просто перестали существовать, на железную дисциплину, неукоснительно соблюдавшуюся внутри предприятия параллельно с товарищескими отношениями, и на весьма широкий диапазон средств, предоставленный ему устойчиво конформной совестью. Так или иначе, но через полгода турагентство, к которому я тогда еще не имел ни малейшего отношения, переехало сначала из однокомнатной квартиры в трехкомнатную, которая по-прежнему служила одновременно и офисом, и жилищем для его основателя, потом дела пошли еще лучше – начались собственные чартерные рейсы, офис занял половину детского садика в удаленном от центра, но удобном, зеленом и симпатичном районе. Народу работало уже человек сто, зарплаты были хорошие, выплачивали их без всяких задержек, когда выдавалось свободное время вместе выезжали отдыхать на природу. Внешне не наблюдалось даже никакой иерархии, все были вроде как в приятельских отношениях. Самым обаятельным, умным, искрометно-смешным и деятельным был Генеральный – Сережа, Сергей Давидович Песочников.

Все женщины нашего офиса его обожали, все мужчины, гордились возможностью работать под руководством такого замечательного человека. Средний возраст тогдашнего сотрудника, наверное, не превышал двадцати двух лет, но это были уже ответственные, а зачастую и опытные люди с хорошо устроенными головами, неистощимой энергией, оптимизмом и стойкой уверенностью в себе. Молодые ребята и девчонки – недоучившиеся студенты, осуществляли такие уникальные коммерческие проекты, с таким ощутимым для всех результатом, что коллектив преисполнялся заслуженной гордости, и появлялось восхитительное ощущение рабочего куража. Все начинали чувствовать себя могучей, слаженной, отточенной как острие бритвы организацией, для которой невозможного нет. Это придавало фантастические силы - горы сворачивались и рассыпались в прах перед нашим напором. По настоящему хорошая была компания, ничего не скажешь.

Генеральный должен был подъехать с минуты на минуту, машина за ним уже вышла, о чем секретарша немедленно оповестила всех девочек. Бухгалтерия вернулась на свои рабочие места, сотрудники забегали еще энергичнее, водители на всякий случай рассосались в недрах своих

автомобилей. На тот момент в Серезином ежедневнике представлявшем собой обычную тетрадь в клеточку, наверное, уже фигурировал пунктик о некоем Корабленко Василии, прилетевшем из Индии, и находившемся пока в нетрудоустроенном состоянии. Более того, была уже запланирована встреча с моей непосредственной начальницей Наташей Богдановой – заместителем Генерального по коммерческой части. Конечно, мой вопрос был в списке за номером, наверное, двадцатым, или еще дальше, и вряд ли эта встреча Серези с его коммерческим директором могла тогда на что-либо серьезно повлиять. Обычно Сергей Давидович все судьбоносные решения принимал накануне, во время своих вечерних бдений, выдергивая, если это было нужно, кого-то из сотрудников на телефон. На следующий день он просто доводил до своих людей конкретные установки понятным им всем языком. Но все равно, в тот день решалась моя судьба на многие годы, а, возможно, и на всю жизнь, а я не имел об этом ни малейшего представления.

Я действительно ничего этого не знал. Моя работа - сначала групповодом, а затем и представителем, была вдалеке от центрального офиса, что там происходило в метрополии, мне было совершенно невдомек. Генерального – Сергея Давидовича, я видел в жизни всего один раз, когда он, собрав всех групповодов, честно предупредил, что за мухлеж с туристическими килограммами «будет поступать с нами так, как научила его жизнь». Никто из пятнадцати групповодов, присутствовавших на собрании, не стал уточнять, чему это жизнь нашего Серезю научила, но именно после этого разговора, многие оставили работу по собственному желанию, а я, неожиданно для своих близких, дал согласие на должность представителя, сопряженную, как всем казалось, с неопределенными перспективами и гарантированно большими трудностями в далекой Индии.

Так что я совершенно не знал конъюнктуры организации, где работал, более того, я вовсе не рассчитывал, что мое присутствие в ней продолжится. Все, что у меня в жизни происходило последние два с половиной года, я по-прежнему расценивал, как случайное везение, временный подарок судьбы, который, не может скоро не закончиться. Я и так смог за это время купить машину и отложить на черный день больше денег, чем мои родители накопили за всю жизнь. Несмотря на доводы здравого смысла, моя душа нахально отказывалась смириться с таким положением дел. Судьба казалась мне несправедливой, было жалко и обидно, что меня выкинули. Очень хотелось дальше работать, что-то делать и в чем-то участвовать. Само осознание себя как человека хоть сколько-то взрослого и продуктивного пришло ко мне именно за эти два года и появилось в той среде, из которой теперь я, казалось, был безжалостно исторгнут навсегда. Так что, для меня было более чем неожиданно, когда офисная секретарша, дозвонившись нам домой, сказала, что со мной будет разговаривать сам Сергей Давидович. Он, запросто поздоровавшись и назвав меня по имени, спросил, как здоровье и чем я собираюсь заниматься, когда вернусь в строй. Именно так он и выразился: «Когда вернешься в строй», как будто я был солдатом его армии, а он – полноправным генералом, которому жизнь подчиненных вверена полностью и окончательно. Почему то мне тогда очень понравился такой формат

взаимоотношений. От счастья, я пролепетал что-то неуверенное и жалкое, а он окончательно огорошил меня, объявив, что, оказывается, я по каким-то там его показателям был лучшим представителем во всем агентстве, и он давно следит за моей судьбой, рассчитывая на меня, как на кадровый резерв для выдвижения. Еще он сказал, что за время моей болезни (почти полтора месяца) за мной сохранялась средняя зарплата, и теперь он предлагает мне работать в одном из отделов его прямого подчинения, то есть непосредственно с ним. Я, конечно, обалдел от такого прямо рецидивного везения на мою голову, и немедленно согласился выходить на новую работу, заявив, что могу бросить курс гемодеза прямо сейчас, так как, чувствую себя уже превосходно. На что господин Песочников, уточнив, что мне осталось прокапать всего пять капельниц, милосердно велел выходить только через неделю, дабы вполне долечиться. В конце разговора, он как само собой разумеющийся факт уточнил, что, естественно, в Москве таких зарплат, как в Индии, не предусмотрено, и он пока предлагает мне начать с полутора тысяч долларов ежемесячно. В Индии я за последние месяцы получал где-то по три, то есть это было снижение моей зарплаты в два раза, но, во-первых, до вполне приемлемой суммы, на которую я, честно говоря, и не рассчитывал, а, во-вторых, дома и расходов меньше - без питания в ресторанах, гостиничной стирки-глажки, такси, чаевых и многого другого. В общем, условия были для меня - просто шоколадные, а самое главное, было так приятно, что меня, оказывается, не забыли, не списали в расход, а снова позвали работать, и даже сам Сергей Давидович мне позвонил и так много хорошего сказал. Я просто был на седьмом небе от счастья, хотя, надо сказать, чувствовал некоторые угрызения совести перед своей прежней начальницей, Наташей Богдановой, которая меня, собственно говоря, принимала на работу еще групповодом, и отправила в Индию. Как-то было неловко - вроде как я через ее голову общаюсь с высоким начальством. Ну, а что поделаешь в такой ситуации? Когда открываются такие возможности, мямлить и тормозить никому не охота. Я добросовестно закончил курс гемодеза, сдал анализы и вышел на работу в офис, заняв то место, которое мне было указано обожаемым начальством.

Тут, как по волшебству появился Цукану, позвонил и сказал, что его не было в Москве целый месяц, и в Индию он тоже не летал, ему там без меня делать нечего. Я даже удивился - получалось, в его торговле так много зависело от нашего мухлежа с килограммами, что ему вообще не стало смысла летать, когда все прекратилось. Вообще-то Сашка меня просил, так сказать, передать наши отношения моим преемникам, обещал небольшую дольку присылать, только я не решился. Не очень хорошо я знал этих ребят, да и болел тогда - было тошно, вообще не хотелось ничем заниматься, а хотелось только не сдохнуть до завтра. Сашка спрашивал, чем я теперь буду заниматься, о Маринке поинтересовался, я сказал, что не звонила, наверное, уже нашла себе другого ухажера, и что сам я ей не буду звонить даже под страхом смертной казни. Саня меня в этом поддержал, тут же рассказал, как у него сто раз такое было в жизни, когда кажется, лучше женщины и нет, а потом выясняется, что все это пустота, развод и профанация. Бабы, говорит, такие хитрые! Ей просто выгодно было с тобой трахаться, поскольку она на номер не попадала, и ты ей с грузом помогал.

Мы вместе посокрушались, какие женщины непостоянные и ветреные, я даже, честно говоря, от злости, Сашке гадостей про Маринку наговорил. Потом стало неудобно, хотя, он свой парень, не болтун. Все, что мы друг другу рассказывали, всегда оставалось между нами. Договорились на недельке встретиться-созвониться, но что-то Сашка пропал, да и мне с новой работой было не до него.

Тоска зеленая

Моя работа началась в канун нового одна тысяча девятьсот девяносто шестого года, и через пару месяцев после новогодних праздников я был уже на грани увольнения. Все руководство пребывало в полной растерянности от того, что толковый представитель стал таким тупым и неэффективным офисным сотрудником. Мне и самому было неловко, казалось, что я зря просиживаю штаны за своим столом, пытаюсь заниматься вещами, которые от меня совершенно не зависят, и никаких идей о том, как можно на ход этих событий повлиять в моей голове не появлялось. Не имея ни малейшего опыта администрирования, я все время должен был кого-то организовывать, за кого-то отвечать. Это было ужасно. Я не мог понять, чего им всем нужно объяснять, вроде все и так ясно – старайся, думай головой, да делай побыстрее свою работу, и все! Я сам всегда по такому принципу вкалывал и чувствовал себя превосходно – дело делается, и скучать некогда. Было просто невероятно, как люди, выглядевшие, на первый взгляд, совершенно разумными, выкидывали нереально глупые и противоестественные вещи, а потом заявляли мне, что именно по этому конкретному поводу от меня инструкций не получали и посему ни в чем не виноваты. Сережа, выслушивая мои очередные доклады, задавал резонные вопросы, почему до сих пор не уволена та или иная бестолочь, спрашивал, какое наказание понесли люди, ответственные за очередную глупую ошибку. А я не знал, что можно ответить, потому, что еще никого в жизни не увольнял и даже представить себе не мог, как это возможно – такое с человеком сделать. К тому же, у меня обнаружилась полная неспособность писать письма в официальные инстанции. Над каждой бумажкой из трех строк я сидел по несколько часов, а выходила такая галиматья, которую Сереже приходилось все равно самому переписывать, поверх моего текста, а затем я тащил эту исчирикannую его почерком бумажку секретарше – печатать. В офисе постепенно начали надо мной жалостливо посмеиваться и подшучивать, мои встречи с Сережей становились все реже, некоторое удовольствие от работы ощущалось только в день зарплаты, которую мне, кстати говоря, еще немножечко понизили.

Со временем у меня появился новый начальник – энергичный парень с Урала, из города Екатеринбурга, каратист, бывший врач-хирург. Будучи наслышан о моих прежних заслугах, в те времена, когда его самого в

предприятия еще не было и в помине, он старался относиться ко мне со всей возможной тактичностью, но как человек прямолинейный и открытый, часто давал понять, что я – не самый блестящий из его команды, да и вообще, не совсем в его команде. День ото дня я становился все более тихим и забитым клерком, который хочет только одного – чтобы его не трогали, не наказывали, а, по возможности, вообще не замечали.

Сейчас я пытаюсь понять, почему же я тогда был таким тупым, ну просто диву даюсь. Ведь это не были наговоры, я реально тупил, как последний тормоз перестройки. Ко мне все окружающие еще относились прямо таки с христианским терпением. Как меня не уволили тогда - вообще ума не приложу. В дальнейшем я лично таких приторможенных мечтателей, у которых все из рук валится на третий день вычислял и гнал в шею без всяких компенсаций. Чем больше я задаю себе вопрос о тогдашней моей нетрудоспособности, тем больше думаю, что все это было из-за Маринки. Я, честно говоря, места из-за нее не находил. Но искать ее, позвонить, поговорить я тоже не мог, хотя, казалось бы – чего проще. Мне иногда мечталось, как мы случайно с нею где-нибудь встретимся, и она улыбнется мне как тогда... Но, встречи не случилось, хотя она еще некоторое время продолжала летать в Индию через нас и даже груз свой получала на нашем складе. Мне очень хотелось о ней осторожно выспросить у тех, с кем она могла по работе контактировать, хоть чего-нибудь узнать о ней. Однажды, такой случай представился. Во время чьего-то дня рождения, ребята со склада, которым я ее описал, сказали, что знают такую, даже назвали Маринкину фамилию – Захарова. Сказали, что женщина, конечно, эффектная, но шансов у меня по поводу нее нет, так как последнее время, она приезжает на склад уже не одна, а с мужиком, и по всей видимости это не просто ухажер, а почти что уже и законный супруг. После этого я совсем загрустил. Сидел целыми днями и накручивал себя повторяя что она зараза, стерва, и все в таком роде. Какая уж тут работа. Мне нужна была тогда хорошая встряска, и на мое счастье она состоялась раньше, чем я потерял работу, а вместе с ней и все дальнейшие перспективы в моей неразмеренной жизни.

А жизнь мчалась своим ходом, и время от времени, пока я меланхолично перемещался по офисным коридорам с приделанной к лицу жалкой улыбкой, мимо меня вихрем проносились по-настоящему крутые ребята. Они, в зависимости от ситуации, были то в деловых костюмах, то в красивых, стильных кожаных куртках, все ездили на иномарках, лихо паркуясь задним ходом во дворе нашего офиса. Как бы не замечая восхищенных взглядов из окон «женских» отделов, они взбегали по лестнице, едва кивнув охраннику, которому все остальные должны были предъявлять пропуск, и мчались по своим вопросам, обычно в бухгалтерию, где получали толстые пачки денег, и уносились обратно на своих быстрых машинах по своим особенным и неотложным делам. Они были немного грубоваты в полном соответствии с их внешним обликом, употребляли в разговоре всякие интересные жаргонные словечки и пользовались дорогущими тогда мобильными телефонами. Если им случалось общаться с такими как я, это выглядело как снисходительный

разговор боевого офицера с зачуханным конюхом или кашеваром из роты обслуживания.

Вокруг личностей этих молодых людей в офисе ходили темные слухи - передавали истории об их связях с бандитами, о каких-то сумасшедших переделках, из которых им удавалось счастливо выбраться благодаря невероятной храбрости и самообладанию, о том, что без них никакого бизнеса у Сережи бы не было, что они осуществляют одно из самых важных и доходных звеньев всей нашей работы – растаможку, и с ним самим они вроде как на равных – по-настоящему на дружеской ноге.

Мой новый начальник отдела этих ребят недолюбливал и говорил, что рано или поздно все такие попадают на разном негодяйстве, да и вообще, от пижонов толку не бывает никогда. Он долго убеждал Сережу, что, по крайней мере, чартеры с группами из Екатеринбурга можно растаможивать в его родном городе – незачем гонять их в Москву ради такой простой операции, сам многократно летал домой договариваться с тамошними влиятельными людьми – своими земляками, и, наконец, отчитался о полной стопроцентной готовности аэропорта «Кольцово» к приему наших воздушных судов и в том числе к растаможиванию на самых льготных условиях. По некоторым недосказанным фразам я понял, что он заручился поддержкой кого-то из влиятельных милицейских начальников, то ли командира местного ОМОНа, то ли еще чего-то в таком духе. Экономия получалась соблазнительная, и Сережа дал команду переориентировать одну цепочку рейсов напрямую.

До этого судьбоносного решения туристы из ЕКБ вынуждены были сначала прилетать в Москву, а потом уже нашим рейсом следовать в Китай. Обрато они тоже прилетали с нами в Москву, а до Екатеринбурга добирались со всеми своими баулами как кому заблагорассудится. Конечно, предложить людям прямой чартер было интересно и заманчиво. Тем более, что это была экспансия в регионы, о которой Сережа давно размышлял и собирался ее предпринять, считая правильным направлением развития серьезного бизнеса, а мой новый начальник производил впечатление человека грамотного, обстоятельного, как у нас тогда говорили, «отвечающего за свои слова». Мы поставили в Екатеринбурге на базирование самолет ИЛ-62М, закупили там керосина, по просьбе администрации аэропорта перечислили вперед деньги за несколько взлет-посадок – в общем, приготвились к долгосрочной и продуктивной работе на новой для нас точке дислокации. Прямой рейс Екатеринбург-Тянь-Цзинь-Екатеринбург, организованный во взаимодействии с самой респектабельной туристической компанией Уральского региона, очень хорошо продался и благополучно улетел в Китай. Как оказалось, этим самым мы перешли дорогу какой-то небольшой местной турфирме, которая не очень регулярно, но уже возила напрямую своих немногочисленных клиентов, и более того, с задержками и нервотрепкой, но все-таки растаможивала их груз там же в Екатеринбурге.

Я был от этого всего довольно далеко, к таким сложным делам меня уже не допускали, но сидели мы все в одной комнате, и я хорошо помню, как ребята, имевшие отношение к проекту, потешались над этой незадачливой туристической «живопырккой». Они хихикали над их «нахальными»

предложениями о сотрудничестве по поводу растаможки наших рейсов, о том, как глупо нас пытались запугивать, рассказывая о непредсказуемости и сложности таможи в Кольцово и криминализированности всего и вся вокруг в этом городе. Нам же сказал начальник милиции, что все будет нормально – чего еще бояться?

Начинаются события.

Когда наш первый рейс прибыл в Екатеринбург, все с нетерпением ждали выдачи груза. Продающие отделы обещали своим уральским коллегам, что все будет сделано менее, чем за двое суток и непрерывно звонили моему руководству с тем, чтобы узнать как идут дела. Им бодренько сообщали, что разгрузка прошла благополучно, весь груз на складе временного хранения, в настоящий момент идет оформление, и вот-вот начнется выдача. Хотя последнюю часть информации, по поводу того, что идет оформление и груз скоро будет отпущен, сообщали предположительно, поскольку сами не могли получить от екатеринбургских коллег ничего внятного. Им звонили ежечасно, но девочка, отвечающая на наши звонки, могла сообщить только то, что в офисе никого нет - все в аэропорту, а она ничего не знает. На яростные требования моего начальника, чтобы ему перезвонил кто-нибудь из ответственных сотрудников, она вежливо обещала им это передать, когда они появятся и все... Так продолжалось двое суток, пока то самое уважаемое туристическое агентство, которое продавало путевки, не сообщило, дозвонившись до Наташи Богдановой, что интересующий нас всех груз арестован таможей и заведено дело о попытке контрабанды и занижении таможенных платежей. Мой новый начальник, о чем-то коротко поговорив с Сергеем один на один, немедленно вылетел в Екатеринбург. Уже к вечеру того же дня он, отзвонился и сообщил, что уволил все представительство, кроме той девочки, что сидела на телефоне, и пригласил на работу новых достойных людей, бывших сотрудников органов, имеющих связи с таможей, которые должны в кратчайшие сроки разрешить ситуацию. Груз действительно арестован, все подстроила та самая «аэропортовская живопырка», которая оказалась вовсе не живопыркой, а уважаемой в местном сообществе криминальной организацией - единственной хоть как-то решавшей с таможей вопросы во всем городе, используя тесные родственные связи. Милицейский начальник, который обещал содействие, в тот момент находился на операции по обезвреживанию опасных преступников, и связь с ним была невозможна.

Вот такая сложилась тревожная ситуация, если быть оптимистом и не назвать ее, как есть - катастрофической. Дело в том, что у нас

вторая группа была уже в Китае и по условиям контракта, через пять дней должна была вместе со своим багажом благополучно приземлиться... снова же - в городе-герое Екатеринбурге. Третий и четвертый самолеты тоже проданы, и коллеги из ЕКБ открыто говорят, что просто возврата денег не получится, придется выплачивать приличные неустойки. Мы сели, посчитали, сколько образуется убытков если завернуть три самолета в Москву, здесь растаможить, а затем внутренним рейсом перелететь в ЕКБ – получилась сумма, которую Сергею даже озвучить никто не решился. Все пригорюнились, домой никто не уходит, хотя и вечер уже. Наташа Богданова с нами сидит, кофе хлещет и курит сигареты одну за одной, потому, что в ее отдел уже начались звонки, от недружелюбно настроенных клиентов, которые моментально узнали о судьбе своих «колониальных товаров». А поскольку телефона нашего отдела екатеринбургские туристы пока не раздобыли, Наташе находиться у нас было поспокойнее. Я тоже сидел со всеми, так сказать из соображений корпоративного духа. Тем более, новый начальник поручил мне всегда быть на телефоне (у нас в отделе тогда своей секретарши не было), чтобы он мог в любую минуту нами руководить. Пару раз приезжали «крутые» из таможенного отдела. Мы им все рассказали, как есть, они качали головами языками цокали – типа все совсем плохо, мол, груз вообще могут конфисковать за нарушение таможенных правил. И как же, говорят, вас угораздило полезть в такую сложную и специфическую область, как растаможка? Мы, говорят, когда в Москве это дело налаживали, долгое время кропотливо устанавливали отношения с личным составом таможенного поста и прочими разными влиятельными людьми. А вы (то есть мы во главе с нашим новым начальником) хотели на кривой кобыле в рай въехать - со своим свиными рылами, да в калашный ряд! Что нам было делать? Мы головы повесили, со всем согласные. А они с нами уже и не разговаривают, мы их вообще перестали интересоваться, они Наташу в основном окучивают по поводу того, что других шансов, кроме как в Москву все самолеты заворачивать – нет, и ей надо храбро и прямо об этом Сереге сказать, чем раньше, тем лучше. А третий и четвертый рейсы немедленно отменять, выплачивая неустойки по минимуму, как следует поторговавшись, и ссылаясь на форс-мажор - все равно выйдет дешевле. Это все сказать-то легко, а на деле такое развитие событий означало для нас, что забыть можно про весь Уральский регион на долгие годы, да и в Москве будет отголосок – будь здоров. Плюс ко всему этому – убытки сумасшедшие. Я вообще не уверен, что тогда такие деньги физически были предприятию. Вот так.

Крутые уехали, а мы дальше сидим – чего еще нам делать. Ждем чуда от нового начальника. А вдруг, думаем, он там сейчас найдет этого своего милиционера, и все благополучно разрешится. Но вслух никто ничего такого никто не говорит - чтоб не сглазить. Для Сергея все варианты, какие были, мы подготовили в виде табличек с экономическим расчетом, только никто не хотел ему эти таблички нести. А Генеральный наш, кстати, сам проявлял совершенно удивительное хладнокровие. Сидел себе в кабинете, принимал посетителей, занимался текущими делами, а нас даже и не вызывал на доклад,

будто бы ничего не происходило из ряда вон выходящего. Хотя ему, конечно, Наташа с самого утра обрисовала в целом ситуацию - а он и бровью не ведет.

Так мы и сидели тихонечко, кто-то даже домой утек – поспать. Тут открывается наша дверь и Сергей Давидович к нам – собственной персоной. Радостный такой заходит, веселый! Шутит, смеется, кому-то указания раздает по дороге – возле него, как всегда, целый шлейф народу. Чего, говорит, бойцы приуныли? Вы что, думали, что нас на новый рынок пустят без боя? Я, говорит, и не сомневался, что драться придется, так что – все идет по плану. Вы то, спрашивает, к нам обращаясь, готовы к борьбе за наше правое дело не на жизнь, а на смерть? Мы, конечно, готовы – сидим, робко улыбаемся, не знаем, что сказать. Все боялись, что он нас начнет в землю втоптывать, а он вроде наоборот – настроен как-то и легкомысленно... Сережа еще с нами поболтал о том, о сем, как у кого жены, дети, поинтересовался. Потом постепенно к делу перешли. Мы ему наши невеселые прожекты в виде табличек показали, он начал смотреть – тишина такая повисла в комнате – просто слышно было, как тараканы бегают. Он посмотрел, переспросил кое-что у Наташи, потом взял наши таблички, вместе сложил и, порвав на две части, швырнул в урну. Мы поняли – беда. И точно, он, когда к нам повернулся – как подменили человека, только что был милейший из самых милых симпатяг, а уже – зубы сжаты, желваки ходят ходуном, глаза – страшно заглядывать. Да кто, говорит, вас уполномочивал мои деньги тратить для своего удовольствия, перемещая по земному шару туристов за мой счет? Может быть, кто-то из вас предполагает, что он в силах меня ограбить? Можете попробовать, если вам в этой жизни уже нечего терять! Вы что, думаете, если здесь детский сад и песочница, где всегда можно сказать: «Ой, мамочка, я обкакался»? Нет, дорогие мои! Вы меня в это дело втянули, и отвечать за это будете по-взрослому. Люди, которые свой груз не получают, к вам, говорит, домой приедут, ваших жен и детей будут насиловать, пока вы с их проблемой, которую сами на себя взяли, не разберетесь. Я, говорит, хорошо знаю порядки в городе Екатеринбурге – там шутить не будут! Всем это понятно? Мы молчим – глаза в пол, чего сказать, не знаем, очень уж неожиданный оборот вышел из этого разговора. А Сергей Давидович еще выдержал паузу, оглядел нас всех в упор, и отчеканил, что ситуацию берет под свой личный контроль, докладывать теперь обо всем непосредственно ему, всем быть в офисе, он через час даст команду, кому что делать, раз мы такие бараны отупевшие и сами не можем ему предложить ничего, кроме бреда параноиков. Наташе сделал глазами знак на дверь, повернулся и вышел уверенными мощными шагами из отдела. Я всегда удивлялся, он вроде роста – то не большого, масса соответственно не грандиозная, а ходил так мощно всегда, как это у него получалось? Наташа за ним следом выскользнула и тихонько прикрыла дверь. Мы остались стоять.

Я стою и думаю про свою жену, про сына и про дочку, которой еще три года не было. Как-то так натурально я представил ситуацию, что они в заложниках у каких-то головорезов с Урала, а я ничего не могу сделать, чтоб их спасти. Такая грусть нахлынула и безнадега - чуть слезы к горлу не подступили. А мысли дальше лезут в голову: какой несправедливый и жестокий я был порой к своей семье, и как они безропотно все выносили от меня, поскольку я вроде

как кормилец. Даже сегодня толком ничего не объяснил, почему задерживаюсь, просто сказал, что буду поздно и все – конец связи. Про Маринку подумал с раздражением, недоброжелательно, вроде она чуть ли не больше меня виновата в таком моем бессовестном к семье отношении.

Все ребята, судя по выражениям на лицах, аналогичные мысли гоняли в голове - некоторое время все стояли молча, а потом один сел на стул и тихонько так говорит, мол, ему бояться нечего - у него еще нет ни жены, ни детей – типа пошутил, робко так, чуть ли не шепотом. А нас всех – как прорвало – и мы давай ухохатываться над этой его незатейливой шуточкой, смеемся, а сами ему сквозь смех отвечаем, мол, тебя тогда самого будут ночью уральские парни пользоваться, а днем будешь бегать их грузом заниматься. Ржали, мы, наверное, минут десять на разные лады, полегчало всем на сердце - вроде как в шутку свели слова директора. Сели, налили себе кофейку, бутылочку коньяка достали, кто хотел – выпили по рюмочке, бутылку спрятали, и дальше сели ждать, чего нам скажут делать, куда бежать.

А мне выпивать не захотелось. Не то, чтобы я вообще от этого дела отказывался, просто я был на машине, и подумал что незачем судьбу лишний раз испытывать, да гаишников внепланово подогреть на кровные сто долларов? Тем более – никакого нормального застолья в такой ситуации получиться не могло, так, хряпнешь тайком две-три рюмки, и ни то ни сё. А потом ходи, думай, на кого как дышать. Ладно еще Наташа унюхает, она - свой парень, не заложит, хотя и может потом в нужной ситуации этот факт «вовремя» Сергею Давидовичу преподнести. Но если попадешься самому... Наш Генеральный – он вообще не пил, никогда и ничего. И все знали, что он пьяных на дух не выносит – бывадо, что даже хорошего человека за один прецедент увольнял безжалостно и лишал последней зарплаты. Ну, а ребята вроде начали отходить от стресса, еще разлили по второй, по третьей, начальничку нашему позвонили, наябедничали про Серегины обещания. Он на том конце провода сперва приуныл, но потом храбро сказал, что не позволит никаких преступных мер к нам применить, чтобы мы, типа, не боялись. Успокоил, в общем, «отец родной». Все уже так размякли, сидят себе, гогочут, в креслах поразваливались, думают, кого бы послать в ларек за добавкой, или самим поехать куда..., тут звонок из приемной, и секретарша нам сообщает приказ – всем к шефу, на ковер. В отделе – немая сцена, хотя каждому ведь было ясно, что придется еще общаться с директором. Не зря же он велел сидеть и ждать распоряжений. Все со стульев повскакивали, давай жвачкой запах зажевывать, какие-то китайские пилюльки лопать, пытаюсь таким образом в порядок себя привести.

Зашли в кабинет, Сережа сидит, молча пишет что-то в тетради, на нас даже не смотрит. Это у него было такое дисциплинарное воздействие, чтобы люди себя почувствовали в идиотском положении - сам вроде позвал, а внимания не обращает. Мы молча в дверях замерли и стоим. Минуты две-три так парились, потом он оторвал глаза от своей тетрадки, улыбнулся нам доброй-доброй такой, ласковой, даже чуть смущенной улыбочкой и рукой предложил подсаживаться к столу переговоров. Я тогда еще не знал, что означает эта его улыбочка обезоруживающая, подумал вместе со всеми, что он, наверное, испытывает легкие угрызения совести, свойственные каждому

человеку, после излишне эмоционального поведения. Хороший, думаю все же у нас Генеральный – отходчивый. Через несколько лет, когда я долго уже с ним бок о бок работал, и приходилось мне видеть эту его, по мне так страшную, улыбочку, я понимал, что в данный момент он человека из списка вменяемых людей вычеркивает, и начинает с ним общаться..., типа как с психически больным - нежно и ласково. Такой собеседник для него уже не человек, который стоит того, чтобы силы тратить на его воспитание, а просто существо, вроде собачки, или даже скорее, растения – собачку же можно хоть как-то выдрессировать, а растение, если мешает, просто нужно срубить под корень и мимо пройти. Но, не раньше чем все свои вещи с этого растения аккуратно перенесешь в безопасное место. Хотя, если сильно мешает какой-нибудь баобаб, то можно и пожертвовать некоторыми вещичками для сохранения общей скорости продвижения вперед.

И вот сидели перед ним тогда четыре таких кустарника и влюбленно его гипнотизировали, изображая готовность предпринять любые решительные меры, какие только будут им приказаны. Он сперва нас сидя рассматривал, как бы рассеяно, то и дело отвлекаясь на книжечку свою, на компьютер, потом неторопливо поднялся из-за стола, медленно вокруг нас обошел, мы сидели ни живы ни мертвы, справедливо полагая, что его чуткий нос, кроме запаха китайских жевательных таблеток, самого по себе подозрительного, уже обнаружил, конечно, в своем кабинете и пары коньячка. А Сережа продолжал молча нас рассматривать. Напряжение в воздухе повисло такое, что просто шею набок выворачивало. Тут кто-то из ребят, не будь дурак, решил частично признаться в содеянном, и говорит: «Мы в кофе по ложке коньяку капнули для бодрости...Зная, твое, Сергей отношение к спиртному, смеем заверить, что никакого пьянства не допускали и в помине – просто так, для вкуса в кофе...» Несколько раз он в гробовой тишине повторил эту простую отмазку, все менее и менее уверенно выговаривая слова, и снова наступила тишина.

Тут я подумал, чего это мне пропадать по общей лавочке и сурово так произнес, глядя в стол переговоров: «Я лично ничего никуда не капал». Ясное дело, не очень красивым этот жест получился. Чуть только слова мои закончились, как зыркнули на меня коллеги, такими взглядами красноречивыми, что я, наверное, должен был сквозь землю провалиться, а меня, наоборот, такая злость пробрала в ту минуту! Я ни от кого взгляда тогда не отвел, а вместо этого прямо смотрел на всех. Хотелось ругаться с ними! Орать на них, что нечего так на меня пялиться, что я им ничем не обязан и знаю их без году неделю. С какой стати я вообще должен эту чашу высочайшего гнева на себя принимать? Тем более, что к наполнению этой символической емкости, я ни малейшего отношения не имел, если не считать того факта, что последние четыре часа сидел на телефоне вместо секретарши, пока они там строили разные ахинейские планы.

Сережа еще раз тепло улыбнулся, и сказал: «Ладно, ребята, вы, я вижу устали сегодня, езжайте домой, отдохните - утро вечера мудренее». Мы встали, послушно двинулись к выходу, а он еще одну фразу добавил,

которой, я очень ждал от него, честно говоря: «Корабленко, задержись на пару минут».

Дверь за моими бывшими приятелями закрылась, я сел обратно на свое место, а Сережа давай ходить передо мной вправо-влево по кабинету, покусывая губы и машинально прыщик на скуле расковыривая. Я на него смотрю преданно и внимательно, как говорится, ем глазами - голову вслед за его движениями четко поворачиваю с такой же скоростью, вправо-влево, вправо-влево. У меня вестибулярный аппарат, прямо скажем, не блестящий, я вообще не люблю башкой сильно крутить – она у меня сразу кружиться начинает. Слава Богу, он недолго так мотался, встал напротив меня и говорит: «Решение такое: ты – Корабленко Василий, сейчас выдвигаешься в направлении дислокации наших крутых таможенников, в течение этой ночи получаешь от них подробные инструкции по вопросу о том, что есть растаможка, и как она осуществляется. Они тебя уже ждут. Это первое. Второе – сейчас оставишь паспорт моей секретарше, она купит тебе билет до Иркутска на самый ранний утренний рейс. Третье, и самое главное – завтра утром ты вылетаешь в Иркутск, в самолете поспишь, чтобы восстановить работоспособность, и там, ты договоришься с Иркутской таможней о транзитной растаможке нашего борта, как минимум одного, но лучше на постоянной основе. Вопросы есть?» Чего тут скажешь: конечно, только одно: «Вопросов нет!»

Нет так нет, Сергей Давидович ничего по сути не добавил, только сказал коротко и негромко: «Давай, Вася..., выручай!», и хлопнул меня по плечу. Я кивнул, повернулся кругом и вышел из его кабинета в приемную. На душе у меня фанфары и литавры играли героический марш победы, хотя я еще и представления не имел, что мне предстояло в ближайшие три дня осуществить. Гляжу, в приемной Наташа Богданова сидит, меня ждет, а выражение лица у нее – то ли просто усталое, то ли сострадательное. Прямотаки жалостливое выражение лица. «Ты полетишь?» - спрашивает, я гордо так, киваю головой, мол, а кто же еще? Она поднялась с гостевого диванчика, оглядела меня с ног до головы, и сказала с глубоким и печальным вздохом: «Пойдем, Корабленко, повезу тебя на инструктаж в таможенный отдел». И мы тронулись в путь, я только оставил секретарше паспорт и захватил в отделе свою записную книжечку. Наташа шла впереди, я сзади, и такое у меня было хорошее настроение, что я даже обратил внимание на ее очаровательные женские округлости. Обратил внимание и удивился, почему же я раньше ее как женщину не воспринимал? Маринка у меня была довольно подтянутая, если не сказать, что худая, а Наташа - совсем наоборот, очень даже соблазнительно выглядела именно своими выпуклостями - попа такая увесистая, чувствуется, что не мальчишка-подросток перед тобой. По мне, так – женщина мечта! Ножки не худенькие, но аккуратненькие, туфельки лакированные – симпатичные, а под юбкой, страшно подумать – так явственно проступали очертания той самой женской части туалета, которая, на меня лично всегда действует просто как спусковой крючок. И это все в такт ее энергичной поступи влево-вправо, влево-вправо, и еще, почти незаметно, вверх-вниз, и от этого упруго подрагивает так на ходу. Я на всякий случай переместил глаза на офисный интерьер, поскольку всегда к Наташе очень уважительно относился - она была моя начальница, и

умела, если надо, взять такую ноту в разговоре, что было уже не до кобеляжа. Я шел, изо всех сил стараясь смотреть мимо, а взгляд просто сам возвращался обратно. Продолжая эту неравную борьбу, я думал с ней поравняться от греха подальше, но коридор узковатый у нас был узковатый, и она еще шла прямо посередине, с какой стороны ни подойди, все равно получится, будто я вроде как толкаюсь. А зачем мне толкаться со своей начальницей? Буквально ничего не оставалось делать, как топтать сзади и пялиться не нее беззастенчиво, слава Богу в агентстве уже никого не было. А она, по-моему, этот мой взгляд как-то почувствовала, не знаю уж каким местом... потому что, когда мы уже на улицу вышли, обернулась она ко мне с таким лицом, немного что ли подзадоривающим, или просто что-то смешное ей в голову пришло, откуда мне знать. Я на всякий случай глазки опустил, улыбочку сделал на лице постыдную, и у нее вслед за мной лицо постепенно приняло обычное нейтрально-офисное выражение.

Инструктаж

- Ты, что ли Корабленко?
- Я...
- Тетрадка есть у тебя?
- Да.
- Садись вот здесь за стол, разгребь там все это дерьмо, место себе очисти и приготовься записывать.

Дело происходило в ангаре, который на первый взгляд казался заброшенным и полуразвалившимся, но это и был наш склад временного хранения, где круглосуточно работал таможенный отдел, и где денно и ночью растамаживались для туристов их баульчики. Весь ангар был завален мешками с товаром, по нему сонно слонялись здоровенные грузчики с телегами, у одного из выходов грузили мешками Камаз, несколько свободных грузовых машин стояли, ожидая погрузки, периметр склада охраняли зверского вида ОМОНовцы с автоматами, нас с Наташей пропустили только после тщательного выяснения обстоятельств и цели нашего прибытия. Нас встретил на улице один из крутых, жестом показал мне, где поставить машину, чтобы не мешала работе, и провел в небольшую каморку, выгороженную в углу этого охраняемого сарая. Каморка – с виду маленькая и захлавленная, выполнена была из толстенных металлических листов под самый потолок, как будка инкассаторов, и дверь в этот бункер тоже была железная, и с глазком. Для полного впечатления бандитского вертепа в данном живописном месте не хватало только разбросанного кругом оружия и пыточных приспособлений. Честно скажу, ничего такого я не заметил. Зато оргтехник этой кельи была наспигована под

завязку – несколько компьютеров, сканер, цветные принтеры, уничтожители бумаг. За всем этим электронным изобилием работали тихие худенькие ребята в очечках, по виду похожие на ботаников. Мне дали стул и показали, где расположиться на углу стола, Наташу тактично выставили, предложив, что после небольшой экскурсии по складу, водитель отвезет ее домой.

- Готов записывать, Корабленко?

- Готов.

- Значит, слушай. Прежде всего, тебе нужно хоть как-то освоить терминологию, иначе, сразу будет ясно, что ты лох и разговаривать с тобой никто не будет вообще. Это понятно?

- Понятно.

- Теперь записывай: «Грузовая Таможенная Декларация, в скобках ставь ГТД - это документ, который заполняется на специальном бланке лицензированным декларантом, куда в соответствующие графы заносится вся информация о грузе, перемещающемся через Таможенную Границу Российской Федерации. Так, что такое Таможенная Граница, ты понимаешь? Нет, ну ты повари мозгами! Обычная граница – она там, где территория государства кончается, а таможенная, там, где груз проходит таможенную очистку, то есть растаможку. Теперь понял? Обычная граница у нас с Китаем – сам знаешь где, а таможенная – вот на этом складе. Ты все подробно записывай, Корабленко, потом будешь учить, а после я тебя буду спрашивать. Дальше пошли. ТНВЭД – Товарная Номенклатура Внешнеэкономической деятельности....»

Я сидел и стойко записывал все эти мудреные слова и их значения, хотя конечно, мне очень хотелось просто брыкнуться на кровать и заснуть вместо всего этого маскарада. Глаза ежесекундно слипались, но я зверски щипал себя за ногу, чтобы крутым не показалось, что я слабак в плане сна. Часика полтора я записывал, потом стал упорно спрашивать о том, что мне было непонятно, чем сам немного взбодрился, но рассердил крутых, думавших уже от меня отвяжаться. Зато постепенно у меня в голове начала складываться структура этого загадочного и таинственного процесса, который как оказалось, никакой особой сложности не представлял. Терминология была, конечно, заковыристой, мне приходилось постоянно заглядывать в тетрадку, чтобы правильно произносить нужные слова. А, по сути, все было просто, как яйцо. Под конец всех своих наставлений крутые дали мне несколько телефонов в Иркутске, где их знали и должны были помочь, если я от них представлюсь. Один из ботаников протянул мне папку, которую они по ходу моего обучения состряпали, сообщив, что там учредительные документы екатеринбургской фирмы-получателя с печатью, три «расписанных борта», типа ИЛ-62М, укомплектованных сертификатами происхождения товара и ростестовскими сертификатами качества. Декларации уже готовы, расписаны на платеж по двадцать центов за килограмм, осталось только вбить наименование местного

декларанта, шлепнуть его печать, и можно подавать в таможенные органы, конечно, заручившись предварительной договоренностью по поводу гарантированного отсутствия фактического досмотра.

Время было под утро, секретарша Генерального, которая тоже, судя по всему, домой не уезжала, телефонировала на склад, что мой вылет из Домодедова в восемь тридцать утра, билеты, паспорт и деньги на командировку ждут меня на вылете. Оставалось целых два часа, я решил сгонять домой - переодеться, взять дорожную сумку, и сообщить семейству, что лечу. Времени было в обрез, и я помчался.

Дети и жена еще спали. Я тихонько прокрался, чтобы их не разбудить, но Марина услышала мои перемещения, поднялась и молча, не подходя ко мне, замерла в дверном проходе. Я хорошо понимал какие у нее были основания для плохого настроения, основания были, по сути, справедливые - за всю ночь я ей не позвонил и, вероятнее всего, она легла спать только под утро. А когда мне было ей звонить? По дороге на склад у Наташи просить её дорожный мобильный? Совсем не хотелось. А в притоне у крутых вообще язык не поворачивался чего бы то ни было просить. Я там даже не стал спрашивать, где у них туалет – до самого дому терпел. С другой стороны, жена здесь не виновата. Она и представить себе не может ситуации, когда невозможно сделать один короткий звонок домой, и все это относит на мое к ней хамское отношение.

Так что вместо того, чтобы как-то приласкаться к ней или пошутить, чем то загладить вину, я сделал озабоченное, почти злобное лицо и начал энергично шарить по ящикам, демонстрируя, что мне очень некогда, и дело мое такое серьезное, что совершенно неуместно меня расспрашивать, а все её обиды не стоят и ломаного гроша в сравнении с огромной важностью моей миссии.

Сначала я думал нарядиться в костюм и в галстук. У меня вообще-то был один неплохой темно-синий костюм с отливом. Давно хотелось показаться в нем на публике, я даже напялил его на себя перед зеркалом, но потом решил, что пижонить еще преждевременно, и выбрал привычную со времен моего групповодства, скромненькую походную одежду – джинсы и курточку. Хотя курточка теперь было у меня, конечно побогаче, чем в прежние времена – кожаная, на меху, с модным воротником, пошитая в Индии с формы американских военных летчиков и имевшая спереди металлический значок с крылышками. Такая одежда и привычнее, и привлекает меньше внимания к персоне ее обладателя. Ведь денежки на всю операцию мне пришлось, по старой памяти, опять распихивать в разные потаенные места.

Утро у Наташи Богдановой началось с того, что она вызвала к себе девочку, занимавшуюся Индией и навела обстоятельные справки про персону Василия Корабленко, вчера ночью отправленного вопреки ее мнению в Иркутск на совершенно безнадежное дело. Удалось узнать о нем кое-что новое. Оказывается, этот Корабленко проявил себя в Дели субъектом начисто лишенным моральных устоев. По информации, полученной из достоверных туристических источников, он навязчиво и бесцеремонно предлагал интимные отношения чуть ли не всем прилетающим туристкам, туманно обещая какие-то особенные льготы за сожителство с ним. Из тех же источников стало известно, что он имел компанию приятелей среди местных аборигенов, с которыми почти каждый вечер устраивал попойки и чуть ли не оргии, перенес одно или несколько венерических заболеваний, а к туристам иногда относился высокомерно и недоброжелательно. В частности, грубо отказался помогать двум нашим постоянным клиенткам и их дальнему родственнику Трогловскому Петру Аркадьевичу, попавшим в конфликтную ситуацию с местными властями из-за похищения вороватыми индусами крупной суммы денег у вышеозначенных туристок. Так вот Корабленко в этой ситуации не только не помог своим туристам, но еще и предпринимал попытки вымогать деньги с бедных обворованных тетенок, якобы за «решение вопроса», в чем ему было категорически отказано, а вопрос решили сами женщины, обратившись в российское посольство, которого индусы испугались, как черт ладана.

Еще вчера Наташе было жалко этого Корабленко, казавшегося ей немного угловатым, но в целом, симпатичном парнем, она даже просила Сережу его не увольнять после неминуемого провала миссии с транзитной растаможкой Екатеринбургского борта, а отдать обратно ей, пусть летал бы себе групповодом, или можно было еще куда-нибудь его пристроить. Но теперь, после всех этих историй, она испытывала злорадное и торжественное облегчение от жесткого решения Генерального, и ещё ужас от мысли, что этот испорченный юноша вчера еще позволил себе пялиться на ее попу, а ей это было чем-то даже и приятно, она даже готова была перейти с ним к более доверительным отношениям, чем это положено с подчиненным – Бог уберег. Никогда не скажешь по внешности, что у человека в голове! Надо же, у него жена, дети в Москве, а он вместо того, чтобы как следует работать, там, где ему платят хорошую зарплату, тратит время на омерзительный разврат с грязными и бессовестными женщинами, которых и женщинами-то назвать можно с большой натяжкой! Надо было его сразу увольнять еще тогда, когда на первом рейсе он заставил всю группу ждать в аэропорту, пока его величество по рынку нагуляется. И ведь пожалели, выслушали, что-то он наплел, уже и не вспомнишь. Хотя летал, он, надо сказать, не плохо, и в Индию рейсы при нем лучше набирались, чем сейчас, но это от представителя вряд ли зависит, просто конъюнктура рынка постоянно меняется.

Рейс до Иркутска всегда под завязку набит пассажирами, но я, буквально выполняя наставления Генерального, прекрасно выпался. Тем более, место мне дали по благу удобное, в первом ряду с широким проходом, возле окна. Хотя сон этот, надо понимать был все равно вполглаза. Часть меня караулила казенные денежки и мое личное имущество, другая часть представляла, о чем и с кем я там, в Иркутске, буду договариваться, а третья - спала по остаточному принципу.

Приятно было вновь почувствовать себя на свободе. Только проснувшись в самолете, я понял, как зачах и протух за какие-то три с небольшим месяца в офисной работы. Моя душа рвалась на простор оперативной деятельности и ликовала теперь оттого, что я снова куда-то лечу. Она, наивная, конечно и не подозревала, что отправили меня в эту безнадежную по всем прогнозам командировку без шансов на успех, вроде как в любом случае придется человека увольнять, пусть слетает напоследок, еще раз облажается. Наташа была против, она убеждала Сергея Давидовича, что должен лететь кто-то из крутых – тогда хоть какой-то шанс будет, а меня просила ей отдать обратно в групповоды или в представители. Но Генеральный занял категорическую позицию по этому вопросу, сказав, что весь наш отдел он расформирует как деградировавший и разложившийся, и по поводу каждого, кроме меня, у него полная ясность, а вот я ему еще не совсем понятен. Я даже «вызвал у него некоторую иррациональную симпатию своей глупой непосредственностью». Еще он сказал Наташе, что «наблюдал у этого Корабленко некоторую долю отчаянной решительности. У людей такого свойства иногда получают абсолютно невозможные вещи. Если твой из этой породы – он у нас еще поработает, а если нет то вслед за всеми, и никакого повторного трудоустройства».

Общая ситуация осложнялась для Сергея тем, что крутые, как я узнал потом, в один голос отказались лететь на такое беспонтовое дело, демонстрируя, так сказать, неповиновение в мягкой форме. Сережа совершенно обоснованно считал это проявлением деморализации и потерей у людей жизненных ориентиров, но разгонять сразу два отдела в предприятии было невозможно: слишком много его ценностей висело на этом втором - таможенном баобабе. Хотя, по большому счету, судьба крутых именно тогда была уже решена. Не знаю, какой между ними состоялся разговор, но хорошо представляю себе Сережину лучезарную, нежную и чуть виноватую улыбку, которая наверняка согрела тогда очерстевшие души крутых, возможно, даже пробудила в ком-то из этих троглодитов забытую сентиментальность.

Так что, хотя я и чувствовал себя на острие удара и переполнялся намерением единолично спасти всех и вся, мое направление руководством рассматривалось как малоперспективное и ставок на меня не делалось. Главные события и главные силы были тогда сосредоточены в Екатеринбурге, куда сам Генеральный, по слухам, собирался со дня на день вылетать, заручившись поддержкой влиятельных лиц, и где костыми ложился мой новый, нет уже старый начальник Андрюха – единственный человек из

нашего отдела кроме меня, по отношению к которому у Сережи тоже еще не было полной ясности. Меня оперативно переподчинили Наташе Богдановой, которая, вероятно, по причине загруженности, очень неохотно со мной разговаривала. На несколько дней все забыли о моем существовании, как полководец забывает о существовании небольшого подразделения, посланного на верную гибель, без всяких шансов вернуться и даже снятого уже со всех видов довольствия.

Должен признаться, что в Иркутске я разворачивался непозволительно долго. Зачем-то заселился в местную гостиницу, потерял время на выслушивание наших тамошних представителей, еще с чем-то прокопался, и только к обеду дозвонился по телефонам, которые мне дали в Москве и запланировал несколько встреч. Часть телефонных номеров принадлежала разным людям в одних и тех же организациях, так что в итоге список моих визитов сократился до двух точек. Только две фирмы в этом городе вообще имели реальное отношение к растаможиванию груза. Попытка познакомиться с кем-то из непосредственных таможенных начальников потерпела полный крах, так как иркутяне не настолько уважали нашу организацию, чтобы знакомить меня напрямую с таможенниками. Речь шла только о работе через посредников. Демонстрируя хамскую незаинтересованность в сотрудничестве, они выдавали мне издевательски запредельные цены - около двух долларов за килограмм, хотя со своих туристов брали, как и мы, по полтора. Но мало того, что нам предлагалась цена выше розничной, они еще очень сомневались по поводу транзита. У иркутских компаний таможенная очистка рейса занимала по несколько суток и зачастую, как и у нас, сопровождалась срывами и форс-мажорами. Предварительно мне это было сообщено по телефону, а в подробностях я узнал то же самое при встрече с их первыми лицами, которые, надо сказать, произвели не меня куда менее яркое впечатление, чем наш Сергей Давидович. Единственное, в чем я собой был доволен, так это что не дал запудрить себе мозги расплывчатыми формулировками, типа: «Прилетайте, постараемся помочь» или «Можем попробовать, без гарантий, но вы не беспокойтесь, у нас всегда все получается...». Эти ничего не значащие вербальные конструкции мои оппоненты из всех сил пытались закамouflировать болтовней об общих вопросах авиационной отрасли, о своей значительности и добром к нам расположении, несмотря на дурной, по их словам, характер «моего Песочникова», который, оказывается, их всех хоть чем-то в своей жизни, да обидел. Похоже, они абсолютно не собирались принимать участие в наших неприятностях, и разговаривали со мной только из-за желания поподробнее

узнать о происшедшем из первых рук, с тем, чтобы потом банально позлорадствовать.

Временами ученые слова иркутян совершенно выходили за рамки моего понимания, тогда я доставал свою ГТД с расписанным бортом, мысленно благодарил умного ботаника, и конкретно спрашивал: «Эту именно ГТД сможете выпустить без досмотра в транзитном режиме, со всеми вашими гарантиями, или нет?» В обоих местах при таком прямом вопросе в кабинет к начальству вызывались специалисты, дававшие уклончивое заключение, которое я интерпретировал, как отказ, и правильно делал. На меня смотрели с уважением, никто, кстати не заподозрил меня в дилетантизме, я беседовал квалифицированно, по крайней мере, так мне казалось по реакции собеседников. К концу дня в моем активе имелась полная ясность, что в Иркутске нас транзитом не растаможат ни при каких обстоятельствах. Ясность - это всегда хорошо, но в результате, моя миссия по спасению нашей региональной программы, денег предприятия и своей карьеры оказывалась невыполненной.

Когда суматоха рабочего дня спала, я подвел итог информации из всех источников, сделал неизбежные выводы и, честно говоря, закрутил. О том, что делать дальше, я не имел ни малейшего понятия. В таких растерянных чувствах я принялся звонить в Москву, дабы отчитаться о своем отрицательном результате и получить дальнейшие инструкции. Время было уже позднее, в офисе, кроме диспетчеров, никого не было. Диспетчера – это специальные люди, сидящие круглосуточно в своей диспетчерской на телефонах, СИТах, АФТНах и прочих современных средствах связи. Ночами они, игнорируя высочайший запрет, играют в компьютерные стрелялки, добиваясь потрясающих успехов, а днем отвечают всем, кому положено, на вопросы относительно передвижения наших воздушных судов, а также о готовности бортов к вылету. Кроме того, они всегда бывают в курсе самых важных офисных новостей и сплетен. У меня с ребятами из диспетчерской традиционно были хорошие отношения. Все время, пока я работал групповодом, а тем более представителем, мы с ними общались по телефону, знали друг друга по именам, выполняли мелкие взаимные поручения типа прислать из Индии пару ящичков фруктов, а из Москвы – черного хлебушка, свежих газет и журнальчиков. Если с диспетчерами дружить, они ничего не забывают, все вовремя всем передают, а иногда даже помогают бесценным советом. Так случилось у меня и в тот день, когда я, уныло сидя в задрюпанной иркутской гостинице, пытался через диспетчеров связаться с Наташей Богдановой. Наташи нигде не было, диспетчера обещали ее поискать и сообщить мой иркутский телефон, заодно я по-дружески рассказал им о своих мытарствах. Они посочувствовали и, подумав немного, сказали, что рейс из Китая, кроме Иркутска, можно посадить еще, например в Барнауле. Как то между делом у нас в разговоре возникла мысль, что мне можно успеть слетать и в Барнаул, если в Иркутске ничего не получилось, а потом еще в Читу, в Абакан, в Улан-Удэ. По словам ребят из диспетчерской, выходило, что Барнаульский аэропорт тоже международный, и там должна быть таможенная служба. Мне эта мысль понравилась больше, чем перспектива томиться в иркутской гостинице, и, когда Наташа мне перезвонила, я уже знал,

что из Иркутска в Барнаул два раза в сутки летает маленький самолетик – Ан-24 и очередной вылет где-то через пару часов. Спокойно выслушав мои невеселые реляции, Наташа рассудительно, хотя как-то холодно, без оптимизма согласилась с тем, что раз в Иркутске все уже понятно, можно слетать и в Барнаул. Вообще, ее голос по телефону, стал каким-то сухим, если не сказать раздраженным. Наташин тон обескураживал, я понять не мог в чем дело, и относил такую перемену к тому, что ей неудобно разговаривать, или Серега ее только что вздрючил, да и вообще, мало ли почему у женщины голос может быть по телефону недоброжелательным. Мне хотелось приехать и самому посмотреть ей в глаза, казалось, это все может изменить. Я уже не чувствовал себя просто ее подчиненным, она была для меня реальной, но пока недоступной женщиной, проявившей ко мне легкую симпатию. Так или иначе, получив добро, я подхватил свои вещички и понесся в кассу аэропорта покупать билет, а диспетчера начали созваниваться с аэропортом «Барнаул», чтобы предварительно прозондировать вопрос насчет взлет-посадки, наличия-отсутствия топлива, и сообщить, что полномочный представитель нашей компании (имелся в виду я) вскорости к ним прибудет для проведения переговоров.

Ан-24 – крошечный самолетик, в который пассажиры входят по маленькой лестнице из-под хвоста. В каждом ряду всего по три узеньких креслица. Я до этого думал, что самые узкие кресла в ТУ-154, нет – самые узкие из известных мне кресел именно в Ан-24, и подлокотники у них не поднимаются. А пассажиры летят все здоровые, крупные – одно слово Сибирь – Матушка. Но, в тесноте, да не в обиде. Правда, для меня тогда хоть какой-то комфорт перелета был очень важным, необходимо было пару часиков поспать в самолете. У меня начинались третьи сутки без нормального сна, если не считать дороги из Москвы в Иркутск. Но с ног я не валился, более того, чувствовал такое внутреннее возбуждение, что желания сна и не было почти, дай мне кровать, я, возможно, и не уснул бы. Немного тянула подорванная желтухой печенька, и в голове время от времени появлялась какая то стеклянная легкость, из-за которой мир начинал казаться не совсем настоящим, а мысли делались вязкими, медленными и иногда обрывались не середине. Мне это ощущение не нравилось, я, чтобы не ошибиться, на всякий случай все делал немного медленнее, чем обычно. Даже говорить я старался медленнее, но это было и лучше для окружающих, поскольку обычно я тараторю. Тревог и беспокойства по поводу предстоящих разговоров в Барнауле не было совершенно. Я настолько был рад, что в Иркутске не опозорился, а, хотя бы смог все толком объяснить и правильно понять встречную позицию, такая плита свалилась у меня с плеч, когда стало ясно, что и я могу разговаривать на этом их птичьем языке, что по дороге в Барнаул мне было уверенно и хорошо.

Тем временем в славном городе Екатеринбурге вопрос не решался никак. Милицейский начальник, вернувшийся со своих героических будней, обещал замордовать аэропортовскую «живопырку», если они не отпустят самолет. Он грозился вообще закрыть аэропорт, в котором, по его словам, «бандит на бандите сидит и бандитом же погоняет», но даже, если бы это не было просто болтовней, то все равно для Сергея совершенно не являлось решением вопроса. Главное, и самое плохое, что вырисовывалось в общем контексте ситуации - у полковника не было хороших и доверительных в местечковом понимании этого слова, отношений с таможней. А раз не было хороших, значит, методом исключения, получается – были плохие, поскольку предположить наличие отношений совершенно нейтральных в тесном кругу больших городских начальников было маловероятно. По общему контексту ситуация была похожа на давнюю вражду между городскими кланами, когда обе приблизительно равные по силам стороны ненавидят одна другую на расстоянии, не упуская возможности сделать пакость врагу, и выжидая момент для кардинального наступления. Такие конфликты в российской глубинке, обычно, имеют глубоко эшелонированную, разветвленную предысторию, часто завязанную на личных, экономических и идейных противоречиях одновременно. Они тянутся десятилетиями, передаваясь от одного поколения к другому, как хорошая итальянская вендетта. Мы, похоже, попали между жерновами как раз таких шекспировских страстей. Разрешить конфликт, примирить стороны ради нашего паршивого самолета, а также ради двух, трех или десяти самолетов – затея бесперспективная, заставить сделать по-своему, нажимая на силовые рычаги, еще и опасно, поскольку, каждый период взаимной проверки таких кланов на прочность неизбежно кончается чьей-то гибелью, как закономерным итогом угрюмо-нелогичного и совершенно твердокаменного русского упрямства.

Милицейский начальник - Михалыч, будучи одним из авторитетов консервативного, старорежимного лагеря, бодро обещал нам помощь, поскольку, в обычной для себя манере, не разобрался в ситуации. Сыграли свою роль двусмысленные приглаженные фразы и не совсем однозначные определения. Он, оказывается, считал, что мы и нарушать то в своей работе практически ничего не собираемся, и думал, что ему придется предотвращать обычный бандитский наезд на честных предпринимателей (где он, интересно, таких видел в своей милицейской жизни?), к чему и подготовился, рассчитывая, на нас, как на приманку, поймать и посадить на скамью подсудимых кого-нибудь из ненавидимых им членов клана перестроечных выскочек, этих бывших губастых комсомольцев с фальшиво горящими глазами, превратившихся теперь в современных демократичных негодяев и бандитов, не уважающих прежние табели о рангах, заслуги перед отечеством и звездочки на погонах.

А тут – все наоборот, таможенники, эти хитрые прибалтненные крысы из новоиспеченных, завели дело о нарушении таможенных правил, все законно, официально, етить их! Выходит, начали действовать против Михалыча его же собственными ментовскими методами! Во, как жизнь поворачивается, не успеваешь оглянуться и вздохнуть от праведных трудов, как враги подбираются к самому горлу. Ведь в свое время, когда решался вопрос о назначениях в эту таможню, кто мог знать, что так все повернется и такую важность приобретет эта никому не нужная, ничего не приносящая кроме лишних хлопот и головомоек, организация? Кабы знать, что введут эти таможенные пошлины для челноков, и там такие деньжищи будут ворочаться, так можно было бы и сына туда пропихнуть, парень как раз юридический окончил, и четвертый год в прокуратуре портки протирает. Не догадались, недосмотрели, а свято место пусто не бывает, поставили черт знает кого, случайным образом, наскоро, и вот тебе результат!

Ничем не мог нам Михалыч помочь, хотя и звонил по разным телефонам, ругался, высылал какие-то наряды на какие-то дороги, но все впустую. Наш груз держали на складе конфискантов, таможенные инспекторы вели себя вежливо, корректно, но совершенно формально, не давая никаких надежд на установление рабочего контакта. Мой бывший начальник Андрюха, метался между Михалычем, таможней и аэропортовской «живопырккой», пытаюсь как-то договориться, но контакта не получалось. Ему только намекнули, позвонив по домашнему телефону жене, что , если Михалыч пойдет на беспредел, то спрос будет в первую очередь с него – с Андрюхи. Назначили, так сказать, очередь. Еще ему сказали, что разговаривать будут только с первым лицом, и только если это первое лицо соизволит приехать к ним в гости – в славный город Екатеринбург. Тогда вопрос можно будет решить, но нужно поторапливаться, поскольку все глупые действия Михалыча, только загоняют ситуацию вглубь и делают ее благоприятное разрешение все менее и менее вероятным.

Моя работа в Барнауле продолжалась третий день. Начал я ее сразу по прилете, тактично постучавшись в диспетчерскую, и обнаружив там, сидевшего среди теток-диспетчеров сменного начальника аэропорта. Им оказался небольшой коренастый мужичок с усиками, который, мгновенно уразумев, чего мне надо, явно обрадовался, сказал, что ему уже звонили из Москвы и все предварительно объяснили, что он меня ждет, готов предоставить все расценки, топливо в аэропорту имеется, полоса позволяет, в общем, можно поработать за наличный расчет. Я вслед за ним выразил готовность к взаимодействию и свою заинтересованность, но обозначил дополнительную

проблему в виде транзитной растаможки наших самолетов. Дяденька на ходу огорчился, развел руками, и ответил, что никаких рычагов давления на таможеню он не имеет, может только меня самого с этим, новым для них наказанием познакомить, а там – как получится. Я, сдерживая ликование, ответил, что ничего лучшего не могу себе и представить. Действительно, возможность пообщаться с сотрудниками таможи напрямую уже была удачей, которая в Иркутске мне так и не выпала. Оставив свою походную сумку и сбросив курточку в гостеприимной диспетчерской, я, вслед за первым моим Барнаульским доброжелателем, двинулся по зданию аэровокзала. Голова моя была свежей и спокойной, но тело слегка била дрожь, то ли от недосыпа, то ли от внутреннего напряжения. Меня серьезно беспокоило это обстоятельство, я боялся, что кто-нибудь заметит этот дурацкий тремор и отнесет на счет проблем с зеленым змием или чем-то еще похуже. Поэтому, по ходу движения, я старался максимально расслабиться, делая несколько странные для окружающих движения плечами, глубоко вдыхал и выдыхал, старательно закрывая глаза. Хорошо, что я шел вторым, и мои гримасы могли наблюдать только редкие, попадавшиеся нам навстречу пассажиры, которые, вероятно, думали, что странно себя ведущего молодого человека ведут изолировать от общества.

Пройдя через весь аэропорт, мы остановились перед маленькой деревянной дверью без вывески. Я затрепетал, моя голова мгновенно сделалась стерильно чистой от мыслей, с ужасом я обнаружил отсутствие заветной папки с «расписанным» бортом, которая везде придавала мне уверенности, а в настоящий момент лежала вместе с моими вещами в диспетчерской. Наверное, если бы мне представилась такая возможность, я бы просто убежал, как маленький мальчик от кабинета зубного врача, но такой возможности, к счастью, не было, события начали развиваться сами собой, я принимал в них лишь некоторое участие.

Войдя вслед за моим рекомендателем, я скромненько остановился в уголке и, глядя на здорового парня, сидевшего на диванчике и отложившего при нашем появлении книжку, слушал, как сменный начальник меня представляет. Я, оказывается, был представителем крупной авиакомпании, которая собиралась заключить с аэропортом очень выгодный и долгосрочный контракт, если только удастся найти взаимопонимание с таможей. Сам бы я не решился так врать, поэтому был благодарен моему новому знакомому. Особенно приятно было видеть, что кто-то из почтенных людей на моей стороне, кто-то искренне желает помочь без всякой прямой корысти и подкупа. И категория вопроса, который через несколько минут мне предстояло озвучить, както постепенно перетекла в моей голове из подстрекательства к жульничеству, за которое можно в приличном обществе и по физиономии схлопотать, в обычное вполне порядочное коммерческое предложение, что несколько успокоило мою до предела растревоженную нервную систему. Парень на диване дружелюбно осклабился, привстал и пригласил меня присаживаться в кресло, в то время как тактичный сменный начальник уже засобирался откланиваться, выражая еще раз надежду, что мы сумеем найти в общем деле консенсус. Усевшись в кресло, я оглядел комнатку. Под этим новым ракурсом она

показалась мне вполне уютной, наверное, из-за ковра на полу и аппетитной тумбочки с чайником, чашками и разными печеньками, уместно приставленной к шкафчику с бумагами. Я заметил, что парень, сидевший напротив меня тоже прилично нервничает – он беспрерывно сворачивал в трубочку, потом разворачивал и тербил своими огромными ручищами ту самую книжку, которую только что читал; пока я собирался с мыслями он трижды предложил мне чаю, каждый раз извиняясь, что кофе у них нет, и в конце второй минуты сказал, чтобы я тут посидел, а он сходит и позовет своих начальников, которым, наверное, тоже будет небезынтересно со мной побеседовать. Ожидание длилось минут двадцать. За это время я выпил две чашки чаю и немного освоился в их комнате, судя по всему служившей для отдыха личного состава во время трудовой вахты. Время тянулось довольно медленно, понемногу стало проходить напряжение, и я начал неумолимо засыпать. Сознание сладко-сладко уплывало, несколько раз я с ужасом ловил себя на мысли, что мне уже снится какой-то сон, и у меня нет сил с этим бороться. Мне снилось, что я на войне, в каком-то лесу, и меня окружают фашисты, негромко, как-то даже вкрадчиво переговаривающиеся на своем противном немецком языке. Но при этом не было ощущения реальной опасности, казалось, что они меня не убьют, а наоборот, могут спасти, что ли... Фашисты были уже совсем рядом, их голоса над самым моим ухом... я открыл глаза и увидел своего таможенника и еще двоих – мужчину и женщину, тактично стоявших возле двери, и тихонько, чтобы меня не разбудить, говоривших между собой по-немецки.

- Петровна, ну, как ты тут дежуришь-та?
- Жду вот, пока сменщица меня домой отпустит, а ее все нет, уже полчаса как!
- Вот ты барышня! Могла бы и не заметить, подумаешь полчаса. Между прочим, для тебе же, милая, искала подарочек к Новому году.
- И что ж, нашла?
- Как не найти, нашла, хотя и не сразу.
- И что ж ты там прикупила?
- А это будешь знать в Новый год, у нас с тобой чья смена в Новый год-то?
- Я и не считала.
- Ну, и не будем упреждать.
- Что здесь у нас новенького?
- Да все по старенькому, куда уж нам с тобой двум старым кикиморам новенького.
- Очень уж ты строга, матушка.
- Брючки вот я погладила мальчонке из двенадцатого, он спит, поди, будить не хочу пока. Вчера заселился, еле живой. Из Москвы

командировочный. Длинный, худющий, скулы как у шкелета обтянутые, под глазами – две черные ямины, и ноги, у него коленками назад выгибаются, прям страшно, что переломятся! Чудной. Под утро поселился, часа три поспал, снова на рысях – в город, недавно вернулся – будто на нем бесы пахали: ноги еле волочит, теперь опять спит, наверное. Просил вот брюки ему погладить к утру, я погладила. Ты отдай, когда проснется. Вежливый такой мальчонка, знаешь, предупредительный... Как твой Федя в молодости. Говорит мне, знаешь как? «Будьте так любезны, погладьте мне брюки, пожалуйста, а то неловко назавтра в мятых выходить». Мне, знаешь, как-то захотелось с ним по-французски..., показалось, что он поймет... Нелегко ему, наверное, среди теперешних мордovorотов-то?

- Легко не легко, наверное, не хуже, чем другим. А когда, Катюша моя дорогая, приличным людям легко-то было? Нам что ли с тобой было легко, когда мы попали сюда девчонками? До сих пор русский язык коверкаем, чтобы за сильно образованных не приняли!

- Видно, это наказание за грехи наши, Машенька. Я об одном Бога прошу, чтобы мы сию чашу сами всю до дна выпили, и хоть внучки наши пожили бы по-человечески.

- Дай-то бог, Екатерина Петровна, святая вы моя женщина.

Все было отлично, но, боясь сглазить, я не звонил в Москву пока окончательно не определился. И вот, наконец, сидя на переговорном пункте в кабинке с поломанной и незакрывающейся дверью, я поглядывал по сторонам, чтобы меня часом не подслушивали, набирал один офисный телефон за другим, но ни один не отвечал. И снова тут важную роль в моей жизни сыграли диспетчера. Они, не имея возможности найти ни Наташу, ни кого из крутых, дали мне мобильный самого Сергея Давидовича, что было вообще-то строжайше запрещено инструкцией и могло, как нечего делать, закончиться для них увольнением. С замиранием сердца и радостным желанием донести хорошие новости до любимого руководства, я трепетно дышал в телефон:

- Але, Але! Сергей? Ты слышишь меня? Это Василий Корабленко из Барнаула. Я не могу дозвониться до Наташи Богдановой, пришлось вот тебя побеспокоить, можно оторвать на несколько минут?

- Корабленко? А почему ты в Барнауле, ты же улетал в Иркутск?

- В Иркутске в первый же день стало ясно, что шансов никаких нет, я Наташе докладывал и по согласованию с ней перелетел в Барнаул, где уже третий день нахожусь, и есть положительные результаты.

- Какие положительные результаты?

- Сергей, я с почты звоню, здесь люди кругом, но в общем если говорить в двух словах, мы можем здесь транзитно сделать то, что планировали, даже чуть дешевле, чем рассчитывали.

- Корабленко, я тебя не понимаю. Ты, пожалуйста, найди место, откуда сможешь мне спокойно перезвонить и все подробно рассказать в деталях. Как понял меня? Повтори!

- Понял, что нужно тебе перезвонить из спокойного места, только не знаю, где здесь такое спокойное место найти, тем более, что у нас в Барнауле уже вечер. Давай я тебе попробую коротко изложить ситуацию...

- Корабленко, коротко меня не устраивает, ты же раньше всегда понимал с первого раза, если я не ошибаюсь. Я жду твоего звонка. Все, до связи.

Он повесил трубку, а я немного расстроился. Мне показалось, что он несерьезно отнесся к такому важному моему сообщению. Но делать нечего, я помчался к своим новым барнаульским знакомым. Не прошло и часа, как мне уже открыли офис декларантов, находившийся неподалеку от аэропорта, и, тактично удалившись, дали возможность спокойно пообщаться с директором.

- Сережа, это снова Корабленко. Я тебе перезваниваю из спокойного места, как договаривались.

- Ну, что там у тебя, Корабленко? Рассказывай.

- Я здесь нашел маленькую фирму декларантскую, их директор в очень хороших отношениях с той структурой, которая нас интересуется в данный момент. Понимаешь, о чем я говорю?

- С таможней?

- Ну да, просто я не хотел произносить по телефону...

- Понятно-понятно, продолжай.

- Ну вот, мы поговорили совершенно откровенно все вместе, я им все объяснил как есть, все посчитали, они готовы попробовать три рейса, выходит где-то по пятьдесят центов в совокупности. Только они обязательно просят письмо из Екатеринбурга, что тамошняя таможня не против транзитной растаможки в Барнауле. Иначе они боятся передосмотра и скандала.

- Я понял, Василий. Теперь слушай меня внимательно. Продолжай с ними переговоры, постарайся убедить их работать без этой телеграммы, сошлись на нехватку времени и бюрократические проволочки. Ты лично с кем общался и кого заинтересовал в той структуре, о которой мы с тобой говорим?

- Общался с начальником поста, замом по экономике и инспектором, они все приятели, но заинтересовал их этот дядька – декларант, со

мною они отказались на эту тему разговаривать, хотя отреагировали спокойно. Все такого рода вопросы, говорят, через Жореса. Это владельца конторы декларантской здесь зовут Жорес.

- Странное имя для Барнаула. Он что, француз?

- Нет, не француз, они все немцы ссыльные и, похоже, скоро собираются на историческую родину. По этой причине готовы на такие эксклюзивные вещи для нас.

- Понятно, Василий.

- Сергей, я уже пытался их убедить без телеграммы хотя бы один рейс выпустить, они категорически против. Предлагают: если без телеграммы, то рейс международный закончится здесь, а туристы пусть дальше своим ходом, так сказать, наземным транспортом добираются.

- Для нас это не вариант, продолжай переговоры, Василий. Предложи им аналогичную телеграмму из Москвы. Когда у нас с тобой следующий сеанс связи?

- Когда скажешь.

- Значит так, звонишь лично мне не реже, чем каждые двенадцать часов. По моим данным, до окончательного принятия решения у нас еще полтора суток. Все, Василий, до связи, молодец.

Слава Богу, хоть не забыл сказать, что я молодец! Но что-то сильно уж сдержан на похвалу наш Генеральный. Я ему докладываю о большой победе, а он еще ставит дополнительные задачи, как будто я сделал ерунду какую-то малосущественную и расходы на свою командировку не вполне оправдал! Ну, где в жизни справедливость?

Поблагодарив женщину, которую специально для меня выдернул из дома мой новый знакомый Жорес, я поплелся в гостиницу. Дело в том, что никакие переговоры я здесь не вел. По крайней мере, в понимании Сергея Давидовича. Просто, мне очень повезло - я встретил простых и порядочных людей, с которыми не пришлось лукавить или хитрить, давить на них или охмурять, что входит, у меня лично, в понятие «вести переговоры». Они, с одной стороны, искренне переживали за аэропорт, который и так находился в стороне от воздушных трасс, да еще туда никто не летал по причине дорогого топлива и высоких цен на взлет-посадки. Им хотелось хоть как-то привлечь дополнительные рейсы, тем более не государственные, от которых деньги увидишь через неопределенный срок, а частные, рассчитывающиеся полновесной монетой сразу по прибытии. Хотя лично таможенникам от лишней взлет-посадки никакой корысти не было. Просто аэропорт отремонтировал таможенное помещение, и им хотелось в свою очередь сделать что-то для коллег, они там, в Сибири, вообще, люди друг к другу дружелюбные. Таможня была маленькая, и, в чем мне особенно повезло, - дружная, состоявшая, как уже говорилось, из лиц немецкой национальности, родители которых были

насильственно размещены на жительство в этом отдаленном, лесистом и холодном краю. Симпатичные они, надо сказать, были ребята – эти немцы. Два мужика, начальник и инспектор, и женщина – зам. по экономике. Все как на подбор – высоченные, крепкие, светловолосые и голубоглазые. И спокойные такие – просто диву даешься. Мне там, в Барнауле, стало понятно, какие это симпатичные люди, о которых можно сказать – характер нордический. Никакого лицемерия, открытые, обо всем говорят спокойно, прямо, немного с юморком, цену себе не набивают. Сначала они вообще отказывались от денег. Спрашивают меня: «Вы сколько можете заплатить таможенных сборов за свой самолет»? Я прикинул на бумажке – показываю им две циферки – эта, говорю в кассу, а эта – вам. Так они обе цифры объединили, все в кассу, говорят, нам ничего не надо, мы люди порядочные, а вам идем навстречу не из-за корысти, а чтобы помочь аэропорту. Мне, тогда, честно говоря, пришлось немного понервничать – не люблю, когда люди от денег отказываются. Чего от них потом еще ждать – не угадаешь! Я бегом к Жоресу, говорю, мол, выручай, а он у них в компании самый предприимчивый. Не бойся, говорит, Василий, я их уломаю. Они, конечно, люди скромные, но современные, и этой власти ничем, кроме ссылки родителей, не обязанные. А у тебя, спрашивает, Вася, нет ли среди родственников немцев? Чем-то ты на немца похож. Посмеялись над этим, он поехал в аэропорт и через пару часиков дал мне новый расклад, при котором в кассу стало чуть меньше, но все равно не столько, сколько я предполагал – все равно они сами себе урезали долю. Вот такие люди - совестливые. И с ними я должен был как-то дальше вести переговоры, что-то придумывать, чтобы заставить их сделать очевидную глупость – без согласия Екатеринбургской таможни, транзитно растаможить самолет, который с большой вероятностью опять в ЕКБ передосмотрят, а тогда и нам, и им – кранты. Мне с таким легкомысленным предложением к ним не хотелось даже обращаться, честно говоря. Я им уже сказал, что в ЕКБ на все сто процентов никакого передосмотра не будет, что там обо всем договорено – выходит, соврал. Но они, тоже не дураки, верю, как говорится, всякому зверю, а тебе, лиса, погожу. Прямо мне сказали, что если мы без телеграммы борт посадим, то им ничего больше не останется, как его по полной программе разгрузить, досмотреть и оформить по всей процедуре. Я решил это завтра утром сообщить руководству на следующем сеансе связи, чтобы получилось, будто я полночи, как мне это и было предписано, вел переговоры. Пусть там добывают телеграмму как хотят. Всего делов-то! А сам я решил позволить себе выпить пивка в местном ресторанчике.

Время как раз было к ужину, и наиболее приличный, по отзывам моих новых знакомых, ресторан располагался как раз у меня в гостинице, которая была хоть и старорежимная, но чистенькая, аккуратно утепленная, с милыми, уютными тетками на этажах, которые будили меня по утрам, оперативно утюжили мне штаны, в любое время давали чаю с лимончиком. К слову сказать, в Барнауле, по крайней мере, в то время, не было понятия «проституция». Я, грешным делом, навел справки у одного таксиста – он сделал дикие глаза и ответил, что это у нас в Москве все уже с ума походили, а у них в Барнауле – пока люди живут порядочные, и никаких проституток у них нет. Есть какие-то разбитные лахудры, которые все с

местными блатными хулиганами таскаются, но они были всегда, еще и при царе горохе. Таких, если от их перманентных ухажеров не боишься огрести, можно попытаться заклеить в ресторане – как раз в моей гостинице, что интересно. Но никаких денег им предлагать не стоит, потому, что в противном случае, можно и от самих лахудр тоже огрести – за оскорбление их женского достоинства. Вот такой был город Барнаул. И еще погода там стояла морозная, и очень-очень солнечная, здоровая такая зимняя погода! И совсем уже невероятная вещь: там все асфальтовые дороги были, хоть и колдыбастые, но сухие и чистые. Для меня это был такой разительный контраст с московской гололедной и кашеобразной проезжей частью, что я просто поверить не мог своим глазам. Вот это порядок у вас с коммунальными службами, говорю таксисту – все дороги вычищены идеально – ни ледка, ни грязи. А таксист ухмыльнулся и ответил, что про коммунальные службы они и думать давно забыли, нет в городе такого реального понятия, а дороги сами вымерзают, и лед с них разлетается уже через день-другой после снегопада, так что чистые дороги в Барнауле – это природное явление.

Когда я читаю книжки и в повествовании складывается ситуация, что все у главного героя пока хорошо, то есть он уже изобретательно преодолел разнообразные препятствия, где-то ему повезло, где-то он расстарался, и осталось только ничего не испортить в уже благоприятном развитии событий, и всего-то нужно продержаться день-другой, а он при этом идет, так скажем, выпить рюмочку, мне всегда становится тревожно. Я уже предполагаю, что сейчас герой неожиданно для себя напьется и попадет в какую-нибудь неприятную историю, которая уничтожит всё с великим трудом сделанное, а возможно, и вообще случится нечто катастрофическое.

И вот, в полном соответствии с вышеописанным сценарием, как раз в тот вечер, когда у меня, наконец, все организовалось и мы были в двух днях от победы, я легкомысленно поперся в гостиничный ресторан с определенной целью немного выпить и с не очень определенной целью - при случае устроить себе randevu. Все казенные денежки находились при мне, так как оставлять их в номере было страшно. Я плотно поужинал, неплохо выпил пивка, поглядывая на разномастную публику, частично состоявшую из довольно мрачного вида типчиков, при которых, как мне и обещал таксист, терлись особы, отдаленно напоминавшие расплывчатый объект моего вожеления. Я даже обменялся с одной такой девушкой парочкой фраз и планировал, улучив момент, пригласить ее на медленный танец, то есть целенаправленно старался найти себе приключения на одно место.

Находясь тогда в Барнауле, я был довольно лакомым кусочком для всякого рода уголовных элементов. Во-первых, город маленький, сразу видно командировочного из Москвы, который трется возле таможни, питается в

ресторанах и разъезжает на такси. Можно предположить, что у него имеются какие-либо денежки и, пользуясь случаем, заманить его, скажем, девкой в укромное место, треснуть, и спокойно поживиться беззащитным имуществом. А количество денег, которое постоянно находилось при мне, наверное, приятно удивило бы барнаульских грабителей, поскольку сумма эта составляла что-то около тридцати тысяч долларов. Я не очень искушен в правилах грабежей, но что-то мне сейчас подсказывает, что, обнаружив у человека такую фантастическую, по их понятиям, сумму, меня могли и жизни лишить на всякий случай – было ради чего.

К счастью, никаких приключении на свою задницу я в тот вечер не нашел. Наверное, кто-то из хороших людей помолился за меня Богу, или просто повезло, а может, город был не очень криминальный, я не знаю. Но я ни с кем так и не познакомился, девушку приглашать на танец не решился, спокойно закончил ужин, допил пиво и потопал пьяненький в номер, где благополучно лег спать, и к утру был уже бодрячком – в полной готовности к дальнейшим трудовым свершениям.

- Сережа, это Корабленко из Барнаула. Я не стал звонить через двенадцать часов, как договаривались, у вас же ночь была... вот сейчас звоню. Я тебя не разбудил? Можешь говорить со мной?

- Василий, как раз тогда, когда у нас была ночь, я ждал твоего звонка, сидя у телефона и занимаясь своими делами. Давай договоримся на будущее, что мы с тобой строго выполняем взаимные договоренности. По делам мне можно звонить в любое время суток, я всегда беру телефон – это чтобы ты просто знал. Ну, докладывай, какие результаты?

- Сергей, честно говоря, мне ничего не удалось сделать по поводу телеграммы. Их позиция такая, если без телеграммы из ЕКБ посадим борт, им придется его по полной программе досматривать.

- Я понял, Корабленко. Ты получишь телеграмму, мы над этим уже работаем. Что у тебя еще?

- Да, в общем, ничего, все по плану. Просто если будет решение сюда садиться, мне нужно знать хотя бы за двенадцать часов, чтобы решить вопрос с заправкой, бортпитанием и так далее. Мне еще нужно будет деньги поменять, пока обменники открыты... Проблем больших здесь нет, но чтобы время не потерять...

- Это понятно, во время следующего сеанса связи, ты получишь наше окончательное решение. Сеанс связи назначаем через шесть часов, как понял?

- Понял хорошо, через шесть часов.

- Все, до связи, Корабленко, молодец.

Снова я молодец. Прошлый раз докладывал о том, что сделал почти невозможную вещь – был молодец, сейчас сказал, что без телеграммы не договорился, опять молодец. Наверное, я еще за прошлый раз молодец.

Через шесть часов мне дали команду принимать борт. Я почему-то и не сомневался, что самолет прилетит именно ко мне и никаких других решений найдено не будет. Беспокоило только то, что телеграммы из екатеринбургской таможни мои новые барнаульские знакомые пока не получили, а получили только мои заверения, что телеграмма уже в пути и скоро-скоро прибудет. Я всю готовился к приему борта: поменял деньги и с большим облегчением оплатил заранее все, что мог, избавившись от существенной части наличности. Напечатал, во взаимодействии с сотрудниками Жореса, новую декларацию и тихонечко отдал в таможню, чтобы они там начали ее проверять уже сейчас, а когда прилетит самолет, им останется только ее официально зарегистрировать, как бы мгновенно проверить и только шлепнуть штампик «Выпуск разрешен» - и все. В этих приятных для меня хлопотах прошло еще часиков пять, а телеграммы все не было. Несколько раз я набирал Москву, но дозвониться не мог, а в диспетчерской аэропорта уже сообщили, что борт за номером таким-то совершит посадку через тридцать минут и, по моей просьбе, ему отвели самую близенькую стояночку рядом со зданием аэропорта. Мы сидели вместе с Жоресом в помещении таможни, и я непрерывно набирал Сережин мобильный, все более и более приходя в отчаяние, Жорес пил чай, демонстрируя полное спокойствие, но, тем не менее, внимательно следил за моими действиями. Когда до посадки оставалось минут пять, Сергей, наконец, подошел к телефону. У него был глухой и усталый голос, он сказал мне, что телеграммы не будет ни на этот рейс, ни на следующие, но можно попробовать переоформить грузополучателя с екатеринбургской фирмы на московскую тогда таможня в ЕКБ груз обещала не трогать. Я не стал впадать в истерику и задавать глупых вопросов, взял под козырек, повесил трубку и пересказал ситуацию Жоресу. Он нахмурился, вздохнул и, попросив меня подождать, вышел из комнаты, наверное, чтобы посоветоваться со своими немецкими друзьями. Через пару минут они вернулись все вместе, и я еще раз доложил ситуацию. Жорес все это время сидел, отвернувшись к окошку, что я счел плохим знаком.

- Ну, и что ты теперь предлагаешь нам делать, дорогой наш друг Василий?

- Может, выпустите без телеграммы, а мы оформим на московскую фирму, мы сейчас быстренько декларацию перепечатаем... А мне мгновенно по телефону из Москвы сообщат реквизиты...

- Нет, Василий, это не пойдет. Мы не можем выпускать груз, вообще не имея ничего про фирму получателя кроме твоих слов. Предлагаем тебе последний вариант, поскольку другого не остается. Мы его давно придумали, но держали в голове на крайний случай. Что-то нам подсказывало, Вася, что не будет у тебя никакой телеграммы из Екатеринбурга. Значит так: оформлять будем на нашу барнаульскую компанию, по которой работает Жорес, она у нас давно зарегистрирована. Деньги передадим на нее по твоему письму, это не проблема. Но самолет, Вася придется частично разгрузить и досмотреть. И в новую декларацию нужно будет внести то, что мы там найдем. Если в первом приближении все как у тебя записано, мы придирааться не будем. По закону мы обязаны досмотреть десять процентов груза но, если поперет совершенно другое, тебе придется все переделывать и доплачивать в кассу таможни по полной программе. Сколько получится, тут уж не взыщи. Согласен?

- А что мне делать, самолет уже сел. Лишь бы у меня денег хватило на эту доплату. Она же может и в двадцать раз больше получиться, а может и в сто...

Я уже ни о чем не думал, моя идеально проработанная технология рухнула за какие-то пятнадцать минут и теперь на ходу сама собой организовывалась какая-то другая, точнее, всё развивалось совершенно без всякой схемы. К самолету подогнали несколько тележек для багажа и под руководством таможенного инспектора вытащили баулов двадцать наугад из разных частей воздушного судна, чтобы поднять их в зону выдачи и там досматривать. Группа в этот момент находилась за стеклянной перегородкой и внимательно, а где-то, я думаю, и с замиранием сердца следила за этой процедурой. Они еще не поняли, идет ли все по плану или совсем нет. Я старался все время улыбаться, когда смотрел в сторону туристов, не знаю только, успокаивала их моя стеклянная улыбка или еще больше пугала.

Начали резать мешки в первом обнаружили джинсы, к счастью, заявленные в некотором количестве у нас в декларации, во втором – зонтики, они тоже были как исключительно часто встречающееся на китайских рейсах наименование, в третьем и четвертом мешках снова были джинсы, только какие-то другие, но это уже таможню не волновало. Подошли к очень тяжелому мешку и, прорезав в нем дырку, обнаружили замки. Удивлению моему не было пределов, потому что замки забивали в больших количествах в каждую декларацию, в том числе и в мою, пошлина на них была маленькая, а весили они много – очень удобный был товар для декларирования, я и не предполагал, что их реально кто-то возит из Китая. Так мы вскрыли все двадцать мешков и из незаявленного обнаружили только пару мешочков игрушек, да какие-то

резиновые сандалии хотя обувь вообще у нас в декларации была. Я просто чуть в обморок не упал от такого везенья! Мне казалось, что я каждый раз ставлю на зеро, а оно снова и снова выпадает. Таможня дала команду заскочтевывать дырки в мешках и грузить вещи обратно, а мы двинули в таможенный отдел. Я шел и чувствовал удачу! Я еще не знал, чем все завершится окончательно, какие будут финальные аккорды, но было понятно, что это уже победа! Самое худшее, что теперь могло произойти, небольшая потеря времени на подготовку новой декларации и маленькая доплата. Самое страшное, чего я больше всего на свете боялся эти дни - фактический досмотр, было позади, и нарушения были, по моим представлениям, ничтожнейшие! Я ещё не был уверен, как мои немецкие товарищи ко всему этому отнесутся, но откуда-то изнутри продолжал наполняться ощущением победы, ощущением идиотского, безудержного счастья.

Немецкие товарищи отнеслись к происходящему даже лучше, чем я рассчитывал. Инспектор, войдя со мной в кабинет к начальнику, где сидели все остальные таможенники и Жорес, сказал, что у нас в общем и целом на борту все, что заявлено, разница только в игрушках и тапочках, ну и количества, конечно, вообще не соответствуют – но это не их вопрос, при выборочном досмотре количества можно и не заметить. Всех приятно удивило содержимое нашего самолета, таможня подумала и, махнув рукой, решила выпустить борт по моей старой декларации, наплевав на детские погремушки и шлепанцы. Это сэкономило мне еще три часа! Объявляя свое решение, они сказали, что с меня бутылка. Какая там бутылка! Я был готов их всех расцеловать и последнее отдать, что у меня было за душой. Получив выпуск своего груза и рассчитавшись с Жоресом, я, как молодой архар, понесся к самолету, который был уже заправлен и приготовлен к вылету. Сняв себе копию, я отдал групповодам декларацию с выпуском, мы быстро погрузили туристов, которые, как всегда, уже знали все новости и, проходя мимо слезно меня благодарили. Я был счастлив! Именно такая жизнь и была мне по вкусу. Каким я чувствовал себя красавчиком! Всё я сделал, со всем справился, всех выручил, даже тех, кто меня подставил! И это потому, что не выпендривался, никого не пытался купить с потрохами, ничего из себя не строил, а просто попросил хороших людей о помощи.

Растаможенный рейс улетел не позже, чем через четыре часа после посадки. Это был фантастический результат, на который, как мне кажется, никто даже близко не рассчитывал. Туристы не верили своему счастью, на меня смотрели, как на Джеймса Бонда, или даже еще уважительнее. Я, когда диспетчерам отзванивался, они сначала думали, что это у меня такой черный юмор, а на самом деле все плохо. Так уже ребята в офисе отвыкли от хороших новостей! Сережа там же был в диспетчерской, чуть погодя он взял трубку, поблагодарил меня, сказал, чтобы я договаривался еще на несколько рейсов, и что он ждет меня в Москве для серьезного разговора.

Наутро уже я получил известие из ЕКБ, что Андрюха этой же ночью вывез мой растаможенный самолет из аэропорта на склад в городе и уже выдает. Я поспешил успокоить моих дорогих немцев, сообщив им, что всё в порядке, никакого передосмотра не было, груз уже у законных владельцев. У

них тоже камень с души свалился, это же был первый блин в их коммерческой деятельности, они до меня отродясь никаких челноков в глаза не видели. Да и денежки, похоже, ни для кого не были лишними. Они меня потом провожали в зале вылета, угощали коньяком, приглашали на охоту, на рыбалку. Я сказал, что насчет охоты не знаю, а вот через неделю снова прилечу по поводу очередного своего самолета, они головами закивали, конечно, говорят, мы же договорились, так работать нас устраивает. А Жорес через несколько неделек в Москву прилетел по Сережиному приглашению, и мы втроем беседовали по вопросу долгосрочного сотрудничества.

Андрюха потом рассказывал, что Наташа Богданова прилетела в Екатеринбург, какая-то озлобленная и чрезвычайно решительная. Он, как бывший врач это ее состояние определил как нервное перенапряжению, а мне еще по секрету уточнил, что иногда люди так себя ведут в результате большого испуга. Он вроде это над Наташей так посмеивался, типа она перепугалась тех головорезов с которыми он сам целую неделю разговоры разговаривал, а я подумал, что тут смеяться нечего. Андрюха рассказывал, что иногда ему просто хотелось лицо закрыть руками, зажмуриться и убежать – такие вещи себе Наташа позволяла в разговоре. Я пытался его выпрашивать что же конкретно она произносила такого невозможного, он вспомнить не смог, но говорил о каких-то ее ужасных колкостях, граничивших с бестактностью. Тут я подумал, что Екатеринбургские пацаны смысла колкостей-то могли и не понять, не у всех же там, как у Андрюхи высшее медицинское образование, вот и пронесло. Хотя теперь это и не имеет значения, теперь каждый может как хочет свершившиеся уже факты объяснять – как кому выгоднее. Но, так или иначе, Наташа блестяще переговоры провела. Стороны договорилась, что борт отпускают, когда мы уплачиваем им по полтора доллара с килограмма, то есть все, что мы собрали с клиентов в их зоне влияния. Для нас это был шикарный, безубыточный вариант, и Сережа дал ей команду соглашаться. Сама Наташа, правда, осталась этим очень недовольна, долго злилась и говорила, что их можно было еще продать и денег заработать. Логика ее позиции была самая простая. Она отмежеввалась от Михалыча, сказала, что нас в Москве их местные взаимоотношения не интересуют и ни с кем у нас здесь пока еще нет коалиции. А дальше она заявила, что если наши отношения взаимоуважительные и мы намерены по окончании этих переговоров остаться компаниями настроенными друг к другу лояльно, а также не допустить никакого продолжения настоящего инцидента, то произошедшее должно восприниматься как ошибка, или глупое недоразумение. То есть мы по ошибке не туда залетели, а они по ошибке нас так нетактично хлопнули. Теперь нужно эту ошибку исправить и мы готовы им всю прибыль в их аэропорту заработанную немедленно перечислить, но и они не должны на нас сверх меры и сверх приличий наживать, а уместно с их стороны отпустить самолет за обычную таксу. Оппоненты ее немного поупирались, ссылаясь на свои непредвиденные расходы, на повышенную себестоимость, на растревоженное общественное мнение, но Наташа им в противовес столько рассказала про наш перерасход, что бесперспективность темы стала очевидной. То есть у них был выбор: или с нас побольше получить и остаться в жестокой враждебности, или получить умеренно, но без открытой неприязни дело

закончить. Они, на наше счастье, оказавшись людьми рациональными и не очень упертыми, выбрали второе, что, кстати говоря, прилично модифицировало наши стереотипы о екатеринбургских уголовных элементах. Я не знаю, какие уж они там были блатари, но весь ход переговоров был выдержан в цивилизованной манере, без всякой тупости и откровенного хамства. Андрюха говорил, что они даже выглядели немного смущенными, как скромные ребята из провинции, под пристальным взглядом столичных штучек. Уже немного сбитые с толку хотя бы тем фактом, что мы не сразу прибежали к ним на поклон, а первое лицо вообще посчитало ниже своего достоинства к ним приезжать, удивленные, тем, как быстро мы решили вопрос с транзитной растаможкой (они то рассчитывали заполучить еще пару наших рейсов), дополнительно обескураженные напористым и в чем то даже наглым поведением этой бабы-парламентера ребята из екатеринбургской «живопырки», наверное, решили, что мы работаем под какой-то колоссальной крышей, типа президентской, и лучше с нами палку не перегибать.

Наши туристы получили свой груз в целостности и сохранности ровно через восемь дней после посадки их самолета. Это была полная победа, так как обычно подобные вопросы решаются месяцами, если не годами. Потом говорили, что это Сережа позвонил кому-то великому и решил вопрос по телефону, но я знаю точно, что там была на сто процентов Наташкина заслуга.

Когда все утряслось, мне было предложено возглавить таможенный отдел нашего предприятия. В тот же день крутые демонстративно уволились, перескочив в одну из конкурировавших с нами компаний, где через год с небольшим закончили свою карьеру, проворовавшись и пустившись в бега. Возможно, теперь они загорают где-нибудь во Флориде, увлекаясь водными видами спорта, а может, и нет их в живых, хотя вряд ли – они были ребята опытные и изворотливые.

У нас работа без них стала только лучше, никаких затыков не произошло, хотя, как оказалось, предпосылки для будущих неприятностей уже существовали. Серега вовремя почувствовал, что пора этот полубандитский отдел разгонять. Прежде чем я заступил на свою новую должность, Генеральный долго со мной беседовал, назвал меня одним из тех редких людей, которые умеют мобилизовывать и модернизировать себя в зависимости от ситуации, сказал, что теперь я вхожу в его ближний круг и что бы ни случилось в моей жизни, он меня не бросит. Даже, если наш бизнес развалится, и придется бежать за границу, он возьмет с собой и меня, а потом мы вместе начнем все заново. Сказать, что мне просто было приятно – значит, ничего не сказать. Я слушал и млел, думая, что сейчас он выделит мне небольшую дольку в бизнесе и сделает своим партнером. Но этого не произошло, я продолжал работать на зарплате, хотя и увеличившейся в три раза, что, в принципе, вполне меня устраивало.

С Наташей мы теперь сидели в одном кабинете, но на все мои попытки ухаживания она отвечала глухим и железобетонным отказом, не проявляя никаких чувств, кроме сухо-товарищеских и время от времени отпускала едкие шуточки по поводу моего большого опыта в каких-то, интимного свойства вопросах. Мне было не совсем понятно, о чем идет речь, но я не

переспрашивал, а вместо этого глупо улыбался, как бы подыгрывая ей в непонятном для меня двусмысленном диалоге. Еще через пару месяцев я окончательно убедил себя, что тогда, в ночь моего звездного старта, ее взгляд имел отношение совсем не ко мне. Но ее роскошные формы, долгое время недоступные для всех особей мужского пола, не переставали наполнять мое сердце сожалением по поводу такой несправедливости.

Глава 8

Моему отцу всегда казалось, что его мало ценят. Думается, что рассказом «На Родине», он как раз и преследовал цель, наконец-то открыть глаза всему человечеству, и в первую очередь своим близким, то есть нам, на те колоссальные труды и опасности, которых стоило его собственное, а, отчасти, и наше благосостояние. Мы должны были благоговейно ужаснуться, какой ловкостью, изобретательностью, энергией и талантом нужно было располагать, чтоб пройти ТОТ САМЫЙ жизненный путь! Ему хотелось еще раз доказать своему незримому оппоненту, что к нему «не само все в руки упало», что его относительно сытое и спокойное положение не случайность, что он заслужил и честно заработал все, чем владел и так гордился. Даже сам рассказ на фоне других вышел у него длинный, немного утомительный, так чтобы и мы, читатели, почувствовали дольку того напряжения, которое он когда-то стоически преодолел.

Через несколько лет после описываемых в его рассказе событий, я, лежа в кровати, и притворяясь спящим, слышал разговор отца с матерью, который очень хорошо помню до сих пор. Тогда, в ответ на какой-то мамин робкий упрек, отец каменным голосом сказал, что коль скоро ее такая жизнь не устраивает, то он готов разводиться хоть завтра. Он говорил, что ему совершенно очевидно полное и давнишнее отсутствие каких бы то ни было чувств между ним и мамой, что каждый из них еще молод и мог бы найти свое счастье с другим человеком. Мама несколько минут слушала его кошмарные рассуждения, еще более ужасные из-за ровной, бесстрастной интонации, с которой они произносились. Казалось, это говорил не человек, а какой-то робот, лишенный чувств уже по факту своей принадлежности к механическим агрегатам. Потом мама спросила глухим, каким-то не своим голосом, является ли это его окончательным решением. Отец ответил, что решать ей, поскольку лично его все в жизни устраивает, кроме маминых упреков, и если она согласна их исключить, то он не против совместного проживания. Еще он добавил, что это, наверное, не будет правильно, но он готов и дальше терпеть такую жизнь ради детей. То есть нас с Ленкой. Мама замолчала, а отец, выдержав небольшую паузу, продолжал, начав расписывать, как может быть устроена

наша жизнь после их развода. Его монолог был таким складным и вразумительным, что не оставалось сомнений в обстоятельной продуманности им этого вопроса. Я, лежа в своей кровати, представлял, как бы было хорошо, если бы мы действительно остались только с мамой, и просил судьбу склонить решение родителей в пользу развода. Но время для этого еще не пришло.

В тот вечер мама продолжала молчать, а он, не находя оппонента, сам начал формулировать возможные мамини вопросы и сам же на них отвечать, все больше и больше возбуждаясь, а, кое-где, переходя даже на свой злоеющий шепот-ор. В ходе этого монолога в двух лицах, он предположил, что маме, вероятно, мало того, что он ей предлагает и, возможно, она собирается претендовать на некоторую существенную часть его состояния. Это им же самим сделанное предположение еще больше взбесило его, мама не говорила ни слова, а он уже почти заходясь в своей ярости орал шепотом: «С какой стати? Какое право ты имеешь на мои деньги!?» Он шипел ей прямо в лицо и, как гвозди, вбивал один за другим непоколебимые доводы, говоря, что только он один подвергался риску, пока ковал наше семейное благосостояние и ни у кого из нас нет ни малейших прав претендовать на его собственность. Он так и сказал маме: «Ни у тебя, ни у кого из детей». А потом добавил: «И заруби это себе на носу, вы получите столько, сколько я сочту нужным вам дать!» Мне было очень страшно. Я лежал, закутавшись в одеяло, и очень боялся за маму. Мне казалось, что он сейчас сделает с ней что-то плохое, я очень хотел ее защитить, но не мог из-за своего страха. Я не решился тогда вылезти из-под одеяла, встать и храбро сказать отцу, что нам наплевать на его деньги, что нам ничего от него не нужно, и пусть подавится всем своим богатством, но запомнит раз и навсегда, что у него нет больше ни семьи, ни детей...

Вместо того, чтобы все это храбро сказать, я лежал, и с ужасом, но жадно ловил каждое его слово, относя все, что было сказано, и к себе тоже. Даже в большей мере к себе, чем к маме. Оказывается, я был его нахлебником, которого он кормит из жалости! Какой он мне тогда отец? Я начал чувствовать стыд за те куски, которые съел за ужином. В моей душе перемешались острое чувство несправедливости и ощущение своей вины непонятно за что. Вина постепенно взяла верх, отодвинула те самые вопросы, которые мне всю жизнь хотелось задать этому человеку, и на которые я так и не решился.

Дела наши грешные

Сегодня я еду на работу, комфортно подремывая на заднем сиденье автомобиля – меня возит персональный водитель, и это обстоятельство, наполняет мою душу сладостным чувством. Жизнь удалась! Как же это хорошо и приятно – не заботиться о парковке, не думать о бензине и ремонтах, машина всегда чистая, а самое главное – можно спать во время переездов. Собственно говоря, только благодаря своей потребности в сне, я и получил новую казенную машину с водителем. Просто-напросто, десять дней назад я уснул за рулем по дороге в аэропорт и, свернув на полной скорости в кювет, врезался в какие-то строительные конструкции. Моя машина просто завязалась узлом, а мне – ничего. Даже испугаться не успел. Так сладко задремалось мне, боролся, боролся с собой, и как-то незаметно и мягонько провалился в сон. Главное, мне даже снилось, что продолжаю ехать, это и сбило с толку, обмануло, так сказать, бдительность моего организма. И вдруг, как шваркнет брюхом по чему-то, а потом боком правым и... мордой об руль, да еще в итоге оказался кверху ногами.

Теперь зато кайфую. И спать не хочется. Можно ночью часика три-четыре ухватить, а потом: там по дороге полчаса, там – сорок минуток, и набираешь сна нормально – едешь бодрый, как огурец.

С тех пор, как я сделался большим начальником, у нас стали работать почти все мои старые друзья и знакомые. Человек двадцать я взял к нам за полгода, и это при том, что не было никаких чисток, никаких массовых увольнений прежней команды. Просто предприятие развивалось с такой скоростью, что все время были нужны толковые люди.

Очень забавными и поучительными мне показались метаморфозы моих бывших приятелей. Я ведь в студенческие годы никогда не принадлежал, так сказать, к центру тусовки, а скорее относился к категории странноватых и замкнутых молодых людей. Мне самому было не до студенческих гулянок – нужно было заботиться о своей молодой семье. К тому же, на гитаре я играть не умел, у девушек особенным успехом не пользовался, шутником отменным меня тоже не назовешь, а хотелось, конечно, всего студенческого удовольствия..., и я пытался втираться в какие-то компании, кого-то копировать, чужие слова повторять. Это не могло не выглядеть жалко, и естественно, надо мной подшучивали однокашники, а может быть, немного и издевались, при случае. Я, кстати, убей Бог, никогда на это не обижался, точнее, виду не подавал, чтобы вообще не попасть в изоляцию.

Ну, да дело прошлое, что уж теперь вспоминать. Просто забавно было об этом думать, когда ко мне приходил такой институтский товарищ устраиваться на работу, и вел себя так, как будто мы всю учебу были не разлей вода, и еще он мне жизнь спас на пожаре. А на самом деле мы с ним и здоровались то не каждый раз, по той простой причине, что на мои «приветы» он не всегда считал нужным реагировать. Один такой крендель как-то приехал ко мне в долг занимать. Я и как зовут то его не сразу вспомнил, то есть имени,

равно как и фамилии, я вообще не знал, но постепенно всплыло в памяти, что приятели называли его «Телек», и я еще недоумевал, почему такое странное прозвище, а спросить было не у кого. В конце концов, я решил, что «Телек» - это оттого, что рожа у него была почти такая-же огромная, как экран телевизора - устрашающее такое получалось прозвище, но именно ему подходящее, так как он здоровенный был и все на курсе слегка его побаивались. А я так вообще по своей мизерности ему и представлен-то не был никогда. Так он приехал ко мне в офис, и давай - здороваться, обниматься - целоваться, да как дела, да все такое..., будто мы с ним только вчера вместе зимовали на северном полюсе ради общего дела. Дай денег говорит, мой лучший друг, на тебя последняя надежда в моей жизни и в моем пошатнувшемся бизнесе. Мне конечно лестно, что, оказывается, такой замечательный человек не только знал в институте о моем существовании, да еще к тому же мы были, страшно сказать – лучшими друзьями. Чего же я тогда, дурак, терпел от всяких подонков издевательские высмеивания, надо было другу пожаловаться – враз бы отстали. Не знал, дурак был..., ой дурак, не понимал в людях ничего, такого друга, можно сказать целого Дружища огромного, и не замечал. Сейчас бы, конечно, ... свой шанс не упустил бы ни в коем случае!

Сказать по правде, тех ребят, которые мне хоть чем-то, даже пусть иррационально, или из-за каких-то смутных воспоминаний, не нравились, я не брал к себе на работу никогда и отказывал им безо всякой жалости или сострадания, а даже и с некоторым удовольствием.

В наше предприятие попадали только те, с которыми мы и взаправду дружили, или хотя бы общались дружелюбно. Некоторых я даже терпеливо переманивал из других мест и изо всех сил уговаривал, потому что знал им цену и очень на них надеялся. Одним из таких ценнейших для меня людей был мой хороший университетский приятель Паша Порядок. Мы с ним, правда, познакомились ближе к концу учебы, но успели немного сойтись, он и его друзья-приятели приняли меня в свою компанию, собирались мы с ними по-студенчески выпить пивка, я и жену к ним возил в гости. Супруге моей Маринке, очень нравились их посиделки с выпивкой. Хотя, когда женщина сидит дома с ребенком в четырех стенах, ей, наверное, любая компания понравится. Еще мы с Пашей на последнем курсе вместе торговали в Лужниках на рынке. У него тогда уже была машина – старенький «Москвич-412», и он нас с товаром ежедневно возил на рынок и ни копейки за это не брал, даже за бензин. Само предложение торговать и идея сама, чем торговать, тоже от него поступили. В общем, он всех своих желающих приятелей, а в том числе и меня, пристроил к этому делу, и не как-нибудь с наживой для себя, а абсолютно на равных и по-честному, хотя мог бы нам начислить процентик за извоз, да за идею, за общее руководство, как делать нечего! Мы бы заплатили и благодарили бы, поскольку работа в Лужниках впервые нам позволила настоящих денег заработать, по триста–четыреста долларов в месяц у нас получалась зарплата, а иногда и до семисот доходила, что для нас тогдашних – деньгами было фантастическими!

Рынок в Лужниках был в то далекое время эдаким воплощением демократии – каждый мог там торговать, чем хотел. Никаких

поборов, кроме государственного билета, не существовало, а на этот билет, можно было втроем торговать, типа мы все вместе – одной точкой, а можно было и вообще без билета, только приходилось тогда от милиции улепетывать. Смотришь – милиция, быстренько сворачиваешься и отходишь в сторонку, как будто ты не продавец, а, например, покупатель. Иногда ловили, конечно, и тоже ничего страшного – отдаешь им в залог студенческий или читательский билет или пропуск в бассейн, они и отпускают. За деньгами для штрафа вроде бы. А у нас на всю компанию этих документов – слава Богу, хватало, тем более, что нам они, по большому счету, были без надобности.

Лафа эта продолжалась около года, а потом в Лужниках начались всякие безобразия, связанные, по слухам, с настойчивым желанием некой преступной группировки взять рынок под свой контроль. Данное обстоятельство ни для кого не было удивительным, напротив, невероятным по тем временам было то, что Лужники так долго оставались свободными от бандитов, за что все мы – тогдашние розничные торговцы были очень благодарны мужественной администрации стадиона. Беспорядки выражались для нас в том, что время от времени кто-то сеял в толпе покупателей панику – стреляли из газового пистолета или кидали какую-нибудь вонючую дымовуху, либо происходило еще что-нибудь в этом роде, и народ начинал бежать, сметая на своем пути все, что попадалось. Здесь можно было уберечь себя и свой товар от растерзания единственным путем - храбро выбежав перед своими прилавками втроем-вчетвером, делая зверские лица, вопя, матерясь и агрессивно размахивая при этом либо складным стульчиком, либо какой-нибудь заранее припасенной дубиной, дабы обезумевшее стадо покупателей, наивно убоившись наших воинственных приготовлений, оббегало стороной нас и наше многоценное имущество.

Я конца рыночной работы не застал - начал летать групповодом, от компании откололся, а ребята продолжали стойчески бороться со все ухудшавшимися обстоятельствами на рынке, довольствуясь все меньшими и меньшими заработками. Долго сопротивляться у них не получилось, вскоре, когда рынок в Лужниках стали полностью контролировать люди, не ограничивавшиеся изъятием студенческого за контрабандную торговлю, моим друзьям пришлось искать себе новый источник заработков. Все разбрелись по разным направлениям, я, честно говоря, увлеченный тогда своей новой групповодской работой, почти и не созванивался ни с кем - у меня появились новые приятели, денег стало побольше, в общем, как-то мы все растерялись тогда.

Паша, как выяснилось позже, не стал дожидаться окончательного краха рыночного бизнеса, а бросил работать вскоре после меня. Через некоторое время, когда на рынке агония самых стойких продолжалась уже только из-за отсутствия каких бы то ни было других перспектив заработка, он предложил ребятам новое предприятие – возить в Москву клюкву. Оказывается, на Севере, в районе Архангельска народ в деревнях собирал клюкву в огромных количествах, и, приехав к ним в определенное время года, можно было довольно дешево купить эту стойкую и неприхотливую ягоду, а привезя в Москву, продать с хорошей выгодой. Нажива получалась только в том

случае, если накладные расходы всей операции были минимальны, то есть нужно было привести килограмм по триста на каждого, имея в расходной части предприятия всего-навсего билеты в общий вагон поезда и стоимость клюквы. Деревня, которую отыскал Паша для этой новой бизнес-программы называлась Шалакуша, ближайшая к ней железнодорожная станция – Няндомы, проходящий поезд стоял там три минуты. Вот и попробуйте себе представить, как за три минуты вчетвером загрузить тонну клюквы в общий вагон. Ребята как-то умудрялись загружать и дальше ехали себе до Москвы. А народ в то время по северному направлению ездил в общих вагонах очень разнообразный, много было из мест лишения свободы возвращавшихся, солдат демобилизованных. В общем, дорожка – не соскучишься. Но и этот нелегкий бизнес просуществовал у Порядчика не более года, и закончился на том, что железнодорожное начальство ввело ограничения на провоз багажа в вагонах – двадцать килограммов. Платить за перевозку клюквы в багажном вагоне или нанимать машину получалось уже нерентабельно.

Надо сказать, что Паша Порядчик никогда не искал легких путей. Хотя, это общеупотребительное клише в его случае вовсе не обозначало, что он отказывался от приятных перспектив, предпочитая им непроходимые трудности ради каких-то высших интересов, но как то не получалось у него ни легких заработков, ни легких отношений. Да и его самого никак нельзя было отнести к типу легких людей - обходительных, располагающих к себе, умеющих выгодно представляться и вкрадчиво говорить приятные вещи. В студенчестве, Порядчик, был как раз человеком противоположным этому образцу. Его невозможно было заставить просто сказать любезность, даже в самой ничтожнейшей ситуации – вместо этого он хмурил свои чернущие брови, угрюмо сопел и очень злился на тех, кто подбивал его хоть на какое-то фразерство. Он даже женщинам никогда не говорил комплиментов. Зато, если его этим попрекали, обвиняя в грубости, он парировал утверждением, что в своей жизни не обманул ни одной женщины и вовсе не хочет нарушать это свое правило ради пустых слов, являющихся по сути ни чем иным как глупым враньем и кривлянием, абсурдность которого все понимают, но почему-то считают возможным принимать с приятным выражением на лице и это еще считается хорошим тоном!

Девичья фамилия его матери была – Бляхман, а Пашин отец, оставил семью, когда сыну было лет семь, а потом и умер, не дожив даже до Пашкиного совершеннолетия. Я не знаю какие там между ними были отношения и что за обиды сын имел на отца, но известно, что Паша на первом курсе университета записался именно как Бляхман, и всерьез намеревался поменять фамилию, отказавшись от этой затеи только благодаря мольбам матери, которая и сама оставалась под фамилией Порядчик, и сына заклинала своим здоровьем задуманного им не совершать.

Он был до бестактности прямой человек, всегда обо всем говорил очень серьезно, а потом с какой-то чисто русской упертой и обреченной угрюмостью, глядя исподлобья, ждал результата.

По моему опыту, такие люди раздражают окружающих, все стараются устроить им проверку, найти какие-нибудь из общепринятых

слабостей, и развенчать тем самым миф о твердости их принципов, лишить морального права на строгую нравственную позицию. Если это не удастся, то их определяют в «странноватые» и начинают сторониться. Так и Порядчика определили бы в дураки, если бы не его потрясающая продуктивность, делавшая Пашу очень выгодным для дружбы. Он был таким человеком, с которым никогда не пропадешь. Учился он лучше всех, всем помогал направо и налево, попасть с ним в одну бригаду на летней практике, означало с гарантией получить пятерку за совместный отчет и при этом палец о палец не ударить. Он таким деятельным был человеком, так много кого в разнообразнейших ситуациях выручал, что не решались его записать в отверженные дурачки. С ним невозможно было не считаться, он всегда был всем нужен – придумывал и немедленно осуществлял свои проекты с колоссальной энергией, а получившаяся выгода совершенно его не интересовала. Я бы даже сказал, что он эту выгоду презирал и над нею издевался. Возможно, от этого Пашины проекты направленные на заработок, сильно много и не приносили. Если бы он с его способностями был сориентирован прямо на обогащение и в этом видел свою генеральную цель, то, я думаю, в самые первые годы перестройки, Порядчик сделался бы кем-то типа крупного предпринимателя. Но никогда он не был прямо нацелен на заработок, а наоборот, деньги презирал и наплевательски к ним относился, вопреки всей рыночной перестройке.

Мне как раз очень нужен был такой человек, как Пашка – толковый, энергичный и прямой, но сам он не желал со мной связываться и вот почему:

Случился со мной этот конфуз, когда я только начал летать. Тогда Паша предложил мне привези для них из Китая на продажу, какого-нибудь хорошего товару. И мне и им это было бы выгодно – они получали товар из первых рук, а не у перекупщиков, я килограммы свои мог никому не продавать, а сам использовать, даже и с большей финансовой эффективностью. Я согласился, взял у него денег три тысячи, и в тесном взаимодействии с моим большим другом Сашей Цукану привез им синтепоновых пальтишек. Дело было как раз под осень, и они должны были хорошо продаваться, но я грешным делом решил сэкономить, точнее, если вещи своими словами называть, решил на своих друзьях еще и денег подзаработать, кроме того, что они мне по совести обещали заплатить, и купил, пальтишки чуть похуже по качеству, чем те, которые по нашему опыту продавались хорошо. Цукану сказал, что по его опыту никакой разницы и нет между ними, но посоветовал во время упаковки внимательно все пачки пересмотреть от греха подальше. Разницу в деньгах, я, конечно, утаил – бессовестно оставив себе. И всего-то мне получилось долларов двести-триста с этой моей подлости, но ребят я подвел очень сильно, поскольку пальтишки эти вообще в Москве не стали продаваться так как качества они оказались просто бракованного – ни одна молния не закрывалась, ни одна кнопка не держалась, даже цвет мог на спине быть не таким, как на рукавах. Паша мне тогда позвонил и говорит: «Что же ты нам такого привез, друг ты наш дорогой и надежный человек»? А я как в угаре был каком-то, вся жизнь у меня тогда менялась не по дням, а по часам, соображение и отказывало..., вероятно по причине перевозбужденности и обилия новых понятий. В общем, я тогда

принялся мерзопакостно выкручиваться, мол, ничего не знаю..., у меня времени не было все пересматривать..., не мои риски.... Все словечки и фразочки, которых я у Цукану поднабрался, на Пашу и высыпал.

Порядчик спорить со мной не стал, обвинять меня ни в чем не стал, даже разговаривать не стал, просто попрощался вежливо и положил трубку, а я и забыл об этом разговоре через пять минут за всей суматохой своей тогдашней. Хотя нет, я еще жене рассказал об этом, да в таком виде, что Порядок, типа на меня без причины пытается навалить свои проблемы, я, мол, все сделал, как договаривались, привез товар обычного китайского качества, а они продать не умеют и на меня свои неудачи сваливают. Жена загрустила, и потом, как выяснилось, сама звонила Пашке, предлагала, чтобы он ей привозил эти пальто по несколько штук, а она будет переставлять молнии и кнопки и вообще, ремонтировать там, где это возможно. Меня, вроде как, выручить пыталась, спасти мою репутацию без моего участия. Наверное, наблюдая тогда мое лихорадочное состояние, она на мой собственный разум и не рассчитывала. Пашка, конечно, никаких пальто ей не привез, только поблагодарил за звонок, а с этими пальтецами как-то сам выкручивался. То ли переделывал их где-то, то ли продал за бесценок, то ли выкинул, я не знаю. Потом я еще узнал, что это попадалово синтепоновое Паша целиком отнес на свой счет, то есть не стал распределять потери ни на кого из своего коллектива. Надо думать, ребята не очень то и предлагали ему свое участие, хотя, если бы пальтишки продавались, то каждый с удовольствием с них бы свою прибыль получил. А тут как бы затупили все, сделали вид, что не понимают о чем речь, и вроде они в решении о китайской закупке не участвовали, все так деликатненько и скромненько просто не касались этой темы в разговорах, рассчитывая, надо думать, на Пашкину порядочность – что напрямую он с них требовать не станет, а заплатит сам. И у каждого были разные существенные обстоятельства, и объяснения такой некрасивой позиции - одному долг отдавать, у другого ребенок родился, у третьего еще что-нибудь животрепещущее. Так и сгадостничали тогда его друзья-приятели, а я – первый из них вообще повел себя как негодяй. Тогда то он и бросил этот рынок к чертовой бабушке, подумав, наверное, что дело это вовсе недопустимое, поскольку порядочные доселе люди, в такие паскудства пускаются, годик в этой рыночной атмосфере просуществовав. Потянуло его, наверное, к чистоте и совести – в глубинку, на Север, где он, будучи человеком, несмотря ни на что, предприимчивым, и нащупал этот свой новый клюквенный бизнес, который приятелям своим, зла на них не держа, на блюдечке и преподнес, когда те уже совсем сидели на мели.

Я стал разыскивать Пашку, когда мне до самой последней крайности нужен был начальник коммерческого отдела. За два месяца я сменил уже троих, и все равно сам за них всю работу делал, а Серега, не любил, когда сотрудники его высшей администрации, типа меня, как он выражался, «в поле работают». Мое дело было смотреть отчеты, задачи ставить правильно, контролировать все процессы и кадры себе подыскивать, а никак не командовать грузчиками, ездить на встречи, и по их результатам ординарные договора подписывать. Это все только в самом крайнем случае, можно было делать самому, когда окончательно нет другой возможности. Такая у Сергея

Давидовича была политика в отношении своих заместителей. А я уже тогда был, между прочим, одним из четырех его первых замов, и в подчинении у меня ходило две тысячи человек, не меньше. Сейчас я думаю, что правильная это была политика, поскольку оперативная работа – она нескончаемая, и как быстро ее ни делай, не будет хватать времени на общий контроль происходящего, и что-то стратегически важное в итоге гаркнется, как это всегда бывает, неожиданно. А чтобы у меня появилась возможность вылезти из всей этой текучки, нужно было посадить на коммерческий отдел толкового, предприимчивого и порядочного человека. И как на зло, из знакомых такого не находилось, а незнакомого на такую должность не посадишь, поскольку очень уж велик соблазн, там нужен патологически честный человек, типа Паши Порядчика.

Первая и вторая мои попытки заманить Пашу к нам на работу окончились полным провалом. Судя по всему, решив раз, что со мной он дела не имеет, Порядчик не собирался ничего пересматривать. Я для него был не только негодяем, но еще и несправедливо удачливым, везучим и посему беспредельно самоуверенным и наглым негодяем, а в подчинение к такому субчику идти – ясное дело, никому не охота, несмотря на все сумасшедшие зарплаты и шоколадные условия. Я это все пишу столь уверенно не потому, что считаю себя тонким психологом, типа я так человека просчитал и насквозь увидел, а просто мы с Пашкой много и откровенно об этом говорили впоследствии, так что ход его тогдашних мыслей я теперь знаю с его собственных слов и наверняка, а тогда, естественно, мог о них только смутно догадываться. И догадывался очень хорошо и даже уверен был, что именно так дело и обстоит, но вины своей не чувствовал. Я же упрямый был и действительно наглый, тональностей в разговоре категорически отказывался понимать. И решил я тогда без всякого приглашения припереться к Паше Порядчику на день рождения. В принципе, план был у меня такой, что если при моем появлении сделается некая сцена, то просто поздравить и уйти, а если все-таки за стол пригласят, то все в порядке. Тут я кстати, еще одно употребил обстоятельство, которое должно было делу на пользу сработать – взял с собой жену, Маринку. Как мне казалось, Порядчик ей всегда немного симпатизировал и я подумал, что вместе с ней он меня точно не выгонит. Так вот, пришли мы с Маринкой, подарок принесли – часики, швейцарского производства, фирмы Longine, долларов за восемьсот. Деньги, правда, потратил казенные, но решил не уточнять, кто это ему дарит часы, я или Серега Песочников, чтобы получилось, что вроде как я.

Подарки, их ведь всем нравится получать, я по себе замечал. Вот считаешь человека подлецом и ничтожеством, а ему чего-то надо от тебя, и неохота ради такого мерзавца даже пальцем шевелить, и кошмаришь ты его по полной программе, безо всякого угрызения совести. И вдруг он тебе приносит в подарочек нечто элегантно – и ты уже начинаешь смотреть на этого голубчика другими глазами. И уже не кажется он тебе таким подлецом, и уже появляется вдохновение немного ему поспособствовать. Так что подарки нужно дарить без стеснения и не боясь обидеть. Это отсутствием подарка можно обидеть, а подарком – никогда! Могут даже не взять из страха там, или из

щепетильности, но никогда никто не обидится на несущего человека – только лучше станут относиться!

Нас не прогнали, встретили вежливо, усадили за стол, но без особенной любезности, Пашка со мной даже за руку не поздоровался. И вот сидим мы со всеми гостями, Паша с Маринкой моей треплется, и я поднимаю тост и встаю, чтобы его произнести. Все гости уже прилично выпивши, и Паша – в первых рядах. А у него всегда была такая особенность он, когда выпьет, очень добрый становится. Такая улыбочка сразу чуть слюнявенькая появляется на лице, глазки становятся чуть ли не заискивающие, как будто только и мыслит человек, чем тебе, собеседнику своему, угодить и что бы тебе такого сказать или сделать приятственного.

Ну вот, я тоже, трезвым, конечно, не будучи, встал, всё притихло за столом, и я сказал Паше о том, как я перед ним виноват за те пальтишки китайские, и какая я сука, что скрысил тогда с друзьями триста баксов. В общем, признался во всем и просил прощения у всей честной компании, а после этого один при общем молчании выпил и, сделав Маринке знак на выход, стал двигаться к двери, типа как больше для себя, такого подлеца, в порядочной компании места не нахожу. Надо сказать, что хоть и выпивши я был прилично, но слова эти мне давались трудно, казалось так – ерунда, я это и задумывал-то наверное, больше как картинный жест– все равно ведь терять уже нечего в отношениях. А как начал говорить, да как начали слова в горле застревать даже голос задрожал и комок в горле собрался. Ребята все застыли, у Порядчика благостная улыбочка в один присест с лица слетела, он, да и не он один – все протрезвели в момент от такого моего тоста. Маринка башкой крутит – то на меня, но на Пашку, в глазах у нее растерянность, и мольба какая-то... Неприятная, надо сказать, была минута. В общем, уйти мне естественно, тогда не дали. Паша меня поймал уже на лестнице, вернул за стол и сказал ответный тост, что он, действительно, очень обо мне переменялся во мнении, и теперь, когда я нашел в себе силы так это все произнести, все старое готов перечеркнуть и выпить со мной на бурденшафт. Так мы и помирились.

Тут и ребята все начали виниться в том, что не предложили ему тогда свое участие, в общем, такое братание пошло – просто встреча на Эльбе.

Через три дня Порядчик уже работал у меня. И дело шло нормально хотя бывали, конечно, и обидные, даже разгильдяйские, ошибки, но в целом все равно, Паша очень быстро освоился и стал в нашем предприятии совершенно незаменимым человеком. Только вот Серега Песочников, директор наш, как-то невзлюбил нового начальника коммерческого отдела, хотя это наверное, и логично – очень уж люди они разные.

Папа не мог не любить нас совсем, многие факты из семейной истории указывают, что мы, семья, не были ему совершенно безразличны. По-своему он любил и маму, и нас с Ленкой. Отец очень часто упрекал маму, что нам всем на него наплевать, что нам нет до него дела, что мы по своей душевной ленности, вовсе не знаем и знать не хотим того, что наполняет его жизнь, не знаем его проблем и переживаний, а только требуем денег, поддержки и даже любви!

«А где я возьму то, что вызывает любовь в человеческом сердце, кто даст самому мне нежность и поддержку, восхищение, обычно свойственное любящей женщине, и увеличивающее силы любимого ею мужчины, кто почувствует, что в настоящий момент мне хочется именно тишины, а через час, наоборот, повозиться с детьми? Где ваша включенность в мою жизнь, люди, требующие от меня безусловной любви к себе?», - такие вопросы отец часто и с максимальным пафосом водружал перед нашей мамой.

Она в такие минуты сидела молча, старалась вовсе не говорить, потом начинала тихонько плакать, но он не унимался и доводил ее до перебоев в сердце, или до того, что ей вдруг начинало не хватать воздуха. Тогда она, держась рукой за грудь, ложилась в постель, принимала лекарство и тихим, срывающимся голосом просила его прекратить разговор. Отец от всего этого распалялся еще больше. Подчиняясь маминной болезни, он вынужден был покидать спальню, где это обычно случалось, и принимался, как голодный тигр, расхаживать по дому. Мы старались не попадаться ему на глаза, и тихо, как мышки, сидели по своим комнатам. Горе было нам увидеться с ним в такие минуты. Хотя он и не обязательно ругал нас, наоборот, иногда, увидев, порывисто прижимал к себе, принимался говорить нежности и вытирать рукой наши слезы, но отчего-то это вовсе не приносило успокоения, по крайней мере, мне. От такой его истерической доброты становилось еще страшнее. Меня просто сковывал, парализовывал дикий ужас, я замирал в его руках, казалось, самое дыхание мое останавливается. Глядя на такую реакцию, в которой я вовсе не был виноват - она была неизбежным следствием естественных физических процессов в моем организме, он мог вновь взорваться, и снова его ярость не обращалась прямо на меня, хотя именно мне, по всем признакам, предназначалась. Однажды, он с грохотом разбил о стенку свой мобильный телефон, выйдя из моей комнаты, а я так и остался сидеть на кровати неподвижный, с прямой спиной, как бы замороженный до состояния ледышки, только кровь стучала у меня в висках, а на душе была непереносимая смесь страха, вины и какой-то тоски нечеловеческой. Потом всегда приходила мама и успокаивала меня, обняв, приласкав и прижав к себе.

Он всё врал о том, что нам на него наплевать. Это ему так хотелось думать, чтобы почувствовать какое-то извращенное

удовольствие. Сколько раз мы пытались растопить его лед, подобраться к душе этого человека и стать ближе к нему! Но это было невозможно. Еще не родился, наверное, на земле человек, у которого хватило бы терпения вынести столько насмешек, издевательств и просто хамских словесных пируэтов, сколько вынесла мама, в надежде стать тем самым понимающим, включенным человеком, которого якобы не хватало отцу. Все усилия были тщетны, он никого и никогда не подпускал к своей душе. Лучшие нас никто его не знал, но и мы, увы, знали его мало. С этим не поспоришь. Он действительно был одинок и действительно страдал от этого, но причина его страданий и одиночества была только в нем самом и ни в ком больше.

Я думаю, отчасти эта тотальная закрытость отца была порождена не слишком законным характером его бизнеса, что было характерно для конца двадцатого века.

Справедливо ли мое предположение? Невозможно теперь ответить на этот вопрос определенно. Но по поводу некоторых реальных опасностей в жизни моего отца можно говорить утвердительно. С чем они были связаны – я не знаю. Те копеечные нарушения закона, о которых он пишет в своих мемуарах, были для того времени совершенной банальностью и не могли стать для него источником серьезной угрозы. Наверное, было что-то еще, о чем папа благоразумно умалчивает. Что это была за деятельность – можно только предполагать. Мама, наверное, знала, но даже сейчас не хочет говорить на эту тему. Сам я хорошо помню, как однажды поздно вечером отец позвонил и велел собрать в доме все его документы, печати, компьютер, и немедленно перенести к соседям. Мне было уже лет десять. В тот вечер арестовали кого-то из отцовских коллег и он сам, опасаясь, что придут и к нам, заочно готовился к возможному обыску. Что-то скрывалось за папашиным бездельем, по крайней мере, первое время, весь конец девяностых и года до второго – третьего. К тому же, в его архивах я обнаружил два просроченных заграничных паспорта на другое имя, но с его фотографией. Эти документы были действительны до самого конца девяностых годов.

Никаких других свидетельств каких-было чрезвычайностей его работы я не нашел.

Слабости человеческие

Первое впечатление от Вадика – совершенно благоприятное. По-мужски красивый, подтянутый, он гордо нес свою полновесную респектабельность и мог бы сыграть роль сердцеда в дамском

сериале или статье, например, «лицом страны», читая новости на центральном канале телевидения.

Не знаю кто как, а я к таким людям всегда относился с двойным подозрением. Я был уверен, что за внешней благопристойностью обязательно должна прятаться внутренняя червоточина. И горе поддавшемуся подобному обаянию! Лет до сорока пяти - пятидесяти отдельным таким субъектам удается дезориентировать окружающих. Зато потом истинное лицо проявляется как в «Портрете Дориана Грея», и уже не нужно быть физиономистом, чтоб отличить мелочного, лживого и сластолюбивого старикана от порядочного, но неизбежно постаревшего человека. А пока им еще только чуть-чуть за сорок - держи ухо востро с такими «красавчиками» - продадут ни за понюшку табаку. Меня очень сердило, когда знакомые ставили нас рядом, рассматривали и искренне спрашивали, не братья ли мы - так похожи мы казались им лицами. Я не находил между нами ничего похожего, кроме, может быть, самых общих черт, которые много у кого могут быть сходными.

От Вадика я всегда ждал подвоха или подлости. Даже когда он безрассудно и бездумно действовал в ущерб своим интересам, а я этим беззастенчиво пользовался.

В диссонанс с моими подозрениями, Вадик производил на всех окружающих впечатление умного, спокойного, приятного и рассудительного человека. Аристократическая седина придавала его густым цыганским волосам особенный благородный оттенок. Живой и внимательный взгляд располагал к доверию. Он был осмотрительным и неторопливым, чем вызывал мое дополнительное раздражение. Аккуратный в формулировках, избегающий слишком долгого журчания речи и беспричинного проявления эмоций - он быстро располагал к себе каждого. Знакомые часто специально приезжали посоветоваться с Вадимом Викторовичем, доверяя ему коммерческие планы или интимные обстоятельства секретного свойства. Свои и чужие. Вадик умел хранить секреты! Он всегда вел себя правильно! А почему? Потому, что начинал вести дела в небезопасном, но прибыльном 1988 году, когда многие нынешние апологеты капитализма еще вместе с мамами и папами думали, как от армии откосить. А в то время людям, которые изначально по природе своей много хохотали, или любили весело языками почесать волей-неволей приходилось в корне менять свое поведение и быстренько осваивать науку «правильного» отношения к жизни. Не сдавшие этот «кандидатский минимум» молниеносно вычеркивались из списков преуспевающих людей. Но Вадика удалось тогда сохранить и даже приумножить свой бизнес. Все свои тридцать магазинов, как он любил говорить. Реально это означало тридцать палаток на Курском вокзале и несколько «лохотронов». Самым простым и эффективным «лохотроном» в прежние годы были наперсточники. Лохотроны давали Вадика треть ежемесячного дохода. Если учесть еще мобильность конструкции, мизерность занимаемой площади и ничтожность расходов на обслуживание, то эта часть бизнеса вообще выглядела самой привлекательной.

Некоторые жизненные устои, явно оставшиеся с советских времен, характеризовали его как человека, не вполне принявшего современную

систему ценностей. Например, кроме новенького автомобиля SAAB-6000 он владел еще отечественной «волгой» и довольно часто на ней разъезжал. В основном, конечно, с водителем, но бывало и сам сидел за рулем. У него вообще не было офиса - встречи проводились прямо в машине. Так и говорил: «Приезжай ко мне на Курский. Я буду на стоянке...».

Никто его при этом странным человеком не считал. Понимали, что сложно в сорок четыре года менять прежние привычки.

Вадик великолепно знал толк в комфорте, любил праздник и все праздничное! У него была огромная квартира в сталинском доме на Кутузовском проспекте, достраивался дом с башенками в родном подмосковном пригороде. Одевался он всегда шикарно и со вкусом. Для желающих приобщиться к выдающейся гастрономии, лучший выбор - сходить в ресторан с Вадимом Викторовичем. Пойдет только туда, где действительно хороши и еда, и напитки.

Несуетливый, чистенький, а главное неженатый, он производил на слабый пол чарующее впечатление. Многие женщины, среди которых встречались милые и добродетельные особы, были уверены, что их жизненное предназначение - составить счастье этого человека. Каждая из них тайно мечтала избавить Вадика от отдельных слабостей, остепенить и зажить с ним спокойной и размеренной жизнью.

Главная слабость у Вадика была одна - алкоголь. Раз в полгода или чуть чаще мы его на недельку-другую теряли. Он, по его словам, уходил «в стратосферу». В пьяном виде Вадик был очень переменчив, и нередко без всякой видимой причины превращался из забавного подвыпившего весельчака в обозленного на весь мир, агрессивного хулигана. Сотрудники его корпорации хорошо изучили слабость хозяина и умело ею пользовались. В те месяцы, когда Вадик сам контролировал работу точек, ему удавалось зарабатывать по двадцать пять - тридцать тысяч ежемесячно. В периоды запоя - ему приносили примерно в десять раз меньше. Но и эти деньги он с пьяным размахом мгновенно просаживал, и неизменно влезал в долги.

Многие соискательницы его сердца, поближе узнав предмет своего обожания, принимали решение благоразумно ретироваться. Те, что выдерживали один-два его запоя, обычно ломались на скупости. Все бывшие жены и подруги считали его законченным и не поддающимся исправлению жмотом. Хотя с некоторых позиций и его можно было понять. Просто человек привык так относиться к женщинам. Все до единой они были для него шалавками и никакой духовной ценности не представляли.

В компании он тратил деньги с большим размахом и удовольствием, пышно отмечал свой день рождения, запросто всех приглашал к себе по поводу и без повода, любил махнуть на зарубежный курорт, захватив с собой для компании пару-тройку до одури талантливых, но неимущих представителей свободных профессий. И там на курорте деньги у Вадика текли рекой, как из рога изобилия. Но при всем этом расточительстве, его подругам и бывшим женам (их у него уже было две), действительно, доставались такие крохи и с такими мучениями, что они уходили, уверенно считая его безнадежно скаредным человеком или даже конченным подонком, поскольку в их девичьем

сознании эти слова были синонимами. Он же нимало не уязвленный их мнением, счастливо вздыхал и удовлетворенно констатировал, что проницательностью пресек очередную попытку себя обокрасть.

Последние года два постоянной подруги у Вадика не было. Хотя оснований по этому поводу горевать у него тоже не наблюдалось. Дома у него была квалифицированная домохозяйка. Приготовит, уберет, постирает. Все тихо, незаметно, аккуратненько. А по части интимного отдыха... , не было среди моих знакомых человека, лучше разбиравшегося в этом вопросе. Иногда казалось, что Вадик знал всех дорогих московских проституток со всеми их личными особенностями. Жрицам профессиональной любви он в целом платил нормально – это была трата на себя.

С Леной Вадик познакомился в клубе «Доллс». «Доллс» был одним из первых в Москве шикарных стриптиз-баров. Персональный танец для клиента стоил там сто долларов. Кстати, кто не знает: персональный танец - это, когда девушка танцует только для тебя и раздевается совершенно полностью (артистично снимаются даже маленькие кружевные трусики, которые они оставляют на себе, штатным образом по очереди танцуя стриптиз на сцене.) Заурядный вечерок в «Доллс» обычно обходился людям с натурой средней широты в тысячу-полторы.

Там были еще ВИП-кабинки. В них, комфортно и уединенно сидя за затемненными стеклами, можно было наблюдать танцы на сцене, и отслеживать всё, происходившее в зале. А можно - пригласить девушку к себе в ВИП. Но не факт, что там у вас с ней состоятся интимные отношения. Скорее всего она «натанцует» на сколько сможет (обычно - это долларов пятьсот) и соскочит.

Иметь связь с девочками из «Доллса» в определенных кругах считалось проявлением устойчивости финансового положения и безбрежности широты натуры. В среднем за ночь любви милые и раскованные танцовщицы брали по тысяче, иногда по полторы. И никогда не шли, если объект чем-то им не нравился. Иные куколки вообще холодно игнорировали клиентов, поскольку у них были свои «папики», устойчиво засаживавшие на реализацию их совсем не кукольных потребностей десятки, а то и сотни тысяч долларов. Тех самых долларов, которые сами ошалевшие от запаха удачи молодые (или не очень молодые) люди, с риском для жизни и по большому везению извлекали из непредсказуемого минного поля застройки нового буржуазного общества.

Лена к моменту знакомства с Вадиком проработала в «Доллсе» уже с полгода. Это считалось много. Девочки с таким трудовым стажем абсолютно утрачивали все романтические иллюзии относительно противоположного пола, что позволяло им спокойно и профессионально добывать из этих «зайчиков» или «пупсиков» денежки на обустройство своих уютненьких «кукольных» мирочков.

Первый раз она поехала с ним за полторы тысячи. Хотя, за что там платить полторы тысячи – мне было не понятно.

Конечно, стандарты в «Долсе» были довольно высокие, но Леночка из девушек заведения, скажем так, явно не принадлежала к первой тройке - очень худенькая, с мальчишеской фигурой, с не очень пышными (если

не сказать реденькими) светлыми волосиками, бесцветными бровками, но зато с очень большим и чувственным ртом, который она бесконечно подводила, подрисовывала и подкрашивала, наверное, справедливо считая его своим главным стратегическим оружием. Как бы то ни было, Вадик на нее неожиданно подсел. А характер у Лены был твердый. Так что, хотя второй раз она сделала скидку на пятьсот, но оставшуюся круглую цену держала уже непоколебимо третье, четвертое и пятое свидания.

Вадик страдал, видя, как утекают денежки, но лишать себя удовольствий было категорически не в его правилах. И как-то раз в виде полушутки он предложил ей выйти за него замуж. Мол, дальше столько платить невозможно и противоестественно. Давай вместе жить, хоть деньги будут в семье оставаться. И она также в полушутку согласилась. Такой вот оригинальненький прикольник у них получился.

Через пару недель Вадик обрел семью в третий раз. Они скромненько расписались, и Лена переехала со своей съемной квартиры к Вадикку на Кутузовский, при этом, надо сказать, не внеся в дом мужа никакого дополнительного уюта и комфорта. Просто приехала и все. Выйдя замуж, она продолжала работать в баре, сама оплачивала содержание своей машины, разговоры по мобильному телефону, все тряпки. Вадик изредка давал по сто баксов на продукты и очень гордился получающейся экономией: «Шиш она у меня чего получит!...».

В те места, куда принято ходить с женой, Лена никогда с Вадиком не попадала. А она, по общему мнению и не переживала из-за этой дискриминации. Через несколько месяцев к Лене приехала ее младшая сестра из родного города Шахты Ростовской области. Девочка, выглядевшая в свои шестнадцать лет уже очень аппетитно, поселилась, естественно у сестры – то есть у Вадика. Он и не думал возражать.

Не без помощи старшей сестрички вчерашняя выпускница средней школы нашла себе в Москве ухажера и спонсора из нагатинских пацанов. Все бы ничего, но однажды вечером Вадик обнаружил обеих молодых женщин азартно и радостно примерявшими кружевное белье, которое они доставали из огромного мешка, наполненного разнообразными трусами, лифчиками, чулками и подвязками. Вадикку не составило труда догадаться, что какой-то из подведомственных новому ухажеру магазинов не смог собрать деньги, чтобы «оказать внимание» правильным людям, и произошла насильственная реквизиция товара. А теперь этот товар, ожидая своей дальнейшей судьбы, хранился у него дома.

То, что в его квартиру знал дорогу незнакомый уголовный элемент, и что в ней временами хранилось награбленное, Вадикку понравиться не могло. Он уже подумывал выгнать сестру жены, а, если придется, и саму жену, но некие особые обстоятельства его от этого удерживали. Достоверно никому не известно, но по некоторым осторожным намекам можно было понять, что он сумел построить с малолетней сестренкой своей супруги

некоторые особые отношения. И, что было самое интересное, старшая сестра вроде была и не против, и чуть ли не сама участвовала в процессе.

В клубе, которому молодожены были обязаны «счастливым» супружеством, Вадик бывал почти что каждый день (точнее, каждую ночь). Девочки, естественно, были в курсе, что этот жгучий брюнет - муж подруги по цеху. И в те смены, когда она не работала, с чисто женской добротой тихонько давали ему в ВИПе даже бесплатно. Не забывая на завтра, как бы проходя, в эдакой расслабленной манере сообщить Ленке:

- Твой-то вчера полночи у нас просидел, половину девочек перетрахал, ты, что там дорогая... ему не даешь что ли?...

- Он у тебя вообще то... ничем не болеет?

Так они и жили. Не то семья, не то шалман какой-то. Постоянные скандалы, перебранки. Взаимные упреки, ругань матерная. Чуть до мордобоя не доходило. Я сам стал однажды свидетелем подобной сцены, пережив её, надо сказать, не без трепета:

Около одиннадцати вечера в пятницу молодожены решили посетить ночной клуб «Метелица». Заходят, раздеваются в гардеробе, поднимаются по лестнице наверх. Красивая пара эффектно входит в зал. Местные девочки, расслабленно скучающие за барной стойкой, узнают Вадика, но благоразумно и тактично сидят на своих местах, сдержанно ему улыбаясь, как бы исподтишка. Зато он сам, пренебрегая тактичностью и забыв о жене, широкими шагами выдвигается в их направлении. Завязывается милый, непринужденный разговор. «Вадик..., привет любимый. Ну, как дела у тебя? Когда позвонишь?...Мы так по тебе соскучились...». Целуются в щечки, улыбаются, пару минут стоят, шутят, обмениваются комплиментами.

Лена благоразумно уходит на несколько шагов вперед и садится за столик спиной ко всему этому безобразию, стараясь сохранить на лице безразличное выражение, вместо которого получается полупрезрительная злая маска.

Когда Вадик присоединяется к супруге, она, с невинной целью уничтожить на его лице блики лучезарных улыбок, спрашивает: «Когда же ты перестанешь шляться по дешевым проституткам?» Дальше ситуация развивается молниеносно. Вадик встает и зычно, в голос задает вопрос, который трудно назвать деликатным:

- А ты, что, **дорогая** проститутка!?

Не дослушав ответ, смысл которого сводится к фразе:

«Не ори, скотина»,

он вскакивает, и еще усилив свой мощный баритон, продолжает:

- Кому дорогую проститутку!? Кто хочет супер-девочку за полторы тысячи!?

Лена сжимает зубы, желваки на ее маленьком личике в этот момент просто неестественно выделяются и начинают шевелиться. Она швыряет ему в рожу скрученную ресторанный салфетку, встает из-за стола и решительно направляется к выходу, шагая так, что от ее траектории

отскакивают метрдотели, официанты и охранники. Вадик лениво идет за ней, продолжая задавать всем знакомым, которых у него здесь предостаточно, вопросы о «ликвидности» его дорогой супруги и так далее. Так они покидают заведение. Лена уезжает на такси, Вадик на своей машине с водителем. Но оба едут в одно и то же место – к Вадиду на Кутузовский.

Ради исторической справедливости нужно добавить, что для такого фортеля Вадим Викторович должен был быть чуть навеселе и по какой-то причине немного раздражен. Когда ему случалось бывать абсолютно трезвым и миролюбиво настроенным, он общался с женой как английский лорд. Он мило ей улыбался, шутил, элегантно подливал винца, нежно целовал ручку, при случае, а на местных девочек, соблюдая приличия, лишь изредка косился.

Был еще случай, когда при скоплении некоторого количества общих знакомых состоялся следующий диалог (или, точнее, монолог), с продолжением...

Лена, тактично желая заполнить затянувшуюся паузу в разговоре, и одновременно желая искренне похвалить мужа за безупречное поведение последней недели, произносит елейным светским голоском:

- Вадик, девочки у нас говорят, что ты совершеннейшим жмотом стал. Жалуются, что совсем им денег не даешь. Сидишь ночи напролет, только ешь да пьешь. А вот какие-то ребята из «Союзконтракта» им каждый вечер по несколько тысяч оставляют, и их девочки теперь больше любят, чем тебя.... Хотя по мне, Вадюшечка, и слава Богу, что они тебе поднадоели - ты у меня самый лучший, а они все дуры недоразвитые!

Вадик не удостоивает жену ответом. Как бы пропускает мимо ушей. Но около двух часов той же ночи, приняв, по случайности, на грудь литр «Смирнова», наш герой оказывается на пороге уже почти «семейного» для него заведения. На счастье, музыка именно в тот момент была приглушена и особо кричать для того, чтобы все слышали, Вадиду не пришлось:

- Ну, где здесь эти прожигатели жизни из аффилированной идеологическим и стратегическим врагом русского народа – фирмы «Союзконтракт»!....

Два вполне респектабельных молодых человека недоуменно поднимают на него глаза. Он, безошибочно определив в них заочных обидчиков, приближается, глядя на них в упор остекленевшими глазами. Его влажные пьяные губищи, складываясь в презрительную ухмылку, начинают говорить размеренно, не торопясь, но и одновременно не давая никому вставить ни единого слова...

- Ах, это вы, господа обожравшиеся миллионеры, изволите здесь швыряться деньгами в тот момент, пока терпеливый русский народ доедает последние, отложенные на черный день сухари!....Я слышал, что шахтеры Кузбасса обещали

навестить вас и ваших американских хозяев после того, как закончится их акция протеста на «горбатом» мосту. И тогда придет ваш черед испить чашу народного гнева! Уж не думаете ли вы, что наворованные на горе матерей, качающих голодных младенцев, на разрушенных армии и флоте России миллионы, мы позволим вам потратить на распутство, на растление дочерей трудового народа?

Девочки незаметно хихикали в кулачки, а раздавленные железобетонной аргументацией бывшего комсомольского активиста парни не говорили ни слова, парализованно уставившись в него двумя парами ничего не понимающих глаз. Они даже не крутили головами, и это не давало их телохранителям намека на команду «Фас!»

За те тридцать-сорок секунд, пока не подросла знакомая с выходками Вадика, охрана клуба, он успел красноречиво донести до всех окружающих некоторые мысли о сложившейся в стране политической ситуации, своих собеседниках и вообще об «американских курах». Вывели его вежливо, он даже смог наплевать на припаркованные возле клуба машины с водителями и охраной своих оппонентов.

История, на счастье, не имела продолжения, но это было просто везение.

Имелся у Вадика старший товарищ. Старший – не в плане руководства или помощи какой, упаси Бог. Просто Вадик уважал его идеологическую позицию. Звали его - господин Бабенко. Очень был зашифрованный и многозначительный субъект. Внешность у господина Бабенко была самая что ни на есть заурядная. При встрече с этим толстеньким человеком, любившим тихонько хихикать, бдительно стреляя во все стороны искрящимися глазками, никак нельзя было предположить, сколько у него денег. Точнее предположить-то было можно, но мое, например, предположение ошиблось ровно на три порядка. Я его оценил, в соответствии со скромным автомобильчиком «Фольксваген-гольф», в несколько десятков тысяч долларов, заработанных в ходе нелегких посреднических операций между каким-нибудь средней руки чиновником и его потенциальными клиентами небольшого масштаба. На самом деле у него в швейцарском банке хранилось несколько десятков миллионов тех самых американских денег. Кстати, Родина у господина Фещенко, несмотря на сильный украинский акцент, была там же, где и его денежки – к тому времени, когда мы с ним познакомились, он уже три года имел швейцарское гражданство и любил говорить: «Вот, поработать пришлось в

напряженном режиме..., необходим теперь отдых на родине... Пора, пора в родные Швейцарские Альпы...».

С Вадиком Бабенко вел себя очень почтительно, всегда называя его при других людях по имени-отчеству. Возможно, у них было что-то общее во времена совместной комсомольской юности, история об этом умалчивает. Но это подчеркнуто уважительное отношение только усиливало страдания Вадима Викторовича. Он тоже хотел столько денег. И чем больше денег он хотел, тем нынешнее его положение рисовалось жалким и унижительным.

В конце концов Вадик тоже решил заняться «таможенным бизнесом». Обилие знакомых, приличная репутация, большое желание – что еще нужно? Предварительно решив на одном из складов вопрос о взаимодействии с инспектором Димой, он начал «таможить» курей. Сначала понемногу – одну - две машины в неделю - все получалось приемлемо. Конечно, на курях столько не заработаешь, как на электронике. Но Вадик не торопился. Он действовал аккуратно и последовательно. Через месяц-полтора работы возник вариант на 10 фур сразу... Вадик взялся. Все бы ничего, но, как назло, едва только этот автопоезд пересек таможенную границу Российской Федерации, Вадик запил. Запил так, что неделю вообще не появлялся, а потом приезжал на пару часов, опохмелившись с утра, чтобы вечером снова уйти «в аут».

Естественно, процесс сам собой не идет. Тем более такой нестабильный, как растаможка. То одна накладочка, то другая. Например, на складе кто-то, не получивший денег, начал возмущаться и писать протоколы – ему надо отвезти немного, пока тот не успел привлечь внимание и наделать глупостей. Или в документах капиталисты-отправители написали что-то лишнее (вечно норовят или реальный вес, или реальную стоимость) – их быстренько «выдергиваешь», везешь к «химикам» - час-полтора – и все написано, что было нужно. А в случае Вадика, если мне не изменяет память, всего-то письмо с разрешением именно на этом складе таможить («открепление» называется) было сделано как-то не так. С него все и началось. Дальше, больше. Кто хозяин, где директор? А какой хозяин-директор, когда фирма – голимая левота, еще их называют «помойка» или «мотылек». Там директор какой-нибудь бомж или вообще неживой уже человек. В такой ситуации нужно кому-то выписывать доверенность от этой «помойки», идти разбираться – мол, директор в отпуске, отъехал. Я вместо него... Но в данной ситуации сделать это было некому. Вадик приезжал на пару часов, пытался готовить какие-то письма, что-то выручать, но все, чем он занимался днем, заглатывая по несколько таблеток седуксена, уже с обеда терялось, забывалось, не доходило по назначению. Потому что с обеда он снова выключался.

Инспектор, с которым Вадик работал, пытался что-то предпринять, даже выпустил пару машин, сумев в момент кратковременного

протрезвления своего партнера, оформить «отказные письма» на другую компанию, но кардинально это ситуацию не изменило.

Дело принимало неприятные очертания. Похоже, у кого-то из высокого начальства возникла мысль сделать этот случай показательным. Инспектора - Диму стали таскать на допросы. Готовилось постановление о конфискации оставшейся части груза по 279 статье Таможенного кодекса Российской Федерации, поскольку за ним вообще никто не приходил, и как бы никто не интересовался. Приблизительная стоимость товара была около 150 тысяч долларов. Клиенты, считавшие свой товар потерянным, уже оценивали движимое и недвижимое имущество Вадика. Заступить за него было некому, да и был он по всем статьям не прав. Хозяева курей, недвусмысленно афишируя свою причастность к уголовному миру, уже рассчитывали получить с Вадика гораздо больше, чем стоимость их товара, воспользовавшись, конечно, его безумным состоянием и чувством вины. Им куры эти уже не были нужны. Они рассчитывали на его квартиру, дом, и все остальное. Какая участь лично ему была здесь предусмотрена после того, как все у него заберут. По-моему без вариантов...

Помимо того, что нам было жалко Вадика, как, хоть и не очень близкого, но товарища, у нас, к несчастью, в этой ситуации был свой небольшой, но корыстный и справедливый интерес. Дело в том, что в начальной стадии всей этой эпопеи Вадик упросил нас сделать для него одно довольно дорогостоящее письмо. Но заплатить, конечно, ему было уже недосуг....

- Вась, я с вами прямо сейчас не могу рассчитаться за это письмо...

Трясущимися руками Вадик достает пачку маленьких каких-то таблеток, выдавливает на ладонь из упаковки несколько штук, бросает их в рот, после этого вопросительно оглядывает мой стол в поисках, чем запить. Я звоню Наташе – референту, она приносит стакан воды, который он судорожно заталкивает в себя вместе с таблетками.

- Вадик, мы то подождем, но нам нужно с людьми рассчитаться, сам понимаешь, они ждать не будут....
- Вась, ну мы же друг друга не первый месяц знаем, вы хотя бы не делайте на меня попыток наезда... Ты видишь, в каком я состоянии... Я со всеми рассчитаюсь!.... Но не сейчас...
- Вадик, тебе врача надо, это химия..., ты сам не справишься! И у нас действительно сейчас нет возможности самим заплатить за твое письмо. А если люди, которые его делали, не увидят денег в ближайшие три дня, у них нам веры больше не будет, и отношения будут испорчены. Мне этого,

Вадик, абсолютно не хочется. Мы тебе помочь решили, Вадик, с твоими курями, по твоей же просьбе! Мы вообще к этим людям даже по своим делам стараемся без крайней необходимости не обращаться. Для них это не бизнес, для них это одолжение в расчете на дальнейшую плодотворную работу. И если при этом происходят любые, понимаешь, Вадик, любые накладки с деньгами – нужно продолжать..., продолжу, они нас будут считать идиотами, и дела с нами иметь не будут. Но в этой ситуации, Вадик, идиоты не мы!...

- Хорошо, хорошо... Будут деньги. Послезавтра присылайте кого-нибудь на Курский... или лучше позвоните сначала,... да на мобильный,... включен, включен.... Уже включен. Видишь, я выхожу. Уже на таблетках. Все, пока. Ехать надо....

В назначенный день, телефон, естественно, не отвечал. Некоторое время мы терпеливо названивали по всем известным нам номерам, иногда даже дозванивались, или он снова приезжал к нам в офис сам. Сдержанно, а иногда и наоборот вычурно, театрально извинялся, снова обещал, снова назначал сроки. Потом пропал.

Мы, не теряя надежды с ним увидеться, установили несколько постов наблюдения возле характерных для его появления мест и стали ждать. Кстати, несколько раз в поле зрения наших наблюдателей попадали достаточно неприятные люди, которые явно так же, как и мы, занимались поиском нашего визави. И, судя по их антуражу и манерам, наша очередь получать с Вадика долги была явно за ними, а на то, что после их сатисфакции что-либо останется, надежды, похоже, не было.

- Ленка-а! Привет!...Ну, как у тебя-а? Рассказыва-ай!
- Да, чего рассказывать, Снежан – никаких улучшений. Мой, прикинь, в штопоре и не думает выходить. Еще, похоже, его белочка торкнула. Я просто места себе не нахожу. Снял себе квартиру ободранную, валяется там, говорит, что его могут искать, что он кому-то должен, и если найдут – убьют.
- Чего?!
- Вот того!.... Сама и не знаю, врет, или правда он чего накосорезил. Мне то чего теперь делать? Я же в его квартире живу, хоть и не прописана там, но мы с ним оформлены, как муж и жена!
- Да-а ты что!

- Вот то-о! Ты Снежан, как будто вчера родилась!... Он, представляешь, говорит, чтобы я ему водку и жратву таскала потихоньку. Чтобы на машине не ездила и внимательно смотрела, не следит ли кто за мной!
- Прикинь!...А ты чего?!
- Чего-чего? Пока таскаю. Езжу, мою его, кормлю, водку привожу. Хотя охота послать его уже ко всем свиньям...
- Ну а чего ждешь?
- Не знаю, жалко его, дурака...
- Лен, бабы - дуры, но мы то с тобой дурами никогда не были. Ситуация простая, как на блюдечке. Давно надо было от него уходить! Хотя бы потому, что он debil и алкоголик, ты от него даже ребенка не сможешь родить! А сейчас еще и в неприятности из-за него можешь залететь. Самый удобный момент от него свалить, но при этом, конечно, себя обезопасить и соблюсти свои интересы! Тебе, между прочим, половина всего его имущества положена по закону!
- Ой, Снежана, у него же все на мать оформлено, да на других родственников, так что по закону получишь только хрен на блюде! Но то, что он для меня не вариант, и нужно самой о себе позаботиться, ты, похоже, права!
- Правильно!... Правильно!... Ну, наконец, то узнаю подругу Лену! Можешь ко мне переехать на время, правда спать тебе придется со мной. У меня, сама знаешь, диванов для гостей нет. Живем скромно, копим на квартиру. Ну, все, пока, дорогая... Целую... Поаккуратнее...

Может у меня весенний авитаминоз? Состояние какое то неприятное. Жрать не могу ничего. Так, если яблочко съем за день – и то хорошо. Всю рожу уже обтянуло. И так-то носила 42 размер, уже впору в 40 перелезть. Скоро в «Детском мире» буду себе тряпки покупать. Хожу как скелетина. От сисек вообще ничего не осталось, два прыщика спереди. Витаминчиков попила – хуже, вроде, не стало, но пока ничего не изменяется.

Стараюсь не замечать, не думать, переключаться на другое. Девчонки посоветовали, я сходила, сделала себе орошение кишечника - колонотерапию.

Процедура, надо сказать, не из приятных. Лежишь целый час на спине, со вставленной в попу трубочкой, а тебе такой автоматической клизмой то накачают в кишки воды, и кажется, что сейчас разорвешься, то открывают какой-то краник, и все содержимое вытекает через прозрачную трубочку, а ты наблюдаешь, что там из тебя вычищается. Так, в принципе, все гигиенично и опрятненько. Доктор с усиками, обходительный, в халатике чистеньком. Я согласно его предписанию, три процедуры оплатила, правда, сходила только на две. На третью у меня уже сил не было. На аэробику

пробовала ходить, даже месячные раньше на неделю начались от этого напряжения, наверное. А толку – ноль целых хрен десятых.

А, может быть, дело совсем в другом?! И сколько я себя не обманывай и не успокаивай, ничего не поменяется.

Потому что главная причина, она вот – возле ободранного дивана дрыхнет, обгаженная. И я должна сейчас эту вонючку переодеть, уложить, приготовить ему на утро таблеточки.... Слава Богу, хоть сегодня не услышу, как он будет всю ночь то стонать, то храпеть, то бормотать что-то.... А как-то раз... затих ближе к утру..., я даже проснулась. Бегом к нему, думала, что помер. Хренушки! Помрет он! Алкаши все долго живут! Скорее я раньше очокурюсь!

Утром - вообще картина Репина «Приплыли»: С кровати сползает, глазки узенькие, как маленькие щелочки, рожа вся отекая, кривая, небритая. На голове – чуть ли не колтун сваялся. И сразу к холодильнику, идет еле-еле, шагом таким нетвердым, ручки прижмет к груди, его всего колотит, даже зубы стучат. По сторонам не смотрит. Вообще, мне кажется, если он родную мать в этот момент увидит умирающую, то все равно сперва дойдет до своего холодильника, трясущимися ручками себе отмерит в стакан, проглотит бережно, как лекарство, маленькими глоточками, немного посидит и только тогда обратит внимание на то, что вокруг происходит.

Мать с папашей всю жизнь маялась. Я, когда еще девчонкой была, сколько раз давала себе зарок, глядя на отцовские фортели, что никогда, никогда, никогда в моей взрослой жизни не будет пьющих мужиков! А этот... Я думала, ну при таких деньгах, на хрена пить? Не верила, что у богатых все так же как у наших, у простых. Думала, он просто от безделья, так, попивает слегка, для куража. Уверена была, что заживем с ним вместе, дела появятся семейные, это пьянство у него и уйдет! А сейчас я поняла: Алкаши, они все одинаковые, что самогоном надраться и валяться под забором, что коньяком дорогушим глаза залить - все одно.

Уже три раза себе клялась, что уйду от него!... Просто не могу его во время запоя бросить. Действительно же может сдохнуть по пьяни. Решала многократно, вот выйдет, и все... съезжаю. И как-то оставалась каждый раз. Вроде, проходит неделька, и начинаешь думать...: а может, он бросит это свое питье..., может больше не будет этого кошмара каторжного... Он ведь сам, бедненький, как мучается на таблетках и под капельницами.... И я так нужна ему. Он такой нежный становится, слабенький.... Начинаешь крылышками хлопать, хлопать, хлопать.... Думаю, как детишек ему рожу, как переедем в его дом, когда достроим.... Будем на свежем воздухе, на природе под ручку прогуливаться и смотреть друга на друга так ласково. Я же одна понимаю его. Никто не понимает, кроме меня, даже мать его родная! Все думают, он просто с жиру бесится. А он же сам мучается больше всех. Переживает человек! Он, когда напьется, так ругает новую власть, новых русских, а больше всех - Ельцина и Горбачева, просто черными словами. Сам бы, говорит, их к стенке поставил и собственноручно пустил в расход! Я спрашиваю, мол, как же ты так говоришь, тебе же эта власть все дала в жизни, что ты захотел? Ты богатый, молодой, здоровый, девки на тебе виснут гроздьями. Тебе-то чего жаловаться? А

он мне отвечает так, что сразу и не поймешь, где шутит, где серьезно говорит. Да и тебе, говорит, новая власть много чего дала. Например, дала право проституцией себе деньги зарабатывать на красивую жизнь - на прокладки и шампуни иностранные. Вот раньше, говорит, ты такого права не имела, просто приехала бы в Москву учиться и работать, вышла бы замуж, родила бы детей и мать твоя с пенсии и огорода тебе бы могла помогать немного. А сейчас ты можешь гордо называться валютной проституткой и стриптизершей! И матери своей можешь хамить по телефону сколько хочешь, ведь она без тебя просто с голоду помрет. Чем не жизнь! Малина!

А мне, говорит, просто нужно очумело радоваться каждый день тому, что все, во что я верил, за что готов был жизнь отдать,... все это за три года во всех видах поизнасиловали и распяли на каждом заборе! Теперь стыдно сказать, что я был на освобожденной комсомольской должности у себя на заводе, и что у меня есть грамота ЦК ВЛКСМ за подписью Мироненко! Это же значит, что я чуть ли не подстилкой был тогда! Приспособленцем я был, когда жил в общеаге и рабочую молодежь пытался поджечь своим энтузиазмом. Пытался не дать нашим заводским ребятам с водкой подружиться и в тюрягу загреть! Когда сам ни разу отдохнуть не съездил, стараясь комсомольские путевки распределить по справедливости! И когда эти стилиаги-алкоголики, которых мы за людей-то не считали, даже не били их от омерзения, вдруг все стали борцами за демократию и диссидентами! Это у них оказывается, у бездельников, боевое прошлое! Они же только водку жрали, да жили в свое удовольствие за счет девчонок наших легковерных! А мы вкалывали и в будни, и в праздники, и по субботникам, и по воскресникам! И тогда мы себя опозоренными не считали! А сейчас я себя считаю опозоренным. И себя, и своего отца – полковника, и деда, который в Сталинградской битве одиннадцать фашистов собственноручно застрелил, будучи замполитом. Не таким замполитом, которых теперь по телевизору показывают, а настоящим – который всегда впереди. И на пули, и на смерть – все равно впереди!

Ты, говорит, дура, думаешь, что я не мог себе в свое время кусочек получше, чем паршивые палатки на вокзале оттяпать! Да мне все это просто противно! Противно, но допустить, чтобы эти псы все порасхватили, а я остался с одним красным знаменем, я не мог... И плачет... Я его голову обниму, так глажу его, убаюкиваю, успокаиваю. Он всхлипывает и засыпает постепенно. Как будто ему немного легче становится, после такой исповеди. Наутро почти ничего и не помнит. Снова мрачный, молчаливый. Но я то знаю, что у него в душе наворочено. А сказать сама ничего не могу. Боюсь. Как то раз он сейф забыл закрыть, я заглянула - у него там деньги пачками, документы о собственности и эта грамота. Красная такая, раскладывающаяся книжечкой. И подпись действительно – Мироненко...

Так и мать моя с отцом жила. Отец сильно старше ее был. Он ведь из казацкой семьи, пил от горя, что вся жизнь у него, у бати и братьев порушилась. А мать все боялась, чтобы он пьяный не наболтал чего лишнего. И жалела его, и любила! И мучалась с ним до конца. Пока не пропал. Так и не нашли его. Мать плакала – убивалась, просто ревмя ревела. Я не понимала ее тогда. Думала, наоборот – это ему наказание за беспутную жизнь, а нам избавление от страданий, от его мордобоев, воровства и пьянства. Только сейчас, когда сама с таким столкнулась, я стала немного понимать моих родителей. Отец-то ведь долго в бегах был от советской власти. Младший он был в своей семье, самый неразумный, вот и наделал глупостей у себя в деревне, так, что бежать пришлось чуть ли не на Дальний Восток. Чего там было, как – мать и сама не знает. Отец, когда на маме женился, в шестидесятых, пытался свою семью разыскать, но не смог никого найти. Похоже, никого живых не осталось. Пойди-пойми, кто виноват. Он себя винил. Вот и запил. Лет десять пил почти без перерыва. Я и не помню его трезвым, только на фотографии. У матери было несколько его старых фотографий, и даже одна, где он с братьями и родителями – девять человек детей в семье было, все парни! Здоровые, красивые, с усами. А он самый мелкий, с хитреньким таким взглядом - видно, что балованный.

Но у нас-то с Вадиком не так все безнадежно. Не то время, слава Богу. У него все есть, да и у меня денег прикоплено. Могли бы жить друг для друга, но пока что-то не получается. Так, существую надеждой, пока он вышедши из запоя. Только чуть-чуть свою надежду подкормлю, и через два три месяца снова-здорово. Ушла надежда. Сначала мрачнеет, злобный такой ходит, слова цедит, как будто я ему деньги должна и не отдаю.... А дальше на парутройку дней просто пропадает. Я понимаю – началось. Потом заявляется или звонит откуда-то, мол, я должна приехать и его забрать...

Приезжаю за ним в какую-нибудь провинявшую гостиницу - у него все разбросано, деньги смятые по карманам распиханы, на пол вываливаются.... Персонал меня разглядывает - так сочувственно-понимающе. Меня это вообще бесит! Увожу его домой, а на следующий день он меня еще так подозрительно спрашивает, не видела ли я, куда у него делись пять тысяч долларов. Типа, это я у него пьяненького их вытащила!

Но такого, как в этот раз, я еще не видела. Уже скоро месяц. Ничего человеческого в нем не осталось. Дома не был уже две недели, живет в какой-то съемной квартире. Говорит, что его могут заставить все что есть отдать, а потом убить. Может, врет спьяну? У папаши моего тоже был момент: ему чудилось, что он шпион, и его должны арестовать. А как проверишь? Если правда, тодаже не знаю, что делать. Хоть руки на себя накладывай. Мне же и прятаться-то негде. А на работу не ходить – так кто ж мне на хлеб-то принесет? Муженек скорее сам заберет последнее!

Ладно, сейчас его переложу, да поеду пока домой. Здесь у него вонища невозможная. Запах грязных порток, немытого тела, двухнедельных окурков и перегара вперемешку. Мне кажется после, что от меня самой так воняет.

Ну, слава Богу! Вроде, добралась до дому. Такая морока пешком таскаться. И почему я, как дура, должна выполнять эти его дебилские инструкции. На машине, говорит, ко мне ни в коем случае не ездить.... Страсти, прям, как в бразильских сериалах....

- Ой, здравствуйте, Вася! Что-то я немного напугалась от неожиданности...
- Привет, Лен. Я давно уже тебя жду.... Нужно поговорить по поводу твоего мужа. В машину ко мне сядешь, или к тебе домой поднимемся?....

Вадик как в воду канул. Зато удалось пообщаться с его женой. Не перестаю удивляться женской способности менять свою внешность просто до неузнаваемости. Я же видел ее в «Доллсе» пару раз. Там она казалась довольно симпатичной и высокой, длинноногой такой, породистой. А увидел на улице без макияжа и прочих их женских украшений – ну смотреть не на что! Какой на хрен косарь за нее Вадик платил!? Я за полтинник, и то еще сомневался бы, нужна она или нет! Кожа да кости! Просто теловычитание какое-то. Со спины смотришь, кажется, тринадцатилетняя девочка идет. И лицо какое-то неровное, глазки бледненькие, водянистые, реснички реденькие, веснушки какие-то коричневатые....В общем, нужно женщину получше рассматривать, прежде чем на ней жениться. А то глядишь, не только забухаешь, а можно прямо-таки и удавиться!

Я старался на нее жути не нагонять. Она и так перепугалась. В машину отказалась садиться, домой к себе тоже не пустила. Гуляли с ней по дворику. Как мог тактично, я ей объяснил реальное положение ее мужа и возможные перспективы. Попросил помочь нам с ним связаться для его же блага. Она, судя по реакции, немного догадывалась, но была не в курсе многих вещей. Хотя держалась молодцом. Сдержанно, без истерик. Взяла мой телефон, свой дала, сказала, что подумает и позвонит. Я ей посоветовал надолго звонок не откладывать.

Вот и началось.... Не успела я и испугаться как следует. Чего делать? Нужно сначала успокоиться.... Ни о чем пока не думать, тем более, что мне через два часа надо быть на работе. Главное – не поддаваться панике. Я, вообще-то говоря, всё гораздо хуже себе представляла. Когда думаешь, ждешь, но конкретного не знаешь ничего - всегда самая нервотрепка. Просто места себе не можешь найти. А когда неприятность уже случится, так даже приходит какое-то облегчение, по крайней мере, уже понятно, что тебя может ожидать и против чего сопротивляться.

Этот Вася на меня даже как-то успокоительно подействовал. Особенно, что сумма – всего десятка! Нервотрепки больше! На крайний случай можно из своих отдать и забыть.

Надо, говорит, Вадика срочно найти, чтобы попытаться выправить ситуацию. Без него..., ну как нам что-то предпринимать? А раз они собираются что-то предпринимать, значит, еще не все так плохо и ко мне, дай-то Бог... не должно быть имущественных претензий, поскольку они сейчас будут этими вопросами заниматься, а я вроде не причем. Жена и все, но не при делах!

Значит, вопрос так не стоит, как Вадик, все мозги пропивший до белой горячки, мне страхов нагонял. Что мол, он там уже столько накопосрезил, что всей его подвижности-недвижимости может не хватить, чтобы рассчитаться! Я, кстати, сразу засомневалась. Ну что же такого можно сделать за несколько недель, чтобы на столько вляпаться?! Имущество то у него, слава Богу.... Дом, квартира, магазины, две машины, золота одного на себя нацепляет тысяч на восемьдесят....

Вообще, алкаши любят напридумывать всякой херомантии, чтобы их пожалели, о них поужасались. Мне врачиха одна, с которой я по поводу Вадика заочно консультировалась, об этом говорила. Мол не пугайтесь, это «мегалофонический» какой-то бред и с вытрезвлением он постепенно уходит. А сам алкаш, потом и не помнит ничегошеньки. Ему и сейчас хорошо и потом будет прекрасно! А нам здесь, хоть загибайся, вокруг него. Как я хочу, чтобы все это кончилось спокойно! Даже в церковь схожу завтра перед работой. Сегодня уже не успею. Правильно люди говорят, что за всех пьяниц специальный святой заступается. Сколько раз видишь, как один нажрется, хулиганит, орет, а его друзьям приходится с ним маяться, уговаривать, на плечах носить, перед всеми извиняться. Так и с моим, лежит там себе обгаженный и в ус не дует. А ребята сейчас будут носиться, встречаться с кем-то по его проблемам.... Немного странно получается. Они же вроде и не особые ему друзья были. Чего за него вдруг решили заступаться? Нет! Надо гнать от себя плохие мысли. Если плохо обо всех думать, то вообще ничего святого не останется. Хотя, конечно, надо быть поосторожнее.

Чуть не опоздала! Всего десять минут осталось, а мне еще переодеваться, краситься и причесываться перед первым парадным проходом. Как всегда не вовремя, мне встречается наша администраторша – Регина. Понимает, что не успеваю, но не упускает возможности ехидно сказать мне чуть-чуть гадостей:

- Душа моя, мы тебя уже заждались... Что у тебя с личиком?
- Да ничего, Регина Феоктистовна, просто торопилась....
- Если, милая моя, такое «ничего» будет прогрессировать, тебе деньги можно будет давать только из жалости. А из жалости, милочка моя, много не дают...! Вон, подруга твоя, Снежана, машет ручкой. У нее все в порядке с формами, и свеженькой выглядит. Следит за собой девочка.... Давай, роднуля, берись за себя, а то придется тебя снимать с программы....
- Ле-енка-а-а! Че-е опаздываешь! Пошли скорей в передевалку!
- Иду, иду. Как на зло, Снежан, и так опаздываю, а эта кикимора еще проходу не дает со своими нравами. Сниму, говорит с программы...
- Да было бы не насрать на нее, гримзу фригидную! Не загружайся. Но чего то ты правда, девка, таешь на глазах! Жри побольше! Через силу жри и все! У меня вот все наоборот, когда нервничаю – жру как бегемот и сразу перестаю влезать во все,... даже в трусы!
- Понятно...
- Чего не смеешься?
- Чего-то не смешно, Снежан. У меня тут такие проблемы начались из-за Вадика...
- Да ты что!... Ну-ка, сядь, расскажи поподробнее! А я тебя пока попричесываю! Будешь у меня через пять минут – роковая женщина.
- Ну, чего рассказывать? Я же тебе говорила - он у меня в запое уже почти три недели. Живет на съемной квартире, помнишь, я тебе рассказывала.... Прикинь, я вчера только от него еду вечером, подхожу к подъезду, как раз думаю об этой всякой слежке и неприятностях, а сзади такой голос тихий: «Лена...». Снежан, поверишь, я чуть не присела от неожиданности. Все, думаю, кабздец, сейчас посадят в машину, увезут и будут трахать всем коллективом, пока все им не выложу...
- Ну, скажем прямо, подруга, нас с тобой такой пыткой не запугаешь. Неизвестно, кто еще первый попросит пощады....
- Снежан, ты ржешь, а знаешь, как страшно? Но он вроде так, по-доброму говорил, нужно найти Вадима, чтобы попытаться выправить его дела. Что проблема всего на

десятку... Мол, не все там безнадежно, но нужно заниматься без потери времени. Просил адрес, где можно Вадика найти, я пока не дала.

- Ты, Лен, главное не паникуй! Ситуация не простая..., этот Вася как-то слишком мягко стелет, чтобы на него рассчитывать. Тем более ты вообще не знаешь, что он за человек. Нужно все обдумать. Сегодня после работы поедем ко мне, спокойно выспимся, а завтра со свежей головой сядем и все шаг за шагом продумаем. Но если сразу говорить, мне кажется, тебе, девка, надо из этой каши выбираться, в смысле ноги уносить....
- Ну куда мне, Снежана, ноги уносить?
- Руками не маши, а лучше посмотри на себя в зеркало, какую я из тебя принцессу сделала. Пара шиньонов и тебя не узнать! Дай я тебя поцелую.... Все, помчались.... Не забудь улыбочку.... Нет, Лен, не такую.... Вот так более или менее. Запомни это выражение лица и держи его весь вечер. Вперед, подруга!

Отработали нормально, еле живые приехали на моей машине к Снежанке. По дороге немного поговорили, потом уже сил не было, быстро под душ, и спать. Завтра все решим. Утро вечера мудренее!

Совершеннейший кавардак в голове. Снежанка считает абсолютно реальным, что моего благоверного, а заодно и меня, не сегодня-завтра порвут. И что визит этого Васи, скорее всего, - пробный шар, прощупывание почвы. Возможно, они хотят поиграть в хороший - плохой. То есть через пару деньков приедут какие-нибудь страшные рожи, начнут запугивать, и тогда я к Васе же побегу за помощью. И дальше, он рассчитывает, что когда мне поможет, (а ему это ничего не будет стоить, поскольку он сам все это и организует, и остановит) я ему буду полностью доверять, и он с моей помощью прикарманит все имущество моего дурачка, а нас с Вадиком потом, наверное, того..., убьют. Снежана говорит, это у них называется «обезьяна», когда такие спектакли разыгрывают с целью втереться в доверие. И что мне надо либо к проверенным людям обращаться, лучше к ментам (у нее вроде есть такие), либо тикать, забирая, что есть. А куда тикать....

И какая вероятность, что ее менты так же не поступят, как она говорит? Что-то мне до сих пор мало ментов встречалось, с которыми хотелось бы дело иметь. С Васей этим мне Снежаночка видется запретила. Я, правда, ей, не сказала, что у него телефон взяла. А мой мобильник мы по дороге выкинули. Выходит, я уже начинаю прятаться. Плохо одно - что перестаю думать своей головой.

Послушать Снежану - у меня получается два варианта, под кого лечь, но и там и там неизбежно того-с... отымеют девочку.

Поеду я, пожалуй, сегодня к себе домой спать. Да и мой законный супруг, там, наверное, совсем уже грязью зарос, надо и его обиходить. Сама буду разбираться со своими проблемами. Я пока еще никому ничего не обещала и не должна. Нельзя чтобы человек кругом всего боялся! Мать моя всю жизнь боялась всего на свете. Отца боялась, что бы не покалечил нас с сестренкой, или с собой чего не сделал. Начальства любого боялась, потому что могут узнать чего об отце и с последней работы его выгнать, а то и посадить, соседей, которые все видят и все знают. И не было у нее за душой ничего стыдного, а все равно она боялась так, как будто все напасти человеческие случаются по ее вине. И что за жизнь она прожила, много ли радости себе сохранила, утаила от всех? Какая там радость! Мне мама говорила, что я - ее радость! «Ты у меня, доченька, самая красивая, самая лучшая, самая умная!», - всегда говорила мне такие слова, сколько себя помню. И еще, что никому я ничем не обязана, что самое мое большое богатство – во мне, внутри живет, и никто его у меня не сможет отнять! «Я, доченька, за нас с тобой двоих горя намыкалась. Твой черед жить счастливо...». Мама все понимала, всякой любила меня. Даже когда я в Москву уезжала. Все ей ясно было, куда еду, зачем, и с кем! Так посмотрела на меня, как будто насквозь просветила..., а потом улынулась так по-свойски, мол: «Не дрейфь, девка, и не такое мы с тобой видали... Нас с тобой ничем не испугаешь!» У меня и сил прибавилось. В нашей работе ведь главные силы нужны, чтобы продолжать себя считать человеком. Душу свою спрятать подальше, но сохранить - для детей своих будущих сохранить, для близких людей! Мамочка моя дорогая! Я обязательно тебя заберу. Я еще тебе внуков нарожаю! Только денег заработаю. Еще чуть-чуть осталось! Только бы мне сейчас пережить... Только бы пережить. Мама говорила: «Не делай, дочка, худого людям, и они тебя не обидят...». Я и стараюсь... когда получается.

И-итить, ты господи...! Придут, порвут.... Если бы так все просто было, наверное, у всех все имущество по три раза на дню отбирали бы. Нет, сейчас не восемьдесят седьмой год, беспредел, слава Богу, уже кончился. Сестренки моей, вон, ухажер.... Вроде уже круче некуда, бандит. К тому же еще и наркоман.... Но очень даже осторожно и с большой оглядкой старается во всякую уголовщину впутываться. Точнее, не впутываться. Всякие там стрелки, качалова, как они говорят – это пожалуйста, в любых количествах. А был у него случай, нужно было по ДТП с бабы какой-то долг получать, так он оборался в свой мобильный, что лучше ему с любыми пацанами встретиться, чем к истеричной женщине домой вламываться и что-то у нее требовать. Сестра рассказывала, мы ржали с ней... Он орет кому-то по телефону, мол, вы не

понимаете, она же (баба эта) просто милицию вызовет, и я уеду из-за вашего крыла помятого... Вы это понимаете, или нет?!!!

Сейчас, я так понимаю, почти у всех своя сахарная косточка имеется, и мало кто хочет рисковать, подставляться, биться с кем-то. Чего ради, жизнь-то в целом нормальная! А самые отморозенные - они еще в конце восьмидесятых друг-другу поперестреляли...

- Ал-ле! Здравствуйте, можно поговорить с Василием Владимировичем. Уехал... Девушка, а вы можете записать мой телефон и информацию... Да, это мобильный, да... Елена, он поймет, пометьте, по поводу Вадима Викторовича... Девушка, а если Василия..., да Василия Владимировича долго не будет, вы можете мой телефон передать его партнерам..., я, честно говоря, не знаю точно, как их зовут, по моему Константин.... Да... Константину Викторовичу! Я прошу прощения, что сбивчиво говорю, но думаю, для них это будет важная информация, пожалуйста, не забудьте. Спасибо....

Я больше с Леной не встречался. Мы посчитали, что от этой ситуации лучше дистанцироваться. Она перезванивала нам еще несколько раз, в конце концов, мы отправили к ней одного из наших сотрудников (чтобы свои рожи не светить), который передал ей все документы, всю информацию какая у нас была по вопросу, касающемуся ее мужа. Через него мы посоветовали ей связаться с Димой, тем таможенным инспектором, с которым Вадик имел производственные отношения. Дали его координаты. Дали координаты хозяев курей, на всякий случай.

Так же ей было сказано, что мы в этом деле участвовать не собираемся. Деньги свои считаем пропавшими, но решили никому не предъявлять. Ситуацию расцениваем, как форс-мажор. Она, похоже, все-таки, рассчитывала на нашу помощь, поскольку лицо у нее стало сначала немного растерянным, а потом как каменное. Так, по крайней мере, нашему человеку показалось. Секундой позже ему было с достоинством сказано, что при первой возможности мы получим свои деньги. Что она признательна нам уже за то, что мы ей дали всю информацию.

И еще она попросила нас об одной вещи. На меня эта просьба произвела особое впечатление. Я даже как-то проникся уважением к этой девочке, о которой думал так много плохого. Она сказала, что может прогнозировать ситуацию, в которой мы будем вынуждены сообщить ее или Вадика координаты каким-либо третьим лицам. И просила хотя бы за день до этого её предупредить... Она даже не рассчитывала, что мы будем скрывать ее местоположение, наверное, считая нас, как и многих других вокруг, бездушными, безжалостными и трусоватыми. Просто просила предупредить ее, если, конечно, это будет возможно – так она сказала.

К нам, впоследствии, действительно обращались с этим какие-то люди, которым совсем не хотелось говорить «нет». Но мы отказали им, сославшись на какие-то объективные обстоятельства. Придумали что-то правдоподобное. Просто послать их в одно место духу не хватило. Это было все, что мы могли тогда для нее сделать.

Еще была одна немаловажная и поучительная деталь во всей этой истории - она через месяц привезла нам наши десять тысяч. Три мы ей вернули. Я не знаю, где она взяла эти деньги. Похоже, просто отдала свои.

Неизвестно, удалось ли ей впоследствии решить каким-то образом эту запутанную и опасную головоломку, от которой зависела жизнь ее мужа. Могу только сказать, что через несколько лет встретил Вадика в одном из московских ресторанов, где он вдумчиво беседовал с каким-то respectable вида человеком, и сам выглядел вполне прилично. Мы поздоровались, он рассказал, что занимается сейчас некими финансовыми операциями, что с прошлым покончено... Я спросил, как Лена. Он, после небольшой паузы, ответил, что они давно уже не вместе, и он не знает, где она сейчас находится. И все... Я не стал приставать с расспросами к этому практически чужому для меня человеку, но все же подумал, что тогда она очень сильно ему помогла. Если бы она просто бросила его в той ситуации и что-нибудь с собой прихватила, Вадик бы обязательно рассказал... какая она оказалась стерва! А о том, как любившая его женщина рисковала собой и вытащила его из большой бочки дерьма, не получив в замен ничегошеньки хорошего, рассказывать не стал. Наверное, это стыдно для настоящего мужика.

Глава 10

Из рассказов, найденных в бумагах моего отца остался только один, но чтобы книжка имела какую-то логику и последовательность, я позволю себе кое-что добавить от себя. Все, что я написал - мои собственные детские воспоминания, рассказы матери, и многое я узнал от своей сестры, не от Ленки, а от другой своей сестры - Дарьи Васильевны, познакомиться с которой мне пришлось уже после папой смерти.

Глава 11

Стоял промозглый октябрь тысяча девятьсот девяносто пятого года. Пробыв в Москве положенные две недели, Марина Дмитриевна Захарова наконец то возвращалась в тепло, туда, где снова можно было носить легкую одежду и босоножки, где невыносимая жара уже спала, прошел сезон дождей и установилась теплая, замечательная, по-московски - летняя погода, называемая «зимний муссон».

Во время регистрации в аэропорту она обратила внимание на компанию, державшуюся настороженно и обособленно. Это были две женщины и ребенок лет четырех-пяти, который, подражая старшим попутчицам, стоял нахмурившись, ровненький как столбик, без обычной для детей его возраста живости и трескотни. Мальчик выглядел так, словно из последних сил сохранял в своей прелестной головке какой то страшный секрет или ужасно неприличное обстоятельство. Было видно, что такое положение для него непривычно и затруднительно; иногда, под теплыми взглядами проходивших мимо пассажиров на его личике как бы невзначай появлялась беззаботная и шкодливо – любопытная детская улыбка, но, взглянув на маму и бабушку, мальчик снова под стать им принимал сердитое и скорбное выражение лица, и прятал свои живенькие глазки так, чтобы их вовсе не было видно.

Женщина помоложе, судя по всему, мать юного джентльмена, выглядела скорее растеряно, чем сердито. Она чуть виновато украдкой поглядывала по сторонам, и поминутно проверяла в сумочке билеты, паспорта и прочие ценные вещи. Иногда пыталась улыбнуться сыну, но улыбка получалась какой-то вымученной, скорее просившей о сострадании, чем обещавшей поддержку.

Решительнее всех держалась женщина постарше. Марина Дмитриевна сначала предположила, что она приходится молодой даме матерью, но потом поняла что перед ней были невестка и свекровь. Эта пожилая дама с нарочито безразличным, чуть брезгливым выражением на

лице, была довольно высокой, худощавой, хорошо одетой особой. Стояла она спокойно, вовсе даже не шевелясь, и глядя в одну точку, но вся энергия ее выражалась в тех редких движениях, которые иногда происходили по направлению к невестке, или внуку. Движения эти, являли собой лишь поворот головы, но девушка от этого, почти всегда вздрагивала, а мальчик, осекался в своем вопросе или движении. Столь быстры и энергичны были эти движения, что сравнение для них напрашивалось лишь с движениями огромной птицы, которая имеет способность молниеносно и неожиданно менять положение своей головы. При этом выражение лица женщины так же быстро менялось вместе с поворотом головы, как и происходил сам поворот – это, вероятно, и придавало вышеописанному жесту особую силу и исполненность энергией.

Иногда она задавала девушке короткий вопрос, на который та начинала отвечать со всей возможной добросовестностью, но, обычно, примолкала через некоторое время, усомнившись в том, что ее слушают, и, не решаясь своими словами прервать размышление свекрови, которая выглядела вовсе отключившейся от невестки и вообще от происходящего вокруг.

Помолчав так несколько минут и стоя при этом неподвижно, чуть только покусывая уголки сжатых губ, старшая женщина вновь обращала свое орлиное внимание на собеседницу, которая, притихнув, и опасливо поглядывая на свекровь, готова была в любую секунду продолжать повествование. Иногда по ходу рассказа, девушка награждалась поощрительной улыбкой, под ударом которой еще больше терялась, и еще больше старалось придать своему лицу суровое выражение.

Марина Дмитриевна как то сразу принялась жалеть мальчика, сочувствовать молодой женщине и негодовать на пожилую. Ее чувства усиливались с каждой минутой. У матери симпатичного и ухоженного карапузика, который как раз немного отвлекся и кокетливо подмигивал своему отражению в зеркальной витрине, зазвонил телефон. Она аккуратно достала его из сумочки, пару раз кротко взглянув на свекровь снизу вверх, как бы извиняясь и недоумевая - кто бы это мог ей звонить, осторожно поднесла трубку к своему уху, и тихо ответила, чуть прикрывая рукой рот, как бы из опасения причинить беспокойство окружающим, хотя более уместно было бы среди аэропортовского гомона той же рукой прикрыть свободное ухо. Ее лобик чуть наморщился, видно было, как она силилась услышать, но тут же ее лицо прояснилось, просветлело и приобрело обычное человеческое, доброе, веселое и задорное выражение. Она что-то ответила, радостно посмотрев на сына, который принялся отчаянно скакать, дергая мать за рукав, и громко требуя чего-то. На лице его не было и тени предыдущей суровости, оно выражало бурное и нетерпеливое счастье. Марина Дмитриевна, умилилась, и, читая по губам, смогла разобрать слова, повторяемые молодым человеком. Он на разные лады кричал, вопил и просто произносил одно слово: «Папа!», или еще «Дай папу!», и требовательно тянулся к материнскому телефону, то, казалось, уже готовый разрыдаться, то настойчиво добираясь до материнской руки и изо всех сил продолжая дергать ее за что попало. Мать хотела было протянуть ему трубку, глазами как бы радостно говоря ребенку: «Подожди еще

секундочку, дорогой, сейчас я дам тебе твоего папочку...», она уже отдаляла трубку от себя, и, торопясь, объясняла что-то своему мужу... как тут худая, и, как показалось Марине Дмитриевне, когтистая рука больно схватила мальчика за плечо и несколько раз с силой потрянула ребенка, да так, что он, потеряв равновесие, бухнулся на пол. Лицо его выразило отчаяние, которое секундою позже все до капли собралось в его глазах. Малыш опустил голову, набрал воздуха, и зашелся в громогласном и отчаянном крике. Мать, в ужасе вытаращив глаза, сначала ничего не могла предпринять, а только, забыв о своей полуоткрытой сумке, суетливо искала, куда бы запихнуть телефон, а бабушка успела еще склониться над внуком, и, потрянув орущего мальчугана еще пару раз, произнесла несколько увесистых слов, глядя прямо в глаза рыдавшему внуку. Было непонятно, как вообще человек может говорить со столь напряженно сведенными челюстями и сжатыми губами. Если бы мать через секунду не схватила ребенка на руки, и, отвернувшись от бабушки, не начала его успокаивать, Марина Дмитриевна сама бы пошла и вмешалась в эту безобразную сцену. Ребенок всхлипывал на груди у мамы, которая как-то незаметно, по полшажочка, но уже отошла от своей сердитой свекрови на приличное расстояние, и шептала мальчику на ухо что-то ласковое; он уже успокаивался. У них еще раз зазвонил телефон – это снова был папа, и малыш смог, наконец, поговорить с ним, но, всхлипывая через слово и уже ничего почти не сказав из того, что пять минут назад ему так хотелось сказать.

Когда они вернулись к вещам, бабушка, наверное, увидев отражение своего лица в зеркальной витрине, взяла себя в руки. Возможно, ей даже стало немного стыдно, по крайней мере ее лицо стало слащаво-заискивающим – она подходила к мальчику то с одной стороны, то с другой, но он некоторое время упрямо и сердито отворачивался – пока происходившее не сделалось для него забавной игрой, и он не рассмеялся, в очередной раз, увидев бабушкину умильную физиономию. Тогда расхохотались и мама, и бабушка, та, не скрывая восторга, крепко поцеловала внука в щеку, он как бы отстраняясь, опустил голову, но она еще поцеловала его в макушку, а когда он снова попытался уклониться – еще и в шею.

У Марины Дмитриевны эта идиллическая сцена семейного примирения вовсе не вызвала умиления, скорее, досаду на то, что справедливость, так, по сути, и не была восстановлена. Марина решила отвлечься от странной семейки, рассудив, что ее будущему ребенку больше пойдут на пользу спокойные, радостные эмоции его собственной матери, а не чужие огорчения, которые могут его запросто взбудоражить. Не имея возможности уйти, она отвернулась, достала дамский журнал и попыталась погрузиться в чтение и рассматривание картинок.

Она была беременна второй раз в жизни, тридцати трех лет от роду, при том, что первая беременность окончилась для нее благополучными родами, в результате которых, три года назад она родила себе дочку. Если выразиться точнее, то родила она тогда дочку не только себе, а и своему мужу – так думала юная Марна Дмитриевна, но её супруг, будучи человеком деловым, занятым и очень ценившим свою великолепную персону, вскоре после рождения дочки решил, что найдет себе девушку и

поинтереснее. Этот, сначала смутный, а затем окончательный вывод дорогого супруга, вылился для Марины в постепенное охлаждение отношений, а затем в незамысловатое предложение, еще целых полгода созревавшее в голове ее умного мужа - довольствоваться странной ролью не то приживалки, не то домработницы - от чего Марина, естественно, отказалась. Она собрала, что могла, из вещей, и вместе с десятимесячной Машенькой гордо уехала к маме в Ростов. Тогда Марина Дмитриевна была уверена, что не пройдет и трех дней, как он примчится просить прощения, но этого не произошло.

Теперь она была беременна вне брака, и изо всех сил отказывала себе в удовольствии хотя бы помечтать о будущем счастье в новом супружестве. Но, скажите, какая из женщин может отказать себе вовсе в такого рода надеждах? Конечно ни одна – сколько бы они себя и окружающих ни пытались в этом убедить. Посему, некоторая надежда на личное счастье существовала таки в ее фантазиях, назло и вопреки всем доводам разума и здравого смысла.

Дело в том, что впервые в жизни у нее появился юный любовник. Конечно, он не являлся школьником или студентом, но все же был ее существенно младше – теперь ему было всего двадцать семь лет. Марина сделала все, чтобы убедить себя в сугубо физиологической природе переполнявшего ее чувства и в полном отсутствии привыкания. Исходя из предположения, что никаких серьезных эмоций с противоположной стороны нет и в помине быть не может, она решила в свою очередь быть прямолинейной и уверенно влюбленной в себя, нисколько не задумываясь о впечатлении, которое это будет производить на ее юного избранника.

Такое поведение было полной противоположностью всему, чему учила Марину Дмитриевну мама, всему, что она считала добродетелью в настоящем смысле слова, всему, что она воспитывала в дочери, и собственно говоря, тому, как она относилась к своим немногочисленным мужчинам прежде. Это новое ощущение дозволенности было большим секретом от всех!

Большая территориальная удаленность нынешних ее любовных отношений от дома, мамы, дочери и вообще всего того мира, где ее знали, способствовала увлечению, усиливала и обостряла чувства пьянящим ощущением безнаказанности. Огромное счастье и сказочная удача в том только и состояли теперь, что часть её работы происходила в далекой и жаркой стране, где пребывал ее молодой друг, а она наезжала к нему на недельку - не реже двух раз в месяц. Через несколько суббот она поймала себя на том, что в очередной раз можно было бы и вовсе не лететь, и сэкономить приличную сумму, урегулировав все коммерческие вопросы по телефону. Но как только Марина Дмитриевна представила себе, что придется ждать еще целых три недели... Ей стало до невозможности обидно. Эта мысль резко отозвалась ощущением собственной, брошенности и никому ненужности, что было, впрочем, не впервой, но еще она почувствовала, что не может оставить своего мальчика без себя, что ей непереносимо даже представить, даже подумать о том, как он заскучает, как будет тосковать и злиться, как, возможно, даже будет всхлипывать ночью в подушку от обиды. Она не хотела

и не могла его обижать, и, отбросив глупые сомнения, снова и снова летела к нему, расправив крылья, и подняв все возможные и невозможные паруса.

Одновременно, Марина продолжала убеждать себя в полной бесперспективности и кратковременности их отношений, но уже как-то иначе, уже чувствуя в себе что-то тепленькое и приятное, что можно спугнуть любым неосторожным движением, да что движением - неосторожной мыслью, и Марина даже размышлять об этом не решалась, сохраняя это «что-то» в огромной тайне от всего мира. Не прошло еще и двух месяцев, как это нежное душевное ощущение органично переросло в беременность, которая случилась вопреки всем подсчетам дней и, более того, вопреки всем давно уже состоявшимся медицинским выводам о несовершенстве детородной функции Марины Дмитриевны, разного рода непреходимостями, которые, и беременность то исключали с вероятностью близкой к ста процентам, а тут вот... уже три недели.

Она и не знала, говорить ему или нет, и вообще, что дальше со всем этим делать, но никакого беспокойства не ощущала, она не боялась предстоящего разговора, который почему-то не казался ей щекотливым или неприятным. Она вообще не думала ни о чем, а только наслаждалась ощущениями. Было так хорошо, покойно и радостно! Она с каждым днем все больше и больше нравилась себе в зеркале, все большими глупостями ей казалось то, что еще вчера остро беспокоило, нервировало и злило. Она чувствовала, что теперь у нее было что-то хорошее и очень-очень нужное, без чего вся ее предыдущая жизнь была неполноценной и несостоятельной, и какое счастье, что теперь это у нее, наконец, появилось, и никто этого у нее не отнимет! Хотя, не первая беременности и не девочка уже, чтоб все так остро чувствовать, а замирало сердечко Марины Дмитриевны от самого что ни на есть трепетного счастья.

Быть может поэтому в ней так остро и отозвалась несправедливость с ребенком и двумя тктками, из-за контраста ее внутренней тихой радости с неизвестно откуда берущимися злостью и жестокостью.

Нет-нет, да поглядывая из-за журнала на своих попутчиц, она представляла, что, наверное, в этой семье папа – основа и оплот стабильности. И, наверное, без него им так неуютно, тревожно и беспокойно. Вот оно и копится – это беспокойство, перекидает в страх, а затем в злость и жестокость, которые неожиданно их захватывают, и на других или на самое себя могут случайным образом и без всякого повода обрушиться. А обретут они своего папу – и все как рукой снимет, снова наступит у них мир, покой и устроенность.

Марина Дмитриевна даже попыталась представить себе этого папу. Какой он? Наверное, большой и веселый, с задорным прищуром и приятным открытым лицом. Но как она ни старалась представить тот идеал мужчины, к которому эта семейка, судя по всему, ехала, у нее перед глазами все равно вставал образ ее мальчишка, ее Васечки, ее игрушки и ее полноправного властелина, отца ее будущего сына (она была уверена, что непременно сына). Марина даже улыбнулась про себя, мол – никакие другие мужики в голову не идут. А как уж эта молодая женщина обрадовалась, когда ее муж позвонил –

просто просияла вся. Приятно было посмотреть. Хорошо, когда счастье есть не только у тебя – его тогда не нужно стесняться, можно им немножко похвастаться.

Сам источник заветных надежд и приятных ожиданий Марины Дмитриевны лежал в тот момент совершенно больной на кровати и думал только , как бы ему не сдохнуть в те моменты, когда не было нужды соображать, как добраться до туалета. Это был худенький и длинный молодой человек, выглядевший, вероятно , из-за своей худобы, моложе своего реального возраста – всего лет на двадцать пять - с грустными, немного виноватыми глазами, взгляд которых он пытался сделать дерзким и по возможности пронизательным, но получалось это почти всегда плохо и окружающих только смешило. Хотя, в основном, люди, незаметно очарованные, каким то внутренним обаянием этого располагавшего к себе юноши, старались не подавать виду, и тактично поддерживали в нашем герое чувства, видимо, очень важные для его самолюбия. Возможно, само это обаяние отчасти определялось его неказистостью, и прозрачностью всех его мальчишечьих намерений – он вовсе был не страшный, ну просто нисколько, ни на одну сотую процента не мог показаться хоть кому-то угрожающим. Говорят, ласковый теленок двух мамок сосет, к нашему герою это вполне могло относиться, окружающие старались щадить его от непосильных обязательств, которые, именно под влиянием своего самолюбия или даже тщеславия, он был большим любителем себе выискивать. И часто можно было с улыбкой наблюдать как он, взмыленный и от ужаса ничего уже не соображающий, носится, силясь хоть что-нибудь сделать в явно непосильных для него категориях, но виду при этом не подает, пытается сохранить хорошую мину, хотя ничегошеньки и не получается. Надо сказать, что такие коллизии приключались с ним не очень редко, но совсем плохо никогда не кончались, то ли из-за простого везения , то ли из-за повальной доброты попадающихся ему навстречу персонажей, что, впрочем, практически одно и то-же. Надо сказать, мало кто этого парня воспринимал всерьез, но делать ему плохо, по непонятным причинам почти никому не хотелось, на том он, сам того не замечая, и выезжал.

В аэропорту Дели, Марина Дмитриевна, к удивлению своему , не увидела Васю у трапа самолета. Вместо него по летному полю, победоносно расхаживал один из групповодов с Васиным пропуском,

приколотым к мокрой от пота рубашке, в сопровождении Васиного же индийского сотрудника – Нарииша. Она замешкалась с выходом и видела через окошко, как из ручейка следовавших к автобусу пассажиров отозвали тех самых двух женщин с ребенком и собираются сажать их в Васин автомобиль.

Садиться в машину и уезжать они не торопились, как будто ожидая чего-то, Нарииш, присев на корточки, пытался развлечь насупившегося мальчика. Марина Дмитриевна, немало обескураженная происшедшим, сошла по трапу одной из последних. Возле Васиной машины она остановилась и повернулась к двум своим случайным попутчицам. Расстояние между ними было совсем маленьким. Васина мама тут же отвернулась, без демонстрации, деликатно, а супруга стояла, так же, как и Марина Дмитриевна, не в силах отвести глаз.

Они обе, не отрываясь, смотрели друг на друга несколько секунд, Марина заметила, как у молодой женщины задрожали губы и несколько крупных слезинок скатилось по щекам. В ее лице не было злости, готовности к борьбе, скорее там можно было прочесть скорбь и отчаяние, возможно, даже скорбь и смирение, покорность своей судьбе, какой бы она ни была. Женщина попыталась даже улыбнуться Марине Дмитриевне уголками губ, но улыбка не получилась, губы задрожали, усилие улыбнуться чуть было не превратилось в рыдания... Тут мальчик забеспокоился и полез к ней на руки, пытаясь утешить свою мать, и она, опустив взгляд на него, больше не смела поднять глаз на Марину Дмитриевну. Прижав к себе ребенка, женщина отвернулась, одной рукой промакивая нос и глаза бумажным платком, а другой поддерживая сына, который, извернувшись, смотрел теперь на Марину один. Он смотрел испуганно, сердито и какой-то суровой решимостью, которой не было у его матери. Марина отвернулась и медленно побрела к автобусу, откуда ей уже кричали, что она осталась одна.

В тот же день, без промедления урегулировав свои торговые дела, коротко поговорив с Нигамом, все подтвердившим с некоторыми дополнениями, Марина Дмитриевна вылетела ближайшим рейсом в Москву, а оттуда сразу к маме – в Ростов. Оставаться в Индии у нее не было больше ни малейшей возможности, такой она чувствовала себя кругом виноватой. Виноватой перед всеми: перед Васиным сыном и его женой, перед своей мамой - за то, что нарушила запрет и вторглась в чужую жизнь. И так это было неприлично и стыдно, такая боль разрывала ее душу, вплоть до физически-нестерпимого давяще-царапающего ощущения в животе. Перед самой собой, она тоже чувствовала себя виноватой и перед своим будущим ребенком, и перед Васей - за то, что уезжает, даже не объяснившись, с мужчиной, который, ее любил, и которого она любит, уезжает, не поговорив с мальчиком, который, возможно, сейчас нетерпеливо ждет ее звонка, или хотя

бы сигнала, страдая от своей болезни, и от ее, Марины Дмитриевны, отсутствия. Она точно знала, что он страдает и ждет ее, была уверена, что, появившись она сейчас, и все можно будет изменить, но именно потому и уезжала, твердо решив покончить с этим делом, что слишком близка была её победа. Только цена этой победы была невозможной.

Всю обратную дорогу она, делая вид, что спит, проплакала, но твердо решила не возвращаться, и не давать Васе возможностей ее найти. Уже совсем было ясно Марине Дмитриевне, что это единственное правильное решение, что спас ее Бог от большой беды, и наступило у нее на сердце облегчение.

В урочный день Марина Дмитриевна родила дочь. Она в тот период была весьма загружена разнообразными деловыми вопросами, работу не прекращала ни на день, поехала рожать прямо из своего офиса, и даже в родильном доме, до самого кульминационного момента не расставалась с мобильным телефоном, по которому продолжала кому-то выговаривать, с кем-то объясняться и отдавать какие-то исключительно необходимые распоряжения. Позже она думала о совершенной несвоевременности всех этих телефонных разговоров - не было среди них ни одного, который нельзя было отложить, но так ей казалось легче. Она привыкла ничего не чувствовать, увлеченная своим процветающим бизнесом, и теперь страх перед родами, и боль от схваток ей помогло преодолеть то же самое привычное состояние. Девочка родилась двадцать первого июня тысяча девятьсот девяносто шестого года, в канун Васиного дня рождения. Родилась слабенькой, нос и рот ее оказались забиты слизью, дыхания не было. Правда, как только бригада педиатров освободила ребенка от этой напасти, ее синеватые губки зашевелились, как будто выражая недовольство вторгающимися в нее инструментами, маленькие полусогнутые ручки и ножки задвигались, как бы защищаясь, или отодвигаясь от посягателей, и барышня, поднатужась, самостоятельно сделала первый вдох. Через три секунды, она, открыв голубенькие глазки, с укориной оглядела окружавших ее дядек и теток, набрала еще воздуха в легкие и... зашлась криком здорового младенца. Врачи были в целом удовлетворены, но на всякий случай оставили девочку на недельку в реанимации, слишком уж мало она весила и совсем ничего не хотела есть самостоятельно. Крошку расположили в специальной камере, ей ставили капельницы, делали уколы, постоянно брали анализы, контролируя кровь. Постепенно девочка стала выправляться, решила покушать и самостоятельно высосала первые пять граммов материнского молока, потом больше, и, наконец, через две недели, ее вместе с мамой выписали домой в удовлетворительном состоянии. Мама тоже была в порядке, и снова начала с

упоением названивать по мобильному телефону, который , немного забросила в первые – самые сложные для ее дочери дни.

Теперь у Марины Дмитриевны было две дочки: Машенька и Дашенька. Старшая - Маша уже давно жила в Ростове у бабушки, где ей, конечно, было лучше на свежем воздухе, тем более, что условия там были отличные – об этом то уж Марина Дмитриевна позаботилась. Туда же готовились переправить и Дашеньку, чьего приезда бабушка и старшая сестра с нетерпением ждали. Мать просила Марину Дмитриевну саму приехать с дочкой и пожить у них хоть две недели, а лучше бы месяц, но это было невозможно – необходимо было готовиться к сезону, который, как известно, определяет финансовые результаты всего года. Марина Дмитриевна только на два дня вырвалась к матери, окрестила девочку и умчалась обратно в Москву – работать.

Конечно, она плакала по дороге обратно, конечно ей было жалко своих деток, которых, она мало того, что оставила без отцов, но еще и лишила матери, и некому было об этом рассказать, и некому было пожаловаться. Марина уезжала все дальше и дальше от своих детей, убегала от своих мыслей, и чувств. В круговороте дел она переключалась и успокаивалась. Все налаживалось, девочки росли нормально, Марина навещала их не реже раза в месяц – это было ее железное правило.

Постепенно ей открылась одна простая вещь: «...если у тебя нет мужчины, это совсем не значит, что ты - неудачник и должна быть несчастлива, и тем более не значит, что будут несчастливы твои дети».

Папа ничего этого не знал, у него продолжалась обычная жизнь, в которую изредка вносили разнообразие любовные приключения. По словам мамы - описанное ниже явилось одним из последних. К зрелому возрасту папа уже влюбляться перестал.

Васькина любовь

В старенькой Питерской квартире звенит телефонный звонок. Изящная светло-розовая трубочка нежно тренькает в длинном, заставленном и завешенном всяким хламом коридоре. Она лежит на большом, еще довоенном комод, покрытом старой темно-зеленой шелковой скатертью с

красивым вышитым рисунком и длинной бахромой по краям. Из глубины квартиры энергично появляется очень худая женщина лет пятидесяти пяти с полотенцем на голове и длинном махровом халате салатного цвета. Быстро ступая ногами в мягких тапочках по когда-то дороговому, но уничтоженному безжалостным временем дубовому паркету, она подходит к комоду, поднимает трубку и садится в удобно стоящее рядом плюшевое кресло. Обе боковины этого кресла безжалостно подраны котом, на темных деревянных подлокотниках остались застарелые следы от чайных и кофейных чашек.

- Мама, мама, мама... Алё, алё... Ты меня слышишь или нет!?!...

- Олечка! Оля! Дочка, здравствуй!...
- Да, мам, привет! Только не кричи так, пожалуйста, а то я оглохну еще кроме всего прочего, от твоего крика!
- Хорошо, хорошо, а я знаешь, привыкла, что едва слышно по телефону, когда звонят из-за границы...
- Ну, как у вас дела?
- Да ничего, спасибо, девочка моя!
- Как там папа?
- Да все нормально, сама знаешь... Папа носится с твоей квартирой целыми днями. Я планировала его положить на обследование, чтобы все-таки сделали кардиограмму, все анализы... У него вроде все нормально-нормально, а потом как схватит так, что он шевельнуться не может, а мы и не знаем в чем дело! Да ты за нас не беспокойся, дорогая, у тебя то, как там?
- У меня все нормально. Мне никто не звонил?
- Знаешь, нет. Что-то никто не звонил.... А ты ждешь... Это должны от Сергея Давидовича позвонить, да? Он что, так с тобой и не связался до сих пор?... Вот негодяй! А каким выглядел порядочным человеком, так хорошо относился к тебе. И как с нами безнравственно поступил!.... Но ты, Олечка, будь выше...
- Мама, я просто спросила тебя, звонил мне кто-нибудь или нет! Почему ты сразу начинаешь комментировать мою личную жизнь, притом, что тебя об этом никто не просит?! Ты думаешь, мне легче становится от твоих завываний?!
- Да что ты, Олечка! Ты же должна понять мое состояние! Я просто не могу себя сдерживать! Так он поступил с нами...
- Мама!
- Ну, хорошо, хорошо! Не буду ничего говорить, хотя знаешь, сколько на душе накопилось! Я бы ему сама позвонила и все высказала. Ладно, не мое это дело. Ты там не болеешь у меня? Что-то у тебя голосочек немного гнусавенький, моя птичка. Ты там не замерзаешь?

- Не замерзаю...
- А кушать то у тебя есть что? Ты там не голодаешь?
- Не голодаю....
- Ну и хорошо.... К нам не собираешься? А то папа здесь уже из сил выбивается. Ему так трудно с твоими строителями! Нужно тебе самой, Олечка, хоть немного дать им здесь разгону. Да и мы тебя давно не видели...
- Скоро приеду. На этих выходных, наверное. Если ничего не изменится. Денег вам привезу...
- Да это не обязательно, у нас осталось еще и с того раза немного.... Хотя, конечно, лишние не будут. Оля, а он хоть деньгами-то еще помогает тебе? Или совсем уже все? Ведь так любил, так любил! Прости Господи!
- Ладно, мама, все, я с мобильного звоню, не по карточке... Ну, скоро увидимся, целую.
- Оля! Оля! Ты перед прилетом еще позвони, мы, может быть, кого-нибудь попросим встретить тебя!
- Не надо, мама, никого просить ни о чем! Все, до свидания.
- Ну, пока, пока, моя рыбонька, не убивайся ты так!

Женщина, продолжает сидеть с трубкой в руках, ее лицо делается мечтательным. Чуть помедлив, она начинает неторопливо листать телефонную книгу, как это делают люди, на досуге перебирающие своих знакомых в размышлении кому бы еще позвонить. Это длится минуту или две, потом телефонная книжка остается мирно лежать у нее на коленях, а она уже любовно рассматривает свои руки, положив их под яркую настольную лампу. Маникюр, красивые колечки с камушками – все это ей нравится. Вот только вены, все больше проступающие синими бугорками из под кожи, и сама кожа, теряющая упругость и приятный цвет, огорчают ее. Женщина вздыхает. Грузный мужчина в синих тренировочных брюках оттянутых на коленках и белой майке без рукавов бесшумно выходит из кухни, тихонько обнимает ее за плечи и нежно целует в полотенце. Она поворачивает к нему голову, благосклонно улыбаясь, некоторое время они молча смотрят друг на друга. Потом муж тихонько улыбается ей краешками губ, как бы подбадривая, а она чуть кивает головой, опустив глаза, смиренно принимая мир таким, каков он есть.

- Ну, что там... Ольга звонила?
- Звонила, звонила твоя доченька. (Говорится с глубоким вздохом) Облаяла меня как всегда и трубку повесила.
- А чего?
- Да ничего! Тебе то уж точно ничего. (Вздыхает)
- Ну, как она там, чем живет-то?
- Чем живет? Либо этот еврейчик все еще ей деньги посылает, либо уже на панели твоя доченька! Теперь и не поймешь, что лучше то...

- Скажешь ты тоже, мать, глупость такую. На панели! У нее два высших образования, язык, девка видная. Ты не драматизируй уж...
- Ну, хорошо, хорошо, успокойся, тебе же нельзя нервничать! Хорошо, пусть будет, как ты скажешь. Я не меньше тебя люблю нашу дочь... Зайчик, принеси мне кофеечку, я тут так хорошо пригелась в креслице, и мне еще в одно место нужно позвонить...

Как только где-нибудь пригреюсь, жутко охота спать. И постоянно болит голова. Живу на таблетках. Это моё обычное состояние в последние три месяца. Работа начинается в 9 вечера и до 5 утра. Днем выспаться как-то не очень получается. Так, вырубаюсь урывками, на несколько часов, если дел никаких не появляется. А они всегда появляются. Вспоминаю, что надо поспать, только за два часа до работы, а тут уж не до сна!

Кожа из-за такого режима стала портиться, волосы лезут пучками и наваливается какая то тупость. Делать ничего неохота, даже желаний никаких нет. Хотя, кого тут винить? Сама, дура, виновата, что дня не хватает в порядок себя привести. В целом, жаловаться на условия глупо. Все нормально. Живу в культурной, цивилизованной стране с роскошной экологией. Здесь никогда не бывает плохой погоды! Если осень, то теплая и золотая. Если зима, то мягкая, солнечная, и снега нет на улицах. Зато в горах... Роскошные елки с огромными снежными лапами, узенькие тропинки среди огромных сугробов, дружелюбные собаки, неторопливо бегающие по кукольным их деревенькам и солнце, солнце, солнце...

Правда, за все время в горы удалось выбраться только один раз. Три выходных в месяц. Я их коплю, чтобы съездить в Питер. Вроде, никогда я не была особо домашней девочкой, а здесь - так все чувства к дому обострились.... Все время тянет уехать отсюда! Родители там радуются за меня. Дочка в Швейцарии учится и работает. Всем хвастаются. Только не знают толком, где их дочка работает. Я сказала – на фирме, вот и все. Господи, потом ведь никому ничего не докажешь. У нас в России все едино. Консумация, проституция...

Удачный год. Десять месяцев назад мы благополучно разместили свои средства в одном из самых уважаемых банков Швейцарии. По слухам, здесь же хранятся активы английской королевской семьи. Русским тут открывают счета неохотно - не хотят связываться с «грязными» деньгами. Для нас сделали исключение благодаря хорошим рекомендациям.

Вчера мы с менеджерами банка подводили итоги финансового года, совпавшего с недавно закончившимся 1999ым. Специально для этого прилетели на три дня в Цюрих. Итоги очень хорошие. Наши сбережения увеличились на тринадцать процентов. Это совсем не плохо. Скажем прямо – очень хорошо. Довольные и гордые, радостно рассуждая, что хоть здесь не обманывают, мы возвращались домой, в Россию, чувствуя себя «на гребне», строили планы.

Наш рейс выполняет швейцарская авиакомпания. Билеты дороже, чем в «Аэрофлоте» – самолет заполнен менее чем на одну треть. Публика сидит по одному, по два человека в ряду. Для меня это особенно хорошо, поскольку обычно я в самолетах помещаюсь с великим трудом, а здесь – красота, даже ноги можно вытянуть!

В первом классе, куда мы заглянули из любопытства, изволили лететь в Москву всего только три господина, занимавшие места в строгом соответствии с купленными билетами и с достоинством поглядывавшие друг на друга. У них перелет стоил не по триста пятьдесят долларов, как у всех остальных, а по восемьсот – могут себе люди позволить! Красиво жить, как известно, не запретишь!

Надо сказать, что как в первом классе, так и в обычном никто из попутчиков не вызывал у меня никакой симпатии, само собой, кроме Костика. Все надутые, преисполненные сами не знают чего, все при делах, при газетках, при компьютерах – тошно смотреть. Меня даже подмывало из вредности пьяным нажраться и начать песни орать, но неожиданно обнаружилась на этом самолете живая душа! Свернувшись калачиком и подложив под голову ладошку, неподалеку от нас спала премиленькая блондинистая мадмуазель, глядя на которую, хотелось задать вопрос:

«Как ты вообще сюда попала в облезлых джинсах, бесформенном свитере и с не очень-то мытыми волосами?»

Иногда она шевелилась, с целью переменить затекший бок, поднимая голову, бегло осматривала окружающее пространство и снова засыпала.

Я сидел в следующем ряду у окна, мне было очень удобно подглядывать, засунув физиономию в пространство между креслами, и делая вид, что я тоже сплю. С одной стороны, неловко подсматривать за человеком, когда он спит, но так интересно! Как она вздыхает во сне, как морщит носик, как иногда тихонько улыбается, или наоборот - ее лицо становится капризно-недовольным, если она не может сразу угнестись в своих креслах так, как ей хочется.

Незаметно для себя я и вправду задремал. Разбудили меня какие-то всхлипывания. Уже преисполненный сострадания, сделав постную физиономию и готовый утешать, я буквально ввернулся в узкое

пространство между креслами и увидел, что она беззаботно смеется, надев наушники и не отрывая взгляда от ближайшего к ней телевизора.

Мне сюжет показался довольно поучительным и лишь немного забавным, а моя попутчица хохотала над каждым актом этой трагикомедии так, будто ничего смешнее в жизни не видела. У девушки, наверное, легкий характер, комфортная, безбедная жизнь и хорошее чувство юмора, подумал я. Или она лучше меня понимает забавные английские комментарии к этому зоологическому триллеру. Пока я напряженно размышлял о предположительных особенностях ее личности, она опять безмятежно уснула.

В иное время я, возможно, и не решился бы знакомиться, но так хорошо и уверенно я себя чувствовал, так хотелось мне и в плане кобеляжа быть ловким и удачливым, что несколько минут спустя, я купил коробку конфет «Раффаэло» и тихонько подсунул ей под нос. Ответная реакция была очень грациозна: она приоткрыла глаза, одарила меня нежной улыбкой и, произнеся голосом вежливой девочки «спасибо», снова уснула. Точнее, сделала вид, что уснула, наверное, с целью оценить ситуацию. Приблизительно через полторы минуты ее ручка медленно нащупала коробочку, и ...первая конфета была съедена. В этот момент она открыла глазки еще раз, и посмотрела на меня с некоторой долей благосклонности. Так я познакомился с Олей.

- Спасибо.
- Да что вы, что вы, это вам спасибо! Мне приятно хоть чем-то угодить такой симпатичной попутчице... А можно задать вам один вопрос?
- Попробуйте.
- Чего такого смешного в этой передаче про медведей? Я, наверное, не все понял по-английски, а вы так заразительно смеялись. Расскажите, может быть и я хоть немного порадуюсь вместе с вами. Вместе, знаете ли, всегда веселее радоваться!
- Да ничего особенного. Просто они очень забавные. Кстати, немного похожи на вас!
- Имеете в виду мою безразмерную физиономию? Вы не подумайте, что это отражение души. Это издержки производственного процесса, а внутри я человек тонкий и чувствительный. Знаете, мне кажется, что я и вас уже немного чувствую...
- Ох, Боже мой, Боже мой! Какие сантименты! А вы куда летите? В Москву?
- Да, а вы?
- А я в Питер. У меня в Москве только пересадка.
- Меня зовут Василий. А вас, если не секрет?
- Оля.
- Оля. А что вы делали в Швейцарии?

- Я там работаю и учусь.
- Боже мой! Вы образованная девушка!
- В некотором роде...

Я без устали нес всю эту слюнявую ахинею, и мы премиленько проболтали остаток пути. Она, оказывается, летела из Цюриха в Питер через Москву на выходные. Учится и работает в Швейцарии. Страна ей нравится, но все равно, постоянно тянет домой. Так, говорит, и буду летать – туда, сюда!

Убей меня Бог, но я уверен был, что девчонка не задним местом перед мужиками крутит, а мозгами в жизни пробивается. В первые же две минуты я поймал себя на мысли, что столкнулся с небывалым везением, логично дополняющим общее везение последнего времени. Я встретил необыкновенную женщину! Так просто она держалась, так естественно, спокойно и правильно лилась её речь! Она говорила красиво, сохраняя уместную дистанцию, но просто, тепло и приязненно. Поговорив с нею, я сам почувствовал себя умнее, подумал, что не зря заканчивал институт, и что опять надо бы взяться читать, и что так много в мире всего интересного... Сам от себя не ожидая, я разливался соловьем, с успехом изображая начитанность и склонность к размышлениям, пронизательный сарказм и осведомленность о кулуарных происшествиях бомонда, в то время как внутри меня уже били литавры. Казалось, что наконец я нашел СВОЮ ЖЕНЩИНУ, а она меня дождалась, и это стало возможно именно сейчас, когда жизнь бьет колючком и всё так хорошо! Именно так ЭТО и должно было случиться - так запросто разговориться с красивой девушкой, с каждой минутой всё больше понимая, что она особенная. И робко всплывающая надежда уже приобретает качество уверенности, наполняя душу упоительным ощущением внезапного счастья.

Забавно получилось в аэропорту, когда мы прилетели в Москву. У меня багажа не было, но вызвавшись быть Олиным провожатым, я вместе с ней дождался выдачи багажа, взял ее чемодан и покатил следом за ней в сторону выхода. Женщины в вопросе личных вещей все одинаковые. Летят на два дня, а чемодан тащат – от земли не оторвать! Катил я его, катил, и вдруг посетила меня мысль о законной супруге. А точнее о том, что будет если она в виде приятного сюрприза решила встретить мужа в аэропорту. Ведь при определенном стечении обстоятельств этим самым чемоданом можно и по роже получить, поскольку я выгляжу совершенно определенно и даже недвусмысленно. Иду рядом с модельной телкой почти с меня ростом, качу ее чемодан.

Костик, тот сразу фишку просек и: «Я чуть быстрее пойду вперед..., мне здесь надо в одно место...» Мигом утек из опасной зоны. Предатель. Я иду один, вежливо поддерживаю беседу. Стараюсь особо не улыбаться, чтобы на всякий случай не выглядеть слишком счастливым, хотя понимаю, что это не спасет. Озираюсь, как солдат при зачистке населенного пункта. Но не бросать же теперь этот ее гребенный чемодан! И вы представляете,

мадмуазель почувствовала эту тему и мягко, но настойчиво у меня чемоданчик раз...и сама забрала! Я для виду посопротивлялся, но не больше двух-трех секунд. Она деликатно ушла чуть вперед. Чувствуешь себя идиотом в такой ситуации. Но, ничего не поделаешь. Выходим на стоянку – никого нет! Я на всякий случай позвонил жене с мобильного – мол, приехал, все нормально. Убедился, что дома сидит, мужа ждет (хотя отвечает не очень-то приветливо).

Мы на радостях, что все обошлось, даже довели Олю до «Шереметьево-1», купили ей билет до Питера, и я этот ее чемодан собственноручно сдал в багаж на питерский рейс. Обменялись телефончиками, попрощались. Все культурненько, вежливо, с некоторым чувственным оттенком. Я ее за ручку взял, а она меня тихонько в щечку поцеловала.

Ехал обратно... счастливый – как школьник после первого свидания.

Обещала Ленке в понедельник вернуться. Но как только приехала домой, поняла, что вообще не хочу назад. Хотя, деваться некуда - придется. Только попозже.

Ленка орала, как недорезанная:

- Так не поступают, подруга.... Зюзик меня предупредил, что ты вовремя не приедешь, я за тебя просто мамой поклялась, чтобы ты уехала на эти свои выходные! Нельзя так людей подводить! Приедешь, сама будешь с ним разбираться...! Узнаешь как...! А то, ты умная девочка! Я за тебя должна с этим уродом шуры-муры водить. Я вся в дерьме, а ты вся в белом, у тебя тоска по Родине!

Ничего, потерпят. Мне, в сущности, было совершенно наплевать и на Зюзика – нашего долговязого «импрессарио»-итальянца, и на Ленку, хотя она подруга, конечно. Я ее действительно слегка подставила. Придется ей, как ответственной за персонал, уговорить девочек не работу по уплотненному графику.

Но все это уже так далеко, как-то даже не по настоящему. Вроде ничего такого вообще нет в реальности. Ни Ленки, ни Зюзика, ни моей последней работы. Первым делом я села накручивать телефон. Так хотелось услышать его голос, и чтобы он сказал, что ждал, скучал, а позвонить у него просто не было возможности. Я бы все ему простила. В моей голове не укладывалось, как это можно после такого, как у нас с ним было, просто так вычеркнуть

человека из жизни. Не может такого быть! Он же вовсе не такой, только напускает изредка на себя или вредничает, как ребенок, я же его знаю, он не может без меня..., или не мог.... А потом как-то сразу смог? А вдруг ему гадостей про меня наговорили? Нет, если бы просто наговорили, он бы не поверил, но могли устроить целое представление, чтобы он обо мне стал плохо думать, бывает такое, я слышала... Целых три месяца уже прошло! Всего три месяца назад...

Я вся в любви. В сумасшедшей, нереально-красочной и нежной... И вдруг, мне звонит его секретарша - эта Галя, выдра ободранная и сообщает, что, в силу непредвиденных обстоятельств Сергей Давидович со мной больше увидеться не сможет.

Вообще то, меня предупреждали, когда с ним знакомили, что у него больше одного-двух месяцев девочки не задерживаются. Но у нас почти полгода были отношения! И какие отношения! Я не могла для него ничего не значить, он не просто любил меня, он меня боготворил! Я никому никогда не расскажу, какие слова он мне на ушко шептал, когда я засыпала, потому, что это только мое... и его. Женщина же понимает, когда человек ей хочет голову заморочить, и иногда просто сама себе разрешает поддаться, так, для баловства.... А когда у него от самого сердца все идет, то по-другому слышишь, что он говорит, а иногда и говорить не надо – одного взгляда достаточно. Я же помню, как он смотрел на меня! Я сижу, листаю журналчик, просто жду, а он тихонечко подойдет, невдалеке остановится, и смотрит на меня... так смотрит, что я, когда замечала его, всегда вся вспыхивал – то ли просто смущалась, то ли от счастья! Как мне все нравилось, я правда летела на крыльях! Он везде меня с собой брал, все на свете мне разрешал. Чуть что: «Любой каприз...». И немедленно всё получаю. Такой нежный, заботливый, сам меня успокаивал, лечил, когда я шандарахнулась с лестницы в его самолете. Все тогда переполошились, забегали. Летчик кому-то по связи: «Скорую к трапу!», какие-то пакеты с марлей рвут кругом, мне к голове какой-то лед прикладывают! Я и сама испугалась. А он пришел, всех выгнал на фиг, сел рядом со мной, голову мою гладит и говорит что-то ласковое. Мне сразу стало не больно и так спокойно. Никакого врача мы и не вызывали потом.

Как снег на голову это известие. И все! Мобильный не отвечает, в офисе - Галя уже пару раз попросила не названивать. А такого понятия, как дом у него нет. Живет на разных охраняемых территориях. То снимает пентхауз в Парк-Плейсе, то за городом резиденцию, то коттедж в пансионате. Не нужен ему дом. И я ему не нужна... Но как, как в это можно поверить?! Я не могу, мне обязательно нужно с ним поговорить, хотя бы последний раз....

Мамаша целыми днями квохчет и стонет! Мне от ее разговоров совсем тошно становится. Хоть из дома беги! Многие сами мамам все рассказывают, те их утешают, как-то поддерживают. Я тоже, если долго ее не вижу, начинаю скучать, вспоминать, думаю о ней хорошо. Но как только слышу ее голос, а еще хуже – вижу ее, просто не знаю, что со мной делается

– каждое слово, каждый жест просто выводят меня из себя! И ору на нее, как дура психованная. Так и живем.

Да, в итоге моего бурного романа, кроме растоптанного женского самолюбия, я получила незаконченный ремонт в огромной квартире, заказанную и неоплаченную мебель, родители приучились расходовать по тысяче-полторы в месяц, да и сама я привыкла, что денег сколько хочешь! Даже нормальной заначки, дура не сделала. Что поделаешь, любовь...!

В родное модельное агентство, где начинала трудовую деятельность, и где меня с Сережей познакомили, звонить тошно, да и не заработать мне на показах столько ни за что.

- Номер отключен в связи со сменой владельца...

Раньше говорили: «Абонент временно недоступен...»

- Костя, ну я же все понимаю, зачем мне одно и тоже говорить по многу раз! Ну и что... Даже если она припутанивает на консумации, я думать об этом не собираюсь! Хотя и не похожа... Да, пусть, пусть у меня в очередной раз «сорвет башню», именно этого мне и хочется.... Кость, хочется, сил нет! Просто до одури хочется. Кажется, так бы и съел ее. Такая аппетитная девка! Тебе она тоже понравилась?
- Вась, она же проститутка...
- Ну, не факт.... А может, у нее папа – дипломат? ... Проститутка – не проститутка... Где ты сейчас найдешь порядочных-то? Жены наши и то, по-моему, при случае не отказались бы долларов за четыреста! Ой, Кость, не утерпели бы! Ладно, ничего я ей не буду рассказывать... Хорошо, хорошо, домой не буду приглашать... Тем более, какой дом - я в Москве, она в Питере! Съезжу разочек, душу отведу, да и дело с концом. Ну не впервой, же!
- Я, Вась, потому за тебя и беспокоюсь, что не впервой. А все предыдущие твои разы нам слишком хорошо запомнились.
- Не беспокойтесь, Константин! Все будет хорошо. Лучше поверь мне и порадуйся за меня!

У меня было такое приятное предвкушение! Скоро можно будет оторваться от серых, однообразных будней, от пустопорожних встреч, которые занимают по полдня, от окутывающей все это нервозности, перемешанной со скукой и однообразием. Мы несколько раз созвонились с

Олей по телефону, к счастью она задержалась в России еще на неделю, и теперь я еду в Питер. В четверг. Раньше она не может.

- Олечка, девочка моя, как же ты теперь жить-то будешь? Что там у тебя за работа в Швейцарии? Как ты собираешься столько зарабатывать, чтобы эту свою квартиру закончить?
- Мам, ну зачем ты это все мне говоришь? У тебя что есть какие-нибудь предложения? Планы на нашу дальнейшую жизнь? Идеи, как можно денег заработать?!
- Олечка, какие у меня могут быть планы? Ты – единственный наш с папой план, и мы этот план уже выполнили. Ты взрослый человек, сама уже лучше нас с отцом в жизни разбираешься. Я только хочу очень, очень попросить тебя: девочка моя, ты береги себя... Я не спрашиваю, где ты работаешь, и что ты там делаешь... Я уверена в своей дочери. Как бы там ни было, мы воспитали тебя порядочным человеком, и этого у тебя уже не отнять! Но я просто не понимаю, не могу понять своей головой почему умным, порядочным девушкам все дается с таким колоссальным трудом, а имбицилкам с расторможенной сферой влечений, все просто само падает в их корявые ручонки! Или точнее, между их кривенькими ножонками! Ты помнишь соседей по маминой даче – Бубенковских...
- Ну...
- Помнишь девочку их, твоего приблизительно возраста... Кристиночка!...
- Конечно помню, ну и что?
- Оля, она же всегда дурой была, тебе в рот смотрела и за тобой движения копировала. У нее своих мозгов не было вообще никогда... А сейчас, представляешь, мы ее видим на джипе! С каким-то мужиком! Не знаю, муж он ей там или кто еще... Гораздо старше, конечно! Еле нам кивнула, а мужик вообще на нас не обернулся, мол, мы для них не компания! Я на такое давно научилась не реагировать, но, когда думаю о тебе, так становится обидно! Столько сил мы с папой в тебя вложили!...
- А что Кристинка-то, как она?
- Оля! Неужели ты думаешь, что я пойду после такого с ними разговаривать и расспрашивать, как и с кем живет их дочь. Да мне на них всегда было наплевать, а теперь тем более наплевать!

- Мама, ну почему ты так всё оцениваешь! Подумаешь, она перед тобой не расшаркалась! А ты ждешь, что она всю жизнь будет тебе кланяться за то, что ты ее пару раз компотом напоила?
- Олечка! Есть понятия о человеческих приличиях, и их никто не отменял! Мы все умрем, а они останутся, конечно, в обиходе между порядочными людьми, а хамы так и останутся хамами!
- Ладно, мама, не могу я долго с тобой разговаривать, мне надо ехать ... Пока!
- Девочка моя! Ты береги себя, пожалуйста, береги в себе всё хорошее, что мы в тебя с папой заложили ...

Паршиво, когда все думают, что ты обалденная статс-дама с неограниченными возможностями, а ты уже никто и звать тебя никак. Родители говорят, что дачку хотят перестроить и недорого. Будем, говорят, внуков нянчить. Я им нарожаю - черных, желтых и самых разных. Мне что – выбор большой. Только денег нет на дачку. У Ленки заняла тридцатку, так хоть ремонт хватило бы закончить. Сама вчера носилась по рынкам, выбирала плитку, унитаза, раковины. Замучилась – сил нет. А что делать? Папу просила подключить, но похоже, как на него сядешь, так и слезешь. То у него радикулит, то машина не заводится, то мама плохо себя чувствует. За три месяца в квартире даже малярку толком не закончили. Я его спрашиваю, почему, а он мне: «Я им говорил, что нужно быстрее, они меня не слушают....»

Дерьмо какое-то! Каким был мой папа в молодости! И во что он сейчас превратился! Страшно смотреть. Зато мамочка все красится и наряжается. Вроде все уже привыкли, а как помотришь на нее свежим взглядом – странновато становится. Уже пятьдесят четыре года женщине, а она все никак не угомонится. Сидит себе, ногти красит и папе указания раздает – туда сходи, туда съезди, то принеси! Он и не успевает, конечно, с моей квартирой. Я так привыкла, что у Сережи все быстро делается и организовано, как часы. Сказал – и все моментально претворяется в жизнь. Скорее бы доделать квартиру, да сдать кому-нибудь! Хоть лишние две-три тысячи в месяц будут капать - и то хлеб. Я думала, приеду, и все уже готово. Фигули-мигули!... Еще на столько же, если не больше по времени. И дорого все – глаза вылезают! Мне в Цюрихе квартира бы дешевле обошлась!

Мальчик этот из Москвы – Васей представился, каждый день названивает! Такой настойчивый.... Трепло, конечно, сил нет.... Но мне сейчас надо немного развеяться. Хоть женщиной себя почувствовать. А то у меня уже начинает самооценка занижаться, уверенность в себе пропадает, а этого ни в коем случае нельзя допускать.

А он, такой..., довольно обходительный! В самолете с ним неплохо так поболтали! Посмеялись вместе. Там показывали, как медведица своих детенышей от себя прогоняет, а они уходить не хотят. Я в тот момент себя и свою мамашу вспомнила и смеялась, как ненормальная. Сама не знаю, чего

меня так неудержимо смешило, но остановиться просто не могла. Иностранцы, те просто начали на меня коситься с подозрением. Для них вообще любое проявление эмоций – подозрительно, а тут непонятно с чего - девка спала, спала, и вдруг, как давай ухохатываться. А передача вроде не юмористическая. Наверное, не в одной и не в двух швейцарских головах я заронила неразрешимый вопрос о загадочной русской душе! Будет им что друг другу порассказывать, помусолить, проанализировать, повывдвигать версии и объяснения, а мне просто было смешно, и все! Да и Вася этот на меня внимание обратил, когда я хохотала. А я сижу, мне весело, и вижу краем глаза – безразмерная пачка всовывается между креслами! Как он вообще смог свою будку в такое небольшое пространство запихнуть – большой вопрос. Я сразу поняла, что русский и сейчас, думаю, будет делать неприличные предложения. Но он мне сделал светскую улыбку (насколько смог) и улез к себе обратно – типа проявил деликатность. А потом конфетками меня угостил, мне как раз захотелось чего-нибудь сладенького, слышу шевеление перед моим носом – открываю глаза – конфеты, и опять его улыбающаяся рожа, - уже сверху кресел перевесился. Наверное, не рискнул второй раз между креслами протискивать свою голову, боялся застрять!

Господи! Еще три месяца назад я на этого Васю и не посмотрела бы! А тут уже начинаю думать – позвонит - не позвонит. Как все-таки жизнь быстро человека обламывает. Посмотрим, что получится; прилетит в четверг. Как бы месячные не начались, а то что-то грудь побаливает и по времени – уже могут. Вот будет ему сюрпризик!

Букет вез из Москвы. На всякий случай. Хотя, по логике вещей, и в Питере можно было бы купить цветов. Но, чтобы исключить метания по незнакомому городу, я заказал шикарный букет в «Садко-Аркаде». Как меня уверили в магазине, какой-то особенный по композиции, огромный, и дали гарантию, что будет месяц стоять. Мне это больше всего понравилось.

Прилетел в этот их Питер. Ветер дует - сбивает с ног. Букет сгибается в дугу, пальто буквально срывает на фиг, брюки полощет на ветру, ни черта не слышно, кроме шума, даже, если говорят в полутора метрах. Я пришел пораньше и на площади возле Исаакиевского собора, этого громадного наматываю круги по бульварчику в ожидании заветной встречи.

Минут пятнадцать ждал, гляжу – идет. Улыбается так... глазки то поднимет, то опустит. Вот думаю, у меня «С легким паром», блин. А ветер - разговаривать совершенно не дает. Но, может, оно и к лучшему, поскольку единственным в этих условиях логичным решением было пойти ко мне в гостиницу. Благо она тут же - рядышком. Поднялись в номер, как ни в чем не бывало, беседуем о всякой ерунде. Идиотское положение, вроде уже знакомы, и в самолете так здорово трепались, но здесь все как-то

совершенно заново, и как-то не очень естественно. Выжимаешь из себя какие-то дежурные улыбки, фразы дурацкие. Она тоже вся в «светских любезностях».

Как поговорили обо всем, мне пришлось изобразить внезапно прорвавшуюся страсть. Я когда не знаю о чем разговаривать, и обстановка в основном позволяет, всегда так делаю. Проблемная сторона этого решения - если кто-то из партнеров не успел помыться, и в связи с этим для него трусы снимать и все такое... стеснительно. Но я был мытый (дорога из Москвы всего два-три часа), она, похоже, тоже и.... Подыграла она моей страсти очень темпераментно. А может, я и правда так вдохновил ее этим своим букетом, одеколоном и роскошными апартаментами (двухкомнатный номер в «Астории»). Хотелось бы верить.

Все прошло неплохо, учитывая, что чистого времени знакомства, предшествующего такому резкому развитию отношений было всего несколько часов. И я и она изо всех сил старались «не ударить в грязь лицом». У меня появилась даже определенное подозрение по поводу этого ее чрезвычайно техничного, если не сказать высокопрофессионального уровня в «интересной» области. Особенно в той ее части, которая касается оральных, извиняюсь, взаимоотношений. И все чрезвычайно безопасно - без презерватива просто в руку не возьмет. Я себя в некоторые моменты чувствовал посетителем дорогого борделя в Мюнхене или Амстердаме.

А потом мне показалось, что может, зря я так поторопился с этими интимными вопросами - раз кончил, и как отрезало. Всего моего романтического настроения как не бывало. Лежим, попиваем шампанское, а мне уже домой охота собираться. Какая то неловкость появилась. Она - вроде вида не подает, хотя, и у нее, похоже, было такое же настроение. Просто глупо было вскакивать и бежать. Нужно соблюдать приличия. Ресторан, прогулки по городу. Ладно, думаю. Отработаю обязательную программу, да поеду завтра с утра. Оделись, пошли в какой-то ресторанчик. Называется «Сенат». Неплохо все, чувствуется, что иностранцы хозяева. Культурненько, стильно. Сели, покушали, выпили винца. А я так между делом, постарался вытащить ее на откровенность. Терять то уже нечего, в общем. Как говорю, живешь, да кем работаешь. Она поначалу отшучивалась, увиливала... а потом как давай мне вываливать. Я аж заерзал на своем стуле. Про мужика своего какого-то охрененно богатого. То ли политик, то ли черт его поймешь кто, про то, что долгов наделала, когда он ее бросил, что работает в Швейцарии на консумации, чтобы расплатиться. И как это все ее достало и как тошно ей.... Но не то, чтобы она в полной деморализации, наоборот - так спокойно и с юмором всё рассказывала.

Я, грешным делом, сначала решил, что она пытается разводить на денешки. Мол, помоги, чем можешь, в связи с моим тяжелым положением. Даже на всякий случай нарисовал ей унылую картину своего неприбыльного бизнеса, честно давая понять, что я не спонсор, тем более на эти ее запросы - мыслимо ли, одних долгов почти на пятьдесят тысяч. Но потом..., как-то она все говорила просто, не картинно и не жалостливо, вроде даже без особого расчета. В общем, я обратно к ней душой

расположился, как только понял, грешным делом, что от меня не требуется «материального участия». Тепло так поговорили. Я ей тоже кое-что о своих мелких проблемках порассказывал. В виде шутки предложил: приезжай, мол, ко мне в Москву, возьму к себе на работу, будешь продвигаться в бизнесе. Она вежливо улыбнулась. Говорит: «У тебя таких зарплат не предусмотрено. Я только родителям каждый месяц тысячу-полторы отсылаю».

Мне, говорит, с тобой просто так, без всяких обязательств, приятно болтать, на душе немного легче становится. Знакомым, говорит, так всего не расскажешь. А ты – приехал и уехал. Как попутчик в поезде.

В этот вечер мы больше ко мне в номер не поднимались, как то обоим не захотелось. Я проводил ее домой, она мой букет к себе прижимает, слабо так улыбается, поглядывает на меня глазками своими обволакивающими.

Ну все, говорит. Вот я и дома. Езжай в свою Москву. Спасибо, мне было с тобой хорошо.

У меня даже комок к горлу начал подбираться. Я поцеловал ее в щечку, повернулся и потопал себе тихонечко по их ночному городу в гостиницу. Хотелось тебе, брат, любви – получай, но с осложнениями.

Чего это я так перед ним выполаскивалась. Про Сережу натрепалась, хорошо, что имени не называть хватило ума. Не похоже на меня. Наверное, наболело на сердце. Хотелось красивенького легенького романчика. Его не получилось. Легенькие романчики получаются только, как дополнение, если в целом все в порядке. А когда кругом, куда ни плюнь, жуть и безнадега, то романчики получаются вот такие - с трагическим оттенком. Он, бедолага, похоже, решил что я у него денег просить собираюсь. Начал рассказывать, какой он бедный, и как у него туго с бизнесом. Звал в Москву, на зарплату в одну тысячу долларов. Нет, до этого я еще не дошла. Я еще в состоянии себе заработать на колготки.

Какие все-таки мужики мелочные! Сережа был не такой. Если уж живешь с бабой - сделай ее счастливой, хоть на полгода, да хоть на месяц! Много ли нам надо-то? Хотя, конечно, если себя не очень урезать, то по некоторым меркам... не очень мало! А что поделать? А этот, я когда ему про свои дела-то рассказывала, у него лицо стало: сначала каменное, а потом глазки забегали, как будто его поймали на месте преступления. Даже смешно – испугался, маленький! Букет его стоит, как заговоренный. Все хочу выкинуть, а он не вянет и не вянет.

Приехала наша принцесса. Просто охрененная Золушка в бальном наряде! Глазками своими наивными посматривает, ресничками похлопывает! Я ей говорю: «Ты эти свои приемчики, подруга, побереги для клиентов! Мне, дорогая, их демонстрировать бесполезно. Шкандыбай к Зюзику, и сама узнавай свою дальнейшую судьбу».

Посмотрим, сколько она получит за этот месяц, если он ей вломит все штрафные санкции, и куда он потом ее ушлет работать. А если не вломит и оставит у нас, то значит наша дюймовочка, наконец, взялась за свою красивенькую головочку и перестала делать вид, что она супердевушечка, недотрога и Красная Шапочка в одном лице. Может, и долг побыстрее мне отдаст, если Зюзику ножки свои красивенькие раздвинет, а потом, глядишь, не будет и клиентами брезговать. Цаца великая! Вот дура, пожалела ее на свою голову - дала денег в долг «на неделю». Теперь не знаю, как получить. Мне они тоже, между прочим, не даром достаются. И у меня, между прочим, столько своих тараканов в голове, что только тронь. Начнет переть – не остановишь! Только я запретила себе нюни распускать, и в своей горемычной бабьей доле ковыряться. Потому, что толку от этого никакого. Желающих сопли с тобой поразмазывать – только свистни, набежит «участливых» - рассаживать будет некуда, а вот где потом силы взять, чтобы осилить и превозмочь эту безнадегу наперекор всем напастям – тут никто не поможет и даже не подскажет. А мне мама всегда говорила: «Глаза боятся – руки делают». Или еще я слышала: «Бери больше, кидай дальше, пока летит – отдыхай». Грубо и неромантически, но правильно! А другого пути нет. Если будешь каждодневно думать, какая ты несчастная, как другим в жизни повезло, а тебе не повезло – так просто нужно сесть и помереть без паузы. А думать не будешь, глядь, годик, другой, третий пробежал - и жизнь потихоньку налаживается. Вот так!

Меня перевели работать во Фрибург. Маленький городишко по дороге из Цюриха в Женеву. Из достопримечательностей одна пиццерия. Квартира похуже, клиентов поменьше, клуб погрязнее. И еще, меня сняли с программы. Я уже не танцую, а только работаю в зале. Так что с надбавкой за сцену и с чаевыми пришлось распрощаться. За этот месяц, с учетом моей поездки домой и штрафов за прогулы, я едва покрыла своими заработками аренду квартиры. На жизнь осталось всего ничего – триста восемнадцать долларов. И это на весь следующий месяц, до зарплаты. Родителям позвонила, сказала, что денег сейчас прислать не смогу. А мама мне:

- Ничего, Олечка, мы пока зайдем, немного, потом разберемся....

Известно, как разберемся. Просто Олечка в следующем месяце им должна вдвое больше прислать. За предыдущий месяц, чтобы долги отдать и за этот, чтобы было на жизнь. Я им сказала, чтоб расходы свои урезали, что

больше пятисот долларов в месяц присылать не смогу. И звонить не смогу часто. Они огорчились. Мама говорит:

- Мы с папой хотели, глядя на тебя, и у себя в квартире сделать небольшой ремонтик...
- Теперь не получится...
- Но это ничего, ты дочка себя береги... все-таки позванивай, по возможности. А то мы и померем с отцом здесь без тебя...

Дорогая моя мамочка! Как же ты всю жизнь умела в правильный момент сказать правильные слова! И что еще очень важно - правильным тоном! Так, чтобы все кругом себя почувствовали безнадежно виноватыми! И чтобы каждому захотелось немедленно загладить свою вину перед тобой, чем-то тебя задобрить, получить твое снисходительное расположение. Только моя бабушка тебе не поддавалась – твоя мама! Она тебя, дорогая мамулечка, видела насквозь. Потому, что из благородных и образованных – это она, а ты только кое-что из ее привычек скопировала. Но и этого оказалось достаточно, чтобы все замечали в тебе особенный аристократический шарм, какую-то притягательную двусмысленность и утонченное обаяние. Только не совсем понятно, зачем ты тогда вышла замуж за папу – обычного таксиста с самым пролетарским происхождением. Может быть, тебя действительно увлек этот бесшабашный парень с белозубой улыбкой, лихо гонявший на машине по городу? К тому же, на его-то фоне ты всегда с гарантией была самой культурной и образованной дамой. Да и зарабатывал он неплохо. Ты же, мамочка, ни дня в своей жизни не проработала. И даже, страшно сказать, не закончила институт! Институт, из которого тебя выперли за четыре года до моего рождения. Наверное, столько было соблазнов в жизни у молодой девушки, что учеба была решительно отодвинута на второй план. Это уже спустя много лет ты стала ревнителем нравственности и образцом целомудрия. Помню, когда я была длинноногим тринадцатилетним подростком, на меня уже посматривали мальчики. Однажды я попросила тебя купить мне «взрослые» колготки, чтобы пойти в них на день рождения к моему однокласснику – Мише Шнейдеру. По правде говоря, на Мишу мне было наплевать, но так хотелось, чтобы ты обратила на меня внимание! Увидела мои красивые длинные ножки, порадовалась за меня, и похвалила, чтоб ты поделилась со мной какими-нибудь женскими секретами... Вместо этого мне пришлось много о себе узнать неожиданно жуткого! Оказывается, я была бессовестной, невоспитанной, много о себе понимающей, распутной девкой! Я уже знала, что такое «распутная девка». И в тот вечер бабушке пришлось долго-долго сидеть рядом со мной, пока я рыдала, уткнувшись лицом в диван и, обняв мои худенькие плечики, шептала на ушко, что я на самом деле хорошая, умная и добрая девочка. Но до конца я бабушке так и не поверила. Больше поверила маме, которая говорила, что к учебе у меня нет способностей, и нужно смотреть правде в глаза, умишком своим мне в жизни не пробиться. «Зато есть, что людям показать», - смеясь, говорила она, и хлопала меня по заднице. Мне было

приятно, что и у меня есть хоть что-то хорошее. Хоть задница, если уж не голова.

Однажды мне предложили сыграть роль в школьном спектакле. Мама долго смеялась: «Да тебе только мебель играть... Или нет, твоя роль – шаги за сценой!...» Ей было так весело! А когда в восьмом классе Миша Шнейдер все же пригласил меня в кино, мама спросила с невинной улыбкой: «А что, более красивой девочки он не нашел?» Даже забавно сейчас – за что она меня так ненавидела? «Ты главное держись уверенно, тогда никто не догадается, что ты у нас дурочка...», - такими были обычные мамины слова напутствия. А когда я прилетала домой, в бабушкину, кстати, квартиру, запыхавшись и хлопая полными надежды и радости глазками, и спрашивала у мамы: «Мне кто-нибудь звонил?» - она с ангельской улыбочкой отвечала: «Да кому ты нужна-то кроме нас с папой?», - и нежно обнимала меня за плечи, удостоверившись предварительно, что я почти уже плачу. А мне в тот день должен был позвонить Миша Шнейдер, и я хотела маме об этом рассказать и показать записку, которую он мне написал в школе. Но ничего этого я не сделала, а Мише, когда он позвонил, наговорила гадостей.

Когда я не поступила в институт, мама сказала: «Сколько денег на твоих репетиторов потратили и все зря!» Бабушки уже не было, набирала обороты перестройка. Я в свои шестнадцать лет поняла, что нахожусь в неоплатном долгу перед родителями, и села обзванивать модельные агентства – искать работу. Меня взяли всего через шесть дней... Но, кстати, с агентством мне повезло! Я просто работала как каторжная на показах, съемках и все! Только иногда наш фотограф, он же директор, человек со смешной фамилией Бородявкин, приглашал меня к себе домой. Бывало в компании с еще одной или двумя девочками. Я и не думала при этом выкаблучиваться или возражать, понимала, что могло бы быть гораздо хуже. Более того, я даже испытывала к Бородявину чувство благодарности и при случае преданно смотрела ему в глаза, как своему избавителю и благодетелю. Не было такой просьбы, в которой я бы ему отказала.

Мама перестала ко мне придирается и называть бестолочью. Это потому, что я стала приносить в семью по двести-триста долларов ежемесячно – «на еду». И у меня оставалось еще столько же или даже чуть больше на шмотки и разные мелочи. Кое-что дарили «ухажеры». В начале девяностых на это можно было жить. Папа тогда уже почти не работал. Ему как то не удалось вписаться в рыночные отношения, хотя вроде для таксиста ничего не меняется – ездил да ездил. Но он не ездил. Болел, машина ломалась, не мог устроиться, снова болел. Наверное, у него просто силы кончились. Всю жизнь он, как каторжный, ишачил на мамочку. Не пил, кстати, никогда – у мамы не забалуешься! Постепенно, я стала у них единственным источником дохода. Меня перестали ругать, наоборот, начали подобострастно хвалить и заглядывать в глаза. Это было еще хуже - просто непереносимо. И я уехала в Москву вместе со всей конторой Бородявкина. Работала там, продолжая исправно посылать триста-пятьсот долларов родителям. Интересно, что думала мама о моей работе? Могла ли она, исключительно проницательная в некоторых вопросах женщина, не

догадываться, что дочка устойчиво пренебрегает принципом девичьего целомудрия? Трудно сказать. Иногда можно вопреки всему не замечать очевидного! Когда от всей души не хочешь ничего видеть и не желаешь ничего знать! Так что мамочка у меня порядочная, хотя живет уже много лет на деньги своей дочери – проститутки. Неважно, что я на панели не стояла. Все равно, ЭТО было для меня разменной монетой в моей работе и жизни. Нужно называть вещи своими именами – так меня мама учила. Мне так даже легче. По крайней мере, я себя хуже от этого не чувствую. Действительно, занимательная вещь! Я нисколько не переживала и не корила себя за то, что мне приходилось, следуя, намеку Бородавкина «оказывать маленькую любезность» одному или двум его «статусным» знакомым! Тем более, иногда они мне потом дарили кое-что. То колечко, то полушубочек. Наверное, я в глубине души всегда считала себя дрянью, и поэтому такая жизнь была для меня абсолютно в порядке вещей. Просто я так сама к себе относилась. И это благодаря маминым воспитательным усилиям. С тринадцати лет, с того самого разговора. А сколько их потом было таких разговоров!

Первый раз я почувствовала себя человеком с Сережей. Как он меня любил, как нянчился со мной! Вечером он усаживался в кресло перед камином с книжкой, а я пристраивалась рядом на ковре, и клала голову ему на колени. Читала или просто смотрела на него, как маленькая, на все готовая собачка. Я угадывала его желания. Было так приятно делать для него все, что он еще даже не успел захотеть! Потом я шептала ему на ухо: «Ну, ты же хотел этого...», а он целовал меня и говорил, что только я одна так его чувствую...». Пусть он был старше, для меня не было разницы, напротив все молодые люди казались мне неуклюжими, угловатыми подростками, беспрерывно гогочущими над всякой скабрёзной ерундой. А он был такой умный, такой ласковый, такой спокойный и одновременно такой веселый! Ночью я иногда просыпалась и тихо целовала его, потом сворачивалась клубочком и мирно засыпала, уткнувшись в него носом, чувствуя его родной запах. Я обожала рассматривать его фотографии. Он много фотографировался для всяких печатных изданий, и самые лучшие его снимки, которые потом расходились громадными тиражами, всегда отбирала я! На некоторых photographиях он был чем-то похож на моего отца в молодости. Так забавно... Сейчас – ничего общего! Я просто заново родилась тогда, поверила в себя, в свою красоту, в свои способности. Сереженька любил обнять меня и шептать на ушко, что я самая лучшая, самая умная, самая красивая. Он говорил мне это так же, как моя бабушка! Я сидела – просто обомлевшая. Совсем по-другому стала на себя в зеркало смотреть, совсем по-новому начала к себе относиться. У меня даже выражение лица изменилось и походка. В голове все поменялось, как будто встало на свои места. Я поняла, что мамаша врала, поняла, что я не дура, не страшила, и могу быть достойна самого лучшего мужчины на земле! Ведь он же был у меня тогда! И вся злоба на мать улетучилась. Стало её немного жаль, даже показалось, что я немного понимаю её. Я перестала бояться её слов. Я же узнала настоящую правду о себе! А она, смешно сказать, но мне кажется, что она всю жизнь просто ревновала меня! Сравнивала меня с

собой, как соперницу и со мной, маленькой девочкой боролась! Если у меня родится дочка, я никогда не стану с ней бороться. Все ей отдам, буду только любить её – и все. Тогда мы с ней будем счастливы.

Даже сейчас, когда так получилось с Сережей, когда, казалось бы, все должно рухнуть обратно в тартарары, этого не произошло. Я не стала хуже к себе относиться! Не опустилась снова до «ниже колена»! Я продолжаю себя любить, и продолжаю считать себя достойной всего самого лучшего! А Сереженька, если так решил, значит, у него были особые обстоятельства. Мало ли! Что я могу знать о его жизни? Может, у него не было выбора. Бог вам судья, Сергей Давидович Песочников. Я и так благодарна за все, что вы для меня сделали!

Все это хорошо, но так трудно одной! Когда никому не нужна, никакой ни от кого поддержки и помощи. Где он там, мой принц? А пока его нет - как хочешь крутись, девочка!

И во Фрибурге тоже можно жить! Месячишко прошел, получила зарплату и как-то стало легче на душе! Итальянчик здесь один в магазине при пиццерии: такой молоденький, красивый – просто как ангелочек, только черненький. Я у них всегда покупаю продукты. Он мне постоянно улыбается, так любовно мои сумки заворачивает. Все зовет с ним выпить кофе. И что самое интересное, а для русских неожиданное и непонятное – он действительно не трахаться зовет, а именно кофе выпить, поболтать. Это в Рашке все просто и конкретно до омерзения. А здесь еще сохранились нежные, трогательные, чуткие и деликатные люди. Но такие в наш клуб не ходят. Они, наверное, и знать не знают, что есть подобные заведения.

Недавно был смешной случай: один клиент приехал, представить себе невозможно - на тракторе. Я, говорит, живу в горах, виноград выращиваю. Здоровый такой, улыбка до ушей. Роба огромная, как будто вырезанная из громадного деревянного чурбака и цвета какого-то деревянного. Сначала меня пригласил за столик, потом другую девочку. Долго сидел, потом выкупил ее у заведения за полторы тысячи франков (это возможно, если она сама не против) и повез к себе. Она после рассказывала, мы все ухохатывались. Девочка наша вся в перьях (в чем в клубе работала, в том и поехала), полезла на этот трактор, и поехала в ночи неизвестно куда. Он ее привозит в охренительно шикарный замок в горах. Это, говорит, - мой дом. Мы здесь, говорит, уже четыреста лет выращиваем на своей земле виноград и делаем вино. Водил ее в огромный винный подвал, все показывал, давал пробовать. Она приехала вся во впечатлениях! Хотел, говорит, с мамой

познакомить, но я сказала: «Пока не нужно». На этом месте мы снова все закатились от смеха. С мамой познакомиться! Смотри мама, кого я в дом привел! Представляю лицо этой швейцарской мамы! А ведь мог бы, с них станется. Только редко у кого потом выходит нормальная жизнь. Очень уж мы с ними разные.

Вот так я здесь деградирую, одним словом. Иногда вспомню Сережу, как мне с ним было хорошо, просто такое подступает, жить не хочется! Саму от себя и от всех просто тошнит! Такая гадость бесконечная. Хотя постепенно все как-то проходит. Снова такое впечатление, что все было не взаправду. Что я это все себе придумала. Если бы не квартира, которую он мне купил, наверное, все мои воспоминания и чувства давно уже были бы фантазией. Так мне было бы легче. Как там этот Вася из Москвы Ницше цитировал? «Наша память утверждает, что это было, но наша гордость заявляет обратное. И память уступает, а гордость остается непреклонна!»

Думал, в Москве все забудется за суетой, но как-то не получилось. Ее швейцарский телефончик, я аккуратно переписал с клочка бумажки к себе в книжку и названивал, как маньяк, целых четыре недели по этому ее безнадежно не отвечавшему номеру. Занятие звонить на её безнадежно не отвечающий телефон привязалось ко мне, и сам не зная почему я набирал ей раза по два, по три ежедневно, надо сказать, без особенной страсти, даже и с удовлетворением отмечая каждый раз, что вновь меня постигла неудача и теперь уже хватит звонить, и бы пора выкинуть из головы это глупое происшествие. Но как-то раз вместо привычных, но совершенно непонятных фраз иностранного автоответчика что-то несколько секунд пощелкало, пошипело, и сонный голос немного раздраженно ответил: « Аллэ... Да, кто это?» И у меня снова возникло странное впечатление, как будто я разговариваю с незнакомым человеком. И не просто с незнакомым человеком, а еще и с не очень дружелюбным и не сильно воспитанным. Слова говорились ею совершенно формально и безотносительно всех предыдущих разговоров и предыдущих взаимоотношений.

- Привет, это я, Вася, помнишь в самолете...
- Да, да,... привет...
- Как дела...
- Ничего. Как у тебя?...
- Чего телефон не включала?
- Знаешь, у меня денег на карте не было, только вчера положила...
- А я каждый день звоню, уже думал, случилось чего...
- Она молчит.

- Когда на родину?
- Теперь не скоро. Ты извини, Вась, я всего пару часов как легла, если сейчас не усну, то весь день буду с головной болью. Позвони вечером по-нашему. У вас это часов одиннадцать-двенадцать... Ну, все, пока... извини.

Когда она трубку положила, меня как огнем обожгло и от сердца еще в живот отстрелило. Такое неприятное чувство, почти физическое ощущение боли какой-то или резкого такого давления. Естественно, я решил, что все. Роман окончен. На хрена мне все это нужно. Притом, что в одиннадцать и двенадцать я уже обычно дома. С семьей! Перезвоню я тебе, разбежалась. И я, тот еще крендель - понапридумывал себе романтических образов, а она - заспанная, безразличная проשמандовка! Никак этот разговор не вязался ни с тем, легким и приятным в самолете, ни со вторым, теплым, доверительным и близким в Питере. Вообще никак. Такое впечатление, будто я ее дальняя родственница, которая все время в долг занимает и не отдает! Ну и все. Решил выкинуть ее нафиг из головы. С ребятами поржали по этому поводу, мол, сейчас, перезвоним тебе, купим машину, квартиру и дачу и все в удобное тебе ночное время прямо и незамедлительно преподнесем... ха-ха-ха!

Целую неделю на душе было паршиво. Чувствовал, будто я вроде как лез приласкаться, а меня вместо этого помойной тряпкой по роже нахлестали. Недоумение такое, просто в толк не возьму, почему?

Кто-то из наших вроде собирался в Швейцарию по своим делам, дай, говорит, телефончик, может подкачу к ней от тебя, предоставит скидку по доброй памяти. Я поухмылялся, но телефончик не дал. Сказал, что не помню, куда его засунул.

Прошло дней пять и мне звонок. Сама позвонила, значит кроме всех моральных аспектов, еще платила по два с лишним доллара за минуту:

- Привет...
- Привет.
- Чего не звонишь...
- Да так...
- Я знаю, что тебя обидела в прошлый раз, извини...Я, правда была немного не в себе. Думала, мать звонит - не дает спать, а тут ты. Я... не успела переориентироваться.
- Да ничего, со всеми случается (стараясь говорить безразлично)
- Не обижайся, я знаешь, не хочу вспоминать о тебе. Гоню от себя эти мысли, но что-то не очень получается. Ты все-таки позвони мне, пожалуйста - мне будет очень приятно. Ну, ладно, пока! А то снова деньги на карте кончатся, я знаешь, совсем на мели

была в прошлом месяце из-за своих каникул – мало того, что зарплаты почти не было, еще и штрафов насчитали за невыходы на работу. Я же здесь всем обещала через три дня приехать, а сама почти две недели проболталась в Питере - сил не было сюда так быстро возвращаться. Да и с тобой хотелось увидеться.... Перезвони мне сам, ладно? Тогда поболтаем спокойно.

И что делать в такой безвыходной ситуации? Не звонить, наплевать? Еще раз, уже может быть в сто первый, цинично плюнуть на робко проклевывающийся росточек чего-то беззащитного и нежно-трогательного? Плюнуть и наступить на него огромным сапожищем? Я не смог. Я перезвонил через десять минут, и мы проболтали целый час. О всякой ерунде. В конце разговора было решено, что я приеду через неделю, она отпросится на пару дней, и мы вместе уедем в Люкербад, в горы на целебные родоновые источники. Она меня ждет и вспоминает. Я сказал, что мысленно трогаю нежный пушок на ложбинке внизу спины - возле ее роскошной бледно-розовой округлости. Она смеялась. Было очень приятно. Все-таки это она! Та самая, которая была и в самолете, и в Питере. И, похоже, она ко мне совсем не безразлична!

Не могу я одна. Начинаю проникаться пониманием к женщинам, которые всю жизнь маются с пьянотой, самодовольными тупицами или хамами. Раньше в голове не укладывалось: «Да как это возможно? Лучше уж вообще без мужика, чем с такими выродками!» Да, хотя до полных выродков у меня дело еще не дошло, но, похоже –двигаемся в том направлении. Одной быть хорошо, когда тебе лет семнадцать-восемнадцать, и ухажеров не считано. И есть дом, который еще чувствуешь своим, в который хочется вернуться, забиться в свою комнатку. А когда тебе уже двадцать пять? И все близкие люди ждут от тебя помощи и участия, а тебе самой еще очень нужны и помощь и участие? Хочется ни о чем не заботиться, шалить, весело прыгать по лужайкам и кокетливо стрелять глазками по сторонам. Картинка получается, как из дурдома: дылда под тридцать лет прыгает в детском платье и шалит. А все равно ведь хочется чего-то такого! Хочется!

Васе этому из Москвы все же позвонила. Не хотела ведь. Отключила телефон, думала, тыркнется пару раз и перестанет. Через месяц с лишним – звонит, да еще с претензией – чего телефон не работал! Осадила его немного вначале, потом жалко стало мальчика. Я так живо представила, как у него губки обидчиво так поджимаются. Сама набрала ему, сказала пару слов, он сразу перезвонил - трепались, наверное, часа два. Когда закончили, очень приятно было на душе, тепло и как-то весело, жизнерадостно, что ли. Такое

хорошее чувство, я уже и забыла, что оно приходит иногда. И ведь приходит, когда что-то сделаешь нехорошее, но удачно. Вот она, наша бабья сущность! Хотя, ничего особенно нехорошего я не сделала, и даже, можно сказать, не планирую. Приедет, выкупит меня на два дня в клубе, съездим в горы. Я хоть отосплюсь. Можно, конечно, взять выходной и так уехать - бесплатно, но после того случая не хочется Зюзика еще больше напрягать, да и я уже не могу без зарплаты. Надо поправлять материальное положение. Ленке рассказала, что он приезжает, она оживилась так, обрадовалась. Сказала, что как раз собиралась меня навестить в пятницу. «Заодно и на мальчика твоего посмотрю», - говорит.

Сука она все-таки, а не подруга. Алчная и жадная. Она же рассчитывает с этого бедного Васи получить мой долг. Как это все омерзительно, просто до тошноты. А что поделаешь? В конце концов, мне самой с ней и за несколько лет не рассчитаться по нынешним временам.

На днях одна девочка прямо во время работы потеряла сознание. Сидела, спокойно болтала, хорошо хоть без клиента. И вдруг на полуслове замолкает и начинает тихонько сползать со стульчика, мы и не поняли, в чем дело, трясем ее, а она побелела, лицо стало серо-зеленым, несмотря на косметику. Глаза полузакрыты, зрачки стали узкие, почти как у кошки. Мы перепугались, давай орать, бегать, звонить куда-то. Но она буквально через несколько секунд уже глазки открыла и как ни в чем не бывало говорит: «Что это со мной, девочки»? Она оказывается ничего не помнила, что с ней было последние десять минут!

Мне потом сказали, что она наркоманка. А самая работящая у нас в заведении девочка! Такая компанейская, и с клиентами у нее все отлично. Я думала, Зюзик ее турнет теперь - ни фиги. На завтра снова в строю и улыбка до ушей. Зюзика главное, чтобы ему доход приносили, а что она завтра может концы отдать, ему наплевать. Это уже у большого босса будут проблемы, да и то, наверное, не настолько страшные, чтобы они их боялись.

Мне так хотелось, чтобы она встретила меня в аэропорту! Я по многу раз каждый день представлял себя уверенно выходящим из раздвигающихся стеклянных дверей аэропорта. И ее, такую красивую, с радостным ожиданием высматривающую меня в толпе пассажиров. И как она обнимет меня руками за шею, и прошепчет мне что-то приятное. Было замечательно представлять себя красивым, сильным, почти всемогущим, но чудесным образом прирученным и, конечно, искренне любимым и любящим. Каждый раз я старался выгнать эти упорно внедрявшиеся в мою голову картинки, поскольку хорошо знал, что чем лучше и приятнее милая фантазия, тем досаднее может быть столкновение с живой реальностью. Лучше готовиться к худшему, тогда возможна приятная неожиданность! Но убедительнейшие, рациональные аргументы, были не в состоянии ничего

поделать с бесконечным желанием снова и снова нажимать на эту кнопку удовольствия.

Оля старалась тактично избавиться от этой «приятной» процедуры встречи любимых в аэропорту. Действительно, самолет прилетал в Цюрих утром, чтобы встретить меня, она должна была сразу с работы, после бессонной ночи, прыгать в поезд или автобус и ехать в другой город. Нереально для нормального человека. Я даже сильно не настаивал. Да и как, собственно говоря, я мог настаивать! Кто я ей такой? Просто как-то обмолвился в одном из телефонных разговоров, что мне было бы очень приятно. Она сказала, что ничего не может обещать, будет смотреть по обстоятельствам, и чтобы я не обижался, если она не сможет приехать, поскольку это, действительно, для нее непросто.

По прилете, проходя мимо раздвижных аэропортовых дверей, я неторопливо рылся в карманах, разыскивая номер ее телефона. И когда сонно и рассеянно, без особой надежды оглаживая встречающих, я все же увидел Олю – мир сделался прекрасным! Люди кругом – замечательными! Я – самым счастливым человеком на земле! Все было так, как я себе и представлял: она, глядела на меня своими особыми, такими знакомыми, мягкими, обволакивающими, чуть лукавыми глазками. Подошла, медленно обвила меня руками за шею, поцеловала и прошептала мне на ухо:

- Ты такой красивый!

А я в ответ шепнул слова, которые до этого ни разу ей не говорил:

- Я люблю тебя!!!

Она тихонько усмехнулась, точнее, просто выдохнула немного более выразительно, чем обычно и ответила:

- Не придумывай. Но мне все равно очень приятно!

Я подарил ей маленькую хрустальную переливающуюся кошечку, а может быть, это была пантера или рысь. Мне показалось, что эта стильная фигурка с модным ярлычком чем то похожа на нее – возможно, неким плотоядным, небезопасным, но притягивающим к себе искушением.

Вместе с Олей в аэропорту оказалась ее подруга Лена. Надо сказать, оказалась не очень кстати, поскольку у меня не было ни малейшего настроения для светских любезностей и прочей ерунды. Тем более, выглядела эта Лена, как эдакая, свое уже отработавшая, и по соображениям почтенного возраста ушедшая на покой дама полусвета. Я с ужасом представил, что придется везти эту особу вместе с нами во Фрибург, и мы не сможем по дороге ни о чем поговорить... Но, к счастью, мои опасения быстро развеялись, Лена оставалась в Цюрихе. Непонятно, зачем она вообще приперлась в аэропорт встречать чужого мужика?

Пока оформлялись документы на арендную машину, решено было здесь же в аэропорту выпить кофе. Тут я почувствовал, что присутствие внеплановой подруги иногда может быть положительным фактором. Чуть только после первых теплых минут снова начала появляться неуютная неопределенность и конфузливость, Лена блестяще и очень быстро ее

развеея. Совсем скоро мы уже весело смеялись над ее не очень, надо сказать, добрыми, шуточками, насчет проходивших мимо швейцарских граждан и гражданок разного возраста.

Подруга Лена далее в полушутливом тоне поинтересовалась, куда я собираюсь вести ее сокровище? После моего обстоятельного ответа, вместо восхищения размахом и широтой планов я получил напутственный наказ, а точнее установку быть понежнее и поласковей:

- Олечка у нас девочка нежная, беззащитная...Я ей сколько раз говорила, что все мужики бессовестные и бессердечные, но она это усвоить не в состоянии...Так и норовит крылышками захлопать, захлопать...Вы, Вася, пожалуйста, уж побережнее с ее крылышками....

У меня было тепло и хорошо и счастливо на душе. Я, конечно, пообещал быть бережнее, хотя было совсем не понятно чего эта сутенерша строит из себя заботливую мамочку. Оля в момент этого вмешательства в нашу личную жизнь как-то виновато улыбнулась и на несколько секунд перевела глазки с меня на свою чашку.

Солнце, которого уже больше месяца не было в «облачной с прояснениями» Москве, заливало через огромные витринные окна весь аэропорт. Милые, опрятно одетые, улыбающиеся люди шли мимо нас по своим делам и совсем не мешали нашему уединению, возможно, потому, что выглядели доброжелательно, или потому, что не понимали нашего языка. Пару раз мы случайно встречались с Олей глазами и подолгу не отрывали взгляда друг от друга. Ее красивые глазки вспыхивали, как тысяча бриллиантов, и она забавно жмурилась, когда робкие солнечные лучики падали ей на лицо, делая его еще прелестнее.

Через час мы ехали в быстром, симпатичном автомобиле по красивой, залитой солнцем дороге, по обе стороны которой мелькали ухоженные весенние окрестности. А за полчаса до этого, мы, завернув на аварийный паркинг, долго-долго целовались, нежно и неторопливо наслаждаясь, вспоминая и ощущая реальность друг-друга.

Большую часть дороги Оля проспала. Я даже выразил свое беспокойство по поводу того что, проспав весь день можно ночью и не уснуть. Эта простая мысль показалась ей забавной. Она рассмеялась и поцеловала меня в нос, что, по всей видимости, должно было означать ее уверенность в способности проспать и день, и ночь и еще несколько суток.

Во Фрибурге, куда мы приехали уже под вечер, я получил возможность ознакомиться с жилищем русской девочки, работающей на консумации в

Швейцарии. Жилище произвело на меня совсем неплохое впечатление. Это была двухуровневая квартира была хоть и маленькая (типа нашей двухкомнатной) - опрятная и приемлемо обставлена стильной, функциональной мебелью. Кроме того, она находилась в совершенно приличном подъезде, где Олиными соседями были добропорядочные швейцарские фрау и херры преклонного возраста.

В квартирке царил обычный женский бедлам – кругом валялись помады, косметические карандаши, лифчики, какие-то полураскрытые коробочки. Везде, где можно было накидать или навешать тряпок, они с неизменностью имели место быть.

Кровать, находившаяся на втором этаже, была слегка прикрыта плюшевым красно-коричневым покрывалом и явно не предназначалась для бодрой интимной жизни из-за маленького размера и шаткости. Меня такие ничтожные обстоятельства остановить не могли, но Оля не была настроена ни на что кроме быстрых сборов, во время которых мне было отведено место на ее крошечной кухне в компании с чашкой противного зеленого чая для похудения. Никакой другой еды в Олином доме не было. Не было ни колбасы, ни яиц, ни сыра. В холодильнике жили только несколько йогуртов, хлеб и пакетик молока с Бог знает каким сроком годности.

Мы собрали приличную сумищу ее вещей, бросили их в багажник и, проехав всего несколько сотен метров, остановились у дверей довольно вульгарного заведения, фасад которого состоял из неоновой вывески на фоне мрачноватой каменной стенки и полуподвального входа, справа от которого располагались под стеклом фотографии местных девочек на сцене. Внутренность консумационного бара так же была достаточно заурядной для такого рода заведений: приглушенный красноватый свет, небольшая сцена с шестом и запах скисшего шампанского, исходивший ото всех кресел и диванов, на которых располагалось никак не меньше десяти-пятнадцати скучающих жриц охмурения юного и не очень юного возраста - в основном наших соотечественниц.

Для людей не вполне осведомленных в разнице между консумацией и проституцией, стоит пояснить, что консумация – это, когда девушка подсаживается в баре к клиенту и просто с ним разговаривает. Некая производная от исповеди. Мужики жалуются на холодность своих жен, на алчность любовниц, хвастаются, кто чем может, и все эти излияния девушка, работающая на консумации, должна воспринимать с большой деликатностью, чуткостью и пониманием. Лучшие прямо-таки проявляют эмпатию и совсем, как некоторые психотерапевты, время от времени понимающе произносят свое «Угу...». В принципе, для этого даже и язык знать не обязательно. Просто нужно побольше улыбаться и вовремя согласно кивать. В процессе этого разговора клиент обязан угощать девушку выпивкой из специального меню, в котором все стоит в десять раз дороже. За каждый заказ из специального меню девушка получает свою часть денег – обычно, несколько долларов. Я слышал о рекордсменках, которые за вечер выпивали до пятидесяти восьми (!!!) джин-тоников. Но это, конечно, пример работы на износ, которая через пять-шесть месяцев предусматривает курс

лечения от алкоголизма (что часто и бывает), а в основном, девушки стараются вылить куда-нибудь дорогостоящее содержимое своего стаканчика, пока подвыпивший клиент отвернулся. Поэтому в таких заведениях всегда воняет кислой выпивкой, впитавшейся в ковры и диваны. Большинство дам помимо разговоров готовы и на большее. Просят они за это по-разному, иногда вполне умеренно, но нужно ждать до закрытия бара, либо «выкупать» свою собеседницу у заведения. Что, кстати, совсем не дешево.

Моя Оля никак не вписывалась в эту атмосферу. Нам пришлось просидеть в этом клубе почти сорок минут, пока не приехал какой-то местный распорядитель, и все это время я не мог отделаться от мысли, что она не должна здесь находиться! Она совсем другая, чем все эти, в общем-то, вполне симпатичные девочки, против которых я ничего не имел и не имею. Но как становится нестерпимо жалко домашнего, теплого, нежного и ласкового ребеночка, отданного волею судьбы в ординарный районный детский садик, наполненный суровыми громкоголосыми нянечками и не очень дружелюбными детишками, так мне было не по себе от ее присутствия ЗДЕСЬ. Она вообще на них не похожа! Как человек из другого мира!... Я представил себе, как ей здесь одиноко, и начал наполняться царпливой жалостью, состраданием и виной.

Подошедший наконец к нашему столику седоватый итальянец с усиками сдержанно осведомился действительно ли я хочу выкупить девочку на весь уик-энд, и, услышав мое утвердительное согласие, обменялся еще несколькими фразами с Олей по-итальянски а затем, едва заметно кивнув мне головой, пошел к бару за счетом. Пока он ходил, Оля пояснила мне на ухо, что он очень удивился ее решению уехать на целый уик-энд с мужчиной, поскольку раньше с ней этого никогда не было, и он за нее вроде как волнуется. Но она его успокоила, сказав, что я - ее давний и хороший друг из России.

Счет состоял из суммы, эквивалентной почти четырем тысячам американских долларов. Немного больше тысячи за каждый день. Наверное, я не смог скрыть свою растерянность и огорчение, поскольку до последнего все же рассчитывал на существенную скидку, в соответствии с не типичностью ситуации. Но ее не оказалось, а торговаться в такой момент, разумеется, дело не джентльменское. Пока я подписывал слип с моей кредитной карты, итальянец изобразил понимающее и сочувственное выражение лица, а потом участливо поинтересовался, куда погрузить не то двадцать, не то тридцать бутылок дорогоущего шампанского, которое я только что, оказывается, оплатил. Поскольку я не рассчитывал ни на какое шампанское, и мне хотелось скорее оттуда уехать, я гордо ответил, что дарю его заведению. Итальянец еще раз уже почти по-свойски мне улыбнулся, и – дело было сделано. Можно было уезжать, что мы и осуществили, тепло попрощавшись с местными девочками. Мне показалось, что я чувствую на своей спине их призывные, восхищенные взгляды. Это было приятно. Обернувшись в дверях, я скромно улыбнулся в ответ.

Впереди была ночная швейцарская дорога длиною в пятьсот километров, из которых, последние сорок – по горному серпантину. Хотелось спать. У меня получалась уже вторая бессонная ночь. Оля отрубилась через полчаса. А я ехал и думал, как приятно делать добрые дела, и чувствовать себя молодцом. Я думал, что наплевать на деньги, которые так безжалостно списали с моей золотой карточки. Моя жизнь в целом не поменяется, если с нее спишут еще в десять или двадцать раз больше. А эта простая и в чем то даже условная для меня операция может многое поменять к лучшему в жизни понятного и близкого мне человека. И независимо от того, как сложатся наши отношения, и буду ли я лично для нее что-то значить, я сделаю это. Сделаю, не требуя благодарности и встречных жертв. Просто оплачу ее долги, и дам денег для того, чтобы она смогла вернуться в свой Питер, а не мучиться в этом кисло-вонючем полуподвальном борделе. Я увезу ее отсюда. Это же такое счастье, наконец, встретить СВОЮ женщину! Женщину, которую чувствуешь каждой клеточкой, которую так долго искал и ждал. Встретить и взяв ее на руки, просто пройти сквозь любые жизненные обстоятельства, как это подобает мужчине. Я хочу сделать это для нее!

От таких мыслей приятный комочек подкатывал к горлу, дыхание становилось немного прерывистым, и наворачивались слезы, как будто робко стучась откуда-то из далекого детства.

Проехав половину пути, я стал неумолимо засыпать. Сознание мягко куда-то уплывало. Пару раз я ловил себя на том, что несколько секунд уже спал! Спал за рулем, перемещаясь с приличной скоростью по швейцарскому хайвею. Испытанные средства экстренного пробуждения организма, типа открыть окно, пожевать жвачку, пощипать себя за ляжку или побить по щекам, давали только кратковременный эффект. И я решил от греха подальше остановиться на ближайшей заправке и хоть чуть-чуть поспать.

Проснулся я только утром, когда мы с Олей немного подзамерзли, весело сбегали пописать, сполоснули слегка опухшие от неудобного сна физиономии, съели по парочке бутеров и уже на рассвете продолжили путь, болтая о всякой ерунде. Мысль оплатить Олины долги, такая ясная, безоговорочная и естественная до сна, сейчас уже не представлялась настолько реальной и очевидно правильной, а посему была пока осторожно отложена в сторону.

Суббота и половина воскресенья пролетели прекрасно. Я чувствовал себя действительно на отдыхе. В другом мире, непривычно дружелюбном, симпатичном и ласковом. Ужинали мы в охотничьем ресторанчике нашей маленькой уютной гостиницы, где кроме нас был только метрдотель, он же портье, он же владелец отеля – моложавый загорелый парень с лихо закрученными вверх большими усами, симпатичная черненькая официантка, не понимавшая по-английски, и молодой пианист – эмигрант из Югославии, который весь вечер играл для нас романтические, в том числе и русские мелодии.

Единственное, что несколько омрачало общую идиллию, это Олина неистощимая потребность в здоровом сне. Как только мы оказывались в номере, и я собирался предпринять попытки к вожденной близости, она обычно уже засыпала или даже крепко спала. Таким образом, за все выходные мне удалось, чисто символически, «сделать свое дело» всего один раз - по приезде, но и тогда я еле успел, потому что позвонила ее мама, и больше ей уже не захотелось. Складывалось впечатление, что в понятие «отдых» для Оли входят некие восстановительные, успокаивающие нервную систему процедуры, но здоровый секс к ним не относится.

Важный разговор, необходимость которого следовала за нами, как что-то недосказанное, все же состоялся, но уже во Фрибурге, когда поздно вечером, почти ночью, я привез ее домой, и мне нужно было уезжать, чтобы не опоздать на утренний рейс. Уже не хватало времени, слова путались. На душе было как-то не по себе оттого, что я снова возвращаю ее в это безнадежное место, оттого, что праздник кончился. Я пытался дурачиться, рассказывал какие-то несвязные истории, при этом несколько раз ловил себя на идиотском сюсюканье, на каких-то детских оборотах речи. Я лопотал обо все на свете, кроме самого главного. Оля иногда понимающе улыбалась и смотрела на меня с теплым, но каким-то грустным, прямо таки материнским выражением лица.

Когда она, опустив глазки, уже собиралась уходить, я все-таки сказал, что не могу позволить ей дальше здесь оставаться. Что я собираюсь оплатить ее долги, и это не будет её связывать никакими обязательствами по отношению ко мне, просто я делаю это для себя, чтобы хоть раз в жизни почувствовать себя порядочным человеком.

Она протянула руку, погладила меня по щеке и сказала: «Хороший мальчик...». Потом посмотрела мне в глаза, и я услышал, что она не может ни при каких обстоятельствах принять от меня такую сумму, что я и так много для нее сделал, и наши добрые отношения для нее значат больше, чем деньги. И что много раз она теряла друзей, когда в их отношения вмешивались финансовые вопросы. Она говорила, что отработает свои долги, у нее все рассчитано, остался всего год, может быть полтора или два, и все. Это не так уж и много. Если уж я и хочу чем-то помочь, так, может

быть, смогу устроить ее отца где-нибудь в Питере на работу хотя бы водителем.

Я не уступал..., но нужно было ехать, она говорила, что я опоздаю на самолет и ей надо идти спать, мотала головой из стороны в сторону, делала руками категорические жесты, в конце сказала, что мы созвонимся и договорим по телефону, но она хочет, чтобы я отказался от этой затеи. «Всем будет от этого лучше...», - сказала она перед тем, как поцеловать меня на прощание в щечку. Когда я ехал обратно, мне почему-то стало жалко себя, Олю, нашей непутевой жизни. Так жалко, что горький комочек в горле, все же разродился парой соленых слезинок, вытекших из уголков глаз и скатившихся по щеке на грязный пол моей машины.

Ну, вот и все. Кончились выходные. Должна была отдохнуть, выспаться, в себя прийти.... Вместо этого ощущение какой-то потерянности. И голова продолжает болеть. Все вроде было и неплохо для нашей сельской местности... Хотя, с какой стороны посмотреть. Началось с того, как он рассчитывался в клубе. Мамочки мои! Когда с его карты списывали мои отпускные, вы бы видели это изменившееся лицо! Похоже, он проклял в этот момент и меня, и свой приезд и вообще затею со мной встречаться. Такое чувствовалось с его стороны одолжение, просто зубы сводило. А наши шалавы пялились как на Деда Мороза, глаз с него не спускали! Завидовали! Думали, наверное: «Какой клиент замечательный!» И алчно подсчитывали мои барыши : «Сколько этой питерской зануде сразу денег привалило! За пару деньков в горах еще заработала почти семьсот долларов!» Так бы их всех отколошматила по тупым и наглым рожам! Да, я бы могла взять и выходной, но мне, в конце концов, нужно понять, как человек ко мне относится! Что я значу для него! Готов ли он хоть на какие-нибудь жертвы? Хотя паршивые несколько тысяч – это для него никакие не жертвы. Это, скорее, его подарочек своим капризам. Не совсем дешевый, конечно, но вполне в разумных пределах.

Как только я села к нему в машину, сразу закрыла глаза, чтобы с ним не разговаривать и вообще его не видеть. Еще приперлась в Цюрих его встречать, как дура. И Лена тут как тут нарисовалась, такая вся обаятельная и дипломатичная. Потом тихонько мне шепнула в туалете, что мужик что надо, мол, не упускай свой шанс, девочка. Говорит: «Если его на тридцатку не раскрутишь, будешь дура душой и говорить нам с тобой будет не о чем!» Вот так вот! Напутствие подруги... Она думает, что мне с ней сейчас есть о чем разговаривать! С каким удовольствием я бы послала ее в одно место со всеми ее напутствиями и наставлениями, со всеми ее сермяжными правдами и неправдами, с ее ушлостью и пронирыливостью.

Но Вася этот, конечно, такой навязчивый... Не понимает человек, что я не для того с ним поехала, чтобы днем и ночью трахаться! Лезет и лезет! То за ручку норовит подержаться, то за попу начинает трогать прямо на улице. Ну, в какие это ворота! Как объяснить, что девушке нужно сначала что-то испытать к мужчине, что это не бывает за один день, что не очень то вообще просыпается желание, когда знаешь, что у него семья и дети, а сюда он приехал так, развлечься. Вообще, видно по нему, что он субчик достаточно прагматичный. Губки такие тоненькие поджатые, ухмылочка едва заметная. Вежливый такой, предупредительный ко всем, внимательный. Таким, на самом деле, глубоко на всех наплевать, и любят они только себя, просто имеют привычку вести себя положительно. Лживые, неискренние люди!

Правда, я несколько раз замечала краем глаза, как он усядется, где-нибудь неподалеку и долго-долго на меня смотрит. Прямо не знаешь, что и подумать. Скорее всего, в нем происходила внутренняя борьба. С одной стороны, охота побыть эдаким героическим принцем, а с другой стороны, сущность-то мелочная, вот он, бедный, и мечется из стороны в сторону, но мелочность всегда побеждает.

Дурачится, как мальчишка! Иногда забавно, я вроде смеюсь, а все равно не то ощущение! С ним как-то нет защищенности и устроенности, которое было с Сережей. У него получается все как бы не всерьез. Он ни в чем не уверен и в любой момент может закапризничать и отказаться от всего на свете. Его обещания, получается, ничего ровным счетом не стоят! А как он мне помощь свою предложил? Лучше бы вообще этого не делал! Дулся, пыхтел, как будто тужился всю дорогу, а уже в самом конце говорит: «Давай, я твои долги оплачу, не хочу, чтобы ты здесь больше работала!» Я как вспомнила, что он про свой «убыточный» бизнес рассказывал, как чуть не разрыдался, когда меня из клуба выкупал, и думаю: «Да ты, бедолага, с горя потом удавишься, когда осознаешь, на что подписался. У тебя же и сон, и аппетит пропадут. И, в конце концов, все равно, сто причин найдется, а денег не будет».

В общем, нарушила Ленкины инструкции, сказала, что не нужно мне его денег, что сама разберусь со своими проблемами. Он, кстати, не очень то и настаивал. Так, для виду посопrotивлялся, и был таков. Ленка теперь меня убьет. Хоть не рассказывай. А с кем тогда поделиться? Не с мамой же!

Все оказалось наоборот. Ленка сказала, что я молодец и умница, все сделала правильно, и что если бы я сразу согласилась, шансов реально получить денежки было бы гораздо меньше. А теперь он мне наверняка будет названивать и еще раз настоятельно предлагать поучаствовать в моей несчастной судьбе. Мне в целом наплевать. Как будет, так будет. Если человек хочет, пусть платит. Только я ему четко должна сказать, что к нему в Москву на съемную квартиру переезжать не собираюсь, и жизнь в любом

случае буду устраивать по своему собственному желанию. А там пусть сам решает!

Подруга моя устроилась на какую-то учебу. Что-то вроде института здесь, специально для иммигрантов. А что ей? Она уже третий год в фиктивном браке, живет здесь. Еще годик-полтора и получит швейцарское гражданство, нормальную специальность и будет здесь жить-поживать, на всю Рашку поплевывать. А я чего, дура, ворон ловлю? Я же все уехать отсюда планирую! А пока я планирую, жизнь уходит, и возможности могут закончиться. Мне тоже надо заняться фиктивным браком. Неизвестно, сколько я еще здесь пробуду. А швейцарское гражданство – оно и в Африке швейцарское.

Дозвониться до нее удалось только через неделю. Снова не отвечал телефон. Я набирал раз по тридцать в день, каждый час по три-четыре раза, а может и больше.

Наконец, я услышал, сначала, обнадеживающее продолжительное шелканье, а потом Оля взяла трубку. Снова устало-сонный, немного сердитый, глуховатый голос на той стороне:

- Ал-ле...
- Привет, это я.... Ну ты как?
- Вася, какой ужас..., зачем ты снова позвонил?...
- Ну, мы же договорились созвониться, чтоб решить все, что тогда не успели....
- Нет, Вася я думаю, это все ни к чему.... Хотя..., впрочем, хочется тебя послушать.... Давай... Я уже проснулась, легла поудобнее..., я слушаю тебя, мой Вася из Москвы!

Я просто сказал ей еще раз, что решил оплатить эти ее долги, чтобы у нее была возможность распорядиться своей жизнью иначе, чем сейчас. Что ни на какие особые роли при этом, естественно, не претендую. И хотя эта сумма для меня не является незначительной, я не могу поступить иначе, поскольку она как-то незаметно заняла в моей жизни очень важное место. И, честно говоря, я, конечно, надеюсь, что она сможет приехать ко мне в Москву, где мы какое-то время сможем повстречаться, чтобы разобраться в своих чувствах. А там посмотрим.... Я подберу ей в Москве приличную квартиру, оплачу ее на полгода или год, а она сама, будучи девочкой разумной и энергичной, наверняка сможет найти себе в нашем городе достойное применение со мной или без меня, как получится.

Оля внимательно слушала, спросила в конце, откуда я знаю, что она заняла в моей жизни какое-то важное место, ведь у меня наверняка полно других увлечений, как у всех молодых людей сейчас в России. Я отшутился, что не могу забыть ее золотистые нежные волосики в ложбинке внизу спины возле того самого вожделенного места, укрываемого или скорее открываемого ее маленькими кружевными трусиками. Она сдержанно хмыкнула и спросила: «И это все?» Я ответил, что не все, но остальное она узнает в Москве. И что она может не сомневаться, этого остального будет предостаточно. В ответ я услышал, что мое предложение ей в целом нравится, но она, конечно, должна все хорошо обдумать. Напомнила про своего отца, которому очень нужна любая работа в Питере. Я обещал что-то придумать, хотя прекрасно понимал, что у меня и в Москве то вряд ли получилось бы его устроить, а уж в чужом городе через третьи руки мужика за пятьдесят лет определять на работу – просто шансов нет. Но все равно обещал что-то придумать.

Вот так поговорили. Вроде, все нормально, хотя у меня остался осадок легкого недоумения какого-то, недопонимания. Я постарался об этом не думать.

Она едет ко мне! Я уже связался с уважаемым риэлтерским агентством. Оказывается в нашем районе совсем не просто снять нормальную квартиру. Я хочу, чтобы она была с охраняемой территорией, с ремонтом, с мебелью. Ищут уже две недели. Три варианта ездил смотреть – пока предлагают ерунду. Нужно, чтобы наши условия жизни не слишком сильно ее травмировали поначалу. Хотя, конечно, совершенно избежать этого не удастся. Но, ничего не поделаешь, потерпит. В таком городе мы живем. У нас явно не Женева, но здесь наш дом. И к этим условиям нужно привыкать, если хочешь жить в своей стране.

По поводу ее трудоустройства – пусть решает сама. Я от данного вопроса принципиально устранился, чтобы ее не сковывать. Реально я ничего по настоящему стоящего ей предложить не смогу (да и ребята будут против того, чтобы она у нас работала). И совсем уж не хочется заниматься самообманом, платить ей зарплату просто так. Это и мне будет не здорово, и ей ограничит возможности реальной адаптации. Она совсем не глупая девочка – вроде с высшим образованием, внешность роскошная, два языка, кое-какие знакомства в модельном бизнесе. Пусть пробивается. Я думаю, за полгода можно найти себе в Москве дело, которое бы нравилось и кормило одновременно. Я, в принципе, могу дать ей денег на оборотные средства. Войду, так сказать в доленое участие. Ну, если так не получится, то будем вместе думать, как поступить.

Вроде радостно, такое приятное предвкушение, но немного как-то... боязно что ли. Нет-нет..., да приходят в голову пораженческие такие мыслишки. Например, что если бы она отказалась приезжать, можно было бы все спустить на тормозах и денежки остались бы в целости. А теперь я уже безоговорочно ввязался в это дело. И неизвестно, чем еще оно кончится. И денег вроде не жалко, а все же иногда начинаешь думать.... Лучше не думать! Тем более, что все уже решено. Я оплачу ее долги, иначе сам буду чувствовать себя полным ничтожеством. Даже удивительно, как такая осязаемо-простая мысль раньше была для меня чем-то неочевидным. Наверное, мы просто живем в такое время, когда все ценности становятся неочевидными. И можно во всем найти оборотную логику. С одной стороны это хорошо, поскольку появляется свобода выбора, с другой, всякое решение труднее становится принимать. Особенно трудно просто совершать банально-хорошие поступки. Это даже звучит как-то жалко и неестественно: Банально-хорошие поступки!

План, в целом, простой как яйцо:

На следующей неделе еду в Питер, передаю ее отцу деньги. Она сказала: двадцать пять тысяч (приятный сюрприз, я думал тридцать). Потом все здесь организовываю, еду к ней, забираю, привожу сюда. А дальше... плана нет. Жизнь должна сама все распределить и расставить по законным местам.

- Алё, мама! Ты слышишь меня?!
- Да, да Олечка. Мне очень хорошо тебя слышно.
- Папа встречался с Васей?
- Конечно, дорогая, мы вместе с папой ездили...
- И ты ездила?
- Конечно, золотко мое, я же не могу папу одного отправить. Все-таки сумма большая...
- Ну и как все прошло?
- Ну, как все могло пройти – нормально, мы были на машине, папа за рулем... Он опоздал минут на пятнадцать. Приехал на такси, машина ждала, пока он с нами разговаривал. Не знаю уж, куда он потом на ней поехал.... Немного высокомерный у тебя молодой человек! Нам с папой даже как-то неловко было. Хотя мы не опаздывали, а приехали вовремя. Папе он тоже не понравился. Ты, кстати, зря даешь кому попало наш домашний телефон. Сама знаешь, какая у нас дверь, ее можно открыть чем угодно....
- Так, мама, я все поняла.... Он вам передал то, о чем я говорила?

- Ну, естественно, неужели ты думаешь, что твоя мать отпустила бы его просто так? Хотя, могу тебе сказать, ему явно не хотелось этого делать. Он не из тех людей, что способны на бескорыстное благородство! Но я так не него посмотрела...
- Ясно, мама, дальше.... Вы сделали то, что я говорила?
- Конечно, конечно, все сделали и получили расписку!
- Ну, и молодцы! Все, мамочка, пока, поцелуй за меня папу!
- Оля, ты знаешь, что мы ради твоего счастья готовы терпеть в доме хоть крокодила из Африки, но если ты еще хоть чуть-чуть к нам прислушиваешься...
- Мама, я уже все поняла! Не надо повторять по тысяче раз одно и то же! Все, пока, не болейте.

Интересное дело, у Оли лицо немного скуластое, но симпатичное. А мамаша ее...страшна, как ядерная бомба! Хотя похожи как две капли воды, если конечно вносить поправку на возраст. Для меня это был неприятный сюрприз.... Конечно, каждый с возрастом изменяется, но здесь так вроде бы и похоже одновременно, и безобразно! Не дай Бог никому увидеть, каким ты будешь в старости!

Я летел вторично в этот их Питер, конечно без того азарта, что в первый раз. Рейс задержался, я проторчал три часа в аэропорту, потом еще почти час в самолете. На этой неделе на работе было много дел, но все пришлось отменить. Обещал – значит обещал! Ребята, конечно, не очень одобрили. Это если мягко сказать! А по реальному положению дел, я чуть не изгоем себя чувствовал по поводу своего дурацкого решения. Какая-то неуверенность появилась во всем, стал даже повороты пропускать на дороге. А так раздражает это состояние! Ходил на всех злой, как психопат, а временами, наоборот, пришибленный, как будто всем должен и не отдаю. Даже не денег жалко! Я же делаю доброе дело! Как бы то ни было, хорошему человеку помогаю. Почему мне так нехорошо? Она же ничего не подстраивала, никогда меня не обманывала, ничего не простила, я сам решил, потому, что иначе не мог. Так чего-же теперь? Ничего не могу понять.

С ее приездом - отдельная песня. Представить себе не могу, как что будет. Ну, приедет она, поселится в этой квартире, а дальше? Что мне, сидеть возле нее ежечасно? Таскаться с ней по ресторанам и всяким клубам? А я их ненавижу эти клубы и рестораны, мне неделя такой жизни и я вообще озверюю! Что мне здесь с ней делать реально – ума не приложу. Раньше, вроде, так ясно казалось, пока это еще было далеко, а теперь вообще непонятно! Мне что, из семьи уходить? А с какой стати? Я ее и не знаю совсем, к тому же с характером девушка – дай Боже выдержать. Вместо того, чтобы дома отдыхать, будешь вокруг такой цацы носиться, как ссанный веник,

а она еще изредка будет позволять себе прийти домой среди ночи выпивши, со сбитой прической и восторженно-счастливыми глазами! Нет! Это не для меня. Откуда я вообще придумал, что она ко мне относится не так, как к другим? Вот вопрос! Согласилась на то, чтобы я ее из клуба выкупил, и благосклонно приняла мои денежки после долгих уговоров. И все! Действительно так! Она же ничего не сделала, чтобы можно было говорить о ее ко мне симпатии. Даже в Люкербаде все время от меня отворачивала свое чухонское рыльце! А я, счастливый, радовался. Только неизвестно чему.

Мамаша эта ее меня звала обедать. Сейчас! Может, им еще ковры повыбивать и полки перевесить, да на даче чем-нибудь подсобить, как будущим родственникам. Ну, нет! Это не мое! Слава тебе Господи, моя Марина Львовна пока все мои выходки терпит. А ведь такого ангельского терпения ни в жизни не найдешь ни у одной современной барышни! Истинно сказано: что имеем не храним, потерявши – плачем! Как бы мне не заплакать! Ну, все, все один к одному! Ребята - в один голос против категорически, моя собственная внутренняя логика – тоже против, только что-то внутри меня сидит вредоносное и сопротивляется подавляющему здравому смыслу. А я знаю! Это, наверное, мое упрямство! Вредность просто! Даже самому себе не хочу уступать. Но сейчас это глупо! Могу оказаться в положении небезызвестной унтер-офицерской вдовы! Пойди-пойми, как правильно?

- Привет, дорогой!
- Боже мой... не успел я передать твоим родителям деньги, и уже стал дорогой. Раньше что-то я не был дорогим! Если все так просто, то нас ожидает безоблачное счастье на несколько месяцев, а дальше у меня деньги кончатся....
- Ну не будь таким глупым придирой и дураком... (Говорится смущенно-кокетливо, немного нараспев). Ты должен радоваться, что девушке приятно так тебя называть...
- Я радуюсь, даже очень!
- Вась, я поговорила с Леной, мой контракт позволяет уехать только через полтора месяца...
- Полтора месяца еще ждать!? Лен, нереально!
- Иначе я просто не смогу больше въехать в Швейцарию.
- Блин, слушай, ерунда какая-то....
- Не ерунда! Это связано с иммиграционными властями. Здесь не так все просто. Это же не в Турцию съездить – у меня виза с правом работы.

- (Молчу, думаю: на хрена ей эта виза, когда она сюда, в Россию переезжает? Она что, возвращаться собирается в эту клоаку? Зачем? Спрашивать не стал. На фиг надо! Наверное, какие-то особые иммиграционные тонкости. Мне то в принципе – даже лучше – время будет подумать и разобраться в своих соображениях)
- Ну, что ты замолчал. Я же ничего не могу с этим поделать. Ты же понимаешь, что мне никакой радости нет здесь задерживаться. Я бы хоть завтра уехала. Ну не сердись... Я приеду, и сделаю тебе все, что ты хочешь.... Все-все-все.... Абсолютно все, дорого-ой мой.
- Ох, Оля.... После такого обещания средневековый рыцарь, наверное, согласился бы ждать несколько лет. Я, реально оценивая свои возможности, честно тебе говорю – через полтора месяца я приеду сам и увезу тебя в чемодане. Без визы и даже без паспорта... Шутка!
- А я совсем и не против, помнишь, как в анекдоте: «Хоть тушкой, хоть чучелом, надо отсюда выбираться». Я согласна на все, мой дорогой! Я целую тебя.... А ты меня?
- И я...
- Ну все, пока, мой птенчик! Звони почаще, но не тогда, когда я сплю...

Чего я ее уговариваю, как дурак? По инерции, наверное. Не приедет, ну и слава Богу! Всем будет лучше. Честное слово!

- Лен, я не смогу отдать тебе сейчас больше пятнадцати тысяч!
- Ты охренела, подружка!!!
- Лена, понимаешь, мне нужно доделать квартиру и хотя бы сдать ее, тогда я смогу каждый месяц тебе отдавать по две тысячи или больше, смотря за сколько получится сдать...
- Оля, у тебя совесть ушла, как дети в школу! Я так на эти деньги сейчас рассчитывала, я же квартиру

здесь купила, мне ссуду нужно гасить в банке, ты же знаешь!

- Лен, я уже проплатила строителям, извини. Ну, я же не виновата, что ты на них рассчитывала. Это вообще нельзя было прогнозировать. Может быть, мне еще придется ему эти деньги отдавать...
- Подруга, тебя слушать смешно! Деньги ты будешь отдавать!
- Ничего смешного, я еще не знаю, что он за человек, Лен...
- Человек, похоже нормальный, Олечка!
- Ты поговорила с Зюзиком по поводу моего отъезда...
- Поговорила! Можешь брать билет, но только в один конец! Если уедешь, тебя здесь больше не возьмут на работу!
- Лен, я понимаю, что сама могу в любой момент разорвать контракт, я же тебя спрашивала про другое.... Чтобы мне уехать и через месяц-два приехать обратно.... Да так оно и получится, я тебя уверяю. Ты же сама говорила, что, судя по его физиономии, больше недели он меня не выдержит...
- Подруга, ты вообще наглость потеряла. Утерла меня на десятку и без паузы просишь об одолжении!
- Лен, ну ты же сможешь, если захочешь.... Я очень на тебя рассчитываю, Лен. Ты же знаешь, я проплатила за этот фиктивный брак. Начинаю оформлять гражданство, будем с тобой вместе учиться ходить, когда меня вернут из этого Фрибурга... Мне никак нельзя надолго уезжать....
- Почему все мои подруги такие стервозы, Оль, ты не знаешь?
- Это потому, что мы все с тебя пример берем, Леночка! Ладно, Лен, пока, целую, обнимаю. Не сердись!...

А, наплевать! Обо всем думать – голова сломается. Начинаю чувствовать себя человеком, уже себе не принадлежащим. Одному это...! Другому это...! Лена орет! Вася звонит! Всем чего-то от меня надо.... Почему я должна чувствовать себя перед кем-то виноватой? Я никого еще не

обманула ни в чем! Я еще сама не знаю, чего я хочу. И собираюсь определиться с этим, по возможности, самостоятельно. Независимо от мнения Лены или Васи.

Мне очень нелегко было адаптироваться здесь. Целых полгода я не находила себе места, не могла войти в режим и чувствовала себя белой вороной. Только сейчас потихоньку я начинаю привыкать, укладываться в ситуацию. При этом я не снимаю трусы перед всеми подряд. Мало кто знает, как это непросто, когда ограниченные люди высокомерно над тобой посмеиваются из-за того, что ты не опускаешься до их уровня. А других людей, которые могли бы тебя понять, просто нет!

Я не знаю чего я хочу, но вернуться в Россию, уже имея швейцарское гражданство и нормальную швейцарскую профессию, гораздо лучше, чем еще полгода-год пожить в качестве содержанки в Москве, и ждать, когда тебя просто во второй раз выкинут на улицу. Тем более, что в данном случае, никто не обещает мне роскошь и райские кущи! И ведь я тоже ничего ему не обещала! Я просто собиралась приехать к нему в Москву, потому, что мне так захотелось!

Мне только дай себе напридумывать всякого такого... романтического. Один раз уже напридумывала – до сих пор в себя не приду! Если я дам себе отпустить вожжи и влюбиться в этого Васю, то прискачу к нему в Москву, не пройдет и двух минут. Приеду и скажу, раскрыв объятия: «Вот она я, любимый, приехала к тебе на всю жизнь!» Только не факт, что это его сильно обрадует. Может, он и названивает из-за того, что своего еще до конца не добился. Я все-таки сохраняю независимость. Я все время себя сдерживаю, все время себе твержу, что он – не мой вариант, и перспектив – никаких. И ведь это по большому счету так и есть. Вот, если бы эти мысли отключить... Нет, не получается отключить и ни к чему. Такие, как он, не разводятся! Об этом и думать бесполезно, а от мысли устраиваться в его Москве на голом месте определенно веет безнадегой.

Это он по телефону расплывчато намекает на какой-то бизнес, который я могу начать с его помощью. А что за этим стоит - одному Богу известно. Нет, вообще не нравится мне такая перспектива.... А зачем же я к нему собираюсь? Зачем договариваюсь с Ленкой, о чем-то ее прошу? Позвонить, да сказать, что не приеду. Все как есть...

Тоже не хочется! Просто я, как глупая пятиклассница, не могу разобраться в своих чувствах! Я не знаю, что для меня значит этот человек из Москвы.

Наверное, мне в детстве слишком много читали сказок. Но так приятно поваляться и помечтать.... Хотя бы помечтать! Забавно получается, всего полгода, как я живу безо всякой любви, полгода как я не позволяю себе ни к кому почувствовать нежность, и Сережу уже почти выкинула из головы. Я так изменилась за это время. Не знаю, в лучшую сторону, или в худшую. Наверное, в лучшую. У меня все потихоньку устраивается. Квартира в Питере – считай, готова, с Ленкой почти рассчиталась, никому ничего не должна. Вряд ли я смогла бы так раньше. Гораздо лучше себя чувствую: в зал хожу регулярно, режим налажился – высыпаюсь прекрасно. Правда стала

немного полнеть в заднице. Но это я устраню, как Лена говорит, без паузы! И мысли раньше всякие покоя не давали – может, из-за них я и не спала, кстати! Как все плохо, да как все тоскливо... Да нормально все! Дай Бог каждому в мои годы такой жизненный результат!

Что-то моя суженая, похоже, не очень-то намерена ко мне ехать. Забавно, но я и не думаю по этому поводу расстраиваться. Ну, ни капельки! Хотя..., немножечко есть. Но это просто такое приятное ощущение – почувствовать себя как бы брошенным, и как бы несчастным. Таким благородным, но обманутым принцем! Почти как тогда в Индии с Мариной.

Еще пару недель я вяло потратил на поиск квартиры. И, на удивление, нашел, то, что понравилось. Дом обычный, панельный, но весь первый этаж занимает какая-то большая немецкая фирма. Территория огороженная, охраняется, в подъездах – чистота. Говорят, что «основные» немцы здесь же имеют квартиры, поэтому, за всем следят. На стоянке приличные машины. Я смотрел, и на ночь оставляют. Цена, в общем – не великая. За двухкомнатную квартиру – восемьсот долларов. Из мебели там, правда – только кухня. И это, конечно, создавало проблему, но все решилось само собой: Оля пропала со связи. До этого мы с ней ежедневно созванивались по несколько раз в день, а тут – вообще глушняк.

Я обеспокоено позвонил ее родителям в Питер, они вообще ничего не знали и сказали, что после моего звонка тоже будут волноваться. Хотя поверить в то, что ее мамаша хоть чего-то не знает о своей доченьке, мог только слабоумный.

Квартира тем временем была сдана кому-то другому, поскольку я отказался ее оплачивать пока не будет определенности. Определенность, если так можно сказать, наступила еще через месяц. Позвонила эта старая селедка и дала новый Олин телефон.

Я к тому времени, честно говоря, уже не думал, что она перезвонит, и немного оробел. Вот, думаю, неожиданность. Еще как скажет сейчас, что прилетит, и чего мне делать? Я уже настроился на ее перманентное отсутствие. Звоню, с замиранием сердца, но с твердым намереньем больше в это дело не путаться:

- Оля, привет. Что-то я тебя потерял, звезда моя...
- Да, Вася. Я хотела тебе раньше позвонить, но не могла... Я должна тебе сказать... У меня здесь произошли кое-какие события... Я не могу рассказывать по телефону, в общем, Васечка, мне нельзя сейчас приезжать в Москву...

В ее голосе что-то пульсировало, пыталось пробиться, но не могло. Она глухо произносила одни и те же фразы о том, что не сможет приехать. Вообще... И не может назвать никаких сроков. Несколько раз она вообще замолкала, но трубку не вешала. Наверное, плакала. Все мои попытки узнать, что случилось, встречались одной и той же фразой: «Я не могу тебе этого сказать, пожалуйста, не мучай, не спрашивай меня, мне и так очень плохо...»

Она сказала, что собирается вернуть мне деньги, когда появится возможность, на что я ответил категорическим, возмущенным отказом. В конце она попросила больше не звонить, поскольку ей «и так слишком тяжело». Я сказал, что приеду через три дня, как только сделаю визу. Что меня на это дернуло – сам не знаю. На это опять же, к моему, наверное, счастью последовал отказ. Точнее, не совсем отказ в чистом виде, но она сказала, что уехать со мной даже на один-два дня не сможет, а общаться со мной в клубе «за шампанским» ей не хочется. Да и мне не хотелось. Я хотел еще расспросить о чем-то, но она больше не могла говорить. И все...

За этим разговором облегчения не наступило. Наоборот, стало хуже. У меня появилось смутное подозрение, что я все же умудрился что-то потерять. И этой потерей были не деньги. Я думал-думал, прислушивался, принимался к своим ощущениям, но ничего путного в голову не шло. Я получался двуличным и бессовестным – сидел себе, тихонечко потирая ручки, радовался, что она потерялась и больше не появится. Я же собирался ее отшить культурненько, если вдруг решится приехать..., но разговор получился такой странный. Сама сказала, что приехать не сможет, и так решительно, так эмоционально, как-то по-честному. Может, у нее взаправду там проблемы, а я здесь спрятался в норку и носа из нее показывать не хочу? Нет, все это маразм чистой воды. Просто эта девушка получила от меня то, что ей было нужно и все! Больше ей ничего не нужно. И обоим нам было бы хуже, если бы она сюда приехала, но, к счастью, я и сам уже понял, что к чему. И вроде все это было так прозрачно, но зачем-то я решил еще раз постучаться в эту дверь.

Я решил действовать, используя природную женскую слабость перед проявлениями любовной романтики. На счастье, у меня сохранился ее адрес во Фрибурге. Связавшись за несколько дней с агентством «Цветы - куда вы пожелаете» и, оплатив им счет на пятнадцать ежедневных доставок инкогнито, я начал ждать звонка пораженной женщины, которая, уверовав в силу моего чувства, захочет увидеть меня немедленно, дабы, поплакав на моем могучем плече, получить заботу, поддержку и любовь, которых больше для нее на белом свете ни у кого нет!

Не тут то было! Пятнадцать дней пролетели, как одна минута, но мой телефон ни разу не зазвонил, если не считать нескольких слуховых галлюцинаций, когда я хватал трубку и орал «Алё, алё...!!!» совершенно безосновательно. Забавные такие выводы получается. Вообще возникает вопрос: а так ли женщины романтичны и вообще, любят ли они цветы? Может это просто привычное заблуждение мужчин? Пару раз пытался

привлечь на свою сторону ее родителей, они вежливо выслушивали, охали, ахали, но или не знали «военную тайну» или свято хранили. Чего еще добавить, я уже не знал. Из всех средств воздействия остались только навязчивые попытки дозвониться по не отвечающим телефонам. Все они были безрезультатны.

С каждым днем желание что-то предпринять все больше уступало место тупому безразличию. Я и не думал особо, просто гнал из головы мысли о том, что она сейчас может делать, что с ней происходит. Снова убеждал себя, что все ее слезы по телефону – ерунда, и у нее все в порядке. Живет себе в Швейцарии, работенка не пыльная и прибыльная, на фига ей переться в какую-то Москву неизвестно зачем?

Все реже появлялась в моем мозгу мысль о том, какой я негодяй, что она, может быть, сейчас в швейцарской тюрьме, или ее кто-то мучает, или с ней происходит еще что-то ужасное, а я здесь прохлаждаюсь и тещу свою мелочную душонку жалкими рассуждениями о том какая она бессовестная стерва. Постепенно я и вовсе успокоился.

- Да не плачь ты, дура! Выкинь ты эти его сраные букеты на помойку! У тебя уже как в склепе стало, кругом цветы засохшие, и девка зареванная! А то и правда, накличешь беду своим воем!
- Зна-аешь..., Ле-еночка.... Я головой-то понимаю, что ты права, но слезы сами текут. Ничего с ними сделать не могу. Текут и текут....
- Ну и поплачь, зайка, скоро отпустит. Побольше поплачешь, поменьше пописаешь.... Давай я тебя попричесываю.... Меня одна моя подруга, в Москве еще, когда я в «Доллсе» работала все время причесывала, когда я расстраивалась. Мне и легче становилось.... Видно, такая наша женская доля - вечно мучиться из-за мужиков этих, будь они трижды неладны! Ты уж мне поверь, не успеешь оглянуться - всё дерьмо уйдет, как дети в школу, и останется только хорошее.

Дарья Васильевна Корабленко нашла своего отца, когда ему было уже семьдесят пять лет, а ей самой за сорок.

Жизнь у нее сложилась благополучно. По крайней мере до сих пор жаловаться было не на что – у нее был прекрасный, добрый и заботливый муж и трое детей - мальчишек, было и дело, которое приносило ей радость и творческое удовольствие, в котором она была успешна и уважаема коллегами. Дети, слава Богу, радовали, хотя, теперь, у ее детей были уже свои семьи, а у Дарьи Васильевны - внуки, и она больше жизни обожала их всех.

Когда Даша заканчивала школу, мама рассказала своей младшей дочери, как в конце девяностых она рассталась с ее отцом. И отдала Даше его фотографии. Их было у нее не много – всего три старых снимка. тогда фотографии особенного впечатления на Дашу не произвели. Она как-то представляла себе папу другим, а на снимках был какой-то дурашливый и непутевого паренек. Мама тогда рассказала ей об этом своем романе, о решении больше не видеться, о том, что этому мальчику ни Машина мама, ни сама Даша совершенно не были нужны и мама решила не навязываться и не вступать в борьбу за это сомнительное сокровище.

Потом, через много лет, когда мама умерла, Дарья Васильевна еще раз наткнулась на эти фотографии. На этот раз она вглядывалась в старые карточки, и поняла: да! Это он. Ей удалось разглядеть в нем те черты, что каждый день рассматривала в зеркале, – это был ее папа, только очень молодой, совсем еще мальчик! Еще два года у нее ушло, чтобы собраться с духом, и, наконец, она получила всякими непростыми путями адрес и телефон своего отца, сведения о его семейном положении и еще кое-какую информацию. Вообще-то Дарья Васильевна сначала раздобыла список из пяти Корабленко Василиев Владимировичей, годов рождения от 1965 до 1973, и проживавших в конце двадцатого века в городе Москве. Возле каждого были некоторые общие сведения, и на одной строчке ее сердечко екнуло и сразу подсказало ей – вот он, папа, так и получилось, когда все выяснилось окончательно. Теперь Дарья Васильевна имела телефон своего отца и адрес, точнее два адреса, один в Москве, а другой далеко за городом, в какой-то деревне, которую и на карте-то Дарья Васильевна нашла с трудом. Но, как ей стало достоверно известно, именно в этой деревне и жил последние несколько лет ее отец. По телефону она сколько ни звонила дозвониться не могла, и хотя страшно было ехать в такую глухомань, но она решилась. Муж одну отпускать не хотел, даже сердился, но Дарья Васильевна сказала ему, что это только ее личное дело, и никто ей там больше не нужен. Было очень страшно увидеть какую-нибудь перекосившуюся избушку, и спившегося старика, который ее и не узнает... Она боялась, что в деревне его будет сложно найти, придется спрашивать у жителей, но такой необходимости не оказалось. Как только проселочная дорога вывернула из-за речки, Дарья Васильевна увидела дом своего отца, стоящий на реке одиноким замком. Ни секунды у неё не было сомнения, что именно здесь жил ее отец.

Собаки ее не тронули, и она тихонечко вошла. Прошла через прихожую, отметив про себя порядок и аккуратность во всем, и хотела уже зайти в следующую комнату, как со второго этажа кто-то крикнул, не очень, надо сказать, вежливым, но твердым таким, строгим голосом: «Кто там?!» Она постаралась успокоиться и открыла было рот, чтоб отвечать, но он уже вышел к ней сам. Перед ней появился мужчина, не сказать, даже что можно было вполне назвать его стариком. Он был, с бородой, закрывавшей половину лица, и опирался на палочку, но вовсе не жалко опирался, а, наоборот, внушительно и с достоинством, хотя и было во всей его фигуре что-то одутловатое, чувствовалась печать какого-то нездоровья, но жалеть такого человека вовсе не хотелось и было даже боязно от такой мысли. Увидев ее, отец остановился и начал в нее внимательно вглядываться, как бы пытаясь припомнить, затем предложил пройти, усадил в кресло перед неразожженным камином, полным старых угольев, сам остался стоять, и тогда еще раз спросил Дарью Васильевну:

- Чем обязан вашему визиту?

- Мне нужен Корабленко Василий Владимирович.

- Это я. Чем могу быть полезен?

- Вы помните Марину Дмитриевну Захарову?

- Конечно, а кем вы ей приходитеесь?... (Отчетливо выговаривая каждую букву этой фразы, он ужасно побледнел, и судя по всему, у него закружилась голова, потому что он медленно опустился на стул с высокой спинкой).

- Я ее дочь, младшая, ее и ваша, Василий Владимирович, у меня и фамилия ваша и отчество, вот мой паспорт, посмотрите... Он не смотрел ни на какой паспорт, а только на нее, он буквально впился глазами в Дарью Васильевну, и взгляд его стал как безумный.

- Вы... ты... ты... как тебя зовут?

- Даша...

- Даша, а сколько же тебе лет?

Он говорил очень тихо, казалось даже, что он задыхается, губы его были совершенно сухими, и Дарья Васильевна казалось, что её отец не все слова произносил вполне сознательно, они сами вырывались из него, и он только спохватывался, услышав свой голос.

- Я родилась в девяносто четвертом году, двадцать первого июня...

- Двадцать первое июня! А я всю жизнь этот день чувствовал... мне так плохо было в этот день... я чувствовал...

Она хотела говорить еще, но остановилась, его лицо покраснело его лицо, кровь ударила в голову пожилого человека, он перестал видеть на несколько секунд, зашумело в голове, но... на этот раз, вроде отпустило, он отдышался и попросил Дашу сходить на кухню за таблеткой от давления и стаканом воды, что она сделала так, словно, уже бывала в этом доме, и как будто откуда-то знала, что таблетки в угловом шкафу, стаканы над мойкой, а вода в смежной с кухней постирочной, в огромном чане с краником. Даша вернулась с таблеткой и стаканом, ему уже было лучше, хотя

отец и принял на всякий случай лекарство. Отдышавшись, он спросил ее о маме, Даша, ответила, как есть, что мама умерла два года назад от лейкоза.

Он сидел, положив на колени свои огромные руки, и смотрел на нее. Просто смотрел, как она пьет чай, и ничего не говорил.

Потом попросил рассказать о матери, и Дарья Васильевна начала с самого начала, он слушал, не перебивая, казалось, даже, что он был совершенно спокоен. Они перешли из кухни опять к камину, сели в кресла, так, что отец не смотрел на Дашу, а был к ней вполоборота, его взгляд устремлялся вниз и упирался в холодные, черные углы. Он слушал все, что ему рассказывала дочь, и смотрел в холодный камин, как люди смотрят, не отрываясь, на огонь. Она рассказывала долго, почти час. Он долго еще расспрашивал о ней самой, ее семье, и улыбался, когда она рассказывала, спросил нет ли фотографий внуков, у нее были, он смотрел на них и снова улыбался, а потом сказал только одну фразу: «Ничто не может остановить жизнь человеческую...».

Даша просила, чтобы он рассказал ей о себе, о своей жизни, а он ответил, что его жизнь прошла глупо и заурядно, рассказывать там не о чем. Еще говорил о своей радости, что нашлась его дочь, что она - его вторая дочь, и у нее есть замечательная сестра, и они даже, похожи. Сказал, что очень жалеет о своих отношениях с сыном, и попросил ее не судить его строго, когда придется с ним познакомиться. Потом отец сказал ей, что очень устал, и сейчас ему нужно сделать себе укол и хоть немного поспать, иначе он может невзначай умереть...

И через десять минут он уже сделал себе ТОТ укол, прежде взяв с каминной полки и зажав в руке маленького нефритового крокодильчика – подарок от своей внучки, наверное, чтобы не было так страшно...

19.10.2003.